

NYELVÉSZETI ÉS IRODALMI FOLYÓIRAT
JOURNAL OF LINGUISTICS AND LITERARY SCIENCES
ČASOPIS ZA JEZIKOSLOVJE IN LITERARNE VEDE
REVIJA JEZIČNIH I KNJIŽEVNIH STUDIJA
ЖУРНАЛ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

2018

S STUDIA 1-2
LAVICA 1-2
AVARIENSIA

STUDIA SLAVICA SAVARIENSIA

Szerkesztő bizottság:
Editorial Committee:

T.E. Avtuhovics (Belarusz), Janus Bańcerowski, Barics Ernő,
Embersics Erzsébet, A.A. Fausztov (Oroszország), Fresli Mihály,
Jankovics Mária, Marko Jesenšek (Szlovénia), Kocsis Mihály,
Kroó Katalin, Mijo Lončarić (Horvátország), Mersich Zsuzsanna,
V.E. Mojszejenko, V.M. Mokijenko (Oroszország), Molnár Angelika,
B.J. Norman (Belarusz), Nyomárkay István, Pozsgai István,
Szabó Tünde, Szőke Katalin, Jasmina Vojvodić (Horvátország)

Felelős szerkesztő:
Editor:
GADÁNYI KÁROLY

HU ISSN 1216-0016

A cikkeket a következő e-mail címre küldjék:
Articles should be sent to the following e-mail address:
studia.slavica.savariensia@gmail.com

**STUDIA
SLAVICA
SAVARIENSIA
1-2**

Szerkesztő:

Pozsgai István

A kötet gondozásában részt vett:

Merkliné Doncsecz Ibolya,
Mersich Zsuzsanna, Mojszejenko Viktor,
Skaperné Embersics Erzsébet

SZOMBATHELY
2018

Даниэль Банасяк¹
(Лодзь, Польша)

ОБРАЗ ПРИРОДЫ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ДАНИИЛА АНДРЕЕВА

Abstract: The article analyzes the poems of the cycles *Skvoz prirodu* and *Bosikom*, which are part of a complex structured *Russian gods* by Daniil Andreev. The work focuses on the main themes of the cycles – the unity of the poet with the nature of Russia. In poems conveyed a sense of spiritual freedom, that bring wandering without pragmatic goal. In the world of nature, the lyrical hero, the poet's alter ego acts as a true philosopher, who feels the presence of God. Nature is understood by him as God's Temple. Through deep insight into the nature the poet hears the revelation of the mystery of eternity and the cosmos. The world of nature is dynamic and harmonious at the same time.

Keywords: Daniil Andreev, *Russian gods*, poem, the image of nature, God, eternity, nature of Russia

Творчество Даниила Андреева, одной из самых загадочных и трагических фигур в истории русской литературы, мистики, философии можно отнести к т.н. «возвращенной литературе». Главными книгами писателя являются *Роза мира*, *Железная мистерия*, *Русские боги*. Две первые книги были завершены, последняя осталась не дописанной. В данной статье проанализируем стихотворения из «поэтического ансамбля» *Русские боги*, входящие в состав семнадцатой и восемнадцатой главы. Эти произведения посвящены теме природы.

Семнадцатая глава *Сквозь природу* включает цикл из двадцати трех стихотворений. В данном цикле доминирует тема природы в широком смысле слова – как сотворенного богом мира, как место обитания обычного человека. Теперь перейдем к анализу конкретных стихотворных текстов.

В стихотворении «*Порхают ли птицы, играют ли дети...*» на первый план выдвинуты онтологические темы. Лирический герой чувствует присутствие Бога в мире. Природа понимается им как Божий Храм: «Пронесятся звезды в мерцаньи и пеньи, / Поля запевают и рощи цветут, / И в этом, объемлющем землю, круженье / Я слышу: Ты рядом. Ты близко – вот тут. // ...*Вся жизнь – это танец творящего Бога, А мир – золотая одежда Его* (АНДРЕЕВ 2006а: 391).

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8087-8187>

В стихотворении *«Не о комбайнах...»* тема обозначена так: «О просветленье эти стихи». «Просветленье» – это умение видеть и слышать природу в ее гармонии и мудрости, это интуитивное постижение всего сущего, это единение человеческой души и духов стихий «Я погружу тебя в мягкие мхи, / В марево гроз и дрожащего зноя: / Веруй со мною! / Слушай со мною / Вечное (АНДРЕЕВ 2006а: 392).

Через глубокое проникновение в природу можно услышать откровения, прикоснуться к тайнам вечности и космоса. Лирический герой указывает на «созвучность» природных явлений. Мир природы динамичен и гармоничен одновременно «Все приоткроется завтра тебе. / Дивной созвучности, / мудрой способности / Их ощущать – / твое тело полно (АНДРЕЕВ 2006а: 392).

В стихотворении обозначены и подчеркнуты онтологические и познавательные элементы мира.

Стихотворение *Я люблю – не о спящей царевне...* показывает любовь лирического героя к деревне, людям, которые там живут «Я люблю – в босоногой деревне / Белобрысых ребят в пыли (АНДРЕЕВ 2006а: 393).

Лирический герой ценит непрехотливый быт деревни. Его умиляют «жеребята на тоненьких ножках», «воробьи над свежим навозом», ему нравится здоровая и полноценная еда («гречиха», «молоко», «сало»), его умиротворяет природа («пышно-тихие облака»). Лирический герой через восхваление природы восхваляет самого Бога-Творца, мысля себя верным сыном Его. Деревня в художественном мире представлена поэтом идиллически.

В поэтической вселенной Андреева особое место занимает образ рек: «бессмертные души рек... / Я причастен давно их раю» (АНДРЕЕВ 2006а: 393). В стихотворении *Вы, реки сонные...* поэт соотносит реки с бездонной душой России. Сама природа хранит память о сказочных богатырях земли русской, о «доблести» князя Игоря, о «чудном Спасе». Прошлое и настоящее, история и религия сливаются в едином потоке живой памяти: «В лесной глуши горя, / Не гаснет сказ / Про доблесть Игоря, / Про чудный Спас (АНДРЕЕВ 2006а: 393-394).

В стихотворении *Другие твердят о сегодняшнем дне...* Андреев определяет свою творческую позицию, которая отличается от распространенной среди современных Андрееву поэтов, занятых прославлением «сегодняшнего дня»: «Не заговорщик я, не бандит, – / Я вестник другого дня. / А тех, кто сегодняшнему кадит – / Достаточно без меня (АНДРЕЕВ 2006а: 395).

Обратим внимание на стих «Не заговорщик я, не бандит», который, на наш взгляд, семантически перекликается со строкой С. Есенина «Не злодей я и не грабил лесом» из стихотворения *Я обманывать себя не стану*, включенного в известный цикл *Москва кабацкая*. Эту перекличку можно считать интертекстуальной аллюзией. Оба поэта настаивают на своей отстраненности от сильных мира сего.

В андреевском стихотворении поэт-вестник в равной степени устремлен к познанию прошлого и настоящего, но главная его цель – будущее: «Про всенародное наше Вчера, / Про древность я говорю; / Про вечность; про эти вот вечера, / Про эту зарю (АНДРЕЕВ 2006а: 395).

Именно через постижение прошлого и настоящего поэт прозревает будущее – «солнечное, как бог», в котором хочет видеть истинный смысл человеческого бытия.

В следующем стихотворении *Древнее* Андреев как бы развивает одну из своих позиций, намеченных ранее: «Про древность я говорю». *Древнее* посвящено раскольникам (старообрядцам, приверженцам старой веры, вынужденным скрываться от преследований властей в самых глухих местах, зачастую абсолютно не тронутых цивилизацией). Для того, чтобы выжить, человек, с одной стороны, подчинялся законам природы, а с другой, тщательно их изучал, что давало ему власть над лесом. Человек становится «пастырем бора, его жрецом, его главой», воле человека «покоряются лесные божества» (АНДРЕЕВ 2006а: 396). Раскольники, скрывавшиеся в таежных лесах в течение двух веков смогли выжить только потому, что жили в полном соответствии, в гармонии с законами суровой природы. С «древностью» связано и следующее стихотворение *Таится дрёмный мир сказаний*. Здесь речь идет о «прозваньях старинных русских городов», таких, как Муром, Белозерск, Переяслав, Туров. В их названиях автор обнаруживает особую поэтическую этимологию: «О боре сказочном и хмуром, / О мухоморах в мягком мху / Услышишь память в слове *Муром*, / Приятном чуткому стиху. // Встает простор пустынный, пенный, / На побережьях – конский порск, / И город бедный, белостенный / Мне в прозвище *Белозерск*» (АНДРЕЕВ 2006а: 397).

В стихотворении *Когда несносен станет гам...* поэт переходит от «древности» к своему настоящему. Стихотворение посвящено друзьям – «семье Левенков» (т.е. семье П.П. Левенка, учителя рисования в городе Трубчевске). Автор воссоздает картину семейной идиллии, ему дороги старые патриархальные отношения в семье, почитание старших («Завидев, что явился ты – / Друг батюшки, знакомый дедушки, / Протянут влажные персты / Чуть-чуть робеющие девушки»), уважение, гостеприимство, «радушие», желание и умение вести беседу («Беседа потечет – естественна, / Как этот городок, проста, / Чистосердечна, благодейственна»). И здесь автора привлекает естественность, простота, чистосердечность человеческих отношений («Дом тих, гостей солидно слушая, / И ты, приятно говоря, /купаешься в реке радушия»). В центре «многочадной» семьи стоит «проста, как мать», хозяйка: «Хозяйка станет занимать / И проведет через гостиную, / Любовна и проста, как мать, / Приветна ясностью старинною» (АНДРЕЕВ 2006а: 398). Семья Левенков – это образец семьи, сохранившей старинные традиции. Она дорожит доброжелательной атмосферой и открытостью своего дома, где старые и малые имеют свои права и обязанности. Поэт, описывая «свой круг»

друзей, чувствует себя как дома. Он идеализирует деревню, маленькие «уютные городки», природу как миф естественного бытия, не искаженного городской цивилизацией.

В стихотворении *Манику* (согласно трактату *Раза мира*, Манику – «слой обитания мелких стихиялей: домовых, хранителей очага», (АНДРЕЕВ 2006б: 178) Андреев в юмористическом ключе продолжает развитие темы домашнего очага.

Начиная с одиннадцатого стихотворения *Стихалии Фальторы*, в цикл включается тема «преддверия Заветов будущего» (АНДРЕЕВ 2006а: 400), о тайнах которого поведает «Другому веку / Его вожди (АНДРЕЕВ 2006а: 401).

Будущее – это пока «семя, «вызревающее в борозде». Но уже сейчас поэт учит своих современников «вслушиваться в голоса ветров», вдумываться в мысли людей и пропускать все через «глубину» своего «сердца». И только тогда возникнет новый мир, «прошедший сквозь тебя и преображенный; / миф, рождающийся в миллионах сердец, / рассудком неуловимый; / лоно религии, еще не нашедшей / ни заповедей, ни пророков (АНДРЕЕВ 2006а: 412-413).

Будущий мир, к которому устремлен поэт всеми силами своей души будет мудрым, «как вековые камни великих народов» (АНДРЕЕВ 2006а: 413), добрым, «как тепло очага» (АНДРЕЕВ 2006а: 413), многолюдным и «веселым, как детские игры» (АНДРЕЕВ 2006а: 413).

В восемнадцатой главе – *Босиком*, представлен цикл из тридцати четырех стихотворений. Стихотворения этого цикла автобиографичны, так или иначе связаны с любовью поэта к странствиям, с его необычным навыком ходить босиком не только летом или весной, но даже зимой (ЧУКОВ 1997: 466).

Постоянными в цикле являются тема, мотив, хронотоп дороги. Дорога для поэта – это его песня, его судьба. В стихотворении *Как участь эта легка...* переполняющие его эмоции автор выражает обилием восклицательных знаков: «Мелькают межи, столбы, / Деревни у перелога... / Дорога! Песня-дорога! / Песня моей судьбы! (АНДРЕЕВ 2006а: 421).

В этом же стихотворении содержится и такой стих: «Дорога! Птица-дорога!», вызывающий ассоциацию с гоголевской птицей-тройкой – «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка несешься?» (ГОГОЛЬ 2002: 684). Ассоциативное сближение с Гоголем свидетельствует об общности: оба поэта были обеспокоены судьбами своей родины.

В стихотворении *Сколько рек в тиши лесного края...* содержится мотив воды, русских рек, очищающих, не только тело, но и душу человеческую. Вода выступает в сказочных функциях – «мертвой»: омывающей тело и «живой», восстанавливающей душу: «Как светло мне, как легко и щедро / Засмеялась ты и позвала, / В плавные, качающие недра / Жаждающее тело приняла. // Пот горячий с тела омывая, / Беззаботна, радостно-тиха, / Ты

душой своей, как реки рая, / Омывала душу от греха (АНДРЕЕВ 2006а: 424-425).

Мотив воды развивается также в стихотворении *Лиурна*. Заглавие отсылает к «миру стихиалей / Озер и рек», упомянутом Андреевым в *Розе мира* (АНДРЕЕВ 2006б: 345).

Только общение с природой во всех ее проявлениях и процесс движения способны доставить поэту мгновения невероятного счастья: «Мгновенья новые такого счастья, / Блуждая далями, / Найду ли где, / Как свет вливающегося сопричастия / Со стихиалями / В живой воде? (АНДРЕЕВ 2006а: 425).

Темы дороги, движения, и связанные с ними различные мотивы и коннотации: погони, бродяжества, ног, следов, пяток и т.д. присутствуют в каждом из тридцати четырех стихотворений цикла. Все произведения связаны с трубчевскими впечатлениями Андреева. Алла Андреева вспоминает, что «Летом он бывал под Москвой и в Крыму, но больше всего любил уезжать в Трубчевск» (АНДРЕЕВ 2006а: 10). Жена поэта утверждает, что Андреев «уходил в многодневные пешие путешествия, почти всегда один, босой, со скудным запасом немудреной еды... Ночевал в случайном стоге сена, в лесу, на мху» (АНДРЕЕВ 2006а: 10).

Первую поездку в Трубчевск Андреев совершает в августе 1930 г. В письме брату, В. Л. Андрееву, от 25 августа – 6 сентября 1930 г. так описывает этот район:

«Живу в глуши, в маленьком городишке Трубчевске, на реке Десне. Красота тут сказочная, и я только смотрю и слушаю. Очень далеко гуляю один. Жара, я черен как уголь. Был на лесных озерах, куда еще прилетают лебеди» (АНДРЕЕВ 2006с: 176).

Через год поэт снова едет отдыхать и странствовать по чудесным окрестностям города (АНДРЕЕВ 2006с: 489, а затем летом 1932 и 1936 гг. (АНДРЕЕВ 2006с: 491). В последний раз, совсем ненадолго, по свидетельству Л.П. Левенок, поэт приехал в Трубчевск в 1940 г. (АНДРЕЕВ 2006с: 192). Впечатления от этих мест стали для Андреева инспирацией для создания стихотворений, посвященных русской природе, понимаемой как мир просветленья.

Отличительной особенностью восемнадцатой главы является ее пронизанность юмором и шуткой. В первом же стихотворении цикла *Из иუმных, шустрых, нестрых слов...* присутствует и дорогая автору тема странничества (бродяжничества) и легкая авторская самоирония: «Ну что ж! В бродяжье божество / Любовно верить никого / Я не неволю, / Слоняюсь только да слежу / Сорок, стрижей, ручей, межу, / Курганы в поле (АНДРЕЕВ 2006а: 414).

Стихотворение *Ах, как весело разуться в день весенний!* насыщено живой радостью бытия, которая возникает от «благовония дороги» (корней, перегноя, травы). Поэту дорога непрехотливая сельская

картинка: по прохладной земле, только освободившейся от снежного покрова, «топают смеющиеся пятки» босых деревенских ребятишек.

В стихотворении *Лёвушка! Спрячь боевые медали...*, обращенном к историку, искусствоведу, другу и сокамернику Андреева – Льву Львовичу Ракову (1904 – 1970), поэт шутливо призывает: «К черту дела многоважные брось». Что может быть интереснее возрождения и обновления природы, когда обнажаются «древесные души»? Но этот высокий пафос моментально снижается за счет введения в текст шутливых разговорных реплик и интонаций: «Тебе лень шевелиться сегодня? Ладно. Я добр, – я тебя донесу» (АНДРЕЕВ 2006а: 416).

Поэт призывает: «Швырните ж обувь! Отриньте!» и далее почти серьезно, приводит в качестве аргументов примеры народов Индонезии, премудрой Индии, Абиссинии, Полинезии и, конечно, России, выпитывающих безбрежную силу земли «на босом ходу».

В следующем стихотворении «*Вот блаженство – ранью заревою*» описано невероятное удовольствие ходить босиком и чувствовать себя при этом «наперником и любовником первозданной силы бытия» (АНДРЕЕВ 2006а: 421).

В последнем стихотворении *Заключение* Андреев предстает как проникновенный лирик: «Много призван вместить ты, много, / Прост как голубь и мудр как змий, / Чтоб ложилась твоя дорога / В чистоте и в любви стихий» (АНДРЕЕВ 2006а: 442).

Итак, главные темы цикла – единение поэта с природой России, любовь к ее полям, лесам, рекам, озёрам, небу, солнцу. В стихотворениях передано ощущение необыкновенной духовной свободы, которую приносят скитания без прагматической цели.

Мир природы, где поэт выступает истинным философом открыт в вечность. Лирический герой чувствует присутствие Бога. Природа понимается им как Божий Храм. Через глубокое проникновение в природу поэт слышит откровения, тайны вечности и космоса. Мир природы динамичен и гармоничен одновременно. Мир будущего, к которому устремлен поэт всеми силами своей души должен быть мудрым, «как вековые камни великих народов» (АНДРЕЕВ 2006а: 413), добрым, «как тепло очага» (АНДРЕЕВ 2006а: 413), многолюдным и «веселым, как детские игры» (АНДРЕЕВ 2006а: 413).

Литература

- АНДРЕЕВ 2006а = АНДРЕЕВ Д.Л. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 1. Москва, 2006.
АНДРЕЕВ 2006б = АНДРЕЕВ Д.Л. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 3. Москва, 2006.
АНДРЕЕВ 2006с = АНДРЕЕВ Д.Л. Собрание сочинений: В 4 т. Т. 4. Москва, 2006.

ГОГОЛЬ 2002 = ГОГОЛЬ Н.В. *Сочинения*. Москва, 2002.

ЧУКОВ 1997 = ЧУКОВ Б.В. Из воспоминаний о Д. Л. Андрееве // Даниил Андреев. Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3, кн. 2. Москва, 1997.

Сагинтай Бердагулова
(Астана, Казахстан)

У ИРТЫШСКИХ ИСТОКОВ

Abstract: The article dedicated to the history of the Great Russian writer Feodor Dostoyevsky staying in Kazakhstan at 1854-1859 years. There are events of five years of the Dostoyevsky life in Kazakh Steppe, his creative revival, the Turkic origins of the Dostoyevsky ancestry and an analysis of historical data in this paper. The article author has used many original sources.

Keywords: Steppe, writer, soldier, Turkic

История Казахской степи богата событиями и именами. Огромные просторы в центре Евразии стали ареной исторических переплетений явлений, фактов, судеб. Здесь побывали многие выдающиеся ученые, исследователи, поэты, писатели.

В новое время одним из первых здесь побывал русский классик Александр Сергеевич Пушкин. Он посетил западный город Уральск в 1833 году, когда собирал материал к своей книге о восстании Пугачева. Чуть позже в Казахстане оказался политический ссыльный, польский дворянин из Белоруссии Адольф Янушкевич. В середине девятнадцатого столетия такая же судьба занесла сюда Тараса Шевченко, ставшего классиком украинской литературы.

Русский философ и всемирно известный романист Лев Толстой, принимавший неподалеку от казахских степей лечение кумысом, летом 1862 года три дня пробыл также в городе Уральске.

Особую страницу истории нашей страны, ее культуры и литературы занимает Федор Михайлович Достоевский. Русский писатель с древними тюркскими корнями, имя которого известно всему читающему человечеству, пожалуй, дольше всех, хоть и не по своей воле, прожил на казахской земле.

В 1854 году ссыльный русский литератор Ф.М. Достоевский, окончивший срок каторжных работ на территории западной Сибири, в Омском остроге (тюрьме), был зачислен рядовым в Седьмой сибирский линейный батальон, стоявший в Семипалатинске. Сейчас этот город на востоке Казахстана называется Семей.

Как написал позже местный журналист Габит Зулхаров, «будущий писатель Ф.М. Достоевский (1821-1881) за участие в молодежном тайном обществе, выступавшем за реформы российского самодержавного строя,

был приговорен, по «делу Петрашевского», к смертной казни (1849 г.), измененного позже на длительные каторжные работы, где он и побывал в солдатах. Правда и то, что последние пять лет репрессий и преследований Достоевский провел на солдатской службе в Семей» (Перевод с казахского языка – С.Б.) (ЗУЛХАРОВ: 39&ID=5097)

Но перед отправкой туда, после выхода из заключения он и его товарищ по несчастью Дуров провели почти месяц в городе Омск, в доме Константина Ивановича Иванова. Это был однокашник Ф.М. Достоевского по инженерному корпусу, который служил тогда в Омске адъютантом генерал-майора Бориславского – начальника инженеров Отдельного сибирского корпуса (ГРОМЫКО 1985: 56-57) Дорога в город Семипалатинск началась для Ф. Достоевского со знакомства в этом доме с одним из первых казахских просветителей и общественных деятелей, прямым потомком Чингисхана, внуком хана Абылая, Шоканом Уалихановым (ГРОМЫКО 1985: 60) (далее в тексте Чокан Уалиханов, по написанию того времени).

После, весной того же 1854 года на возу с пеньковым канатом Федор Достоевский выехал в воинские части. Есть образное описание этого пути у П. Косенко: «Из Омска в Семипалатинск по правому берегу Иртыша через станицы...едет счастливый человек... Через много лет, уже на исходе жизни, вспомнив дни этого санного пути, он назовет их самыми счастливыми днями своей жизни» (КОСЕНКО 1971: 4)

По прибытии в город, Федор Михайлович поделится первыми впечатлениями с братом Михаилом, называя в письме Семипалатинск полугородом-полудеревней, где всего лишь один магазин, одна аптека, одно начальное училище.

В то же время, чуть позже, 27 марта 1854 года, он пишет уже бодро и с интересом:

«Климат здесь довольно здоров. Здесь уже начало киргизской степи...Степь открытая. Лето длинное и горячее, зима короче, чем в Тобольске и в Омске, но суровая. Растительности решительно никакой, ни деревца – чистая степь. ...бор на сотни верст...Дичи тьма. Порядочно торгуют...Когда-нибудь я напишу тебе о Семипалатинске подробнее. Это стоит того» (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 178-179).

В биографии Федора Михайловича Достоевского Семипалатинск был городом перемен – он ждал амнистии, верил, что скоро сможет вернуться в Россию. С описания Семипалатинска начинается одно из самых известных его произведений «Записки из Мертвого дома»: «В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города...».

В его повести «Дядюшкин сон», события которой разворачиваются в этом же городке, дана похожая короткая характеристика.

Проживая в Семипалатинске, Ф. Достоевский поменял четыре адреса. Около месяца он жил в казармах с солдатами. Но потом по ходатайству

уже упомянутого однокашника К. Иванова ему, «солдату-петрашевцу, разрешили жить в Семипалатинске не в казарме, а отдельно, в частном доме.... Это чрезвычайно важное для Достоевского ходатайство, давшее ему возможность писать, было удовлетворено 20 ноября 1854 года» (ГРОМЫКО 1985: 62).

И он поселился в доме на окраине города: «Хата Достоевского находилась в самом безотрадном месте. Кругом пустырь, сыпучий песок, ни куста, ни дерева. Изба была бревенчатая, древняя, скривившаяся на один бок, без фундамента, вросшая в землю, и без единого окна наружу, ради опасения от грабителей и воров... У Достоевского была одна комната, довольно большая, но чрезвычайно низкая; в ней царствовал всегда полумрак. Бревенчатые стены были смазаны глиной и когда-то выбелены; вдоль двух стен шла широкая скамья. На стенах там и сям лубочные картинки, засаленные и засиженные мухами. У входа налево от дверей большая русская печь. За нею помещалась постель Федора Михайловича, столик и, вместо комода, простой дощатый ящик. Все это спальное помещение отделялось от прочего ситцевою перегородкою. За перегородкой в главном помещении стоял стол, маленькое в раме зеркальце. На окнах красовались горшки с геранью, и были занавески, вероятно когда-то красные. Вся комната была закопчена и так темна, что вечером с сальной свечою – стеариновые тогда были большою роскошью, а освещения керосином еще не существовало...» (ГРОМЫКО 1985: 62).

Но именно в этом городке, здесь, на казахской земле, Ф. Достоевский проведет пять лет своей жизни, о которых впоследствии скажет: «По крайней мере, жил, хоть страдал, да жил!» Начинаясь новый этап жизни Достоевского – ссылка и солдатская служба.

Семипалатинский период для писателя был временем тяжелой солдатчины: ежедневная муштра, тяготы службы. Осенью 1854 года в письме брату Андрею он писал: «Все лето я был так занят, что едва находил время спать (ДОСТОЕВСКИЙ 1985:182).

Позже, здесь же, Семипалатинске, Федор Ивановича повысили в воинском звании. Сначала до унтер-офицера, а потом - и до прапорщика. Так, приказ о производстве его в прапорщики в октябре 1856 года прислал Ф. Достоевскому его прежний семипалатинский знакомец Иванов (ГРОМЫКО 1985: 63).

Еще одну хорошую новость он получил также находясь в Казахстане - ему был возвращен дворянский титул. В мае 1857 года Ф.М. Достоевский «получил еще монаршею милость: возвращение прежнего потомственного дворянства (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 286).

Оба эти исторических факта: присвоение воинского звания и возврат наследственного титула были знаком дальнейшего восстановления гражданских прав Федора Достоевского, возвращения его статуса. Более

того, стали прологом к началу нового, важнейшего этапа в биографии Ф.М. Достоевского.

Более того, это также было время медленного и трудного возвращения не только к жизни, но и, после многих лет вынужденного молчания, к литературе.

«Выйдя из моей грустной каторги, я со счастьем и надеждой приехал сюда. Я походил на больного, который начинает выздоравливать после долгой болезни и, быв у смерти, еще сильнее чувствует наслаждение жить в первые дни выздоровления. Надежды было у меня много. Я хотел жить...» ... (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 201).

Сам факт активной переписки Федора Михайловича, жадные поиски общения, жизни на воле, весьма показательны для свободной, хоть и относительно свободной, жизни бывшего арестанта. За время пребывания здесь, за пять лет, он написал 60 писем, или по одному письму в месяц в среднем. По крайней мере, в полном собрании сочинений Ф.М. Достоевского они значатся с 91-го по 151-е (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 178-330). И это несмотря на тогдашние возможности доставки корреспонденции, которые подметил и сам писатель, «почта из Петербурга в Семипалатинск ходит обыкновенно 22 или 25 дней (между этими числами)» (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 313).

Годы, проведенные в Казахстане, – это время возвращения Достоевского к литературному труду. Самое главное - он снова мог заниматься своим любимым делом, писать: «На душе моей ясно. Вся будущность моя, и все, что я сделаю, у меня, как перед глазами. Я доволен своей жизнью» (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 301).

Через два года пребывания в казахском Семипалатинске еще более заметны оживление и надежды: «Теперь не так прежде, столько обделанного, столько обдуманного и такая энергия к письму!», писал Федор Михайлович в одном из своих посланий (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 214).

Но работа все же шла нелегко, много времени отнимала солдатская служба. Ф. Достоевский ненавидел муштру и смотры еще в Военно-инженерном училище. Ему опять пришлось надеть форменную одежду. «Солдатство не шутка, ... солдатская жизнь со всеми ее обязанностями солдата не совсем-то легка для человека с таким здоровьем и с такой отвычкой или, лучше сказать, с таким полным ничегонезнанием в подобных занятиях... Я не ропщу; это мой крест...».

Все это было для писателя тем более невыносимо, т.к. он «по складу его ума и по силе убеждений, не любил подчиняться какому бы там ни было авторитету...» (ВОЛГИН 1991:578).

Но, в Семипалатинске Федор Михайлович не только проходил «суровую школу невзгод». Именно здесь, в Казахстане, 34-летний писатель познакомился со своей будущей супругой М.И. Исаевой. Впервые в жизни он любил и был любим. И это очень важный феномен.

Известно, что творчество и жизнь Ф.М. Достоевского, как писателя мировой величины, изучены весьма подробно. И тут все исследователи сходятся во мнении, что за ним никогда не было замечено свойственное молодости увлечения барышнями. Современники Достоевского, а позже, и его вторая жена Анна Григорьевна объясняли это тем что, «он слишком рано начал жить умственной жизнью. Творчество всецело поглотило его, а потому личная жизнь отошла на второй план. Затем он всеми помыслами ушел в политическую историю, за которую так жестоко поплатился» (ВОЛГИН 1991: 534). Следовательно, это знакомство и последующая женитьба стали свидетельством мощных перемен, охвативших молодого человека.

В письме к брату Михаилу 9 марта 1857 года влюбленный Федор Достоевский не только выказывает психологическое оздоровление, но и приходит к следующему выводу:

«Удивительное дело, из тяжкого несчастья и опыта я вынес необыкновенную бодрость и самоуверенность (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 276).

Примечательно, что во второй половине лета Ф.М. Достоевский получил официальное разрешение на поездку в Змеиногорск, куда переехала Исаева. Слуга Врангеля финн по имени Адам сшил Ф. Достоевскому «партикулярное» платье – первую штатскую одежду, которую писатель, спустя шесть лет заключения и воинской службы, надел в Семипалатинске (КОСЕНКО 1971: 55).

О том, что он был вполне доволен переменами в личной жизни, Федор Михайлович пишет после свадьбы в письме от 31 августа 1857 года: «Живем мы понемногу и покамест не имеем причин жаловаться на судьбу (КОСЕНКО 1971: 286).

Именно здесь, на Иртыше познакомился и подружился Ф. Достоевский с интересными людьми. Среди многих, самыми теплыми оказались отношения с двумя молодыми людьми. Это были Александр Врангель, прокурор области, и Шокан Уалиханов, с которым он сдружился еще в Омске.

Наиболее частым было общение с бароном Врангелем. Оно оказалось очень полезным и для знакомства Достоевского с местными жителями, казахами. «По своим служебным обязанностям Врангель много ездил по степи. Он рассказывал молодому Достоевскому о жизни аулов, которой тот очень интересовался (даже Коран начал читать, чтобы понять мировоззрение мусульман), но пока мало знал» (КОСЕНКО 1971: 39).

Действительно, как следует из переписки, в первом, сразу после каторги, письме Ф.М. Достоевского брату Михаилу от 22 февраля 1854 г., зная, что ему ехать дальше, в Семипалатинск, на территорию Казахстана, он просит прислать ему книги и начинает список с Корана, посвящая ему отдельное предложение: «Пришли мне Коран» (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 172).

Новый друг Ф. Достоевского Александр Егорович Врангель рассказывал писателю о казахских обычаях, с которыми уже успел познакомиться сам, говорил, что «к русским властям казахи испытывают просто отвращение», и он приводил отрицательные примеры. Так, начальника губернского правления «откровеннейшего» взяточника Малосапожкова сам Ф.М. Достоевский прозвал «жареным скорпионом» (КОСЕНКО 1971: 40).

Как писатель и гуманист, он очень переживал, чувствуя ответственность за эту порочную практику. Он говорил: «Разумеется, жареные скорпионы - это не русский народ, но страшно подумать, что коренные жители степи по ним могут судить о нашем народе» (КОСЕНКО 1971: 40).

Тягостную картину дополнял волонтаризм самого главы Степного края. Генерал-губернатор Гасфорт додумался до того, что разработал проект новой религии для степняков. Мусульманство его не устраивало, православие же плохо вязалось с некоторыми обычаями Степи, например, с многоженством. Гасфорт задумал приспособить к местным условиям иудаизм (КОСЕНКО 1971: 48). Но затея эта была столь чудовищной, что даже царь был шокирован и отклонил проект.

Не только тонкий психологизм, но и человеколюбие Ф. Достоевского придавали его собственным поискам, размышлениям о природе явлений и о судьбах простых людей столь искреннюю глубину и сострадание.

Образование, воспитание, происхождение Федора Михайловича Достоевского сформировали в нем глубокое убеждение в особенности русского характера, его глубоком отличии от европейской культуры.

Он был уверен, что реформа, которую царь Петр 1, провел на Руси, «слишком дорого стоила: она разъединила нас с народом. С самого начала народ от нее отказался» (ГУРАЛЬНИК 1972: 435).

Потому что «Петр Великий, чтоб подавить аристократию бояр, ввел 14 классов, которые ... в себе все вмещают, а особенности и своеобразности русского народа и сил его мало признают, а потому и России вне Европы не признают, пишет Ф.М. Достоевский в 1880г. в письме к И.С. Аксакову. (ГУРАЛЬНИК 1972: 438).

Его «цивилизационные» убеждения были общеизвестны. Хотя он и считался «бессознательным славянофилом» (ГУРАЛЬНИК 1972: 434). При этом, не найдется ни одной более или менее солидной работы о Ф. Достоевском, в которой не отмечалась бы связь мировоззрения писателя с той или иной стороной славянофильской доктрины (ГУРАЛЬНИК 1972: 430).

И переоценка ценностей, которая сделала Ф.М. Достоевского в известном смысле союзником славянофилов, одним из адептов почвенничества..., произошла в сознании писателя... во время сибирской ссылки (ГУРАЛЬНИК 1972: 433). Континентальное мировоззрение

писателя, как жителя другого, отличного от европейского, мира, окончательно оформилось именно в казахской степи.

И как верно подмечено одним из исследователей: «С Достоевским случилось то же, что совершается вот уже более столетия со всеми нашими крупными писателями; все они начинали с того, что увлекались чужим, и все потом возвратились к своему... Так было с Карамзиным, Грибоедовым, Пушкин, Гоголем (ГУРАЛЬНИК 1972: 440-441).

Что же касается, семипалатинского друга Ф. Достоевского А.Е. Врангеля, то он с гордостью рассказывал, что сумел завоевать в аулах уважение и получил от казахов почтительное прозвище карасакала – чернобородого (КОСЕНКО 1971: 40).

Ф.М. Достоевскому были очень интересны описания знатока, он мечтал о времени, когда сам сможет выезжать в степь. Предполагали, что летом этого можно будет добиться. Пока же друзья бывали у степняков, осевших в городе: у купца Буката Аупаева, хозяина богатого, прочно построенного дома в Татарской слободе, у торгового представителя ташкентского бека Рахимбая Атанбаева (были у него даже на свадьбе его дочери). Много интересного о жизни Степи рассказывал и купец Степанов, у которого А. Е. Врангель снимал квартиру. Мать Степанова была казашка, она жила в доме сына. К ним часто наведывались гости из дальних аулов. (КОСЕНКО 1971: 40).

Впоследствии Федор Достоевский, научившись скакать верхом, стал выезжать в степь. Его очень интересовала жизнь людей в степном краю. С Врангелем они часто бывали на летовках, заводили разговоры с кочевниками. Скоро среди казахов у них завелись и друзья. Они несколько раз гостили в юртах богатых степняков Мендыбая и Тенибая... Гостей же удивляло, как знали их хозяева о событиях на самых дальних кочевьях. К удивлению русских, в разговоре принимали свободное участие и молодые жены хозяев. (КОСЕНКО 1971: 53).

Примечательно, что, несмотря на дружбу этих двух молодых людей, у них было разное восприятие жизни степняков. Один из них был сторонний наблюдатель, пришелец, другой – понимал местную жизнь изнутри. Как-то на замечание немецкого барона Врангеля, что этот народ (казахи - БСК) самой природой обречен оставаться на невысокой степени развития, Ф.М. Достоевский резко возразил... «Что же касается до народа, с которым мы теперь знакомимся, то одного такого человека, как омский офицер Валиханов, достаточно, чтобы доказать, что народ этот очень даже способен к самой высокой степени развития.» (КОСЕНКО 1971: 53-54).

Как раз вскоре в Семипалатинск в составе свиты генерал-губернатора (с.61) приехал и сам Валиханов. Он провел на даче Врангеля, где гостил Федор Достоевский, несколько дней.

Барона Врангеля, который только-только познакомился молодым представителем степной аристократии, поразили образованность Чокана

Валиханова, спокойное изящество его манер, и, главное, сильный и своеобразный ум. (КОСЕНКО 1971: 54).

Ч. Валиханов гостил в Казаковом саду как раз перед его поездкой, опасной поездкой в Ташкент и Коканд.

Несколько раз Ф.М. Достоевский встречался с ним в Семипалатинске. Русский писатель оценил высокие дарования своего нового друга: «...Не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине просвещенным ходатайством за нее у русских (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 249).

Общение двух великих людей было довольно тесным, периодически они виделись друг с другом, а также хорошо сохранилась их переписка. В письмах писатель очень почтительно и нежно обращался к другу «дорогой мой Вали-хан», как например, в знаменитом письме Ф.М. Достоевского к Валиханову от 14 декабря 1856 года (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 248-250).

Отлично знавший сибирское общество Чокан Валиханов познакомил писателя с местной интеллигенцией. Например, когда семьи приятеля Ф. Достоевского Ивановых уже не было в Омске, Чокан Валиханов оставался одним из звеньев, связующих Федора Михайловича с кругом декабристов. Молодой Валиханов был своим и в другом омском доме... Речь идет о доме старшей сестры известного русского химика, автора небезызвестной периодической таблицы элементов Д.И. Менделеева, Екатерины Ивановны, в замужестве – Капустиной (ГРОМЫКО 1985: 153). Летом 1859 года Чокан Валиханов ввел в дом Капустиных Федора Достоевского (ГРОМЫКО 1985: 155).

По определению другого нашего земляка и известного этнографа Г.Н. Потанина, в доме у Капустиных собиралась «лучшая омская молодежь», (ГРОМЫКО 1985: 154).

Последняя семипалатинская встреча друзей состоялась в апреле 1859-го. По пути из города Верного (современный Алматы) в Омск Ч. Валиханов бывал постоянным гостем в домике на Крепостной улице, где жил Ф. Достоевский (КОСЕНКО 1971: 121).

После недолгого расставания, летом того же года товарищи встречаются уже в Омске. Знаменитый снимок, где они сфотографировались вдвоем, был сделан тогда же (КОСЕНКО 1971: 122-124).

Столь тесная дружба объяснялась, разумеется, принадлежностью к единому кругу высокообразованных людей тогдашней Сибири, людей с благородными гражданскими идеалами и честью. На особую симпатию и родство душ, установившиеся между ними, когда Федор Михайлович называл Ч. Валиханова «больше, чем братом», возможно, повлияло и происхождение Ф. Достоевского, его тюркские корни.

Как следует из источников, одним из далеких предков знаменитого писателя Ф.М. Достоевского был Аслан-Челеби-мурза, выехавший из Золотой Орды в 1389 году с 30 татарами своего знамени к московскому князю Дмитрию Донскому (РОДОСЛОВНЫЕ РАЗВЕДКИ 1912: 284-285).

Крещенный в православии под именем Прокопия, фамилию новый подданный получил по названию реки – Иртыш, откуда он пришел. И вдоль которой кочевали родичи-кипчаки. Ертис (Иртыш), Ертисчи, иртищеи, то есть - пришельцы с Иртыша (РОДОСЛОВНЫЕ РАЗВЕДКИ 1912: 284-285).

Так на Руси появился старинный род татарских князей Иртищевых, давших в одной из своих ветвей боярскую фамилию Ртищевых. (О ПРОИСХОЖДЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО).

Родоначальником древнего рода считается сын Прокопия Лев Ртищев (то есть, сын Аслана-Челеби мурзы). За долгую и добрую службу представители этой фамилии не раз получали от государей поместья и звания. (О ПРОИСХОЖДЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО)

Согласно источникам, в 1506 году один из его потомков, Данила Иванович Ртищев (Ртищевич, Иртищ, Иртищевич, Артищевич) получил от пинского князя Федора Ивановича Ярославича жалованную грамоту на имение Полкотичи и на часть села Достоева в Пинском повете (уезд), к северо-востоку от Пинска (современная Беларусь). После этого он, его сыновья Иван и Семен Даниловичи и их потомки стали носить фамилию Достоевских.

В 1572 году второй сын Ивана Даниловича, Федор Иванович Достоевский, землевладелец Пинского уезда, поселяется на Волини вместе с князем А.М. Курбским, который называет его своим "уполномоченным приятелем" (польский юридический термин должности) (ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ 1993). С XVII века в Литве, в Минской области, в районе Пинских болот находилось имение шляхетской фамилии Достоевских Dostojewo, принадлежавшее польскому гербу Радван.

Потомство прародителя, этого первого Федора Ивановича Достоевского утвердилось на Волини и положило начало той ветви Достоевских, поселившихся в соседней Подолии, из которой вышел и знаменитый писатель Ф.М. Достоевский (ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКОГО 1933).

Многочисленные потомки знатного татарского рода Ртищевых в течение всей его истории имели высокие государственные чины и были приближенными русских правителей.

Так, Михаил Алексеевич Ртищев был воеводой, и при царе Алексее Михайловиче был пожалован в постельничие и окольничие, управлял приказом новой чети (1651-1654).

Его сын, Федор Михайлович большой был окольничим, а Федор Михайлович меньшей – чашником и стольником (в 1663 г.).

Другой представитель семьи Григорий Иванович Ртищев в 1671 г. был думным дворянином.

Генерал от инфантерии Николай Федорович Ртищев (в 1835 г.) был сенатором, в 1811-1813 гг. управлял Кавказской и Астраханской губерниями и был главнокомандующим в Грузии (ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКОГО 1933).

Бояре, сохранившие принадлежность к древней «Иртышской» фамилии, и сами создавали новую топонимику, были весьма известны на Руси. Так, уже упомянутый окольный царя Алексея Михайловича, в 1666 году боярин Федор Михайлович Ртищев (1626-1673) основал в междуречье хопёрских притоков Ольшанки и Изнаира, на берегу речки Ольшанки село Покровское, получившее в 1723 году название по фамилии владевших им бояр Ртищевых (ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКОГО 1933).

Это село Ртищево входило в состав Сердобского уезда сначала Казанской, затем – Астраханской губерний, а с 1780 года – Саратовского наместничества (с 1797 года – Саратовской губернии).

В 1870-1871 годах в полутора верстах южнее села Ртищево пролегла железная дорога Тамбов-Саратов. Вскоре возник пристанционный поселок, который после постройки в 1891-1895 годах новой ветки Рязано-Уральской железной дороги (РУЖД) стал крупный сортировочным узловым пунктом РУЖД.

На этой станции Ртищево еще в 1899 году, впервые в России, была построена сортировочная горка.

В 1920 году железнодорожная станция Ртищево получила статус города, который, при создании в 1928 году Нижневолжского края, стал центром Ртищевского района Балашовского округа.

В новейшее время, в 1997 году было создано объединенное муниципальное образование Ртищевского района, включавшее в себя город Ртищево и 96 сельских населенных пунктов.

Интересно, что и в настоящее время, символизируя историческую преемственность, герб города Ртищева и Ртищевского района Саратовской губернии Российской Федерации сохраняет связь с фамильным гербом его основателей.

Общеизвестно, что дворянский герб на Руси есть символ знатной фамилии и их имений. Таковым протяжении сотен лет был и герб рода Ртищевых.

Древние тюрко-мусульманские корни и боярская родословная предков Федора Михайловича Достоевского отражены в содержании фамильного герба Ртищевых.

На щите, имеющим красное поле, между Полумесяцем и шестиконечной звездой, изображены две серебряные скрещенные сабли и стрела, летящая вниз к серебряной подкове, обращённой шипами вверх. Щит увенчан дворянским шлемом с дворянской на нём короной. Намёт щита красный, подложен серебром. Щит держат два вооружённых татарина (ОБЩИЙ ГЕРБОВНИК). После распада СССР в России начали восстанавливать старинную геральдику. Тогда же был разработан герб Ртищевского района, принятый 1 августа 2001 года решением № 8-57 Собрания объединенного муниципального образования Ртищевского района и внесенный в Государственный геральдический регистр Российской Федерации под № 789 с официальным описанием:

"В зелёном поле две серебряные сабли накрест и поверх них стрела того же металла, остриями вниз, и вокруг них свитый серебряный и чёрный шнур, уложенный в цикламор и накрытый в оконечности опрокинутой серебряной подковой".

То есть, на современном гербе города сохранены некоторые элементы, а именно сабли, стрела и подкова, из герба рода Ртищевых (ОБЩИЙ ГЕРБОВНИК).

Интересно, что, оказавшись на Иртыше, Федор Михайлович Достоевский постоянно вспоминал об этом и даже занимался поисками генеалогического характера, не скрывал от местных друзей своего горячего желания изучить те факты, которые могли ему предоставить степняки.

Сохранились свидетельства подобных поисков. Во время поездки Ф. Достоевского в Павлодарский уезд, в ожидании смены почтовых лошадей, он нанял казахскую подводу и поехал по проселку через правобережную полосу пахотных земель. За день добравшись до большого пресного озера Маралды, Ф.М. Достоевский посетил аулы, расположенные поблизости от озера. Там у него состоялись беседы с аксакалами. Поглядывая в свои записи, он задавал вопросы, и

старейшины объясняли приезжему все хитросплетения степных родословных отношений...». Как знать, возможно, не только писательский интерес, но и некое ощущение космической связи с теми его далекими предками, обитателями кипчакских земель на берегах Иртыша, вели его в казахской степи.

По окончании срока службы Достоевский уезжает в Россию. Известен приказ от 29 апреля 1859 года за №46, где говорится: «Высочайшим его императорского величества приказом, последовавшим в 18 день марта, увольняется от службы Сибирского линейного батальона №7 прапорщик Достоевский, за болезнью, подпоручиком». Летом 1859 года, Федору Достоевскому был выдан временный билет на проезд до г. Твери. Так завершилось пребывание выдающегося русского писателя Федора Михайловича Достоевского на казахской земле.

Несмотря на то, что самые знаменитые произведения Ф.М. Достоевский написал позже, все же представляется, что казахский период его жизни был весьма важен для творчества.

Переходное время, творческий кризис, «второе начало» – так обычно характеризуют сибирский период творчества писателя Достоевского.... Но справедливо подчеркнуть и другое, может быть самое главное. «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково.», начало «Мертвого дома», замыслы романов, повестей, рассказов, публицистических статей, процесс интенсивной переоценки ценностей – это все сибирский период творчества Ф.М. Достоевского, составившего в это время величественную программу деятельности на десятилетия вперед (ТУНИМАНОВ 1980: 66).

«Мнение о жизни Федора Михайловича в Омске и Семипалатинске, как не заслуживающей большого внимания, опровергнуто, в сущности, уже самим Достоевским, неоднократно писавшем о формировании важных литературных замыслов в это время. (ГРОМЫКО 1985: 3) Установлено, что за эти пять лет в Семипалатинске были написаны: «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон». Здесь же обдумывались «Записки из Мертвого дома». К концу 1855 - началу 1856 года относятся первые наброски книги (Записки из Мертвого дома-С.Б.), у которой еще нет ни названия, ни плана. Они не сохранились и известны только по письму к поэту А.Н. Майкову... (ТУНИМАНОВ 1980: 68).

Особенный интерес представляет для нас восприятие Ф. Достоевским степного региона, его жителей, какое отражение оно нашло в творчестве писателя.

Во-первых, в письмах Ф.М. Достоевского удивительна почтительная заглавная буква в слове Степь.

Во-вторых, о Степи и ее обитателях он трижды говорит в своих произведениях. Впервые – в «Записках из Мертвого дома»: «...сморишь, бывало, в этот необъятный пустынный простор...все для меня было тут мило: и яркое горячее солнце на бездонном синем небе, и далекая песня киргиза...».

В хрестоматийном романе «Преступление и наказание» - «с высокого берега открывалась широкая окрестность... Там, в облитой солнцем необозримой степи...там была свобода....

Наконец, в романе «Игрок» вспоминает о Степи «...А я лучше захочу всю жить прокочевать в киргизской палатке, ...чем поклоняться немецкому идолу. Какому идолу? Немецкому способу накопления богатств...» (КОСЕНКО 1971: 61-62).

В-третьих, пять лет пребывания Ф.М. Достоевского на казахской земле – это время позитивных перемен. В период с 1854 по 1859 годы многое в жизни Ф. Достоевского происходит впервые:

1. он превратился из арестанта в вольного человека,
2. дважды был повышен в воинском звании: от солдата до прапорщика и подпоручика перед отставкой,
3. ему было позволено не жить в казарме, а снимать жильё,
4. ему вернули дворянское достоинство,
5. он женился на любимой женщине и обрел семью,
6. научился скакать на лошади.

В-четвертых, не менее значимыми для будущих литературных успехов были растущая внутренняя раскованность и вызревание литературного дара. В Семипалатинске, на берегах Иртыша, Ф.М. Достоевский

1. подружился с Чоканом Валихановым,
2. узнал о жизни Степи и казахов,
3. написал известные повести «Село Степанчиково», «Дядюшкин сон»,
4. задумал и начал писать «Записки из Мертвого дома»,
5. начал активную переписку с издателями его трудов.

Много позже, вспоминая об этом отрезке жизни, он напишет: «Я был очень счастлив» (ДОСТОЕВСКИЙ 1985: 201).

В современном Казахстане весьма почитают творчество Федора Михайловича Достоевского. Центром памяти великого писателя является целый музейный комплекс, расположенный в доме, где жил писатель, естественно, на улице Ф.М. Достоевского в современном городе Семей.

Среди музеев мира, посвященных великому русскому писателю, казахский музей на Иртышских берегах признан уникальным и наиболее полным. Он открылся даже раньше, чем в его родном Петербурге и является единственным «зарубежным» музеем великого писателя.

Литература

- ВОЛГИН 1991 = ВОЛГИН И.Л. Родиться в России... Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991.
- ВОЛОЦКОЙ 1933 = ВОЛОЦКОЙ М.В. Хроника рода Достоевского. М., 1933. (47) Ртищевы // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 томах (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890-1907.

- ГРОМЫКО 1985 = ГРОМЫКО М.М. Сибирские знакомые и друзья Ф.М. Достоевского. Новосибирск: Наука, 1985.
- ГУРАЛЬНИК 1972 = ГУРАЛЬНИК У.А. Достоевский, славянофилы и «почвенничество» // Достоевский – художник и мыслитель. Сборник статей. М.: Художественная литература, 1972.
- ЗУЛХАРОВ 1997 = ЗҮЛХАРОВ Г. Аягөзге Достоевскийден келген хат. (Электронный ресурс) Режим доступа: http://archive.turkystan.kz/page.php?page_id=39&id=5097
- ДОСТОЕВСКИЙ 1985 = ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. Полное собрание сочинений. Т.28. Письма 1832-1859. Л.: Наука, 1985.
- КОСЕНКО 1971 = КОСЕНКО П. Иртыш и Нева. Алма-Ата: Жазушы, 1971.
- ЛЕТОПИСЬ ЖИЗНИ 1993 = Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 1. СПб, 1993.
- ОБЩИЙ ГЕРБОВНИК = Общий гербовник дворянских родов Российской империи. Ч. 3. <http://heraldicum.ru/russia/subjects/towns/rtisevo.htm>
- О ПРОИСХОЖДЕНИИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО = О происхождении Ф.М. Достоевского (из родословной семьи) // <http://genealogia.baltwillinfo.com/genealogy-dostojevsky.htm>
- РОДОСЛОВНЫЕ РАЗВЕДКИ 1912 = Родословные разведки. Т.1. СПб., 1912.
- ТУНИМАНОВ 1980 = ТУНИМАНОВ В.А. Творчество Достоевского 1854-1862. Ленинград: Наука, 1980.

Андрей Н. Безруков¹
(Бирск, Россия)

О РЕЛЕВАНТНОМ ХАРАКТЕРЕ ПОЭМЫ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА
«МОСКВА – ПЕТУШКИ»

Abstract: The article analyzes the poem Ven. Erofeev “Moscow – Petushki” in terms of receptive criticism. The conclusions allow us to fix the relevant character of the postmodernist text.

Keywords: postmodern text, receptive criticism, Venedikt Erofeev, semantic matrix, horizon of readers' expectations

Обозначенная в заголовке тема, интересна и актуальна, прежде всего, спектральной онтологической природой постмодернистского конструкта. В работе осуществлен анализ поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» с позиций рецептивной эстетики и принципов герменевтики. Немаловажна при оценке текста и его функциональная составляющая, ибо факторы социальной причинности ориентируют потенциальных читателей на выявление новых еще не обозначенных смыслов, таким образом, поэма обладает явным релевантным характером относительно современности. Внимание на текст «Москвы – Петушков» сосредоточено практически с момента ее написания в формате самиздата. Венедикт Ерофеев мастер языковой игры, мастер стилистический огранки, универсал интеллектуального диалога. Сложение в единый текст разнородных на первый взгляд культурных пластов есть и уникальная процедура созидания, и методологическая подсказка для объективного прочтения произведения. Рецепция постмодернистского текста позволяет предположить его релевантный характер, который в свою очередь обеспечивает расширение смысловой матрицы в перспективе горизонта читательских ожиданий. Следовательно, статья ориентирует на а) факторы изучения истории русской литературы на базе поэмы «Москва – Петушки»; б) объективацию и верификацию специфики творчества Венедикта Ерофеева как одного из ведущих представителей русского постмодернизма; в) конкретизацию ряда понятий и концептов теории литературы; г) практическую реализацию принципов рецептивной методологии на примере частного эстетического конструкта.

¹ ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0001-7505-3711>

1. Декодирование постмодернистского конструкта. Литературные параллели, интертекстуальные связи, наличествующие логические структуры, целостные композиционные ряды, присущие художественному тексту как единому высказыванию перспективно открывают перед читателем магистраль адекватно видимых, вербализованных авторских истин. Дистанцированность читателя относительно позиции и фигуры автора регулируется общим кругом, который очерчен формульной, литературно-эстетической игрой. Природа повествовательного текста моделируется множественностью языковых комбинаций – допустимых, косвенных, смежных, прямых или сокрытых. Автор самим текстом как некоей культурной провокацией создает полярность узнаваемых для реципиента истин, объективированных для читателя смыслов. Таким образом, декодирование эстетического объекта становится сверхзадачей реципиента, ибо верификация текстовых смыслов позволяет наличной знаковой структуре продолжить его существование в историко-культурной перспективе.

Методы рецептивной критики (см., в частности, работы ISER 1978; FISH 1980; JAUSS 1982; ШЛЕЙЕРМАХЕР 2004; БОГИН 2001; ТЮПА 2017), структурной семантики (ГРЕЙМАС 2004; СТЕПАНОВ 1998; ЧЕРНЕЙКО 2017), а также когнитивной поэтики (STOCKWELL 2002; ЛОЗИНСКАЯ 2007; TSUR 2008), на наш взгляд, является наиболее продуктивными и актуальными для дешифровки постмодернистского текста. При подобном анализе срабатывает и вскрывается весь художественный корпус: это язык, сюжетный и образный ряд, композиция текста, парадигма эстетических смыслов. Не случайно говорится, что «задача когнитивной поэтики – показать связь между структурными характеристиками текста и его воздействием на читателя» (ЛОЗИНСКАЯ 2007: 9-10). В статье дана характеристика поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» как произведения, не потерявшего своей актуальности для современного читателя. При этом отмечается особая кодификация авторского языка, вбирающего в себя весь основной базис культурно-исторической парадигмы, ведь «язык есть нечто бесконечное, ибо всякий элемент в нем особым образом определяем посредством прочих» (ШЛЕЙЕРМАХЕР 2004: 48). Следует отметить, что Вен. Ерофеев один из первых русских писателей-постмодернистов уловил доминанты новой поэтики, нового типа мышления. Авторы, идущие вослед – Виктор Ерофеев, Саша Соколов, Владимир Сорокин, Татьяна Толстая, Виктор Пелевин – универсальность языка, его коннотативный запас, специфику рецепции и толкования делают магистралью письма/чтения.

1.1. Вариативность трактовки художественного текста. При характеристике эстетического конструкта достаточно часто высказывается мысль о том, что «наиболее существенны для изучения

литературы исследования художественного времени: времени, как оно воспроизводится в литературных произведениях, времени как художественного фактора литературы» (ЛИХАЧЕВ 2001: 6). Исходя из этого утверждения, безусловно, его не отрицая, но, усиливая, я считаю важным высказать ряд уточняющих позиций относительно верификации смысла поэмы «Москва – Петушки», которые дополняют общую критическую оценку этого произведения.

Механизм трактовки художественного произведения с каждой исторической эпохой становится все сложнее и многограннее. Если античный мир требовал догматики смысла, эпоха классицизма вводила нормативность как прием, то современная действительность дает исследователю некий вариант разнообразия манифестации и трактовки истины. Временная дистанция, которая принципиально влияет на мнение о тексте к концу XX века, открывает реципиенту так называемый феномен прочтения, срабатывает модель оценки «традиция – текст – читатель». Понимание текста практически всегда предопределено забегающим вперед движением к «предпониманию»: «понять означает прежде всего понять само дело и лишь во вторую очередь – выделить и понять чужое мнение в качестве такового. Наипервейшим из всех герменевтических условий остается, таким образом, предпонимание...» (ГАДАМЕР 1988: 349). Авторский приоритет в данном механизме оценки текста безыменен. Устроитель конструкции – вводимое лицо – он имманентно связан с традицией, принципиально зависит от нее. Продуктивный характер художественного произведения метафизически должен подвести сознание воспринимающего к надежно-закрепленной смысловой точке, но на практике, в частности в ключе дискурсивной постмодернистской игры, дело обстоит несколько иначе: «весь слой эмпирической эффективности, т.е. всей фактической речи... принадлежит указанию, которое оказывается еще более обширным, чем мы себе представляли. Эффективность, все события дискурса, указательны не только потому, что они находятся в мире, но также и потому, что они сохраняют в себе что-то от природы безвольной ассоциации» (ДЕРРИДА 1999: 50). Поэма Венедикта Ерофеева является авторским экспериментом над *уже сказанным*, практически весь текст есть пастиш, авторский дискурс, прецедент. В связи с этим стоит выделить тезис А.-Ж. Греймаса о том, что «металингвистическое функционирование дискурса, постоянно возвращающегося к самому себе и при этом последовательно переходящего с одного уровня на другой, наводит на мысль о колебательном движении между распространением и уплотнением, определением и наименованием» (ГРЕЙМАС 2004: 108). Следовательно, автор ориентирует на подобие такой игры и самого читателя, далее читателя уже как со-участника творческого процесса.

Хотелось бы отметить, что литературные игры эпохи деконструкции, постструктурализма, постмодернизма в теоретическом плане

феноменологически сложны. Явления художественного плана, так называемый ракурс прекрасного, выходят за грань только лишь эстетического восприятия. Как отмечается, «художественный смысл актуализируется читательским сознанием как взаимодополнительным по отношению к авторскому сознанию, манифестированному в тексте» (ТЮПА 2017: 221). Текст как бы срабатывает на современность, потенциальный читатель укладывает постмодернистский конструкт в новые обстоятельства. Подобие такой версии смысловой разверстки реализован и в «Москве – Петушках» Вен. Ерофеева. Данный текст необычайно *нов, креативен, актуален, релятивен*. Приращение смыслов, как необходимых доминант происходит волей естественного языка, поэтического случая. Аппелляция к мифологической форме, археологии знаний, бытийной сущности вещей, письму как сфере существования, следу, грани организуют для Вен. Ерофеева новую систему *письма/чтения*. Комбинаторика внешнего – оформляет внутреннюю суть мысли, идейная сущность корректируется структурными приметам (жанр, композиция, каталог, путешествие, травелог, аллюзии, реминисценции). Как таковой авторский конструкт уже зависит не столько от заданной позиции, сколько от про/позиционных интенций.

Уклончивый смысл «Москвы – Петушков» – вот перспектива постижения социального характера текста, политической аллюзии, утопического идеализма, фоноцентрической модели, лингвистической парадигмы, культурного феномена, и, наконец, философской структуры. Играя знаками культурной идентичности, Венедикт Ерофеев конфигурирует для читателя эстетическую загадку. Ряд работ по самому тексту поэмы часто анонсировал версию раскрытия смысла, но, следует признать как данность, сделать этого не получалось. Вообще «произведение искусства как ценностно упорядоченный воображенный мир представляет собой ментальный аналог мира природно-исторического» (ТЮПА 2017: 221). Не только сам автор улавливает перспективные приметы дальнейшего чтения, векторы и пути декодирования художественной реальности, сама языковая ткань срабатывает постоянно по-новому, отрывается от времени создания наличной структуры. Не удастся консолидировать мысль на чем-то одном, дифракция, спектр смыслов поистине многогранен. Таким образом, смещение, сложение смысла дает возможность читателю не заикнуться собственно себя на «я – читателе», а развернуть текстовое полотно в объемную сферу позиций отрицания, принятия, согласия, несогласия, удовольствия, работы.

2. Поэтика несоответствий в «Москве – Петушках». Исследовательская искомая комбинация, которая разворачивается посредством поэмого текста, уловима лишь в случае столкновения мнений. Обмен информационных полей в данном случае становится

возможен как версия, случай. В наррации Вен. Ерофеева многое, что является знаковым и неслучайным, хотя бессознательный характер при этом явно уловим. Следует внимательно осмыслить фразу Юрия Степанова, при дальнейшей трактовке взаимосвязанностей внутри ерофеевского текста: «в условиях знаковой ситуации знак имеет тенденцию отождествляться со способом производства знака, причем эта тенденция усиливается по мере возрастания абстрактности семиотической системы» (СТЕПАНОВ 1998: 141). В поэме «Москва – Петушки» созданной в русле новой системы ценностей можно выделить ряд таких контаминаций. *Случай с героем*, точнее его метафизический вариант, устанавливает общий приоритет ценностных смыслов. Автор уклончив в выборе пространства – «*площадь, Кремль*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 23), «*вокзал*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 25), «*Москва*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 23), «*вагон электрички*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 34-152), «*Петушки*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 152-164), «*неизвестный подъезд*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 164-166). Центричность, и одновременно с этим *ризома формы* бытия штриховкой наносят перспективность кадра, для автора создать видимость, условность становится неким необходимым для верификации истины. Изначально это происходит со скриптором, далее – с читателем. При этом необходимо совместить разность культурных полюсов: современность, архаика, будущее, социальные катаклизмы XX века, библейское время, время вечности. Уловимые *черты библейской поэтики*, часто цитируемые мотивные уровни лишь повод для разговора. Автор воспроизводит некий доверительный диалог мнений, в котором ассоциативная правка становится ведущим принципом. Звеньевой состав ассоциаций, по принципу которых выстроен весь текст поэмы – уникален. Именно он строго формирует мысль, вводит читателя в поле игры, задает параметры, устанавливает актуальные правила чтения. Установление нового, иного принципа письма/чтения – вот к чему должен быть приближен читатель. В данном случае *модель интертекстуального членения* выглядит весьма нарочито. Ориентир получен, фазис же эстетического читательского страдания сферически лишь уловим. Проработка языка для Венедикта Ерофеева дифференцирована точно. Это и ассоциативный ряд: «*Все говорят: Кремль, Кремль. Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 23), «*О, тцета! О, эфемерность! О, самое бессильное и позорное время в жизни моего народа – время от рассвета до открытия магазинов! Сколько лишних седин оно вплело во всех нас, в бездомных и тоскующих иштенов!*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 25), «*Зато у моего народа – какие глаза! Они постоянно навывкате, но – никакого напряжения в них. Полное отсутствие всякого смысла – но зато какая мощь! (Какая духовная мощь!) Эти глаза не продадут. Ничего не продадут и ничего не купят*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 37); и аллюзии, намеки: «*Все смешалось, чтобы начаться...*» (ЕРОФЕЕВ 2001: 64), «*Один приятель был у меня, я его никогда не забуду. Он и всегда-то был какой-*

то одержимый, а тут не иначе как бес в него вошел. Он помешался...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 98); и парафразы: «У нас тут прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 98), «я плюнул, сжег свои рукописи...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 112); и реминисценции: «Тут я сразу должен оговориться, перед лицом совести всего человечества я должен сказать: я с самого начала был противником этой авантюры, бесплодной как смоковница. (Прекрасно сказано: «бесплодной как смоковница».) Я с самого начала говорил, что революция достигает чего-нибудь нужного, если совершается в сердцах, а не в стогнах» (ЕРОФЕЕВ 2001: 123), «Мне нравится мой народ» (ЕРОФЕЕВ 2001: 37), «Я остаюсь внизу, и снизу плюю на всю вашу общественную лестницу. Да. На каждую ступеньку лестницы – по плевку» (ЕРОФЕЕВ 2001: 50), «Если хочешь иди налево, Веничка, – иди налево. Если хочешь направо – иди направо. Все равно тебе некуда идти. Так что уж лучше иди вперед, куда глаза глядят...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 157), «Вот так и теперь небесные ангелы надо мной смеялись. Они смеялись, а Бог молчал... А этих четверых я уже видел – они подымались с последнего этажа... все четверо, подымались босые и обувь держали в руках...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 165-166); и собственно цитация: «О-о-о, для чего тобой я околдо-о-ван... Не отверга-а-ай!» (ЕРОФЕЕВ 2001: 28), «Раздели со мной трапезу, Господи!» (ЕРОФЕЕВ 2001: 36), «Там та-ки-е милые, смешные чер-те-нят-ки цапали-царапали-кусали мне жи-во-тик...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 59), «личностью, стоящей над законом и пороками...» (ЕРОФЕЕВ 2001: 130), «Весь сотрясаясь, я сказал себе «талифа куми». То есть «встань и приготовься к кончине»... Это уже не «талифа куми», то есть «встань и приготовься к кончине», это лама савахфани. То есть: «Для чего, Господь, Ты меня оставил?» (ЕРОФЕЕВ 2001: 165). Языковые наслоения, таким образом, срабатывают на созидание пролонгации текста в историческом времени. Читательское ожидание практически всегда верно предугадано и движется параллельно с авторской мыслью. Следовательно, «рецептивный акт чтения столь же необходимое условие инкарнации смысла, как и креативный акт письма» (ТЮПА 2017: 222).

2.1. Смысловая целостность поэмы Венедикта Ерофеева. Фигуральное поле сюжета – странствие героя, Венички – выступает в контексте целого как *модус*, направленный на приобщение к действительности изображения. Закадровый монтаж (смысловая корректива) прирастает в процессе уже существующего начального текста. Массив формы (небезызвестная каталогизация маршрута героя) вариативен лишь отчасти. Движение от центра (звено условной «правды», Москва, модус государственности) к периферийному началу (интимный угол, Петушки, грань амбивалентного бытия) логоцентрически закодировано. Как отмечается в когнитивистике, «при такой трактовке интенциональности «действительность» следует понимать широко: с

одной стороны, это фрагменты внеположной языку действительности...; с другой стороны, это сам язык как действительность сознания и культуры» (ЧЕРНЕЙКО 2017: 171). Герменевтическое толкование поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» есть новая возможность понаблюдать за процессом подготовленного остаточного знания.

Расположенный к процессу *улавливания* реципиент может принять правила игры, либо, чего и желает *автор*, выработать свою *универсальную* систему декодирования смысла. Потенциал ерофеевского текста насколько открыт, насколько возможен сам мировой литературный процесс. Не случайны тезисы И.Г. Богина относительно того, что «текст состоит из множества осмысленных микроконтекстов, и наращивание смысла протекает от встречи со вторым микроконтекстом до встречи с последним. Весь этот процесс рефлексивен...» (БОГИН 2001: 27). Логично, в русле сказанного, подвести следующий итог: безусловно, Венедикт Ерофеев универсалист. Шедевральность текста «Москвы – Петушков» заключается именно в том, что читателю не удастся получить универсальный код к чтению, а возможно это путем отказа от устоявшегося принципа манифестации финального звена. Открытая структура значения – коннотативный базис поэмы – определяется в ходе смены старой модели чтения на абсолютно новую. Принципиально, с течением времени в ходе рецепции текста не происходит изменений условной, универсальной позиции имманентного значения, так как в «Москве – Петушках» говорит сам *язык*. При отстранении собственно взгляда с героя – уловим релевантный характер текстовой раскадровки (поэтика фразы, сюжет, тематика, проблематика текста), которая заведомо сложна и многомерна. Следовательно, эстетика ерофеевского слова обретает свою значимость в стилистике авторской мысли, которая стремится к концептуальному абсолюту.

Литература

- БОГИН 2001 = БОГИН Г.И. Обретение способности понимать. Введение в филологическую герменевтику. Москва, 2001.
- ГАДАМЕР 1988 = ГАДАМЕР Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. Москва, 1988.
- ГРЕЙМАС 2004 = ГРЕЙМАС А.-Ж. Структурная семантика: Поиск метода. Москва, 2004.
- ДЕРРИДА 1999 = ДЕРРИДА Ж. Голос и феномен. Санкт-Петербург, 1999.
- ЕРОФЕЕВ 2001 = ЕРОФЕЕВ В.В. Москва – Петушки // Ерофеев В.В. Собрание сочинений. В 2 т. Т. 1. Москва, 2001. 19-166.
- ЛИХАЧЕВ 2001 = ЛИХАЧЕВ Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение и другие работы. Санкт-Петербург, 2001.
- ЛОЗИНСКАЯ 2007 = ЛОЗИНСКАЯ Е.В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение в рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор. Москва, 2007.

- СТЕПАНОВ 1998 = СТЕПАНОВ Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. Москва, 1998.
- ТЮПА 2017 = ТЮПА В.И. Мастерство читателя // Вестник Кемеровского государственного университета. № 4, 2017. 219-224.
- ЧЕРНЕЙКО 2017 = ЧЕРНЕЙКО Л.О. Как рождается смысл: Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. Москва, 2017.
- ШЛЕЙЕРМАХЕР 2004 = ШЛЕЙЕРМАХЕР Ф. Герменевтика. Санкт-Петербург, 2004.
- FISH 1980 = FISH S. Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities. Cambridge, MA: Harvard UP, 1980.
- ISER 1978 = ISER W. The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response. Baltimore, 1978.
- JAUSS 1982 = JAUSS H.-R. Aesthetic Experience and Literary Hermeneutics / Trans. Michael Shaw. Introd. Wlad Godzich. Minneapolis, 1982.
- STOCKWELL 2002 = STOCKWELL P. Cognitive Poetics: An Introduction. London, 2002.
- TSUR 2008 = TSUR R. Toward a Theory of Cognitive Poetics, Second, expanded and updated edition. Brighton and Portland, 2008.

Timea Bockovac
(Pečuh, Mađarska)

O UGROŽENOSTI JEZIKA HRVATA U MAĐARSKOJ

Abstract: The destiny of minority languages relies on both subjective and objective factors. Among these factors one can find the process of language (code) switching which can be influenced with strategic linguistic actions like language planning. However, to elaborate certain measures of language preservation it is important to determine the level of vulnerability of the language in question. We do not have enough indicators about the vulnerability of the language of Croats in Hungary. The aim of this work is to, with the help of international classification measures (Fishman, Krauss), determine the current state of the Croatian language on the basis of occurrence, use and transfer in correlation with the number and the age of speakers.

Keywords: Croatian as a minority language, language planning, language revitalization, language vulnerability

Jezično stanje svake manjine ovisi o objektivnim i subjektivnim čimbenicima, o zajamčenim jezičnopравnim okvirima, o odgojno-obrazovnom sustavu kao i o odnosu manjine prema svome jeziku. U ovom kontekstu potrebno je naglasiti kako se pojam jezičnoga planiranja najčešće poistovjećuje s planiranjem korpusa i statusa, a tek se u novijoj teoriji pojavljuje potreba za jezičnim oživljavanjem koji se ostvaruje kao planirani proces, svojevrsna intervencija iza kojeg se kriju jezični pokazatelji date skupine.

Na pitanje u kojoj se mjeri jezik Hrvata u Mađarskoj smatra ugroženim možemo odgovoriti tek nakon provedenih sociolingvističkih istraživanja, kada se ustanovi realno jezično stanje uz pomoć egzaktnih pokazatelja. Pri tome polazište čini određivanje trenutačnoga jezičnog stanja uz pomoć međunarodno razrađenih i prihvaćenih klasifikacijskih mjerila.

Skala koju je sastavio Fishman (1991, citira GÁL 2010:42-45) navodi osam razina na kojima se promatra pojava i uporaba jezika te ovisno o njegovomu omjeru dobivaju se pokazatelji koji upućuju na trenutačno stanje jezične zamjene.

1.razina: jezik se koristi u visokome obrazovanju, ima razrađenu terminologiju, nazočan je u državnoj upravi i u medijima

2.razina: jezik se rabi u mjesnoj upravi i u lokalnim medijima

3. razina: jezik se rabi i izvan jezične zajednice, kao i na radnim mjestima

- 4.razina: jezik se rabi u školstvu
- 5.razina: jezik je nazočan na početnoj razini formalne jezične socializacije (uči se u školama pisanje i čitanje)
- 6.razina: jezikom se koriste sve tri generacije, predaja jezika se odvija besprekidno
- 7.razina: u životu zajednice se održavaju priredbe na materinskomu jeziku, ali ne postoji kontinuitet prenošenja jezika među generacijama govornika
- 8.razina: jezik govore pripadnici starije generacije u izoliranim, ruralnim okruženjima te je vrlo velika vjerojatnost izumiranja jezika

Jezik Hrvata u Mađarskoj se može smjestiti na svaku ljestvicu Fishmanove klasifikacije, ali nije teško zaključiti ni kako je na osmoj razini naveden proces jezične zamjene sve intenzivniji u slučaju onih mjesnih govora čiji su zadnji govornici u visokoj životnoj dobi (ljudi iznad 80 ili 90 godina), kao što je slučaj kod pojedinih naselja Hrvata u Mađarskoj (npr. nekadašnji Semartin u Baranjskoj županiji), a i u onom slučaju kada još postoji izvorni ruralni oblik suživota dokazan je prekid prenošenja jezika kod srednje generacije.

Na sedmoj razini, navedene priredbe koje se odvijaju isključivo na materinskome jeziku su iznimno rijetke među Hrvatima u Mađarskoj, naime one su najčešće dvojezične.

Na šestoj razini se javlja kao jamstvo očuvanja jezika predaja istoga od starijih prema mlađima. Vezano za taj pristup se nerijetko navodi kako su mješoviti brakovi uzroci nestanka hrvatskoga jezika u obitelji i prijelaza na dominantni, većinski jezik, međutim što se tiče Hrvata u Mađarskoj to je tek djelomice istražena pojava (detaljnije vidi: HORVÁTH 2005), moja iskustva govore da nije opravdano gubljenje hrvatskoga jezika u slučaju mađarsko-hrvatskih brakova, niti da je neupitno sačuvanje hrvatskoga u obitelji jezično homogenih (hrvatski-hrvatski) parova.

Csanád Bodó koristi pojam zakašnjele jezične socijalizacije na drugome jeziku, koji se u potpunosti može primijeniti na tijek jezičnoga usvajanja hrvatskoga jezika kod učenika koji pohađaju dvojezične (hrvatsko-mađarske) obrazovne ustanove ili su sudionici obrazovnog programa s pojačanim hrvatskim. Spomenuta formalna jezična socijalizacija može se odnositi i na osobu koja potječe iz hrvatske (narodnosne) zajednice, ali će jezik zajednice savladati tek kasnije u organiziranim, ali izvanškolskim okolnostima (npr.: na jezičnim tečajevima).

Bez obzira što prve četiri razine potpuno podržavaju jezični identitet, nastava na materinskom jeziku ili na dva jezika sama po sebi ne jamči zaustavljanje zamjene jezika, ukoliko jezika više nema u obitelji, gdje bi izvorno trebao imati privilegirani položaj.

Hrvatski jezik u Mađarskoj se predaje i u školama koje po zakonu mogu održavati narodnosne samouprave odnosno država, raspoložemo materijalima i pomagalima na hrvatskome jeziku, znači jezik se rabi u institucionaliziranim okvirima, ali u javnoj upravi izuzetno skromno. Gledano s aspekta jezičnih

prava hrvatski se podržava, ali čini se da je odnos zajednice prema očuvanju jezika ravnodušan, dokumentiranost jezika je dobra, stoje nam na raspolaganju normativni udžbenici, međutim malo ima metodičkih priručnika i digitaliziranih nastavnih pomagala.

Na trećoj razini navedeni uvjeti su ispunjeni u najmanjoj mjeri, odnosno sužavaju se na ona radna mjesta koja su vezana uz odgojno-obrazovni rad ili uz administrativnu djelatnost.

Vezano za drugu razinu na kojoj su naznačeni segmenti visoke politike, medija te javne uprave, pratimo prevlast većinskoga jezika, premda je pravno reguliran način uporabe manjinskoga jezika, ali to iziskuje znatno više truda i zbog toga se smatra atipičnim.

Hrvatski jezik u medijima je zastupljen i aktivan i u određenoj mjeri prati razvojne tendencije (npr. elektronski mediji).

Na prvoj razini se navodi uporaba jezika u visokome školstvu, poznavajući aktualne brojeve o upisanim studentima možemo zaključiti da je to jedan zaista uži krug govornika te da se osim filologije jedva može proširiti na druge discipline.

Nakon pregleda domene jezika vrijedi promatrati i Kraussov (2006) tipologiju koja vrjednuje razine jezične predaje:

1. jezik govore sve generacije i veliki dio dječje populacije
 2. jezik govore odrasli, odnosno roditelji i njihovi roditelji, ali samo mali broj djece/ govornici imaju pretežito 30 godina ili više
 3. jezik govore pripadnici srednje generacije te stariji od njih/ govornici imaju oko 50 godina ili su stariji
 4. govornici imaju više od 70 godina
 5. govornici imaju 70 godina, a njihov broj je manji od deset
 6. ne postoje govornici jezika, jezik je izumro
- (citira Grenoble 2006, Grenoble-Whaley 1998, GÁL:2006:59)

U sklopu navedenih 6 kategorija na različitim razinama se javlja jezik Hrvata u Mađarskoj. Ukoliko promatramo međugeneracijsku jezičnu predaju, tada se on nalazi između 2-5 razine, ali je naglašenija 2. razina, tj. jezik govori starija generacija, međutim on se ne prenosi na mlađu uslijed čega hrvatski najčešće nije materinski, nego prvi učeni jezik.

O omjeru govornika se može zaključiti kako na drugoj razini jedna manja skupina govori hrvatski, odnosno uvjetovano zemljopisnim odredištem možda to čini čak i većina, ali primarno se radi o sve manjem broju te o ograničenim formalnim komunikacijskim prostorima na kojima je atipično ravnomjerno korištenje mađarskog i hrvatskog jezika. Uzevši u obzir jezičnu kompetenciju govornika realno je hrvatski jezik staviti između druge i pete razine, međutim za točnije određenje su nam potrebna dodatna sociolingvistička istraživanja.

Prema niže navedenoj klasifikaciji Grenoble i Whaleyja za jezik Hrvata u Mađarskoj nije karakteristična prva odnosno druga razina, on se potisnuo na treću, četvrtu i petu razinu, ili se nalazi između njih u prijelaznoj fazi, znači

stanje nije točno precizirano, ali nam može poslužiti kao polazište za planiranje daljnjih revitalizacijskih postupaka.

1. Svi pripadnici zajednice imaju potpuno jezično znanje i u govoru i u pismu, manje dominantan jezik je nazočan na svim razinama i u formalnim i u neformalnim situacijama.

2. Pripadnici zajednice na visokoj razini barataju jezikom u svim jezičnim segmentima.

3. **Jedan dio zajednice na nekoliko područja u potpunosti se koristi i pisanim i usmenim oblikom manje dominantnog jezika.**

4. **Jedan dio zajednice se koristi manje dominantnim jezikom u potpunosti, ali su ta područja ograničena.**

5. Jedna skupina unutar zajednice raspolaže djelomičnim znanjem jezika, u nekoliko tema su fluentni govornici, ali su **područja znatno ograničena (npr.:isključivo se svode na prikaz tradicionalne kulture, priče, pjesme, sakralnosti).**

6. Ne postoji funkcionalna uporaba jezika, jezična kompetencija zajednice je svedena na nekoliko riječi. (Gál 2010:168-169)

Nakon prikazanih postupaka klasificiranja hrvatskoga jezika u Mađarskoj potrebno je uzeti u obzir i Kraussov (2006) prognostički pristup:

1. „sigurni” jezici: djeca ih uče kao prvi jezik i to će se i u buduće tako odvijati

2. ugroženi jezici:

a. stabilni jezici: djeca ih još uče kao materinski jezik

b. jezici koji pokazuju znakove propadanja:

i. instabilni jezici: **među djecom je mali broj govornika**

ii. izrazito ugroženi jezici: **jezik ne uspijeva postići prag preživljavanja, djeca ga ne usvajaju kao materinski jezik, najmlađa generacija je generacija roditelja**

iii. u teškoj mjeri ugroženi jezici: najmlađi govornici su pripadnici starije generacije, roditelji već nisu u stanju prenošenja jezika

iv. kritično ugroženi jezici: najmlađi govornici su pradjedovi i prabake koji žive u skromnom broju

3. izumrli jezici: nemaju više govornika, nitko ih ne pamti, ne postoji mogućnost jezičnoga dokumentiranja (Krauss, citira ga: Tsunoda 2006: 12, GÁL 2010: 40).

Prema navedenim podacima se sve jasnije ocrtava ugroženost hrvatskoga kao manjinskoga jezika, naime u sklopu određenih kategorija hrvatski jezik pripada među izrazito ugrožene jezike, pogotovo ukoliko se jezik ne prenosi kao materinski. Uvjeti navedeni kod podskupina druge razine se također obistinuju kod hrvatskoga, npr. generacija roditelja kao zadnji aktivni govornici, a opravdano je govoriti i o teškoj ugroženosti ukoliko roditelji više nisu u mogućnosti prenositi jezik svojim potomcima.

UNESCO je 2003. godine razradio okvirni sustav ugroženosti jezika unutar kojeg su određene tri velike kategorije:

- I. Podatci koji se vezuju uz jezik i uz jezični prostor
- II. Jezična prava i psihosocijalni aspekti
- III. Vrjednovanje jezičnih kompetencija zajednice.

U prvoj kategoriji se razmatraju razine međugeneracijske jezične predaje prema kojem možemo ponovno zaključiti kako hrvatski u većini obitelji nije prvi jezik, najmlađi izvorni govornici su roditelji koji, iako raspolažu znanjem jezika, ne rabe ga s djecom, jezik je najzastupljeniji među starijim govornicima. Po omjeru govornika manjinskoga jezika unutar manjinske zajednice se zaključuje kako se on još koristi kod većeg broja pripadnika manjine, ali tendencije koje prate prostor jezične interakcije svjedoče o sve manjem broju, odnosno o ograničenim i formalnim interakcijama. Ukoliko se uzmu u obzir novonastala jezična područja (npr. novi mediji) svjedoci smo pokušajima prilagodbe, dok o postojanosti ili nedostatku pisanih obrazovnih materijala je razvidno kako je to na najvišoj razini u obrazovanju.

Područja II. kategorije čine jezična prava i jezična politika pojedine države, na kojoj se ističe dodatna potpora manjinskog jezika, međutim odnos zajednice prema vlastitom jeziku nije isti, velik dio zajednice je ravnodušan prema očuvanju jezika te se manji dio uključuje intenzivnim radom u sprječavanje jezične zamjene. Dokumentiranost jezika se smatra dobrim zbog postojećih deskriptivnih gramatika, rječnika i antologija.

Vrjednovanje jezičnih kompetencija (III. kat.) se vrši prema analizi individualnih govornika, a tu se javljaju najveće razlike od govornika koji su fluentni do onih koji jezik rabe u vrlo skromnoj mjeri isključivo u familijarnom okruženju.

Osim prikazanih klasifikacijskih modela u kontekstu jezičnoga razvijanja, treba uzeti u obzir i pokazatelje etnolingvističke vitalnosti jezika koje se i u slučaju Hrvata u Mađarskoj promatraju na tri razine, a to su status jezika, demografski podaci zajednice te institucionalizirana potpora (pl. Giles i suradnici 1977 Bodó 2004b; Landry Allard 1994a, 1994b; Molnár-Bodrogi 2008; Yagmur Kroon 1998 citira GÁL 2010: 56).

Vezano za status jezika ukoliko je jezik službeno priznat te je gospodarski i društveni prestiž njegovih govornika visok, tada se on smatra manje ugroženim, međutim manjinski jezici uživaju status službenoga jezika, ali to ne utječe automatski na njihov prestiž u društvu, a nažalost niti na odnos manjinskih govornika prema svome jeziku.

O demografskim pokazateljima se najtočnija slika dobiva iz podataka nataliteta i mortaliteta te podataka o mješovitim brakovima, odnosno o zemljopisnim odredištima.

O broju Hrvata u Mađarskoj raspolažemo podacima popisa stanovništva, ali ti brojevi iziskuju kompleksnu analizu u suodnosu s ostalim sociolingvističkim segmentima kako bi bilo moguće objasniti aktualne tendencije koje svjedoče o

sve većem broju pripadnika hrvatskoj manjini, a o sve manjem broju izvornih govornika hrvatskoga jezika¹.

Vitalnost jedne skupine može biti subjektivna ili objektivna, velika, prosječna, mala i prirodno je „kako skupine s velikom vitalnosti tj. s visokim statusom i povoljnim demografskim obilježjima s puno veće šanse će očuvati svoj jezik” (Giles, Bourhis és Taylor, citat: BARTHA 1999: 134, prijevod autora).

Europska Unija „...zauzima stajalište da je politika revitalizacije jezika dugoročan napor koji se mora temeljiti na raznovrsnom i koordiniranom planiranju aktivnosti na različitim područjima, a posebno u obrazovanju (s predškolskim i osnovnoškolskim obrazovanjem kao stvarnom prednošću, zajedno s roditeljskom podukom na samom jeziku), upravi, medijskim programima (također s mogućnošću uspostave i razvoja radijskih i televizijskih postaja), umjetnostima i svim područjima javnog života, podrazumijevajući da potrebni resursi budu dostupni na dulji rok; zauzima stajalište da je potrebno pružiti potporu za izradu takvih programa, za razmjenu dobrih praksi među jezičnim zajednicama i za uvođenje postupaka ocjenjivanja”².

Daljnji čimbenici koji utječu na jezičnu vitalnost mogu biti na makro i mikro razini. U slučaju Hrvata u Mađarskoj na makro razini se javlja nacionalnost, jezično pravni okviri, obrazovna politika, dok na mikro razini treba uzeti u obzir odnos zajednice prema svom jeziku odnosno prema većinskome jeziku, ljudske resurse, kvalitetu manjinske elite i omjer onih govornika koji raspolažu visokom jezičnom kompetencijom.

Hrvati u Mađarskoj raspolažu s izgrađenom odgojno-obrazovnom infrastrukturom u kojoj je velika koncentracija državne potpore, ali je jezična učinkovitost sprovedenih programa nedovoljno istražena.

Odluke vezane za jezik osim jezične dimenzije imaju i društvenu i ideološku dimenziju. Ukoliko se prihvati teza Grenoble i Whaleyja (2006) prema kojoj broj govornika je **važan, ali ne i mjerodavan, što se budućnosti jezika** tiče moramo uzeti u obzir i druge čimbenike npr. globalizaciju, gospodarsku integraciju, funkcionalni gubitak jezika u prostoru, jezičnu politiku i obrazovnu politiku, postojeće financijske izvore (GÁL 2010: 60-63) kako bi se svi ti rezultati mogli ugraditi u daljnja revitalizacijska nastojanja.

Zaključno se može reći da je u hrvatskoj zajednici u Mađarskoj djelomice završena jezična zamjena, a razlog tome može biti i postupno sužavanje onih jezičnih prostora na kojima je nekoć bio jezik aktivan, npr.: unutar obitelji, ali nailazimo na primjer jezičnoga izumiranja i u slučaju naselja koje se u

¹ broj Hrvata 2001:15 594, 2011:23 0561, broj govornika hrvatskoga kao materinskoga jezika 2001:14323, 2011: 13 716 (izvor:www.nepszamlalas.hu/hun.kotetetc.html pristupljeno 08.07.2018.g.)

² <http://www.europarl.europa.eu/sides/get/pristupljeno> 09.10.2018.g)

potpunosti napušta, dolazi do razilaženja govornika i do generacijskog prekidanja predaje jezika, kao i do izumiranja izvornih govornika. Međutim hrvatski jezik je još uvijek prvi jezik jednog užeg kruga govornika, rabi se u obiteljskom i prijateljskom krugu. Istodobno je potrebno jačanje svijesti o jezičnome identitetu pogotovo kod mlađe generacije što čini opravdanim izvršenje revitalizacijskih mjera, pri kojih se treba uzeti u obzir kako je „*Utjecaj obrazovanja je na revitalizaciju iznimno važan jer su neposredno povezani: institucionalizirano obrazovanje je temelj uspješnoj jezičnoj podršci, odnosno jezičnome oživljavanju, međutim strategije centraliziranog nacionalnog obrazovnog sustava se rijetko mogu u potpunosti primijeniti na sve lokalne slučajeve i jezike, te stoga i ne ispunjavaju obrazovne potrebe. Potrebno je naglasiti da oni programi koji se isključivo temelje na institucionaliziranom obrazovanju najčešće donose male, nevažne rezultate, naime jačaju samo jednu jezičnu funkciju*” (GÁL 2010:61, prijevod autora).

Istraživački pristup prema manjinskome hrvatskome jeziku bi trebao ujediniti suvremene i tradicionalne jezikoslovne metode te pratiti novonastala područja poput ekolingvistike kako bi saznali što više o jezičnoj vitalnosti svoga jezika i razradili odgovarajuća pomagala za jezičnu revitalizaciju koja se čini sve potrebnijom.

Literatura

- BARTHA 1999 = BARTHA CS. A kétnyelvűség alapkérdési (beszélők és közösségek) Budapest: Nemzeti Tankönyvkiadó, 1999.
- BODÓ 2016 = BODÓ CS. Nyelvi ideológiák és különbségek. Kolozsvár: Nemzeti Kisebbségkutató Intézet, 2016.
- GÁL 2010 = GÁL N. A nyelvi revitalizáció. Elméletek, módszerek, lehetőségek. Kolozsvár: Szabó T. Attila Nyelvi Intézet – Anyanyelvápolók Erdélyi Szövetsége, 2010.
- HORVÁTH 2005 = HORVÁTH S. A grádistyei horvátok XVI-XX.századi asszimilációjának példái // Kisebbségkutatás 2. 181-193.
<http://www.europarl.europa.eu/sides/get> (pristupljeno 09.10.2018.g.)
- Language Vitality and Endangerment, UNESCO 2003. http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/Language_vitality_and_endangerment_EN.pdf (pristupljeno 11.10.2018.g.)

Dubravka Božić Bogović – Mihaela Čurić
(Osijek, Hrvatska)

OSOBNNA IMENA U MATIČNIM KNJIGAMA KRŠTENIH KATOLIČKE
ŽUPE MIHOLJAC U 18. STOLJEĆU

Abstract: The paper shows the results of an analyses of anthroponymic resources kept in the registers of the Catholic parish Miholjac in the 18th century. Clear references are made into the frequency of assigning individual personal names to male and female children, to the most frequently assigned male and female names. The analysis indicates a relatively limited name corpus and an expressed name entropy during the whole observed period. All the names in the parish baptismal registers were recorded in the contemporary official language, Latin; all of them were Christian names.

Keywords: personal names, register of baptisms, Miholjac, 18th century, Catholics

Miholjac (danas Donji Miholjac), naselje u donjoj Podravini, krajem 17. stoljeća je nakon oko stoljeće i pol osmanske vladavine došao pod habsburšku vlast. Donja Podravina, kao i ostatak Slavonije, netom nakon protjerivanja Osmanlija bili su opustošeni i vrlo slabo naseljeni, ali već krajem 17. stoljeća u Miholjac je počelo doseljivati hrvatsko stanovništvo iz okolnih sela te je prilikom popisa stanovništva 1698. godine u kotaru Miholjac zabilježeno 7 napuštenih naselja i 11 nastanjenih. Ipak, razmjerno se slaba naseljenost zadržala tijekom prvih desetljeća 18. stoljeća da bi nakon toga uslijedio razmjerno brz i značajan porast broja stanovnika. Tako je tijekom kanonske vizitacije 1730. godine u župi Miholjac zabilježeno oko 130 kuća, 1738. godine oko 1.450 stanovnika, 1754. godine oko 1.570 stanovnika, a 1782. godine 3.998 stanovnika. Stanovništvo župe Miholjac tijekom cijelog 18. stoljeća bilo je isključivo katoličke vjeroispovijesti, a samo je 1782. godine tijekom kanonske vizitacije zabilježeno 11 pravoslavnih obitelji koje su živjele u Miholjcu (MARKOVIĆ 2002: 207-208, SUČIĆ 2017: 5, 54, 75, 76, SRŠAN 2005: 31, 107).

U procesu formiranja kasnofeudalnih vlastelinstava na područjima osvojenima od Osmanlija, miholjački je kraj 1721. godine ušao u sastav Valpovačkog vlastelinstva koje je habsburški vladar car Karlo VI. darovao barunu Petru Antunu Hilleprand von Prandau, a potvrdu darovnice izdala je carica Marija Terezija 1749. godine. Ovo je vlastelinstvo 1831. godine podijeljeno na dva dijela, jedno sa sjedištem u Valpovu, a drugo u Miholjcu. U

upravno-teritorijalnoj organizaciji vlastelinstva Valpovo, kotar Miholjac je bio jedan od tri, a od 1786. godine jedan od pet kotareva. U crkveno-administrativnom ustroju, miholjačka je župa bila u sastavu Pečuške biskupije, a njome su upravljali franjevci do 1781. godine kada je prešla u ruke biskupijskom svećenstvu. Miholjačkoj su župi, sa središtem u Miholjcu, pripadale filijale Podgajci, Rakitovica, Sveti Đurađ i Viljevo, 1781. godine gubi Sveti Đurađ koji postaje župa te Podgajce koji postaju filijala ove novoosnovane župe, a 1789. godine i Viljevo koje je uzdignuto na rang župe (BRÜSZTLE 1999: 102, SRŠAN 2005: 5, 29, 81, 83, 85, 107, 109, 111, 119, 121).

S obzirom da su pojedinci – krštenici u matičnim knjigama krštenih u pravilu zabilježeni imenom i prezimenom, one predstavljaju bogat i vrijedan izvor onomastičke, odnosno antroponimijske građe. I u matičnim knjigama krštenih katoličke župe Miholjac u 18. stoljeću (HR-DAOS-500, knj. br. 333, 334, 335, 336) tek u iznimnim slučajevima krštenicima nije zabilježeno ime i/ili prezime, odnosno ime nije zabilježeno u samo 14 slučajeva (0,10% svih upisa), a prezime nije zabilježeno ili je nečitko u 11 slučajeva (0,08% svih upisa). Podaci o krštenjima u župi Miholjac zapisani su u četiri tvrdo ukoričena sveska koja se čuvaju u Državnom arhivu u Osijeku. Matične knjige krštenih u miholjačkoj su župi redovito vođene, zapisi teku kontinuirano, kronološkim slijedom koji je samo iznimno narušen ponekim naknadnim upisom, a jedini se prekid u zapisima dogodio između 1736. i 1738. godine. Svi su svesci dobro očuvani s tek ponekim manjim oštećenjem. Rukopis je uglavnom uredan i čitak, a vrlo je malo podataka koje je teško ili nemoguće pročitati zbog razlijevanja tinte ili oštećenja. Podaci su bilježeni narativno i tablično, zapisi slijede elemente uobičajene za onodobne matične knjige, a pisani su kurzivnom humanistikom.

Od 23. ožujka 1722. godine, od kada datiraju najranija krštenja u matičnim knjigama krštenih katoličke župe Miholjac, do kraja 18. stoljeća ukupno je zapisano 14.621 krštenje, od toga 7.616 dječaka (52,09%) i 7.001 djevojčica (47,88%), dok u samo 4 zapisa (0,03%) nedostaju ili su nečitki podaci (ime ili izrijekom naveden spol djeteta) na temelju kojih bi se mogao utvrditi spol. Imena zabilježena u analiziranim matičnim knjigama su kršćanske provenijencije, uglavnom uobičajena starozavjetna ili novozavjetna imena hebrejskog, grčkog ili latinskog podrijetla, što je za katolike bilo obavezno od Tridentskog koncila (1545. – 1563.). Svega je nekoliko imena germanskog ili slavenskog podrijetla (*Adalbertus, Emericus, Leopoldus; Stanislaus, Casimirus; Brigitta, Charolina; Stanislava*). Gotovo beziznimno, imena su zapisana tada službenim latinskim jezikom, u temeljnom, stilistički neutralnom, službenom imenskom liku. Zbog toga se ne može doći do njihove upotrebne inačice, iako se može pretpostaviti da je i za stanovnike župe Miholjac u promatranom razdoblju vrijedila tvrdnja Petra Šimunovića da su među Hrvatima česte hipokorističke tvorbe od kršćanskih imena što je posebno vjerojatno u kontekstu potencijalno otežane antroponimijske komunikacije u

okolnostima izražene imenske entropije i relativno oskudnog kršćanskog imenskog izbora (ŠIMUNOVIĆ 2009: 147, 148, 161-162). U tek nekoliko slučajeva imena u matičnim knjigama nisu zapisana u skladu s navedenim pravima (*Bosco, Ivo, Xivko; Stana*). U pojedinim slučajevima, uglavnom kada su u pitanju osobito popularna imena, u matičnim je knjigama naznačeno prema kojem konkretnom svecu, odnosno svetici je dijete dobilo ime (*Antonius de Padua, Antonius Abbas, Matheus Evangelista, Joannes Baptista, Joannes Capistranus, Joannes Evangelista, Joannes Nepomucenus, Nicolaus Tolentinus, Stephanus Rex; Catharina Senensis, Catharina Bononiensis, Francesca Romana, Julianna de Falconierius*). Nešto manje od polovice muških i nešto više od polovice ženskih imena u zapisima se pojavljuju u različitim inačicama (*Abraham/ Abrahamus/ Abram/ Abramus/ Habrahamus/, Adamus/ Adam, Andreas/ Andria, Antonius/ Anthonius, Augustin /Augustinus/ Augustus, Bartholomeus/ Bartholomaeus/ Bartolomeus, Blasius/ Blaxius/ Blazius, Carolus/ Carlos, Casparus/ Gasparus, Cosman/ Cosmanus/ Cosmas, Damianus/ Damjannus/ Damjanus/ Damnianus/ Damnyanus, Elias/ Helia, Fabian/ Fabiannus/ Fabianus/ Fabjanus, Filippus/ Philipphus/ Philippus/ Philipus/ Phillippus, Georgias/ Georgio/ Georgius/ Gjorgius/ Gorgius, Heronijmus/ Heronius/ Heronymus/ Heronyus/ Hieronimus/ Hieronijmus/ Hieronimus/ Hieronnymus/ Hieronymus/ Hijeronimus/ Hironymus/ Hjeronimus/ Jeronimus, Isaac/ Isacus, Ivo/ Joannes/ Joanes/ Joannis, Laurentius/ Laurentius/ Lovrentius, Luca/ Lucas/ Lukas, Marceus/ Marchus/ Marcus/ Markus, Marian/ Marianus/ Marjannus/ Marjanus, Marthinus/ Martin/ Martinus, Mateus/ Mathaeus/ Mathaus/ Matheas/ Matheus/ Matthaesus/ Matthaus/ Mattheus, Mathia/ Mathias/ Matias/ Matthias/ Matthiaeus, Paulis/ Paulus, Serafinus/ Seraphinus, Simeon/ Simon/Sijmon, SStanislav/ Stanislav/ Stanislaus/ Stanislav/ Stanisslaus, Stephanus/ Stephanius, Thadaeus/ Thaddaeus/ Thaddeus/ Thadius, Thomas/ Tomas, Vincentius/ Vincentus, Vitalis/ Vitus/ Xivko; Agata/ Agatha/ Aggatha, Agnes/ Agnesa, Agneta/ Agnetha, Ana/ Ann/ Anna, Anastasia/ Anastaasia/ Anastasia/ Annastasia, Angela/ Angelia/ Angelina/ Angella/ Aggyelia, Apollonia/ Apolonia/ Appollonia, Bibiana/ Viviana, Birgit/ Birgita/ Birgitta/ Britiga/ Brigitha/ Brigitta, Caecilia/ Caecillia/ Cecilia, Catahrina/ Catarina/ Catharina/ Catrina/ Chatarina/ Chatharina, Coleta/ Coletta, Delfina/ Delphina, Dorotea/ Dorothea/ Dorothea, Eleonora/ Lenora/ Leonora, Elisabeth/ Elisabetha/ Elizabeta/ Elizabeth/ Elizabetha/ Hellisabetha, Eva/ Heva, Elena/ Haelena/ Haellena/ Helena/ Helenna/ Hellena/ Hellenna/ Hhelen, Judit/ Judita/ Judith/ Juditha/ Judittha, Juliana/ Julianna, Magdalena/ Magdalena, Mandalena/ Mandalina/ Mangdalena/ Manddalina, Margareta/ Margaretha/ Margareta/ Margarita/ Margaritha, Mariana/ Marianna, Marta/ Martha, Martina/ Marthina, Oliva/ Olivia, Rosa/ Rosalia/ Rosina/ Rossa/ Roxa, Sofia/ Sophia, SStanislava/ Stana/ Stanislav/ Stanislaha/ Stanislava, Susana/ Susanna/ Sussana/ Sussanna/ Suszana, Teresia/*

Terezia/ Terresia/ Thaeresia/ Theresa/ Theresia/ Therezia, Veronica/ Veronicha).

Većini djece roditelji su dodjeljivali jedno osobno ime, ali su u 0,23% svih zabilježenih imena djeci dodijeljena dva imena, od toga 13 dječaka (0,17% svih dječaka) i 20 djevojčica (0,29% svih djevojčica). Samo su dva dječaka i jedna djevojčica dobili tri imena (*Josephus Franciscus Ladislaus, Josephus Franciscus Seraphinus* i *Josepha Elisabetha Maria*). Iz navedenoga je vidljivo da su dva imena nešto češće dodjeljivana djevojčicama, a općenito se u dvostrukim imenima u pravilu kombiniralo jedno od najpopularnijih imena, a nerijetko su oba imena u kombinaciji pripadala najčešćim imenima (primjerice *Anna Maria*).

U analiziranim matičnim knjigama krštenih zabilježeno je 71 različito muško (ukupno 7.591 dječak) te 52 različita ženska imena (ukupno 6.977 djevojčica) u slučajevima u kojima je djeci pri krštenju bilo dodijeljeno jedno ime. Pri tome se 14 muških i 6 ženskih imena pojavljuju samo jedanput, a još je 13 muških i 13 ženskih imena tijekom cijelog promatranog razdoblja zabilježeno manje od deset puta.

Deset najčešćih muških imena u cijeloj populaciji u 18. stoljeću čini 56,83% svih imena dodijeljenih dječacima: *Antonius* (8,91% svih muških imena), *Josephus* (6,65% svih muških imena), *Georgius* (6,31% svih muških imena), *Adamus* (5,63% svih muških imena), *Marcus* (5,32% svih muških imena), *Joannes* 5,31% svih muških imena), *Stephanus* (4,85% svih muških imena), *Mathias* (4,80% svih muških imena), *Marianus* (4,56% svih muških imena) i *Michael* (4,49% svih muških imena). Deset najčešćih ženskih imena dodijeljenih u župi Miholjac u promatranom razdoblju čine 79,75% svih imena dodijeljenih djevojčicama: *Catharina* (13,57% svih ženskih imena), *Maria* (13,07% svih ženskih imena), *Anna* (10,59% svih ženskih imena), *Eva* (8,31% svih ženskih imena), *Magdalena* (7,61% svih ženskih imena), *Clara* (7,02% svih ženskih imena), *Theresia* (5,29% svih ženskih imena), *Rosa* (5,13% svih ženskih imena), *Martha* (5,07% svih ženskih imena) i *Anastasia* (4,07% svih ženskih imena). Navedeni podaci ukazuju na relativno oskudan imenski fond i imensku entropiju koja je karakteristična i za ženska i za muška imena, ali je značajnije izražena kod ženskih.

Tijekom vremena popularnost pojedinih imena se mijenjala. Kada se analiziraju podaci za prvu polovicu stoljeća (prvih 27 godina, od 1722. od kada postoje podaci u matičnim knjigama krštenih župe Miholjac, do kraja 1750. godine), može se primijetiti da je većina od deset najučestalija muških imena i dalje među onima koja su najčešće dodjeljivana djeci (*Georgius, Antonius, Joannes, Michael, Marcus, Josephus, Marianus*), ali im se redosljed promijenio te je najpopularnije muško ime *Georges*. *Adamus, Mathias* i *Stephanus*, u cijelom promatranom razdoblju su među deset najpopularnijih muških imena, ali ne i u prvoj polovici stoljeća, dok su se među deset najpopularnijih svrstali *Andreas, Matheus* i *Paulus*, koji to nisu kada se u obzir uzmu podaci za cijelo stoljeće. Slični su trendovi i kada su u pitanju ženska

imena pa je veći dio imena koja su među deset najpopularnijih u cijelom stoljeću i u njegovoj prvoj polovici među najčešće dodjeljivanimima (*Maria, Catharina, Anna, Eva, Magdalena, Rosa, Clara, Anastasia*), ali im se redosljed promijenio te je najpopularnije žensko ime *Maria*. U prvoj polovici stoljeća *Martha* i *Theresia* nisu među deset najpopularnijih imena, a najveći porast popularnosti u drugoj polovici stoljeća doživjelo je upravo ime *Theresia*. Naime, tijekom prve polovice stoljeća samo je 10 djevojčica ponijelo ovo ime (0,66% svih ženskih imena u prvoj polovici 18. stoljeća), dok ih je u drugoj polovici stoljeća bilo čak 361 (6,59% svih ženskih imena u drugoj polovici 18. stoljeća).

Načini dodjeljivanja imena djeci podvrgavali su se uvriježenim običajima unutar obitelji, područja i vremena. Na temelju analize matičnih knjiga krštenih moguće je metodom izonomije utvrditi je li dijete dobilo ime prema jednom od roditelja ili kumova. Međutim, zbog ograničenja matičnih knjiga iz predmodernog razdoblja, prije svega zbog nemogućnosti nedvosmislene identifikacije pojedinaca pa time i nemogućnosti primjene genealoške metode, u većini slučajeva nije moguće utvrditi je li dijete dobilo ime po nekom drugom pretku ili rođaku. Zbog istih razloga nije moguće potvrditi vjerojatno raširen običaj davanja istog imena mlađoj djeci u slučaju smrti starijeg djeteta, a čime bi se, zbog visoke dojenačke i dječje smrtnosti, dijelom mogla objasniti izražena imenska entropija. Usporedbom datuma krštenja s datumom spomendana pojedinog sveca moguće je pretpostaviti da je upravo to bio motiv za dodjeljivanje imena, ali je riječ samo o pretpostavci budući da je moguća i slučajna podudarnost datuma. Između načina na koji su se odabirala imena dječacima i djevojčicama u odnosu na roditelje (oca za dječake, a majku za djevojčice) te u odnosu na krsnoga kuma ili kumu utvrđene su veće razlike. Naime, primjenom izonomijske metode na deset najučestalijih imena utvrđeno je da su imena dječaka i njihovih očeva ista u 3,48%, a isto ime kao i krsni kum ima 5,12% dječaka. Među deset najpopularnijih ženskih imena, imena djevojčica i njihovih majki su ista u 4,49%, a djevojčice i njihove krsne kume nose isto ime u 10,44%. Posebno je do izražaja došao običaj davanja imena djevojčicama po krsnoj kumi kod tri najpopularnija imena (*Catharina, Maria, Anna*), odnosno 14,63% ovih djevojčica ponijelo je isto ime kao i njihove krsne kume. Davanje imena prema mučenicima ili svecima odnosno mučenicama ili sveticama spomendan kojih se točno ili otprilike podudara s danom krštenja nije bilo osobito rašireno, odnosno takav je način dodjeljivanja imena moguće utvrditi u nešto manje od 10% svih zabilježenih imena. Iako je *Michael* jedno od deset najčešćih muških imena, nije moguće utvrditi do koje mjere su roditelji pri odabiru imena vodili željom da svome djetetu daju ime prema mjesnom svecu zaštitniku jer je *Michael* općenito u 18. stoljeću jedno od najpopularnijim muških imena među stanovništvom u istočnoj Hrvatskoj (BOŽIĆ BOGOVIĆ 2011: 193, BOŽIĆ BOGOVIĆ 2013: 105, BOŽIĆ BOGOVIĆ 2016: 83).

Zaključno se može reći da se analizom matičnih knjiga krštenih katoličke župe Miholjac u 18. stoljeću (1722. – 1800.) utvrdio fond osobnih imena koja su bila dodjeljivana novorođenoj djeci prilikom krštenja te su utvrđena najpopularnija muška i ženska imena. Učestalost dodjeljivanja najpopularnijih imena analizirana je s obzirom na promjene popularnosti u prvoj i drugoj polovici stoljeća. Imena su u matičnim knjigama krštenih u gotovo svim slučajevima zapisana svojim latinskim oblicima zbog čega je nemoguće utvrditi njihove upotrebne inačice, a u velikoj je većini riječ o uobičajenim, raširenim kršćanskim imenima. Utvrđeni fond osobnih imena razmjerno je ograničen, posebno kada su u pitanju ženska imena, te je i pojava imenske entropije izraženija kod ženskih imena. Dodjeljivanje dvaju ili više imena nije bilo osobito popularno među stanovništvom župe Miholjac u 18. stoljeću, a bilo je nešto raširenije među djevojčicama nego među dječacima. Djeca su češće dobivala imena prema kumovima nego prema roditeljima, djevojčice češće nego dječaci, a ograničenja matičnih knjiga kao povijesnih izvora ne dopuštaju primjenu genealoške metode kojom bi se dobili pouzdaniji podaci o motivima kojima su se roditelji vodili prilikom odabira imena djetetu. Relativno nepromjenjiv imenski fond tijekom cijelog promatranog razdoblja ukazuje na tradicionalno društvo koje se po pitanju odabira imena svojoj djeci držalo običaja i pravila koja su vladala generacijama, a utvrđeni trendovi općenito su karakteristični za stanovništvo istočne Hrvatske u 18. stoljeću.

Tablica 1. Muška osobna imena u Miholjcu u 18. stoljeću

Ime (m)	Broj	Udio (%)	Ime (m)	Broj	Udio (%)
Antonius	676	8,91	Laurentius	31	0,41
Josephus	505	6,65	Stanislaus	25	0,33
Georgius	479	6,31	Seraphinus	23	0,30
Adamus	428	5,64	Carolus	22	0,29
Marcus	404	5,32	Ignatius	21	0,28
Joannes	403	5,31	Sebastianus	19	0,25
Stephanus	368	4,85	Leopoldus	15	0,20
Mathias	364	4,80	Casparus	13	0,17
Marianus	346	4,56	Vincentius	7	0,09
Michael	341	4,49	Adalbertus	6	0,08
Matheus	315	4,15	Angelus	6	0,08
Andreas	299	3,94	Cosmas	5	0,07
Nicolaus	228	3,00	Bernardinus	4	0,05
Petrus	211	2,78	David	4	0,05
Martinus	204	2,69	Sigismundus	4	0,05

Thomas	195	2,57	Christophorus	3	0,04
Paulus	185	2,44	Dominicus	3	0,04
Lucas	163	2,15	Ambrosius	2	0,03
Franciscus	114	1,50	Bonifacius	2	0,03
Abrahamus	108	1,42	Isaac	2	0,03
Jacobus	105	1,38	Urbanus	2	0,03
Vitalis	101	1,33	Benedictus	1	0,01
Bartholomeus	95	1,25	Bonaventura	1	0,01
Gregorius	76	1,00	Bosco	1	0,01
Simon	74	0,97	Cajus	1	0,01
Philippus	71	0,94	Casimirus	1	0,01
Natalis	67	0,88	Cherubin	1	0,01
Augustinus	55	0,72	Gabriel	1	0,01
Damianus	55	0,72	Hixak	1	0,01
Hieronymus	52	0,69	Homilion	1	0,01
Rochus	52	0,69	Joachim	1	0,01
Elias	51	0,67	Judianus	1	0,01
Emericus	50	0,66	Marinus	1	0,01
Blasius	45	0,59	Marius	1	0,01
Fabianus	37	0,49	Silvester	1	0,01
Thadeus	36	0,47			

Tablica 2. Ženska osobna imena u Miholjcu u 18. stoljeću

Ime (ž)	Broj	Udio (%)	Ime (ž)	Broj	Udio (%)
Catharina	947	13,57	Brigitta	27	0,39
Maria	912	13,07	Stanislava	24	0,34
Anna	739	10,59	Ursula	23	0,33
Eva	580	8,31	Joanna	20	0,29
Magdalena	531	7,61	Martina	20	0,29
Clara	490	7,02	Delphina	16	0,23
Theresia	369	5,29	Apolonia	11	0,16
Rosa	358	5,13	Christina	9	0,13
Martha	354	5,07	Mariana	9	0,13
Anastasia	284	4,07	Coleta	8	0,11
Helena	283	4,06	Oliva	8	0,11

Barbara	157	2,25	Agneta	6	0,09
Agatha	156	2,24	Eleonora	4	0,06
Dorothea	80	1,15	Josepha	4	0,06
Judith	79	1,13	Bibiana	3	0,04
Lucia	73	1,05	Mariam	2	0,03
Francisca	52	0,75	Petronilla	2	0,03
Juliana	51	0,73	Sophia	2	0,03
Georgia	46	0,66	Stephana	2	0,03
Elisabetha	39	0,56	Thecla	2	0,03
Agnes	38	0,54	Charolina	1	0,01
Susanna	32	0,46	Monica	1	0,01
Veronica	32	0,46	Paula	1	0,01
Cecilia	30	0,43	Philomena	1	0,01
Margarita	30	0,43	Pollonia	1	0,01
Angela	27	0,39	Vida	1	0,01

Literatura

BOŽIĆ BOGOVIĆ 2011 = BOŽIĆ BOGOVIĆ D. Osobna imena u matičnim knjigama krštenih za naselja Draž i Popovac krajem 18. stoljeća // Povijesni prilozi, 2011, № 40. 177-194.

BOŽIĆ BOGOVIĆ 2013 = BOŽIĆ BOGOVIĆ D. Rođenje, brak i smrt – stanovništvo južne Baranje u 18. stoljeću. Beli Manastir, 2013.

BRÜSZTLE 1999 = BRÜSZTLE J. Povijest katoličkih župa. Osijek, 1999.

MARKOVIĆ 2001 = MARKOVIĆ M. Slavonija: povijest naselja i podrijetlo stanovništva. Zagreb, 2002.

SRŠAN 2000 = SRŠAN S. Naselja u istočnoj Hrvatskoj krajem 17. i početkom 18. stoljeća. Osijek, 2000.

SRŠAN 2005 = SRŠAN S. Kanonske vizitacije – Valpovačko-miholjačko područje 1730.-1830. Osijek, 2005.

SUČIĆ 2017 = SUČIĆ M. Počeci habsburške Valpovštine. Valpovo, 2017.

ŠIMUNOVIĆ 2009 = ŠIMUNOVIĆ P. Uvod u hrvatsko imenoslovlje. Zagreb, 2009.

Neobjavljeni arhivski izvori

Državni arhiv u Osijeku, Zbirka matičnih knjiga, HR-DAOS-500, knj. br. 333, 334, 335, 336.

Эржебет Ч. Йонаш
(Ниредьхаза, Венгрия)

**ЖУЖА РАБ – 'ВЕНГЕРСКИЙ ГОЛОС' СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА.
(20 ЛЕТ ТОМУ НАЗАД, В 1998 УМЕРЛА
ПОЭТЕССА И ПЕРЕВОДЧИК)**

Abstract: There are only a few areas where coexistence of language usage-society-comprehensibility can be observed - one of them is translation of literary work. The language usage of the original work and the translator is highlighted and examined by translational stylistics. Comprehensibility in translation means that the translation represents an experience for the reader, which is built on his/her own cultural background. The existence of society in translation is measured by whether or not the translator's work is recognized and acknowledged by the public. At the end of the 20th century Zsuzsa Rab's lifelong rich and extensive work in the translation of Russian literature could not get the well-deserved acknowledgement at all.

Keywords: language usage, society, comprehensibility, translational stylistics, stylistic elements

Поэтесса и переводчик

Жужа Раб (*Rab Zsuzsa*, 3 июля 1926 года – 5 марта 1998 года), венгерский поэт, прозаик, переводчик, родилась в 1926 в городе Папа. Окончила Будапештский университет (1949). Автор сборников стихов, первый из которых «Навстречу свету» (*Fény felé*) появился в 1943 году. Затем последовало «Золотое воскресенье» (*Aranyvasárnap*, 1968) и другие. Больше десяти лет работала сотрудником журнала «Жизнь и литература» (*Élet és Irodalom*) (1971–1984). Она переводит с ранних школьных лет поэзию и прозу, в основном с русского языка. Перевела Пушкина, Толстого, Фетта, Куприна, Бунина, Чехова, Горького, Есенина, Ахматова, Цветаеву, Заболоцкого, Мандельштама и других русских поэтов, а также произведений башкирской, грузинской, эстонской литературы. Она два раза была лауреатом венгерской литературной премии «Аттила Йожеф» (1963, 1973), получила российские награды и другие призы («Орден Горького» 1972, «Орден Дружбы Народов» 1985, а перед смертью «Орден Дружбы»). Она умерла в Будапеште в 1998 году (ср. Без автора <http://eletrajzok-sysy.blogspot.com/2012/03/rab-zsuzsa-papa-1926-julius-3-budapest.html>). (2018-06-21).

Вот указ о последнем награждении из России на 70-летний юбилей президентом Ельциным:

У К А З

ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О награждении орденом Дружбы
Раб Ж.

За многолетнюю плодотворную деятельность по переводу и популяризации русской литературы наградить орденом ДРУЖБЫ РАБ Жужу – поэтессу, Венгерская Республика.

Президент Российской Федерации

Б. Ельцин

Москва, Кремль
19 июня 1996 года
N 951

<http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102041983>
(2018-06-21)

Вдохновенный переводчик русской поэзии и поэт многих стихов, Жужа Раб в гимназические годы жила в городе Папа. Отец её был директором реформатской мужской гимназии. Он кончил будапештский университет им. Лоранда Этвеша по специальности филолог греческого и латинского языков. Отец воспитывал дочку в свободном духе, как своих воспитанников. Она занималась литературой вместе с гимназистами школы отца, ходила на охоты с отцом в горы. Она жила свободно, как сама вспоминает, даже попробовала сигареты, что было запрещено и неприлично для девушек в 40-ых годах. Она училась отлично и с детства интересовалась стихами. У отца она научилась латинскому метрическому стихосложению. Сама начала сочинять стихи в 17 лет, а скоро её первый скромный том был опубликован в местном издательстве.

Жужа решила заниматься дальше литературой, но не дома, в провинциальном городке, а в столице. Хотела жить жизнью литераторов, её тянула бурная жизнь Будапешта. Так она поступила в университет на филфак, на отделение венгерского и русского языков. С русским языком она познакомилась ещё дома во время Второй мировой войны. Отец после Первой мировой войны 7 лет был в русскоязычном плену и там довольно хорошо выучил русский язык. Он переводил советским солдатам, а дочка постепенно тоже начала понимать русскую разговорную речь. В университете она встретилась с профессорами, бывшими однокурсниками

отца. Она на русском читала русских классиков (ср. АЛЬБЕРТ 2006). Особенно любила Есенина, который в 50 годы был в России и Венгрии под запретом. Она сначала начала переводить его только «для ящика», но язык Есенина влиял на неё как ворожба. Особенно его поэзия пейзажа. Этот пейзаж был близок к душе девушки ещё с того времени, когда в детстве она с папой бродила по задунайским полям и горам. По стихотворениям Есенина она как бы сразу увидела русские равнины, русский пейзаж, похожий на родной край. Строки Есенина рифмовали ей по-венгерски – так рассказывала она о себе по русской радиопередаче «Кругозор» в 1990-ом году («КРУГОЗОП» 1990).

Оно со студенческих годов всю энергию отдала переводам. Любимое её стихотворение Есенина «*Не бродить, не мять в кустах багряных...*». Она рассказывала репортёру о том, что во время перевода этих стихов поэта она посадила под своим окном берёзку, чтобы она напоминала ей Есенина, чтобы дала атмосферу, настроение русского края. Берёзы в Венгрии не очень растут, но эта маленькая берёзка укоренилась и росла у неё охотно. В студенческие годы, когда она сдавала зачёт по Пушкину и Лермонтову, она показала профессору свои переводы. Он был удивлён, таких переводов русских поэтов он раньше не видел. Профессор побуждал её продолжать переводческую работу. С тех пор Жужуа Раб перевела почти 150 томов русской литературы, двести рассказов Чехова, шестьдесят – Горького, почти все работы Есенина и многих других авторов.

Её переводческую деятельность высоко оценил между прочим поэт и прозаик Иштван Кормош (Kormos István), её первый муж, по случаю выхода сборника «*Змеобродец*» (*Sárkányölő*, 1965). Скромное подзаглавие «Из столетий русской лирики» скрывает огромный, богатый объём русской поэзии. Этот богатый материал на высоком уровне познакомит венгерского читателя с шедеврами поэзии русских классиков и современных авторов с ранних времён до 20-го века (КОРМОШ 1965).

Стилистика перевода и риторические фигуры: метафоризация

Риторические или стилистические фигуры – система исторически сложившихся способов синтаксической организации речи, применяемых преимущественно в пределах фразы и реализующих экспрессивные (главным образом эмоционально-императивные) качества высказывания. Стилистические фигуры используются в речи как нехудожественной (в обиходно-бытовом и газетно-публицистических стилях), так и художественной (особенно в поэзии). Фигуры выражаются прежде всего адаптацией, другой образностью языка. С одной стороны, характеризующей данного автора, данную культуру (определённую эпоху), а, с другой стороны, характеризующей данного переводчика и его арсенал языкового восприятия мира. Неконкретные содержательные уровни стилистических фигур и метафор всегда дают возможность для

новой интерпретации художественного текста переводчиками. «Метафора – перенесение свойств одного предмета (явления) на другой на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов» (РУСОВА 2004: 128, РОМАНОВА – ФИЛИППОВ 2006: 286). Пейзажной метафоризацией, музыкальностью и образностью маркируется вся поэзия Есенина.

Сергей Есенин *Не бродить, не мять...*

Один из лучших представителей русской литературы эпохи модерна в начале 20-го столетия – Сергей Есенин (1895–1925). Покидая родное село Константиново, Сергей Есенин мысленно прощался не только с родителями, но и с любимой девушкой. Позже супруга поэта Софья Толстая признается, что в юности Есенин был тайно влюблен в свою односельчанку Анну Сардановскую. Однако признаться ей в своих чувствах он так и не сумел, хотя впоследствии очень сожалел об этом, отмечая, что в его жизни была по-настоящему большая и светлая любовь. Именно этой девушке Есенин в 1916 году посвятил свое стихотворение «*Не бродить, не мять в кустах багряных...*». В нем он прощается со своей избранницей навсегда и словно бы предчувствует ее скорую гибель. Действительно, в 1918 году Анна Сардановская вышла замуж, и поэт навсегда потерял ту, которую любил. А в 1921 году молодая женщина скончалась во время родов, о чем Есенин узнал лишь через несколько лет. (Ср. «КРУГОЗОР» 1990 <http://pishi-stihi.ru/ne-brodit-ne-myat-v-kustah-bagryanyh-esenin.html>.)

<p>Сергей Есенин</p> <p>«НЕ БРОДИТЬ, НЕ МЯТЬ В КУСТАХ БАГРЯНЫХ...»</p> <p>Не бродить, не мять в кустах багряных Лебеды и не искать следа. Со снопом волос твоих овсяных Отоснилась ты мне навсегда.</p> <p>С алым соком ягоды на коже, Нежная, красивая, была На закат ты розовый похожа И, как снег, лучиста и светла.</p> <p>Зерна глаз твоих осыпались, завяли, Имя тонкое растаяло, как звук, Но остался в складках смятой шали</p>	<p>Перевод Жужи Раб: Szergej Jeszenyin</p> <p>ВOKRAINK KÖZT</p> <p>Bokraink közt már az ősz barangol, kóró lett a fényes laboda. Zizegő, szép zabkéve-hajadról nem álmodom többé már soha.</p> <p>Arcod haván bogyók bíbor vére – szép voltál, te kedves, illanó! Szelíd, mint az alkony puha fénye, s fehérén sugárzó, mint a hó.</p> <p>Szemed magvai kihulltak régen, neved, a törékeny, messze szállt. Gyűrött sálam őrzi már csak híven</p>
---	--

Запах меда от невинных рук. (...) (1916)	fehér kezed hársméz-illatát. (...) (1978)
--	---

Для сравнения цитируем два новых перевода на венгерском языке:

Перевод Арпада Галгоци	Перевод Яноша Ердейи З.
<p>Szergej Alekszandrovcics Jeszenyin</p> <p>„MIT BOLYONGJAK...”</p> <p>Mit bolyongjak, bíbor bokrok alját Mít tiporjam? Eltűnt, mint a nyom; Dús hajad zabkéve-zuhatagját Vissza már hiába álmodom!</p> <p>Mint hamvas bogyók pirosuló nedve, Bőrödön úgy tetszett át a vér, Szép voltál, mint színes naplemente, S mint a hó, sugárzó és fehér.</p> <p>Szemed magva mind kipergett, összeszáradt, Finom, halk neved elolvadt, mint a hang, De a sálamból mézillat árad: Szűzi két kezed nyomán fogant. (...) (2002)</p>	<p>Szergej Jeszenyin</p> <p>„BIBOR CSERJE KÖZT NE JÁRJ HIÁBA...”</p> <p>Bíbor cserje közt ne jáRJ hiába, labodának nyomát sem leled. Kéve-hajad zabszín ragyogása mindörökre tovatűnt veled.</p> <p>Bőrödön bogyók piros levével oly varázsos voltál, kedvesem, mint az alkony rózsaszínű fényben, s mint a szűz hó, tiszta sejtelem.</p> <p>Kipergett szemednek gyémánt magva, halk neved felitta sűrű csend, ám még sálam ráncába takarva kis kezed mézlő illata leng. (...) (2014)</p>

Метафоризация пейзажа в поэзии Есенина

В стихотворении Есенина центральную роль играет метафоризация протекания времени. Это в когнитивной стилистике называется структурной, концептуальной метафорой. Протекание времени показывается как изменение природы во временах года весны, лета, осени и зимы. В стихотворении Есенина любовь к девушке постепенно стихает во времени, а время идёт, как после лета следует осень и зима. Следы лета

напрасно искать в осеннем краю, они забываются. Образ любимой девушки показывается у Есенина средствами метонимии через явления летней природы: волосы её как овсяные снопы. Кожа как алые ягоды, как розовый закат. Включается вдруг и природа зимы, когда сравнивает кожу со свежим снегом. Это неслучайно, ведь в жизни русского человека из-за климатических условий зима имеет важное значение, намного важнее чем в Венгрии. Глаза как спелые зерна – все приметы лучистого плодотворного лета.

В тексте метонимия, по другому переименование вызывает эффект через переносное употребление слова на основе смежности, соприкосновения обозначаемых явлений, ассоциаций (ср. РОМАНОВА – ФИЛИППОВ 2006: 290). Одновременно метафоризация поднимает ценность выразительности текста. Впечатлительность и чувствительность действительности даёт новые перспективы читателю для точного восприятия внутреннего и внешнего мира человека (ср. ФОНАДЬ 1999: 211-214). Восприятие поэтического образа, это пульсация тождественности и нетождественности. Подчёркиваются эмотивно и не конкретно физические группировки сигналов и знаков, которые в синтаксической связи, но семантически не компатибельные друг с другом. (*«Не бродить, не мять в кустах»* в этот раз семантически не имеет конкретное значение, а выражает *«не стоит вспоминать о прошлом»*). Так получают образы новое, эмоциональное значение. Они обогащают процесс восприятия и влияют на формирование значения в сознании читателя (ср. КЕМЕНЬ 2002: 33-35).

Стилистические особенности перевода Жужи Раб

Перевод Жужи Раб многие лингвисты и литераторы анализировали, подчёркивали прежде всего его поэтическую гармонию, тождественность мироощущения поэта и переводчика (СИГЕТИ 2017: 149-154). В переводе есть уже в начале ключевые слова, которых у Есенина нет, но всё-таки целенаправленно помогает читателю в изложении метафоризации: *«В кустах уже бродит осень / стебелем стал светлый лист лебеды./ Шуришающий, красивый сноп волос твоих овсяных / мне не снится больше никогда»*. Олицетворение осени (*бродит осень*), антитеза в обороте *«стебелем стал светлый лист»* усиливает поэтическое содержание. Строчка *«Отоснилась ты мне навсегда»* в венгерском переводе показывается с другой перспективы концептуальной ситуации *«со временем всё забывается»* словами: *«Мне не снится больше никогда»*. Другие венгерские переводы не могут так точно, логично и ясно описать концептуальную ситуацию уже в начале стихотворения, что играет центральную роль в семантизации содержания в сознании читателя.

Кроме концептуальной метафоризации у Жужи Раб имеет особое значение и музыкальность текста, звукоподражание и звуковая символика. Уже в начале стихотворения видим аллитерацию, специальное

повторение в нескольких словах высказывания согласных «Б» и «Д» для выразительности ритмики шагов, изобразительности осени в первых строках «*Не бродить, не мять в кустах багряных/ Лебеды и не искать следа*», только у неё остаётся неизменной: «*Bokraink közt már az ősz barangol,/ kóró lett a fényes laboda*».

Эта музыкальность характеризует у Жужи Раб и свою собственную лирику. Основа этой поэтической образованности восходит к школьным годам, когда у отца она систематически занималась греческими и латинскими авторами, античными формами стихостроения. Она могла отождествляться не только с мышлением Есенина, но даже в его поэтической структуре дальше развивать семантическую тему. Она могла делать Есенина своим знакомым для венгерского читателя через колорит лексического и звукового состава и музыкальность текста.

Дискурс, интертекстуальность, интердискурсивность в переводе

Этап функционального описания текстов, т.е. коммуникативно-прагматический этап постепенно уступает место когнитивно-ориентированному анализу, поставившему в центр внимания процессы производства и восприятия текста, который рассматривается как результат ментальных процедур по получению, обработке, репрезентации и хранению человеческого знания (НИКОЛАЕВА 2000: 412-413). Видно, что текст как коммуникативная величина не ограничивается лишь языковой составляющей (ЧЕРНЯВСКАЯ 2009: 8).

Дискурс – язык, используемый в речи или на письме, – как форма «социальной практики», «диалектической зависимости»: с одной стороны, дискурс конституирует ситуации, объекты познания, людей – субъектов познания, а с другой – сам формируется этими параметрами (ВОДАК 1996: 266).

Дискурсолог И.С. Шевченко рассматривает проблемы дискурса, дискурсивных категорий, интердискурсивности в когнитивно-коммуникативном ракурсе. Предлагает объяснение интердискурсивности как интегральной гиперкатегории в восприятии текста (ШЕВЧЕНКО 2015: 189). По определению Н.Д. Арутюновой: «Дискурс – (от франц. discours – речь) – связный текст в совокупности с экстралингвистическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» (ЯРЦЕВА 1998:137).

Выводы

Эквивалентность художественного перевода на уровне способа выражения, на уровне синтаксических конструкций, а также на уровне языковых знаков, грамматических средств отчасти зависит от передачи стилистических фигур и метафор такими же средствами стилистики на

целевом языке. Несомненно, это высшее требование к переводу, которое полностью, наверное, едва ли достижимо, но отчасти может реализоваться как особые маркеры стиля оригинального текста. Художественный перевод, это особый вид интерпретации и передачи в художественном тексте специфической атмосферы иноязычного оригинала, герменевтическая рефлексия является необходимым условием процесса этой интерпретации. Жужа Раб вполне соответствовала этим требованиям, так она могла стать достойным венгерским голосом Сергея Есенина. Она могла бы жить и творить и дальше, но она трагически умерла в 72-летнем возрасте. Стоит вспоминать не только её переводческое значение, но и поэтическую, писательскую и публицистическую деятельность в 2018-ом году, в 20-летний юбилей ухода её из жизни.

Литература

- АЛЬБЕРТ 2006 = ALBERT Zs. Legenda Rab Zsuzsáról // Forrás 2006:01. 75-89.
<http://www.forrasfolyoirat.hu/0601/albert.pdf> (2018-06-21)
- БЕРЕШ 1965 = VERES M. Az orosz líra századai // Tiszatáj 1965. 7. sz. 583-585.
http://tiszataj.bibl.u-szeged.hu/3775/1/tiszataj_1965_007_583-585.pdf (2018-06-21)
- ВОДАК 1996 = WODAK R. Disorders of Discourse – London: Longman. 1996.
- КЕМЕНЬ 2002 = KEMÉNY G. 2002. Bevezetés a nyelvi kép stilsztikájához. Budapest: Tinta Könyvkiadó. 2002.
- КОРМОШ 1965 = KORMOS I. Sárkányölő // Magyar Műhely 1965. III/12.
<http://dia.pool.pim.hu/html/muvek/KORMOS/kormos00001/kormos00150/kormos00150.html> (2018-06-21)
- «КРУГОЗОР» 1990 = Репортаж радиопередачи - без автора. 1990:9. <http://pishi-stihi.ru/ne-brodit-ne-myat-v-kustah-bagryanyh-esenin.html>. (2018-06-21)
- НИКОЛАЕВА 2000 = НИКОЛАЕВА Т.М. От звука к тексту. – Москва: «Языки русской культуры», 2000.
- СИГЕТИ 2017 = SZIGETHI A. A szellem anyajegyei – Lermontovtól Ulickájáig. Родинки души –от Лермонтова до Улицкой. Budapest: Protea Kulturális Egyesület, 2017.
- РОМАНОВА – ФИЛИППОВ 2006 = РОМАНОВА Н.Н., ФИЛИППОВ А.В. Стилистика и стили. Москва: «Флинта», 2006.
- РУСОВА 2004 = РУСОВА Н. Ю. От аллегории до ямба. Терминологический словарь-тезаурус. Москва: «Флинта-Наука», 2004.
- ЧЕРНЯВСКАЯ 2009 = ЧЕРНЯВСКАЯ В.Е. 2009. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. Учебное пособие. – Москва: «Либроком», 2009.
- ШЕВЧЕНКО 2015 = ШЕВЧЕНКО И.С. Этюды об интердискурсивности 2015.
<http://rgnotes.onu.edu.ua/article/viewFile/51918/47819> (2018-06-21)
- ФОНАДЬ 1999 = FÓNAGY I. 1999. A költői nyelvről. Budapest: Corvina Kiadó, 1999.
- ЯРЦЕВА 1998 = ЯРЦЕВА В. Н. Большой энциклопедический словарь (под ред. Ярцевой В.Н.) Москва: Большая Российская Энциклопедия, 1998.

Источники

- Сергей ЕСЕНИН *Не бродить, не мять...* <http://pishi-stihi.ru/ne-brodit-ne-myat-v-kustah-bagryanyh-esenin.html> (2018-06-21)
- Перевод Жужи РАБ (Rab Zsuzsa): In: E. Fehér Pál – Lator László szerk. *Klasszikus orosz költők II*. Budapest, Európa Könyvkiadó, 1978. 554-555.
- Перевод Арпада ГАЛГОЦИ (Galgóczy Árpád): In: Galgóczy Árpád, *A Volga felett*. Válogatás a XIX–XX. századi orosz költészetből. Budapest, Eötvös József Kiadó, 2002. 221.
- Перевод Яноша ЕРДЕЙИ З. (Erdélyi Z. János): In: Szergej Jeszenyin ...*kéklő holdas fény-tükörben*. Сергей Есенин ... *в этот ответ лунный, синий*. Válogatott versek Erdélyi Z. János fordításában. Избранные стихотворения в переводе Яноша Ердейи З. Eger, 4 pont Nyomda Kft, 2014. 66-67.

Belkisa Dolić – Đuro Blažeka
(Bihać, Bosna i Hercegovina – Zagreb, Hrvatska)

DISKURSNE I PRAGMATIČKE OZNAKE
U MJESNOME GOVORU SKOKOVA

Abstract: This paper deals with the discourse structure signals (phasic indicators, connectors and hesitation forms) and the indicators of speaker's intent (modifiers) in the local speech of northwestern Bosnia, namely Cazinska krajina. We will show how speakers of this particular local speech begin or finish conversation, connect parts of discourse, how they introduce digression, which language parasites are the most prominent in their use of the language, and which words are used to reinforce the illocutionary component of their statements, i. e. to express their attitudes to the proposition of their or other speakers' statements aiming to achieve a certain impact on the conversant. As such, the paper represents the synthesis of three linguistic disciplines: discourse analysis, pragmatics and dialectology.

Keywords: *interaction, discourse markers, pragmatic markers, local speech*

1. Uvod

Popisivanje inventara diskursnih i pragmatičkih oznaka te opisivanje konteksta njihove upotrebe u standardnome bosanskome jeziku još uvijek nije bilo predmetom iscrpnih studija iako se za tim već odavno osjeća potreba. Za početak krenut ćemo od mjesnih govora (čiji je repertoar pragmatičkih i diskursnih oznaka – naročito konektora – nešto manji od repertoara istih u standardnome jeziku, ali nipošto oskudniji: za govornike koji se njime služe on je sasvim dostatan), tačnije govora Skokova, naselja nadomak Cazina s jedne i Velike Kladuše s druge strane. Kvalitetnu građu za opis diskursnog i pragmatičkog podsistema bilo kojega sistema nije moguće ekscerpirati iz upitnika, već isključivo iz dijaloga, ali ne samo iz dijaloga s ispitanicima, nego iz dijaloga između ispitanika (znatnu uštedu vremena i truda moguće je postići ako je jedan od istraživača i sam maternji govornik ispitivanoga govora, što ovdje i jeste slučaj).

Nakon što izložimo neke postavke našeg razumijevanja pojma „diskursne“, a potom i „pragmatičke oznake“ (definicija, funkcije, taksonomija), pristupit ćemo popisivanju svih jedinica koje se pojavljuju – a koje smo uspjeli zabilježiti – na diskursnoj i pragmatičkoj razini pomenutoga sistema (govora Skokova), njihovome sortiranju u potkategorije i teoretskom opisu konteksta upotrebe svake potkategorije ponaosob. Zbog opširnosti teme konkretni

primjeri neće izostati samo kod nekih specifičnih jedinica, a one će – nadamo se – biti predmetom zasebnih studija, koje će se pozabaviti popisom, opisom i oprimgjerenjem svih njihovih diskursnih funkcija i pragmatičkih efekata. Zbog autentičnosti odlučili smo se bazirati na korištenje diskursnih i pragmatičkih oznaka od strane govornika prvenstveno treće – a moglo bi se slobodno reći i druge – generacije, bez obzira na to jesu li one (ne)podudarane s diskursnim i pragmatičkim oznakama korištenim u standardnome jeziku ili nekome drugome mjesnom govoru. Dakle, ovaj rad ima prevashodno (pragm)stilistički karakter, ali nesumnjivo može dati značajne podatke i dijalektolozima.

2. Pojmovno određenje termina „diskursne oznake“

Svaki diskurs kao osobit vid upotrebe jezika sadrži specifične interakcijske elemente koji se ne uključuju u formalno-gramatičke modele, a njihov doprinos koheziji i koherentnosti ne samo da je neosporan nego i nemali (up. ALJUKIĆ i KURTIĆ 2013). Riječi su to i konstrukcije koje premda integrirane u sintaksičko ustrojstvo rečenice, u njemu ne uzimaju učešće, odnosno nemaju status rečeničnih članova i nemaju nikakvih fleksijskih dodira s riječima i konstrukcijama koje to jesu. U semantičku strukturu su također utkane, ali tako da ne uzimaju učešće propozicijskom sadržaju iskaza, odnosno ne utiču na njegovu istinitost. Takvo što je moguće jer one imaju proceduralano¹ značenje (nekim je riječima oduvijek svojstveno, a neke su ga zadobile nakon procesa pragmatikalizacije), koje sadrži informacije o obradi i iskoristivosti riječi s konceptualnim značenjem² (NIGOEVIĆ 2011a: 68). Neki lingvisti će radije reći da je značenje diskursnih oznaka određeno njihovom upotrebom, što implicira da imaju mnoštvo potencijalnih značenja, koja se određuju konkretnim kontekstima i pravilima upotrebe, a ne nekom suštinom koju označavaju (up. PAVLOVIĆ – DŽINOVIĆ – MILOŠEVIĆ 2006: 367). Bilo kako bilo, kod diskursnih oznaka nije fokus na značenju koliko na funkcijama, a obično se ističu dvije – tekstualna i interakcijska budući da govornik pomoću diskursnih oznaka organizira tekst tako da bude interpretativno prihvatljiv za sugovornika u što većoj mjeri.

Iz sintaksičke i semantičke inepedencije diskursnih oznaka proizilaze i sve ostale njihove osobine: opcionalnost, invarijantnost, prozodijska odjeljivost i distribucijska mobilnost, ali s tendencijom ka inicijalnoj poziciji (up. YANg 2012; NIGOEVIĆ 2011b). Ove osobine su pobrojane po kriteriju važnosti, što znači da su prve tri bazične i nužne za članstvo u kategoriji diskursnih oznaka, dok posjedovanje svake od dodatnih osobina određenu diskursnu oznaku samo približava prototipu date kategorije.

¹ Ili pragmatičko značenje: „pragmatika = značenje minus istinosni uvjeti“.

² Konceptualno značenje zahtijeva proces dekodiranja (polazište: znak, cilj: rekonstrukcija poruke), a proceduralno procesa inferencije (polazište: skup pretpostavki, cilj: niz zaključaka).

2.1. Fatički indikatori

Diskursne oznake koje služe za uspostavljanje, održavanje, upravljanje i okončavanje (jednom riječju reguliranje³) diskursnog toka uobičajamo zvati fatičkim indikatorima budući da je sve prethodno pobrojane funkcije moguće podvesti pod modifikator „fatički“. Za potrebe ovog rada fatičke indikatore sortirali smo na sljedeći način:

- a) invokativne oznake,
- b) inicijalne oznake,
- c) interaktivne oznake,
- d) finalne oznake i
- e) eksvokativne oznake.

Invokativne oznake, kao što to i njihov transparentni naziv signalizira, invociraju komunikaciju, odnosno uvode sugovornike u verbalni interakcijski proces (up. PINTARIĆ 2002). Ta uloga obično pripada pozdravima, a ni u ovome mjesnom govoru nije drugačije. Ranojutarnja forma pozdrava glasi *Sabahajrula!*, a večernja *Akšam hajrula!* (otpozdrav je u oba slučaja *Ala razile!*) i zajednička je za oba pola⁴, što nije slučaj s dnevnom varijantom pozdrava. Naime, muškarci se u svako doba dana međusobno pozdravljaju s *Meraba!*, dok žene pozdravljaju i bivaju pozdravljene s *Kako si?*, odnosno *Kako ste?*. Zanimljivo je spomenuti da u ovome govoru nije zastupljeno persiranje, ali da forma *Kako je?* ukazuje na distanciran odnos među sugovornicima (npr. kad mlađa žena pozdravlja stariju ili pak žena muškarca i obratno). Svima njima je zajedničko jedno – uspostavljanje komunikacije među potencijalnim sugovornicima, tj. poticanje razgovora.

Pintarić (2002) od tipičnih pozdrava odvaja klišeizirane govorne fraze koje ih u stopu prate (npr. *šta ima?*, *kako je?*) i naziva ih retoričkim pitanjima, što ona u principu i jesu – na njih niko ne očekuje realan odgovor, tj. odgovor sa značajnom informacijom. Za ta retorička pitanja („standardne foskule“) kaže da mogu zamijeniti pozdrav. U ovome mjesnom govoru, kao što smo vidjeli, one ne nadomještaju pozdrav – one su postale tipičan pozdrav (*Kako si / ste / je?*).

Kada je u pitanju podjela govornih uloga u pozdravljanju, stvari stoje ovako: *Sabahajrula / Akšam hajrula!* i *Meraba!* govori onaj koji dolazi / prilazi; gost prilikom ulaska u nečiji dom pita *More l' se?* (odgovor: *More, moreee!*) ili *Ima l' bujruma?* (odgovor: *Ima, ima! / Bujrum, bujrum!*) – riječima *O, mumine!* (obično) najavljuje svoj nepozvani ulazak – a domaćin ga pozdravlja nakon što sjedne; u slučaju da su negdje prisutni dvoji gosti, oni koji su došli prvi ustaju i

³Baš kao što saobraćajni znakovi reguliraju tok saobraćaja. Uzmimo za primjer semafor: zeleno svjetlo možemo poistovjetiti s diskursnim oznakama koje signaliziraju da je govornik dobio ili (još uvijek) ima prvenstvo, tj. pravo na riječ, a njegovome sugovorniku je tada, naravno, crveno – i obratno – dok žuto svjetlo možemo poistovjetiti s diskursnim oznakama koje najavljuju skoru izmjenu govornih uloga.

⁴I jedina dva pozdrava koja koriste ukućani kada se međusobno pozdravljaju.

pozdravljaju novopristigle nakon što ovi sjednu. U slučaju da se potencijalni sugovornici nađu na otvorenom prostoru, pozdrav upućuju (novo)došljaci.

Od prethodno opisanih pozdrava, koji podrazumijevaju izvjesni boravak sugovornika u / na zajedničkom prostoru, razlikujemo pozdrave u prolazu (s tim da je samo onaj koji pozdravlja u prolazu, a onaj koji otpozdravlja je na vlastitom terenu, npr. u svome dvorištu, bašti, njeni), koji pretežno dolaze u jednoj od sljedeće tri forme: *Šta se radi?* (otpozdrav: *A vajak nješto!* ili *A evo...*), *Hoće l' to?* (otpozdrav: *Hoće, hoćeee!*), *J l' rodlo / horno / nakislo (Pa jes!), Da nije ugrijalo?* (otpozdrav: *Jes bogami!*)... Ova vrsta pozdrava nema za primarni cilj uspostavu komunikacije (premda je ne isključuje), nego je znak kulture i uljudnosti.

Što se selama tiče, on se u ovome govoru pojavljuje u poslijeratnom periodu, ali među trećom generacijom još uvijek nije zaživio, na šta osim rijetke upotrebe upućuje i neustaljenost njegove forme: *Selam alejć(u) / ale(j)ku!* (otpozdrav je pak uobičajen i glasi *Alejćimu selam!*). Kad su u pitanju praznici, u ovome mjesnom govoru čestitaju se samo bajrami i to riječima: *Bajram bajrić!* (odgovor je *Ala razile!*).

Posebnu vrstu fatičkih indikatora čine inicijalne interaktivne oznake koje služe za započinjanje konverzijskog obrasca ili replike (tu, dakle, spadaju i oznake za preuzimanje prava na riječ), a u ovome govoru tu funkciju na sebe redovno preuzima uzvik *Hej!* ili pak konstrukcije *Bog vam davo!*, *Ništa onda, E vako...* Prsilno preuzimanje prava na riječ čini se uz pomoć konstrukcije: *Han' de!* U njih ubrajamo oznake za skretanje pažnje *Dite...*, *Pajz de...* i oznake *Poče...* i *Ne kažem ja tebi...*⁵, koje se koristi za uvođenje nove teme, inicirane nekom informacijom iz dotadašnje konverzacije, koja ju je asocijativno prizvala. U standardnom jeziku u istoj funkciji koristi se *Zbilja...* ili pak *Kad smo (već) kod toga...*, a svima njima je zajedničko da se koriste i prilikom uvođenja „hinjenog“ prisjećanja (dakle, onda kada je neku temu iz određenog razloga nelagodno, tj. neučtivo otvoriti) (up. NIGOEVIĆ – NEVEŠĆENIN 2011):

Zbilja / Kad smo već kod toga / Poče, šta će biti s vašom kućom kad i majka umre?

Poslije inicijalnih a prije finalnih oznaka protežu se interaktivne oznake, uz pomoć kojih govornik provjerava da li je komunikacijski kanal još uvijek prohodan i održiv, odnosno provjerava da li ga sugovornik razumije i da li ima njegovu pažnju / podršku. Ta uloga u ovome mjesnom govoru pripada konstrukciji *je l' de?*. Interaktivne oznake nužno (budući da je interakcija dvosmjernan proces) uključuju i posebno dizajnirane jezičke formulacije kojima sugovornik signalizira govorniku tokom njegovoga (naročito produženoga) govornog poteza da je aktivni učesnik (zajedničke im) konverzacije, ali da još uvijek nema namjeru preuzeti govorničku poziciju (up. KURTIĆ – ALJUKIĆ

⁵ Ove dvije oznake mogu se i kombinirati: *Poče, ne kažem ja tebi...*

2013). Drugim riječima, (su)govornik⁶ šalje niz povratnih informacija tipa: pratim te i shvatam (npr. *da-da*), iznenađen sam, zatečen ili čak šokiran (npr. *Ha?! Videee!, Ma de /ti šuti!/, Pošaj!, Ma hani /brete!/, Baaaš?!/, Taaa!, Ta muči!, Ta sestro /lipa!/, Tobe /jarabi!/, Estakvirla!, Kuku!, Ccc!*) slažem se (npr. */pa/ da, /h/a-ha, jes-jes*), ne slažem se (npr. */ma/ jok, ma kaki*), požurujem te ili potičem (npr. *dede*)... bez pretenzija da opširnije prokomentariše.

Nasuprot inicijalnih oznaka stoje oznake za nagovještavanje kraja replike, koje se mogu interpretirati kao oznake za davanje prava na riječ ili pak oznake za završavanje konverzacijske jedinice, a moguće i za zaključivanje konverzacije (NIGOVIĆ 2010). Te oznake u ovom radu zovemo finalnim oznakama, a u istraživanome govoru ih nalazimo u sljedećim formulacijama: *et!..., i tako (bom)..., a de šta 'š...⁷* Prisilno okončavanje nečijega govornog poteza ili cijelog dijaloga najčešće se čini uz pomoć konstrukcije: *Amo nijedne (više)!*

Na kraju ovog poglavlja spomenimo i pozdrave na odlasku, koje možemo nazvati eksvokativnim interaktivnim oznakama jer su „dio rituala“ eksvokacije, kraja komunikacije i susreta. Oni signaliziraju miroljubiv ne samo završetak konverzacije nego i rastanak, a u tematiziranome mjesnom govoru glase: *Alahimanet!* (otpozdrav =) ili, rjeđe (tj. arhaičnije), *Ej vala!* (otpozdrav: *Ej sahtile!*). Iza njih također dolaze standardne foskule: *Dođte! Nemojte šta zamirti!*, ali ih ne mogu nadomjestiti (up. PINTARIĆ 2002).

Sve jedinice koje smo netom spomenuli imaju izrazitu dijalošku narav, vezane su isključivo uz govornu domenu jezika, kontekstualno su uslovljene, označavaju, tj. omeđuju diskurs ili njegove odsječke, dolaze u inicijalnoj poziciji iskaza, uglavnom su neflektivne, intonacijski i sintaksički neovisne, semantički isprazne, a nerijetko i fonološki okrnjene. Posjedovanje svih ovih svojstava fatičkim indikatorima daje za pravo da ih se prozove prototipnim diskursnim oznakama.

2.2. Konektori

Diskursne oznake koje učvršćuju i unose reda u strukturu diskursa na način da uvezuju i uspostavljaju odnose među njegovim dijelovima (iskazima, manjim ili većim odsječcima) nazivamo konektorima (up. BADURINA 2008: 36-37). Konektori su za nas oni signali ko(n)tekstualne uključenosti rečenice kojiima su svojstvena sljedeća obilježja: invarijantnost, inicijalna pozicija te gramatička / semantička indepedencija i opcionalnost. Drugim riječima, konektori su neflektivne riječi / konstrukcije, koje stoje na početku iskaza odakle mogu biti uklonjeni a da ne naruše njegov sintaksički ustroj, ali ni semantički budući da ne vrše nikakav uticaj „na istinite uvjete pretpostavke izrečene jezičnim iskazom“, nego ograničavaju „izvođenje inferencija između

⁶ Ovaj način pisanja („su“ u zagradi) ima namjeru sugerirati da u tom slučaju govornik govori kao sugovornik.

⁷ Katkad istu funkciju obnaša i rečenica: *Fala đe čula i ne čula.*

dvaju iskaza dodavanjem, pojačavanjem ili opovrgavanjem prethodnih pretpostavaka ili pak aktiviranjem određenih tipova konteksta“ (VICKOV 2010: 103). Prema tome, konektori imaju ključnu ulogu u razvijanju progresije teksta i u tome se ogleda njihova tekstualna funkcija. No, oni još i zastupaju govornikovu procjenu uloge koju iskaz (čiji su dio) ima u sklopu diskursa (čiji je on dio), a njome se recepijent služi kao orijentir u interpretaciji i u tome se ogleda njihova interakcijska funkcija.

Ovaj mjesni govor ima većinu konektora koje ima i neki drugi narodni govor ili pak standardni jezik, npr. amplifikativni: *prvo i prvo*, specijalni: *ondak*; eksplikativni: *ako 'š pravo, hoću reći*; konfrontativni: *a kad vamo*, koncesivni: *valja mriti / dahnuti dušom, svedno*, konkluzivni: *i tako bom, al' de šta 'š, znači, bilo kako bilo...*, no u upotrebi su najčešće gramatički konektori: *i, pa, a, ali*. Međutim, većina njih je polifunkcionalna, tj. ima najmanje dvije konektorske funkcije, a *i* čak nekoliko: ono, naime, može razvijati temu, uvoditi suprotnost, zaključak ili pak intenzivirati (up. PRANJKOVIĆ 1984). Upravo zbog te multifunkcionalnosti i jeste općenito najfrekventniji među konektorima.

Ono što je u proučavanome govoru naročito zanimljivo po pitanju ove vrste diskursnih oznaka jeste postojanje interpasusnih konektora, koje govornici upotrebljavaju s vremena na vrijeme u toku produženoga govornog poteza (npr. prilikom prepričavanja davno prošlih događaja) i to obično na mjestima predaha. Njihova je uloga, dakle, omogućiti govorniku kratku pauzu, a da se ipak ne naruši diskursni kontinuitet. Radi se o konstrukcijama *kako bilo da bilo, moj junače, moj ti sinko, moj brete, moja ti, Bog ti davo, i bome*. U slučaju da ih govornik upotrebljava prečesto ili da pak upotrebljava uvijek isti interpasusni konektor, sugovornik će ih / ga doživljavati kao poštapalicu.

Bilo kako bilo, konektori su i ovdje vezni elementi na nivou diskursa⁸, koji doprinose njegovoj kohezivnosti i koherentnosti tako što uspostavljaju i reguliraju kataforičko-anaforičke relacije među konstituentima mu (iskazima, manjim ili većim dijelovima, cjelinama⁹). Iskaz koji započinje nekim od konektora zapravo se nadovezuje na prethodni kontekst, a priroda tog nadovezivanja može biti raznovrsna (otud govorimo o organizacijskim, aditivnim, suprotnim, zaključnim, modalnim i sl. konektorima)¹⁰.

2.3. Poštapalice

Diskursne oznake koje govornici koriste s namjerom da izbjegnju diskursni diskontinuitet, a njime ga upravo stvaraju nazivamo poštapalicama. Svaki govornik nastoji proizvoditi tečan govor, koji nije isprekidani nepoželjnim pauzama jer je svjestan da jedino takav produkt djeluje ugodno uhu njegovog

⁸ Sesar (2005) im u funkciju stavlja hijerarhizaciju teksta.

⁹ Up. s objašnjenjem pojmova mikrostruktura i makrostruktura kod Van Dijka (1976).

¹⁰ Ovdje nismo ponudili svoju klasifikaciju konektora budući da već postoje iscrpne i odgovarajuće kod, naprimjer, Silića (1984), Velčić (1987), Nigoević (2010)...

sagovornika, a i njemu samom kad je u poziciji *preko puta* (tj. u sugovoričkoj ulozi). Međutim, misao i mogućnost njene jezičke produkcije ne idu uvijek simultano i čovjeku se može desiti da onaj misli koju želi izreći nije u stanju monumentalno pridružiti odgovarajuće izraze pa mora u svome mentalnom leksikonu tragati za njima. To traganje može biti kratkotrajno, ali može i potrajati pa da bi postigao kakvu-takvu uvezanost segmenata iskaza i zadržao govorničku ulogu, govornik poseže za nekim popunama, koje se baš i ne uklapaju u ko(n)tekst, ali ih on očito smatra prihvatljivijim od tajca (up. PINTARIĆ 2002; ALJUKIĆ – KURTIĆ 2013). Govornici Skokova u toj situaciji najčešće koriste forme: *pomozi mi reći, de mi pomozi, kako ono bi, kako se kaže, ovaj...*

Poštalicama smatramo i riječi *rekoh, kaže / veli* kada su u upravnom govoru neumjesno frekventne. Isti je slučaj i sa prethodno pomenutim interpasusnim konektorima.

Zaključak: ukoliko se neka od diskursnih ili pragmatičkih oznaka preučestalo i nekontrolisano koristi, postaje poštalicom. Ali tu već zalazimo u područje idiotila, odnosno govorimo o individualnim poštalicama.

3. Pragmatičke oznake

Informacija se, poput novca, često daje, a da se ne zna kako će je onaj koji prima, upotrijebiti (Grice u Kordić 1990: 100).

Diskursne oznake su elementi koji signaliziraju diskursnu strukturu i jačaju tekstualnu koheziju i koherenciju, dok su pragmatička oznake elementi kojima je svojstveno međusubjektivno značenje – elementi s unutarnjom, ličnom vrijednošću, koji služe interaktivnim ciljevima (Nigoević i Burić 2015: 445). No, šta bi to moglo da znači?

Pragmatičke oznake su jezički entiteti koji signaliziraju komunikativne nakane govornika i to na način da usmjeravaju interpretacijski proces, odnosno ograničavaju komunikativne inferencije kod sugovornika (up. NORRICK 2007: 162; DŽANKO 2010: 57). Jednostavno rečeno, govornik nema za cilj puko prenošenje poruke, on svakako nastoji sugovorniku pomoći u njezinome prepoznavanju. Jedan od načina da izbjegne raskorak između namjeravanog (tj. svog) i protumačenog (tj. sugovornikovog) smisla ili da poštedi sugovornika velikoga kognitivnog napora pri obradi upućene mu poruke jeste upotreba pragmatičkih oznaka, koje će sugerirati onu inferenciju koja najpreciznije odražava njegov smisao (up. VICKOV 2011: 272; PRČIĆ 2008).

U ovome radu bavit ćemo se isključivo pragmatičkim oznakama koje sa diskursnim oznakama dijele bazična obilježja (neflektivnost, gramatičku i semantičku indepedenciju / opcionalnost) i interakcijsku funkciju, dakle modifikatorima.

3.1. Modifikatori

Modifikatori su pragmatičke oznake koje govorniku služe da iskazivanjem vlastitog stava prema propoziciji suzi kontekstualne koordinate kako bi

sugovornikovu interpretaciju usmjerio da bude što sličnija njegovoj komunikacijskoj intenciji (up. Schiffrin 1987: 322). Dakle, uz pomoć modifikatora govornik implicira kakav afektivni odnos ima prema onome o čemu se u iskazu priopćuje (up. Pranjkić 2008: 242) i time modificira čitav iskaz ili neki njegov dio, a sve to ne bi li akceptuaciju i interpretaciju informacije koju u njemu nudi usmjerio u željenome pravcu. Modifikatore govornik *imputira* u sintaksičko ustrojstvo, ali tako da rečenične članove ni na koji način ne čini o njima ovisnim. U propozicijsku strukturu ih također upliće, ali ne kao neizostavne elemente, niti kao „strana tijela“, nego kao „emotivni premaz“ – njihov je zadatak djelovati na ilokutivnu komponentu iskaza (zato su u anglosaksonskim studijama često nazivaju *illocutionary adverbials* ili ilokutijskim indikatorima u nekim našim¹¹) i to uspješno čine.

U službi ovih vrsta oznaka pretežno dolaze modalne riječi i izrazi, koji se kao parentetski elementi s više razine „uključuju“ u osnovnu rečeničnu strukturu i vrše emocionalnu aktualizaciju iskaza (kao samostalni signalizatori subjektivnosti daju rečenici određeno subjektivno modalno¹² obilježje) semantički proširujući ili sužavajući kontekst (up. Sesar 1992 i 2009).^{13 14}

¹¹ Npr. Glovacki-Bernardi (2004).

¹² Sve što je nama ovdje potrebno općenito o modalnosti rekla je Sesar (2001: 204) u citatu ispod:

Modalnost u širem smislu općenito se definira kao trostruk odnos – odnos između kazivača (njegove intencije), sadržaja iskaza (iskaz kao jedinica govora na jezičnom planu odgovara rečenici) i zbilje (obuhvaćene sadržajem iskaza). U tumačenju modalnosti načelno se razlikuju dva polazišta: jedno je pozicija (nakana)kazivača, tj. njegov mogući odnos prema zbilji, a drugo je način iskazivanja određenoga sadržaja, koji se očituje u načinu oblikovanja iskaza. Iz teorijskih razmatranja proizlazi da kriterij kazivačeve nakane naglašava moguća značenja sadržaja njegova iskaza i smješta pitanje modalnosti na semantički plan, dok način iskazivanja određenoga sadržaja i oblikovanja iskaza prenosi modalnost na formalno-sintaksičku razinu. Modalnost se u najširem smislu (i ne samo u sintaksama slavenskih jezika) definira kao sintaksičko-semantička kategorija s određenim formalnim (strukturnim) razlikovnim obilježjima, karakterističnim za pojedine jezike. Ta su razlikovna obilježja ujedno kriteriji za utvrđivanje polifunkcionalnosti, a time i moguće višeznačnosti pojedinih oblika i struktura (...)

¹³ Sesar (1992: 254) partikule definiše kao „modalno distinktivna jezična sredstva koja na razini iskaza (odnosno rečenice) signaliziraju određen tip odnosa između kazivača, sadržaja iskaza i realnosti“.

¹⁴ Bublitz (1978) također razlikuje 3 vrste modalnosti: kognitivnu, volitivnu i emotivnu modalnost. Prvom govornik iskazuje stepen istinosti propozicije, drugom utiče na sugovornikovo ponašanje ili izražava želju za promjenom radnje / situacije, a trećom iznosi stav o onome što ga povezuje sa sugovornikom (zajednička znanja, očekivanja, osjećaji i društveni odnosi). Za postizanje prve ključne su modalne riječi (modalne riječi su se nekad nazivale rečeničnim prilozima), za ostvarivanje druge modalni glagoli, a za realizaciju treće potrebne su modalne partikule. On je, znači, od onih autora koji povlače crtu razgraničenja između modalnih riječi i modalnih partikula tako

Modifikatori su, stoga, potkategorija pragmatičkih oznaka usmjerenih na sud govornika o statusu propozicije (PALMER 1990: 50, 2003: 7), tj. na odnos govornika prema sadržaju cjelokupnog iskaza ili nekoga njegovog dijela. Taj sadržaj tiče se objektivne stvarnosti, a odnos prema njemu može biti:

- govornik iskazuje svoj doživljaj sadržaja iskaza (kvalifikacijski modifikatori),
- govornik izražava svoju uvjerenosti ili sumnju u istinitost sadržaja iskaza (evaluacijski modifikatori),
- govornik naglašava sadržaj iskaza (emfatični modifikatori) i
- govornik ublažava sadržaj iskaza (litotični modifikatori)

Govornik – ne tako rijetko – ima potrebu obznaniti sugovorniku viđenje, odnosno vlastiti doživljaj propozicijskog sadržaja svog ili njegovog iskaza s namjerom da utiče na sugovornikovo viđenje / doživljaj ili pak da izrazi poistovjećivanje – istovjetnost njihovih viđenja / doživljaja. Drugim riječima, govorno lice daje ličnu kvalifikaciju iskazu¹⁵ i pokušava istu takvu *postići* kod svoga sugovornika (up. PIPER 2005). Upotrebom oznaka koje su za to predviđene on to i čini u vidu svojevrsnoga kratkog komentara na iskaz, koji može biti pozitivna / negativna subjektivna procjena ili čuđenje (up. TEKAVČIĆ 1989). U ovome mjesnome govore govornici izražavaju pozitivnu subjektivnu procjenu modifikatorima *srećom, fala (dragom) Bogu; Bog ti / mu / joj davo; mašalna*. Ovoj potkategoriji modifikatora pridružiti ćemo i one pomoću kojih govornik upoznaje sugovornika sa svojom procjenom, ali mu istovremeno ostavlja prostora da se i on oglasi u vezi s istim: *da sam s tobom / na tvom mjestu, pošaj ovu budalu*. Negativnu subjektivnu procjenu izraziti će korištenjem: *ne daj (ti lipi) Bože, Bože (ti) sačuvaj, Bože (ti) zakloni, Bog te / ga / je viđo, Bog ti / mu / joj ne do, Bog ti / mu / joj sudijo, alasalamet, zlo te ne šćelo, jedna ti majka, majka mu stara, gluho bilo, grdna rano / grdne rane, bolan, brete¹⁶, ćuti, al' de šta 'š*, a čuđenje izrazima *tobe jarabi, estakvirla*.

Kad govornik ono o čemu se priopćuje smatra izvjesnim (faktivnim),¹⁷ dat će to do znanja svome sugovorniku upotrijebivši modifikatore predviđene za iskazivanje govornikove procjene o stepenu istinitosti iskaza (zato ih SESAR

što za obje ustanovljava da modificiraju iskaz s tim da prve karakteriziraju neki sintaksički odnos, tj. imaju sopstveni sintaksički status, i utiču na istinitost iskaza, dok druge karakteriziraju određene riječi, ne mogu biti odgovor na pitanje niti biti negirane, inicijalna pozicija za njih je isključena (ako su jednosložne) i ne uzimaju udjela u propozicijskom sastavu (up. ADMONI 1970; BUBLITZ 1978; BRAUŠE 1986; DŽANKO 2010).

¹⁵ Subjektivna modalnost.

¹⁶ Ovaj primjer je tipičan primjer pragmatikalizacije – ne samo da je izmijenjen fonološki sastav nego je potpuno izbljedilo značenje (na što ponajbolje upućuje činjenica da će se ova pragmatička oznaka koristiti bez obzira na pol i srodstvo sa sugovornikom), a ojačala funkcija (izražavanje i naglašavanje nezadovoljstva). *De, mama, brete, okani ih se više*.

¹⁷ Objektivna modalnost (PRANJKOVIĆ 2009: 290).

2001 i zove evaluacijskim česticama). U ovome govoru u tu svrhu koriste se sljedeće riječi / konstrukcije: *bom(e), lje, bomrete (lje), vire (mi) / (lje)*,¹⁸ *Bogami, dinemi, takami dina / svega, kruhami, vala, valahi bilahi, vala baš, tašno, e(v)o ti ga vira, e(v)o glava, dašta*¹⁹, *ne moraš mi virovati...*

Kad govornik ono o čemu se priopćuje smatra neizvjesnim (potencijalnim, hipotetičkim)²⁰, odnosno kada postoji „ekviprobabilitet između afirmacije i negacije“ (Tekavčić 1989), svoju nedoumicu (dilemu, nesigurnost, neodlučnost, nevjericu) može izraziti modifikatorima kakvi su, naprimjer: *jemde, meščini / meščinde, pa makar*,²¹ *ako Bog da (inšalna)*²², *Bog je kadar, Bog zna najbolje, ako osvanem živa, izgleda, po svoj prilici, asle, slagacu...* U ovu grupu modifikatora svrstali smo i one čija je svrha dovođenje u pitanje istinitosti tuđih navoda / mišljenja / radnji, obično uz primjesu ironije: *kudoja, kukano, kavo, jemde lje*²³. Kao pak može sugerirati još i to da je tuđi navod manje-više doslovno prenesen, ali ne i upitan. Sve ove riječi govornik može iskoristiti i u svrhu ironiziranja čega unutar vlastitoga iskaza. Svi oni djeluju kao semantička ograničenja eksplicitnoga sadržaja iskaza (DEDAIĆ – MIŠKOVIĆ-LUKOVIĆ 2010).

Kada govornik stavlja akcenat, odnosno fokusira svoju i sugovornikovu pažnju na tačno određen dio iskaza želeći mu povećati ili umanjiti značaj, ima na raspoložanju čitav *dijapazon* modifikatora samo za to predviđenih. Zbog funkcije usmjeravanja diskursnog fokusa²⁴ pojedini autori ih nazivaju fokusnim

¹⁸ Pragmatička oznaka *lje* izražava apsolutnu uvjerenost u sadržaj rečenog, ali istovremeno i potencira riječ ispred koje je postavljena. Dakle, dvostruko pojačava ilokutivnu komponentu iskaza. Može se koristiti samostalno ili u kombinaciji s pragmatičkim oznakama *bome, vire* i uz sraslicu *bomrete* („bogme“ + „brate“). Kada se koristi kombinirano, ona u suštini intenzivira intenzifikator i tada ostavlja dojam neprikosnovene odlučnosti pa čak i inata.

¹⁹ Ali samo uz enklitičke oblike pomoćnih glagola: *dašta sam, dašta ćeš...* I obično se upotrebljava u ljutnji.

²⁰ Objektivna modalnost (PRANJKOVIĆ 2009: 290).

²¹ Konstrukcija *pa makar* u službi modifikatora dolazi isključivo na kraju iskaza i pritom prethodno rečenome stavlja etiketu „vrlo vjerovatno, ali uzeti s malom dozom rezerve, za svaki slučaj“: *Ja sam njega jučer vidla među onim narodom, pa makar.*

²² Dakle pleonastična upotreba (ar. *inšallah* – „ako Bog da“)

²³ Ova pragmatička oznaka dolazi u iskazu s upitnim tonom, gdje intenzificira ironizirajući efekat.

²⁴ Pod fokusom se podrazumijevaju „gramatički načini izražavanja raznih informativnih statusa koje neki rečenični element može imati“ (HALUPKA-REŠETAR 2011). Većina autora koji se bave tematikom fokusa razlikuju informacijski (prezentacioni) i identifikacioni (kontrastni) fokus. Prvi „označava nepresuponiranu prirodu informacije koju nosi“, dok drugi izražava iscrpnu identifikaciju i sličan je operaciji kvantifikacije. No pojedini fokus-operatori poput *čak* i *samo* nisu semantički kompatibilni s ulogom identifikacijskog fokusa jer ne indentifikuju podskup iscrpno, tj. podrazumijevaju postojanje drugih elemenata u podskupu (up. HALUPKA-REŠETAR 2011: 121-122).

partikulama, fokalizatorima, elementima koji izazivaju fokalizaciju, fokus-operatorima ili isticajnim oznakama (up. NIGOEVIĆ 2010). U slučaju da *naš* govornik izrečeno (dio ili cjelokupan sadržaj iskaza) želi pojačati, „podići na viši stupanj“ (TEKAVČIĆ 1989: 150), učiniti ekspresivnijim (BOŠNJAKOVIĆ 1980), poslužiti će se modifikatorima poput: *zbiljem*²⁵, *bilem*, *uzaver*, *tekar*, *ta*, *amo*, *lipo*, *baš*, *makar*, *ma (daj)*, *a*, *(a) de*, *e*, *i*, *pa*, *ta*, *samo*, *posve*, *da*²⁶, *hej*²⁷, *što*²⁸, *ni slučajno*, *ni po / za živu glavu*, *ne daj Bože*, *Bože sačuvaj*, *ako (za) Boga znaš*, *brete*, *laže*²⁹, *bez laži*...

Za ovaj tip modifikatora susrećemo mnoštvo nazivlja: specifikatori, intenzifikatori (pojačivači, naglašivači), nadopunjavači, graduativne partikule... Svaki od pomenutih naziva je smislen jer ove diskursne oznake uistinu mogu da pobliže odrede / preciziraju, istaknu, dopune kao i da graduiraju, odnosno izraze „stepen (*malo* više, *mnogo* dalje) ili ulogu potonjeg elementa u krugu istovetnih (*i ti*, *samo* on), kao i stepen očekivanja u odnosu na sledeći elemenat (*bar ti*, *baš* sad, *upravo* ovdje) i niz drugih nijansi značenja“ (MRAZOVIĆ – VUKADINOVIĆ 2009: 477). Međutim, svi su oni konkretni i donekle isključivi tako da predlažemo općenitiji naziv – emfatični modifikatori jer smatramo da jedino on može objediniti sve pobrojanje funkcije budući da svaka riječ koja spada u ovu skupinu diskursnih oznaka na neki način (npr. izoštravanjem slike, podizanjem na viši stepen, isticanjem maksimalnog dometa³⁰) emfazira smisao određenog – ne nužno susjednog – elementa u iskazu. Modifikatori uz pomoć kojih se iskazuje govornikova uvjerenost u istinitost iskaza također djeluju emfatično, ali to možemo uzeti za njihovu sekundarnu funkciju.

²⁵ *Zbiljem* (analogno *bilem*) nije permutabilno s evaluacijskim modifikatorima poput *stvarno* ili *doista*, nego s emfatičnim modifikatorom *bilem* („čak“). Dakle, riječi *zbiljem* i *zbilja* zapravo su pseudoanalogonimi.

²⁶ Partikula *da* se također može naći u pojačivačkoj ulozi uz pomalo drzak ton, npr.:

A: *Znaš li kuhati?*

B: *Znam da!* (U značenju: *Naravno da znam!*)

²⁷ Kao „iznenađujući“ (a ujedno i „pojačivački“) modifikator katkad može funkcionisati i uzvik *hej*:

A: *Pa ti si je mogla povesti, usput ti je.*

B: *Da, hej! Kako se toga nisam odmah sjetila.* (U značenju: *Da, stvarno!*,

odnosno, *Stvarno jesam!*)

²⁸ „Kao čestica *što* se najčešće upotrebljava kao svojevrsni intenzifikator uz komparative i superlative i može se opisati kao poredbena čestica kojom se pojačavaju poredbena značenja, npr. *što* više, *to* bolje; *Dođi što* možeš prije; *Obuci što* ljepšu haljinu; *Došli smo* najbrže *što* smo mogli; *Uvijek* radi najbolje *što* zna“ (Pranjkić 2010: 242). *Što* u ovoj funkciji Mrazović i Vukadinović (2009) nazivaju graduativnom dopunom komparativu priloga.

²⁹ Ovaj emfatični modifikator se koristi kada se nekog hvali na način da se stavi ispred glagola *biti* / *hjeti* u negaciji: *A još* kad napravi *pit*... *Laže*, *nema* joj *para*. / *Laže*, *nije* se *nijedna* sa *njom* usporedila.

³⁰ (TEKAVČIĆ 1989; NIGOEVIĆ 2010: 178).

Kada govornik želi iz kojekakavih razloga (pristojnosti, obazrivosti, samozatajnosti, nesigurnosti, neodlučnosti, neugodnosti, opreznosti, straha, zavidnosti, želje za neodređenošću / nepreciznošću...) umanjiti, prigušiti ilokuciju svoga iskaza, u njega će ukomponirati modifikatore kojima je svrha *oslabljivanje* kategoričnosti, tj. litotične modifikatore. To su: *što kažu, što je nekav viko*³¹, *pa, kavo, rećemo, hoću reći, ne bi ti zapovijedeno, kad moram reći, haman što ne bi rekla, Bože me ne ogriši, ne čuj Bože (iz mojih usta)*³², *da izvineš / prostiš*³³, *haman (ha), prilišno, haza, donjekle, baš, hajde, et... i tako...*

Ovi modifikatori većinom ublažuju iskaz s pozitivnom namjerom: zbog učtivosti prema sugovorniku, zbog izgrađivanja povjerenja, zbog ostavljanja dojma skromnosti... Njihova uloga je u svakom jeziku neosporna jer je princip pristojnosti uz princip kooperativnosti ključan za (naprednu) komunikaciju.

Zadnje dvije vrste modifikatora pojedini autori objedinjuju nazivom intenzifikatori pravdajući to pretpostavkom da intenzifikacija³⁴ može ići u nekoliko smjerova. Vukojević i Hudeček (2007: 330) tako razlažu intenzifikatore na one koji emfaziraju sadržaj iskaza (npr. *sve*), koji ga aproksimiraju (npr. *gotovo, /po/prilično, uglavnom*) i one koji ga minimiziraju (npr. *bar*). Kvantifikatorski modifikatori je također zastupljen naziv jer riječi koje se ubrajaju u ovu skupinu izriču različite aspekte kvantifikacije: preciziranje (*upravo*), intenzifikacija (*čak*), izricanje približnosti (*recimo, takoreći*), ograničenja (*jedino*)...

Pragmatičke oznake ovog tipa nisu „rečenični delovi, već više od toga, one su istovremeno i zamišljena nadređena rečenica koja izražava lični stav govornika i modifikuje³⁵ sadržaj celog iskaza“ (MRAZOVIĆ – VUKADINOVIĆ 2009: 466). Ne tiče se istinitosti iskaza, već očitosti, začudnosti i nivoa poznatosti (up. Bublitz 1978: 9). U skladu s tim za očekivati je da modifikatori imaju niz pragmatičkih učinaka: neki nijansiraju, neki relativiziraju, neki naglašavaju određeni dio iskaza ili pak indiciraju ilokuciju cijelog iskaza (zato Glovacki-Bernardi (2004) za njih kaže da su među najjačim indikatorima tipa jezičkog djelovanja). Ipak, postoji nekoliko stvari zajedničkih svima njima. Prvo, obično³⁶ imaju konzistentan oblik, koji ne dopušta nikakvu vrstu fleksije. Drugo, gramatički su potpuno neobavezni. Treće, i semantički su neobavezni, ali u slučaju da se ispuste, iskaz biva emotivno bezbojan zato što njihove funkcije nisu referencijalne, nego pretežno emotivne prirode (up.

³¹ A niko nije ni kazao ni vikao – očiti primjer pragmatikalizacije.

³² Zadnje dvije pragmatičke oznake koriste se onda kada treba citirati nekoga ko je opsovao nešto sveto.

³³ Ova pragmatička oznaka uglavnom prethodi dijelu iskaza koji sadrži tabu-riječ.

³⁴ Intenziviranje je „jezički postupak preuređenja sintaksičke konstrukcije kojim se upotrebom posebnih formalno-gramatičkih sredstava jedan ili više rečeničnih članova ističe (naglašava) i smisaono i emfatički“ (KOVAČEVIĆ 1995: 169).

³⁵ Izvorno je „modifikuju“.

³⁶ Ako je pragmatička oznaka višečlana, katkad je jedan od članova promjenjiv (pretežno zamjenice).

JUCKER 1993). „Praksa pokazuje da stepen emocionalne involviranosti govornika raste sa većom frekventnošću i kombinacijskom nizanju“ modifikatora, što ih „čini instrumentima za emocionalno intenziviranje i upravljanje govornom interakcijom“ (up. UVANOVIĆ 2004³⁷: 10; DŽANKO 2010: 26).

4. Zaključak

Svaki čitalac ovoga rada mogao je primijetiti da se veliki dio fonda diskursnih i pragmatičkih oznaka korištenih u istraživanome mjesnom govoru podudara s fondom istih u drugim bosanskim narodnim govorima ili pak u standardnome jeziku. Postojeće razlike ogledaju se najčešće u fonološkom sastavu, a one su rezultat djelovanja raznoraznih alternacija, epenteza, paragoga, kontrakcija i redukcija (npr. *brete*, *Bog ti davo*, *tekar*, *meščinde*, *svedno*, *ma kaki*). Međutim, nemoguće je ne primijetiti i izvjestan broj formalnih (npr. *uzaver*) te funkcionalnih (npr. *zbiļem*) specifikuma.

Svaki čitalac ovoga rada u stanju je primijetiti i to da veliki dio fonda diskursnih / pragmatičkih oznaka u istraživanome govoru posjeduje sposobnost istovremenog članstva u više različitih potkategorija (zahvaljujući svome krajnje apstraktnom i kontekstualno uslovljenome značenju većina oznaka je multifunkcionalna), kao i to da imaju orijentalno porijeklo ili pak religijski fon. Međutim, samo su autori ovoga rada mogli primijetiti činjenice poput sljedećih: upotreba pojedinih diskursnih i pragmatičkih oznaka je rodno uslovljena (upotreba diskursnih oznaka općenito svojstvenija je ženskoj populaciji), selekcija diskursnih i pragmatičkih oznaka je upečatljiva crta idiosstila, korištenje konkretno odabranih diskursnih i pragmatičkih oznaka može biti pokazatelj brojnih socijalnih datosti (npr. rodbinskih relacija), značenje diskursnih i pragmatičkih oznaka može biti ne samo kontekstulano nego i individualno uslovljeno... ali to su već teme za sociolingvistički intonirane studije.

Referat ovoga rada izložen je na simpoziju *Bosanski jezik u vremenu*, a inspiracija i podloga za njegovu izradu je (uskoteritorijalni) varijetet bosanskoga jezika kojem vrijeme ističe budući da se njegovi tipični govorni predstavnici približavaju ili čak odmiču od osme životne dekade, a ostvaruje se isključivo u usmenom modusu pa dobro dođe svaki pisani trag o njemu.

Literatura

- ADMONI 1970 = ADMONI W.G. Der deutsche Sprachbau: dritte, durchgesehene und erweiterte Auflage. München: Beck, 1970.
ALJUKIĆ – KURTIĆ 2013 = ALJUKIĆ B. – KURTIĆ E. Poštapalice u razgovornom bosanskom jeziku: pozicijska obilježja i funkcija poštapalice u konstrukcijskim

³⁷ Smatramo da je ovdje trebalo pisati: Uvanović (2006).

- komunikacijskim jedinicama // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 39/2, 2013. 509-526.
- BADURINA 2008 = BADURINA L. Između redaka: Studije o tekstu i diskursu. Zagreb – Rijeka: Hrvatska sveučilišna naklada, Izdavački centar Rijeka, 2008.
- BOŠNJAKOVIĆ 1980 = BOŠNJAKOVIĆ Ž. O upotrebi izraza za internu rečeničnu modifikaciju // PPJ, 16, 1980. 17-25.
- BRAUßE 1986 = BRAUßE U. Zum Problem der sogenannten Polyfunktionalität von Modalpartikeln. 'Ja' und 'eben' als Argumentationssignale // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 39, 1986. 206-223.
- BUBLITZ 1978 = BUBLITZ W. Ausdrucksweisen der Sprechereinstellung im Deutschen und Englischen. Untersuchungen zur Syntax, Semantik und Pragmatik der deutschen Modalpartikeln und Vergewisserungsfragen und ihrer englischen Entsprechungen. (Linguistische Arbeiten 57). Tübingen: Niemeyer, 1978.
- DEDAIĆ – MIŠKOVIĆ-LUKOVIĆ 2010 = DEDA IĆ N. – MIŠKOVIĆ-LUKOVIĆ M. South Slavic Discourse Particles / Južnoslavenske diskursne partikule. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010.
- DŽANKO 2010 = DŽANKO M. Modalne partikule eben, halt i wohl u njemačkom i njihovi prijevodni ekvivalenti u bosanskom/hrvatskom/srpskom jeziku. Sarajevo: Bosansko filološko društvo, 2010.
- GLOVACKI-BERNARDI 2004 = GLOVACKI-BERNARDI Z. O tekstu. Zagreb: Školska knjiga, 2004.
- HALUPKA-REŠETAR 2011 = HALUPKA-REŠETAR S. Rečenični fokus u engleskom i srpskom jeziku (e-disertacija). Novi Sad: Filozofski fakultet, 2011.
- HUDEČEK – VUKOJEVIĆ 2007 = HUDEČEK L. – VUKOJEVIĆ L. Da li, je li i li – normativni status i raspodjela // Rasprave. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 33, 2007. 217-234.
- JUCKER 1993 = JUCKER A.H. The discourse marker well: A relevance-theoretical account // Journal of pragmatics, 19 (5), 1993. 435-452.
- KORDIĆ 1990 = KORDIĆ S. Filozofija jezika i pragmatika: Milorad Pupovac, Jezik i djelovanje // Revija: časopis za književnost i kulturu, XXX/7, 1990. 97-101.
- KOVAČEVIĆ 1995 = KOVAČEVIĆ M. Stilistika i gramatika stilskih figura. Nikšić: Unireks, 1995.
- MRAZOVIĆ 2009 = MRAZOVIĆ P. (u saradnji sa Vukadinović Z.). Gramatika srpskog jezika za strance (drugo, prerađeno i dopunjeno izdanje). Novi Sad i Sremski Karlovci: Izdavačka knjižnica Zorana Stojanovića, 2009.
- NIGOEVIĆ – BUR IĆ 2015 = NIGOEVIĆ M. – BUR IĆ H. Holistički pristup funkcionalnim oznakama romanskih jezika // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 41 (2015), 2, 2015. 435-445.
- NIGOEVIĆ – NEVEŠĆANIN 2011 = NIGOEVIĆ M. – NEVEŠĆANIN A. O inicijalnim diskursnim oznakama u hrvatskom i talijanskom jeziku // Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Splitu 4, 2011. 51-65.
- NIGOEVIĆ 2011a = NIGOEVIĆ M. Pristupi diskursnim oznakama u jezikoslovnoj tradiciji engleskoga govornog područja // Folia linguistica et litteraria: Časopis za nauku o jeziku i književnosti, 3/4, 2011. 57-76.
- NIGOEVIĆ 2011b = NIGOEVIĆ M. Neka načela određivanja diskursnih oznaka // Rasprave Instituta za hrvatski jezik i jezikoslovlje, 37/1, 2011. 121-145.
- NIGOEVIĆ 2010 = NIGOEVIĆ M. Diskursne oznake u hrvatskom i talijanskom jeziku. Kontrastivna analiza (Doktorska disertacija). Sveučilište u Zadru, 2010.

- NORRICK 2007 = NORRICK N.R. Discussion article: Pragmatic markers, interjections and discourse // *Catalan Journal of Linguistics* 6 (Contrastive perspectives on Discourse Markers), 2007. 159-168.
- PALMER 2003 = PALMER F.R. Modality in English: Theoretical, descriptive, and typological issues // *U Modality in contemporary English – Topics in English Linguistics* (ur. Facchinetti, Roberta; Krug, Manfred G.; Palmer, Frank Robert). Berlin: Walter de Gruyter, 2003. 1-17.
- PALMER 1990 = PALMER F.R. *Modality and the English Modals* (2. edition). London: Longman, 1990.
- PAVLOVIĆ – DŽINOVIĆ – MILOŠEVIĆ 2006 = PAVLOVIĆ J – DŽINOVIĆ VI. – MILOŠEVIĆ N. Teorijske pretpostavke diskurzivnih i narativnih pristupa u psihologiji // *Psihologija*, 39/4, 2006. 365-381.
- PINTARIĆ 2002 = PINTARIĆ N. *Pragmemi u komunikaciji*. Zagreb: Zavod za lingvistiku Filozofskog fakulteta u Zagrebu, 2002.
- PIPER 2005 = PIPER Pr. – ANTONIĆ I. – RUŽIĆ VI. – TANASIĆ Sr. – POPOVIĆ Lj. – TOŠOVIĆ Br. *Sintaksa savremenog srpskog jezika*. Institut za srpski jezik SANU, Beograd: Beogradska knjiga i Matica srpska, 2005.
- PRANJKOVIĆ 2010 = PRANJKOVIĆ I. *Ogledi o jezičnoj pravilnosti*. Zagreb: Disput, 2010.
- PRANJKOVIĆ 2009 = PRANJKOVIĆ I. *Komunikacijski aspekt gramatičkoga opisa* // Zbornik radova „Njegoševi dani“ (ur. Bečanović, Tatjana). Cetinje: Univerzitet Crne Gore, Filozofski fakultet Nikšić, 2009. 289-292.
- PRANJKOVIĆ 2008 = PRANJKOVIĆ I. *Gramatika govornika i sugovornika* // *Vidjeti Ohrid. Referati hrvatskih sudionica i sudionika za XIV međunarodni slavistički kongres, HFD i HSN, Zagreb, 2008.* 237-250.
- PRANJKOVIĆ 1984 = PRANJKOVIĆ I. *Koordinacija u hrvatskom književnom jeziku*. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo, 1984.
- PRČIĆ 2008 = PRČIĆ Tv. *Semantika i pragmatika reči*. Drugo, dopunjeno izdanje. Novi Sad: Zmaj, 2008.
- SCHIFFRIN 1987 = SCHIFFRIN D. *Discourse markers* Cambridge: Cambridge University Press. 1987.
- SEsar 2009 = SESAR D. Čestice – uvodne i umetnute riječi // *Slavenski jezici u usporedbi sa hrvatskim I* (ur. Sesar, Dubravka). Zagreb: FF Pres, 2009. 49-56.
- SEsar 2005 = SESAR D. Čestice // *Zbornik Zagrebačke slavističke škole 2004*. Zagreb: FF Pres, 2005. 59-66.
- SEsar 2001 = SESAR D. Modalni modeli u hrvatskom i drugim slavenskim jezicima // *Suvremena lingvistika*, 1-2/51-52, 2001. 203-218.
- SEsar 1992 = SESAR D. O mogućnostima kategorizacije partikula u hrvatskom jezičnom standardu // *Suvremena lingvistika*, 18/34, 1992. 251-262.
- SILIĆ 1984 = SILIĆ J. *Od rečenice do teksta (Teoretsko-metodološke pretpostavke nadrečeničnog jedinstva)*. Zagreb: Sveučilišna naknada Liber, 1984.
- TEKAVČIĆ 1989 = TEKAVČIĆ P. *Prema kontrastivnoj pragmatiki tzv. 'čestica' u hrvatskom ili srpskom i talijanskom jeziku* // *Rad JAZU (knjiga 427)*, 1989. 127-194.
- UVANOVIĆ 2006 = UVANOVIĆ Ž. *Kroatische Konversationsmarker. Versuch einer Extraktion im translato-logischen Vergleich mit deutschen Modalpartikeln (d.h. Abtönungspartikeln) und deren englischen Entsprechungen*. Norderstedt: Books on Demand GmbH, 2006.

- VAN DIJK 1976 = VAN DIJK T.A. Sentence Topic and Discourse Topic // Papers in Slavic Philology, br. 1 (1977), 1976. 49-61. Dostupno na: <http://www.discourses.org/download/articles/> (1. augusta 2017.)
- VELČIĆ 1987 = VELČIĆ M. Uvod u lingvistiku teksta. Zagreb: Školska knjiga, 1987.
- VICKOV 2011 = VICKOV Gl. Istraživanja diskursnih oznaka u govorenju na engleskom kao stranom jeziku (Discourse Marker Research in EFL) // Zbornik radova Filozofskog fakulteta u Splitu 4, 2011. 271-289.
- VICKOV, Gloria (2010). „Terminološka previranja u teorijskom određivanju diskursnih oznaka“. *Fluminensia*, 22/2, 2010. 95-110.
- YANG 2012 = YANG Sh. Discourse markers? An area of confusion // *Philologica Urcitana*, 7, 2012. 37-44.

Dudás Mária
(Budapest, Magyarország)

AZ ÖRÖM KIFEJEZÉSE A MAGYAR ÉS BOLGÁR FRAZEOLÓGIÁBAN

Abstract: Emotions are almost impossible to be expressed by the means of language. Words can denote thoughts only, i. e. words describe reactions, behaviors accompanying the given emotion that is normally expressed by non verbal communication. Joy is the only emotion with positive polarity among basic emotions. Both Hungarian and Bulgarian language have expressions related to human appearance showing signs of joy, especially on the face and in the eyes. Heart and soul are the places filled by joy. Expressing joy is accompanied by motion in both languages, the Hungarian caper with joy, somersault, dance, the Bulgarian fly, cry. These phrasemes warn also that too much joy can result in sadness. The Hungarian language has many metaphors, it expresses even sorrow by using JOY in an opposite meaning. In Bulgarian joy is an emotion to be suppressed.

Keywords: joy, sorrow, emotion, metaphor

A kognitív nyelvtudomány azt a nézetet képviseli, mely szerint az a fogalom rendszer, amely meghatározza az objektív valóságban észlelt entitásokat, metaforikus jellegű. A metaforák biztosítják az egyik fogalomnak a másik kategóriáiban történő megértését. A metaforák bázisán jön létre a fogalmak alapvető készlete, amely elsősorban az emberi érzelmekre érvényes (BAŃCZEROWSKI 2005: 202). Az érzelmek (emóciók) nagyon fontos szerepet játszanak a lelki életünkben és hatással vannak figyelmi teljesítményünkre, gondolatainkra, viszonyulásainkra, kapcsolatainkra. Nehéz és talán lehetetlen felsorolni az érzelem szerepét az emberi viselkedésben. Érzelmeinket szubjektív és objektív tényezők egyaránt befolyásolják. Az érzelmek rendkívül összetettek, több tényező együttes kölcsönhatását jelentik. Ezek lehetnek belső testi válaszok, elsősorban a vegetatív idegrendszer reakciói. Kognitív kiértékelés által létrejövő vélekedés, amelynek tartalma, hogy egy negatív vagy pozitív esemény megy végbe.

Polaritás szerint megkülönböztetünk kellemes vagy pozitív érzéseket, valamint kellemetlen vagy negatív érzéseket. Az érzelmek skálája nagyon színes, amelyek közül ki kell emelni az egyetemes vagy alapérzelmeket, amelyek minden kultúrában megtalálhatók és felismerhetők: harag, félelem, undor, meglepődés, szomorúság és öröm (PSZICHOLÓGIAI).

Az érzelmek olyan jelenségek, amelyeket nem lehet a nyelv segítségével kifejezni. A szavakban csak a gondolatainkat tudjuk rögzíteni, azaz szavakkal igyekszünk megnevezni azokat a fiziológiai reakciókat, cselekvéseket és viselkedési formákat, amelyek az általunk átélt érzelmet kísérik, és amelyek általában a nem verbális kommunikációban jutnak kifejezésre (BARÁTKA 2014).

Az öröm az alapérzelmek egyetlen pozitív polaritású alapérzelme. A magyar nyelv frazeológiai készletében nagy számban megtalálható.

Barátka tanulmányában azt vizsgálja, hogy néz ki és hogyan viselkedik a magyar, ha boldog. A boldogság univerzális kifejezése elsősorban az ember külsejében mutatkozik meg. *Elolvad a boldogságtól*, aki szemmel láthatóan nagy boldogságot érez, illetve *sugárzik róla a boldogság*. Az ember arcán általában tükröződik az általa épp átélt érzelem, vagyis *az arcára van írva pl. a boldogság*, vagy *sugárzik* valakinek *az arca a boldogságtól*. A boldog ember arckifejezése derűssé válik, akinek az örömtől *felderül [felragyog] az arca*. A szemnek is jelentős szerepe van az érzelmek kifejezésében: *árad valakinek a szeméből a boldogság; kigyúl valakinek a szeme*; illetve *kigyúl a fény valakinek a szemében*, ami azt jelenti, hogy ragyogni, csillogni kezd valakinek a szeme, vagyis boldogság tükröződik a tekintetében. A példák arra utalnak, hogy a fény metaforája alapvető szerepet játszik a boldogság megjelenésében, hiszen a szem úgy mutatkozik meg, mint egy ragyogó tárgy, amelyből sugárzik a fény (BARÁTKA 2014). A mosolygás is az öröm egy újabb jele, mert hát *fűlig ér a szája* annak, aki nagyon boldog.

Az öröm és boldogság kifejezését féktelen ugrálás is kísérheti: *majd a plafonig ugrik [örömben]*. Az öröm az ugráláson kívül olyan mozgásformák kiváltója lehet még, mint a *cigánykereket hány [örömben]*; *bukfencet hány [örömben]*. Az olyan erős érzelmi állapot, mint az öröm, valamint a türelmetlenség is kiváltó oka lehet annak, hogy valaki *majd kiugrik* vagy *majd kibújik a bőréből*. Egyes helyzetekben az ember örömben akár táncra is perdülhet, vagyis *kánkánt jár*, illetve *kánkánt táncol örömben*. Miért kánkánt táncol a magyar? Talán magyarázatot ad erre, hogy a kánkán magasra dobált lábbal járt gyors ritmusú tánc.

A víz, a hullámok gyakran a boldogság konvencionális metaforái. Az, aki nagyon örül valaminek, általában *úszik a boldogságban*. Az érzés előnti az embert: *előnt valakit a boldogság*, megállíthatatlanul *árad valakiben a boldogság*, de mint ahogy a hullám jön, majd el is megy, úgy a boldogság is véget érhet, *elúszik a boldogság*.

A szív és a lélek olyan hely, ahol érvényesül, ahol kibontakozik a boldogság, hiszen arról, aki nagyon boldog, vagy akit boldogság tölt el, azt mondjuk, hogy *dagad a szíve*, vagy *megmelegedik a szíve*. Annak, aki boldog, *repes a szíve [a lelke] örömben*. A *repes* ige jelentése: „szárnyas állat, főleg madár, ide-oda repdes, szálldos, csapong” vagy „csecsemő, kisgyermek játékos örömben, izgatott vágyakozásában karját nyújtja vki, vmi felé”. Ezekben a példákban ismét a mozgás kapcsolódik az öröm kifejezéséhez. A szív meg is

telhet boldogsággal, vagyis *csordultig van a szíve boldogsággal*. A boldogság olyan érzelem, amely hirtelen kellemes lelki élmény hatására előnti az embert, ekkor *nagyot dobban [megdobbán]* valakinek *a szíve, a boldogság betölti valakinek a szívét*.

Az örömhöz a könnyedség, a légiesség kapcsolható, mint fizikai állapotjellemző. A madarak fent szállnak az égen, könnyedek, légiesek, mint a boldog ember. Aki örül, azzal *madarat lehet fogatni*. Sirisaka Andor közmondásgyűjteménye szerint ez csak csendes, jó természetű emberre mondható. Megemlíti azonban egy másik jelentést is, mely szerint oly kész és engedelmes valaki, hogy jó kedvében mindent megtenne a másikért. Nagy Péter szerint ez egy közismert, ma is használatos közmondás, amelynek eredetén, motivációján nem nagyon gondolkodunk el. Szerinte azt feltételezzük, hogy tősgyökeres, eredeti magyar szólás: itthon keletkezett, abban az időben, amikor a madarászás még széles körben űzött foglalkozás volt. Nagy Péter azonban Chrétien de Troyes hősköltményében is rátalált a közmondásra, melyet ő így fordított: „A király maga mellé ültette őt, megcsókolta és megcsókolta Guivret-t is. Karját Enyde nyaka köré fonta és nagy örömmel csókolgatja. A királyné sem habozott megcsókolni Erecet és Enyde-et; madarat lehetett volna fogatni vele, akkora volt az öröme”. Nagy a közmondás eredetét kutatva állítja, hogy a 12. sz.-i francia és a 16. sz.-i magyar előfordulás arra enged következtetni, hogy valószínűleg a franciából kerülhetett a magyarba a szólás, és míg a franciáknál szinte a madarászmesterséggel együtt kihalt a nyelvből, a magyar nyelv megőrizte. Két kérdést fogalmaz meg kutatásában. Hogyan került a francia szólás át a magyar nyelvbe? Szerinte bizonyos, hogy ha onnan került hozzánk, akkor ez a középkor folyamán zajlott le, hiszen akkor volt a legsűrűbb a két udvar közötti érintkezés. Mindenesetre sokkal valószínűbb, hogy onnan került hozzánk, mint fordítva. A másik kérdés, amelyre keresi a választ, hogy mi lehet az oka annak, hogy a „jókedv” és a „madarász” ilyen hosszú időn át, mondhatni szinonimák az európai nyelvekben (NAGY 1999: 205). A magyar nyelvben azonban nemcsak madarat, hanem *nyulat is lehet fogatni* azzal, akinek nagyon jókedve van, és bármire rá lehet venni örömeiben. A különbség a jelentésben, hogy a *nyúl* inkább a jókedvet szimbolizálja. *Nyulat foghatsz vele*, annyira jókedvű.

Az öröm durva kifejezése bizalmas és fesztelen környezetben a *földhöz veri a fenekét [a seggét]* szólással lehetséges. A szólásnak több jelentése is van. Az első, hogy nagyon örül, a másik, hogy akkor sem történik meg, még ha *földhöz veri a fenekét [a seggét]*. Robin Cook az orvosi krimik egyik nagy mestere *Gyilkos terápia* című regényében így ír: „Louie nem *veri* majd a *földhöz a fenekét*, ha megmondjuk neki, mit derítettünk ki az esetről és Laurie Montgomery-Stapletonról¹”, vagyis nem fog örülni.

A második jelentés még a magyar politikusok beszédében is felbukkan: „A következő Orbán-kormány akkor sem fog mentességet biztosítani a Benes-

¹ <https://books.google.hu/books?isbn=9633573181>

dekrétumok kapcsán Csehország számára, ha az unió a földhöz veri a fenekét” – jelentette ki Semjén Zsolt², a KDNP elnöke 2009. novemberében Hatvanban egy lakossági fórumot megelőző sajtóbeszélgetésen.

Van, aki úgy örül, hogy *azt se(m) tudja, hova tegyen/hova legyen [örömben]*. Az öröm megélésnek olyan foka ez, hogy egy pillanatra minden érzékünket elveszítjük. Ezen kívül, aki nagyon boldog, vagy nagy boldogságot érez, az *a hetedik mennyországban érzi magát. Az alig tud hova lenni kifejezést akkor használjuk, amikor örömet, esetleg izgatottságot, kevélységet, bánatot vagy szomorúságot érez az ember. Bőrünk gátat, akadályt szab a teljes boldogság megéléséhez: örömben bőrében is alig fér, illetve majd kibújik [kiugrik] bőréből, de lehet akár türelmetlenségében, izgatottságában, bosszúságában, dühében. Az ájulás is kerülgetheti az embert, hiszen majd eszméletét veszti az örömtől, sőt ha fokozzuk, már magánkívül van örömben, amikor a belülről kifelé áradó pozitív érzés teljesen kitör belőlünk.*

A boldogságot tehát a leggyakrabban mozgást jelentő igékkel egészítjük ki: *maga alá esik* az, aki nagyon örül.

A boldogság egy pillanatnyi érzés is lehet, amely elönt minket. *Elönt a boldogság [az öröm; a görögtűz]*. A pozitív érzéseken túl elönthet még a félelem, a gyász, vagy akár a bizonyosság is.

Az öröm azonban sokszor együtt jár az ürozzel, a szomorúsággal. Vigyázni kell, a túlzásba vitt öröm nem jelent jót. *Öröm, ürozz: csak egy betűben különböznek*, figyelmeztet a magyar. *Öröm ürozzel jár; nincsen öröm ürozz nélkül* vagy *nincsen rózsza tövis nélkül*, amikor az örömben bánat vegyül, hiszen nincs az életben tökéletes öröm, zavartalan boldogság. *Örozznek gyakran szomorúság a vége; drágán szerzett öröm, hamar lesz ürozz; szomorúsággal jár az öröm; pénteki öröm, vasárnapi ürozz, sőt a nagy öröm is megölheti az embert.*

A magyar nyelv hasonlatokat használ a színek, tulajdonságok, az érzelmek kifejezésére. *Örül, mint a férjhez menő lány; örül [neki], mint gyermek a játéknak; mint gyermek a bábnak „mézeskalácsnak”; mint a gyermek a lépes madárnak „vásárfiának; mint malac a makknak; mint a szomjú szarvas a forrásnak; mint a tücsök a harmatnak; mint a vízbe esett hal; mint éh ló az abraknak; mint ki búzáját eladta.*

Nagyon örül egy csekélységnek kifejezése a vaksághoz kapcsolódik: *örül [neki], mint vak a garasnak; mint vak koldus a fagarasnak. Vak koldus is örül, ha patkóra talál.* Ügyetlen embernek is kedvez néha a szerencse, együgyű ember is rátalálhat olykor a helyes megoldásra. Lefitymálónak mondják ügyetlen emberre, akinek véletlenül, kivételesen sikerült valami: *vak is lelt egy patkót, örült neki, hogy vas volt.*

A hasonlatok ironikus, gúnyos kifejezései lehetnek az öröm ellenkezőjének, ha valaki kétségbe van esve: *örül [olyan (jó) kedve van v. úgy vigad v. vígan él], mint akinek a háza ég (, maga meg benne szorult).* Ha szomorú, *örül, mint*

² <http://propeller.hu/itthon/829015-akkor-sem-ha-az-unio-foldhoz>

akinek pénze nincs. Ha csapdába került, örül, mint a fogóba esett egér; mint kalitkában a csizike.

Arra, hogy milyen az öröm a bolgár nyelvben a frazeológia megadja a választ. Lehet „édes”, *сладка радост* és lehet „heves, viharos” érzelem: *бурна радост*. Az öröm a bolgár nyelvben is megmutatkozik a külső megjelenésben. Főként a szemben tükröződik, ha valami jó dolog történik, valami a kedvünkre van, akkor az „megörvendeztetni a szemet, a szememet”, vagyis *радва око̀то; радва ми око̀то*. Akár „gyógyír, kenőcs is lehet a szemre”, azaz *мехлем за очите*. Amikor az öröm akkora, hogy elszorul a szív, „sírunk örömünkben”, *плача от радост*.

A szívben és a lélekben oldódik fel, „a lelke[m] [a szívem] mélyén” *в дълното на душата си [на сърцето си]*. A nagy öröm „megnyitja a lelket”, *отваря ми се душата*. Mindezek után már „jó a lelke[m]nek”, *хубаво ми е на душата*.

A hatalmas örömtől az ember szinte „nincs magánál”, *не съм на себе си от радостта*. Továbbfokozva „megőrül az örömtől”, *луд съм от радост*.

A bolgár nyelvben is kísérheti kényszeres mozgás az öröm kifejezését. Van aki „ugrál örömeiben”, *скача от радост*; van, aki „repül örömeiben v. boldogságában”, *летя от радост; летя от щастие*. A magyarhoz hasonlóan a bolgár is „repdes boldogságában”, *пърхам от щастие*.

A nevetés és a boldogság lehet olyan fokú, hogy „sárga lesz a nadrágja az élvezettől [az örömtől]”, *жълт съм на гаиците от кеф [от радост]*.

A bolgár nyelvre nem jellemző a hasonlatok használata, az öröm kifejezésére azonban a következőket találtuk. „Örül, mint az átfogyott [ember] a napnak”, *радва се като помръзнал на слънце*; „megőrült, mint az árva a napnak”, *зарадвал се като сираче на слънце*; ironikusan „örül, mint a mi kutyánk a szomszéd szukájának”, *радва се като нашето куче на комшийската кучка*. Boldogságában „vigyorog, mintha az apja kancái megellettek volna”, *хили се, сякаш са се ожребили бащините му кобили*.

Az örömhöz a bolgár nyelvben is kapcsolódik a szomorúság, a fájdalom. „Az öröm és a bánat együtt járnak”, *радостта и скръбта заедно ходят*; „megosztom az örömet és a bánatot”, *деля радостта и скръби*; „örömmön és ínségen keresztül”, *през радостта и неволи*, tartja a bolgár.

A bolgár ember sajátossága, hogy az örömet úgy éli meg, mint egy olyan érzés, amelyet el kell fojtani. *Овладах радостта си* „úrrá lettem az örömömön”. A bolgár ember azonban nemcsak az örömét leplezi és küzdi le, hanem az eufóriáját, lelkesedését, elragadtatását, diadalát, *овладах еуфорията си, ентузиазма си, възторга си, екстаза си, триумфа си*.

Végül a bolgár arra is képes, hogy „megülje valaki örömét”, *убивам радостта на някого*.

Az öröm kifejezésének módjában a két nyelv frazeológiai készlete egyezéseket mutat. Ennek legfőbb magyarázata, hogy az alap vagy egyetemes érzelmek kifejezése hasonló a világ szinte minden népénél, ami ezeknek az

érzelmeknek a felismerésében támpontot jelent. Az érzelmek kifejezést az öröklött tényezők mellett a kulturális és egyéni tényezők is befolyásolják, ami a frazeológiában megjelenő különbségek okára világít rá. A magyar és a bolgár nyelvben az ember külseje árulkodó lehet az érzelmeit tekintve. A boldogság meglátszik az arcon és a szemen. Leggyakrabban a sugároz, fénylik, ragyog, felderül igék fejezik ki az örömet a magyarban, míg a bolgárban az öröm a szem boldogságának forrása. Közös pontként a fény metaforáját kell kiemelni. A következő kapcsolódási pont az öröm megnyilvánulása valamilyen mozgás formájában. Az emberek főként ugrálnak, táncolnak örömben. Míg a magyar ember bukfencet vagy cigánykereket hány, addig a bolgár ember inkább repül, repdes örömeiben. Mind a két nyelvben megtaláljuk a szívet és a lelket, mint helyet, ahol a boldogságot érezzük, és amelyek telítődnek boldogsággal. A boldogság és az öröm indikálhatja, hogy az ember szinte már nincs magánál vagy esetleg majdnem eszméletét veszti az érzelmek megélése során.

Mind a két nyelvben a boldogság és a szomorúság összekapcsolódik. Gyakran együtt járnak, vagy figyelmeztetéseket találunk arra, hogy a túl nagy öröm bánathoz vezethet.

A magyar nyelvre jellemző, hogy a boldogságot a vízhez hasonlítjuk. Jön, előtt vagy megárad, aztán elúszik. A magyar annyira könnyed örömeiben, hogy el akarja kapni a madarat vagy a nyulat. Amikor boldog, nem találja helyét, nem fér a bőrébe, de egy pillanatra akár a mennyeországon is lehet.

A magyar nyelv kedveli a hasonlatokat, gyakran használja őket. Az öröm kifejezését több hasonlat segítségével is érzékelteti. Itt kell megemlíteni, hogy a bánatot is az *örül, mint* kezdetű hasonlattal indítja, de a hasonlatok vége gúnyos, ironikus.

A bolgár nyelv nem használ gyakran hasonlatokat, az öröm kifejezésére azonban mégis előfordulnak hasonlatok, amelyek az örömet a napfényvel és a meleggel kapcsolják össze. A bolgár ember sajátossága, hogy az örömet, lelkesedését, elragadtatását leplezni, titkolni próbálja.

Az érzelmek kifejezése tehát az adott érzelmek kommunikációját segíti. Az érzelmek kifejezése összetett folyamat, a test számtalan megnyilvánulása részt vesz benne. Az érzelmeket, ahogy a frazeológia is bizonyítja, legszembetűnőbben az arckifejezés tükrözi. Az arckifejezés mellett azonban érzelmekről árulkodik a testtartás és a gesztusok is. A hanglejtés, a beszédtempó és a hangszín szintén sok információt nyújthat a kommunikáció folyamatában (PSZICHOLÓGIAI).

Irodalom

BAŃCZEROWSKI 2005 = BAŃCZEROWSKI J. A félelem tartományába tartozó negatív érzelmek konceptualizációjáról // Magyar Nyelvőr, 2005. № 2. 202-208.

BARÁTKA 2014 = BARÁTKA A. Hogyan néz ki és hogyan viselkedik egy boldog magyar? 2014. december 1.

<http://www.fokusz.info/index.php?cid=1163529137&aid=1677099891>

NAGY 1999 = NAGY P. Madarat lehet fogatni vele // Magyar Nyelv, Szó- és szólásmagyarázat, 1999, № 2. 203-206.
PSZICHOLÓGIAI = Pszichológiai elméleti alapok. Az érzelemről általában.
http://old.ektf.hu/hefoppalyazat/pszielmal/az_rzelemr_ltalban.html

Szótárak

BÁRDOSI V. (főszerk.). Magyar szólástár. Budapest, 2003.
O. NAGY G. Magyar szólások és közmondások. Budapest, 1976.
T. LITOVKINA A. Magyar Közmondástár. Budapest, 2005. <http://mek.oszk.hu/09100/09112/html/index.html>
DUGONICS A. *Magyar példabeszédek és jeles mondások*. Szeged, 1820.
ERDÉLYI J. *Magyar közmondások könyve*. Pest, 1851.
MARGALITS E. *Magyar közmondások és közmondásszerű szólások*. Budapest, 1896.
SIRISAKA A. *Magyar közmondások könyve*. Pécs, 1891.

Български национален корпус. <http://dcl.bas.bg/bulnc/>
НИЧЕВА К. – СПАСОВА-МИХАЙЛОВА С. – ЧОЛАКОВА КР. Фразеологичен речник на българския език. Том първи А–Н. София, 1974
НИЧЕВА К. – СПАСОВА-МИХАЙЛОВА С. – ЧОЛАКОВА КР. Фразеологичен речник на българския език. Том втори О–Я. София, 1975.
НИЧЕВА К. Нов фразеологичен речник на българския език. София, 1993.

Elizabeta Emberšič Škaper¹ – Ibolya Dončec Merkli²
(Sombotel, Madžarska)

PRIMERJALNI GLAGOLSKI FRAZEMI V PORABSKEM GOVORU

Abstract: The paper shows the verbal phrasemes and their use in the Porabje district in the speech of the Slovenian people living in Hungary. Collecting the verbal phrasemes we used the data of two dictionaries of dialects and those of local speakers. The introductory part of the paper outlines the general problems of phraseology. The characteristic features we illustrated by examples from the Porabje district. After the general questions we show and shortly analyse the collected verbal phrasemes in the form of a dictionary.

Keywords: dialect of the Porabje district, phrasemes, dialectal phraseology, verbal phraseme

Uvod

V prispevku so predstavljeni glagolski primerjalni frazemi v porabskem narečju ter njihova raba v govoru Slovencev na Madžarskem. Za izhodišče sta nama služila slovar Franceka Mukiča z naslovom Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar ter izdaja Marije Bajzek Lukač z naslovom Slovar Gornjega Senika A-L, iz katerih sva izpisali vse primerjalne glagolske frazeme ter jih preverili med govornici porabskega jezika in jih dopolnili tudi s primeri, ki sva jih našli s pomočjo primerjalnih frazemov v slovarju Željke Fink Arsovski Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema.

V uvodnem, teoretičnem delu sva podali temeljne značilnosti frazeologije in primerjalne frazeologije s ponazoritvijo z nekaj primeri frazemov iz porabskega narečja.

V slovarskem delu so zbrani in podrobno z ilustrativnimi primeri prikazani oz. predstavljeni glagolski primerjalni frazemi porabskega govora.

Frazeologija je veda, ki se ukvarja s frazemi, pomeni pa tudi zbirko vseh frazeoloških enot, ki jih tudi proučuje. »Frazeološke enote ali frazemi so stalne besedne zveze, katerih pomen ni ali je samo delno ugotovljiv iz pomenov njihovih sestavin, in ki imajo praviloma stalno in samo omejeno spremenljivo sestavo« (KEBER 2003: 6).

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-5897-5316>

² ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9893-3105>

Frazemi se od drugih jezikovnih enot ločijo po štirih lastnostih: večbesednost, stalnost, neizpeljivost pomena celote iz pomenov sestavin (idiomatičnost) in ekspresivnost.

Večbesednost frazema pomeni, da gre za zvezo vsaj dveh besed, tako med frazeme ne spadajo enobesedni idiomatski izrazi.

Stalnost frazema pomeni predvsem nespremenljivost njegovih sestavin. Besede znotraj frazeološke zveze nimajo enakih možnosti kakor zunaj frazema, ne moremo jih poljubno spreminjati, saj sta ustaljena tako njihova oblika kot tudi pomen.

Idiomatičnost pomeni, da pomena frazema kot celote ne moremo razbrati iz pomenov posameznih sestavin. V nekaterih frazemih nobena od sestavin ne nastopa v svojem slovarskem pomenu, v drugih je taka sestavina lahko del frazema.

Ekspresivnost je dodatna pomenska sestavina frazemov, ki jih loči od ostalih stalnih besednih zvez (npr. strokovnih izrazov) in preko katere izrazimo oseben, čustven odnos do povedanega in ovrednotimo situacijo.

Primerjalni frazemi predstavljajo strukturni tip, ki je zelo pogost tudi v porabskem narečju. »Primerjalni frazemi oz. t. i. stalne primere so modelne podobe, ki neposredno kažejo odnos do življenjskih okoliščin, v katerih se nahajajo rojeni govorniki« (KRŽIŠNIK 2008: 39).

Primerjalni frazemi največkrat izražajo mentalne, psihične lastnosti človeka in temeljijo na povezovanju z živalmi, rastlinami, s predmeti, z naravnimi pojavi itd. V stalnih primerah, etalonih (TELIJA 1996: 242) se lastnosti ene stvari pripisujejo kaki drugi stvari: *'meṭe ro'ke: 'kāk lo'pāta, 'meṭe 'gezeḱ 'kāk 'kāča, 'meṭe sar'ce: 'kāk 'kāmen.*

Frazeološke primerjave določeno lastnost, ki je lahko izražena z glagolom, s pridevnikom, samostalnikom itd. ponazarjajo s primerjavo – sestojijo iz primerjane in primerjalne sestavine. Vsebinsko razmerje med primerjano in primerjalno sestavino temelji na podobnosti, npr. *'voḥate 'kāk 'kūga/'to:ur, parla'teṭe 'kāk ve'xer, 'fiūcate 'kāk š'tiglar.*

Po izdaji Željke Fink Arsovski Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema sta znana dva osnovna strukturna tipa primerjalnih frazemov: tridelni (A + B + C) in dvodelni (B + C). A-del je sestavina, ki se primerja, B-del je primerjalni veznik, C-del pa sestavina, s katero se primerja. Tridelni strukturni tip je najštevilčnejši. Tudi v porabskem govoru sta zastopana oba osnovna strukturna tipa primerjalnih frazemov, tako tridelni (*s'pāte 'kāk 'za:vec, 'mezdete sa 'kāk k'rāva, 'ojte 'kāk s'pi:š*) kot tudi dvodelni (*'kāk 'no:ure, 'kāk v'ra:k*).

Primerjalni frazemi v semantičnem pogledu opravljajo komunikativno funkcijo, predstavljajo neko dejanje ali stanje in ga ekspresivno obarvajo. V večjem delu tridelnih primerjalnih frazemov A-sestavina ohranja svoj prvotni leksikalni pomen. Na nastanek frazeološkega pomena najbolj vpliva C-del, za katerega je značilna slikovitost, konotativni pomen in močna ekspresivnost.

Glagolski primerjalni frazemi v porabskem govoru

Slovarček primerjalnih glagolskih frazemov sva oblikovali tako, da sva najprej po abecednem redu navedli glagolski del frazema v nedoločniku, v drugem stolpcu sva podali z znanstveno dialektološko transkripcijo zapisan porabski primerjalni glagolski frazem, nato pa je dodana knjižna pomenska razlaga porabskega frazema. Če ima glavna sestavina varianto, se ta največkrat navaja na posebnem mestu v seznamu, ne pa v istem slovarskem sestavku. V glagolskem delu frazemov najpogosteje navajava stilno nevtralne sestavine, vendar v posameznih primerih se pojavlja tudi stilno zaznamovana oblika glagola (*t're:jptę 'kâk 'Bo:uk na k'ri:žę, t're:jptę 'kâk 'koń, smar'dętę 'kâk 'küga, 'zijatę 'kâk 'tele*).

	<i>Frazem v porabščini</i>	<i>Pomen frazema</i>
'a:batę se 'kâk...	'a:batę se 'kâk v'ra:k s'večane vo'dę:	<i>izogibati se neprijetnim stvarim</i>
'bitę 'kâk...	'bitę 'čuma 'kâk d'rek f t'ra:ve	<i>ničesar ne govoriti</i>
	'bitę 'kâj 'kâk S'veto 'pismo	<i>biti pomembno</i>
	'bitę 'kâk 'A:dam pa 'Eva	<i>soditi skupaj</i>
	'bitę 'kâk 'bečka b'rezę 'poda	<i>ne biti nikoli dovolj</i>
	'bitę 'kâk 'küp nas'reče/d'reka	<i>biti zelo nesrečen</i>
	'bitę 'kâk 'ma:sen 'pisker	<i>medenosladko govoriti</i>
	'bitę 'kâk 'pes pa 'ma:ček	<i>sovražiti se</i>
	'bitę na 'po:utę/poš'tiję 'kâk 'końšček	<i>biti stalno na poti</i>
	'bitę 'pijen 'kâk 'ma:ra	<i>biti popolnoma pijan</i>
	'bitę 'pun 'dęla 'kâk 'pes bu'ję:	<i>imeti veliko dela</i>
	'bitę 'pun 'pęnes 'kâk 'pes bu'ję:	<i>imeti veliko denarja</i>
	'bitę 'sa:n 'kâk 'ma:lę 'prs	<i>biti osamljen</i>
'bitę se 'kâk...	'bitę se 'kâk ęę'ga:ńę	<i>stalno se tepsti</i>
bo'd'âte se 'kâk...	bo'd'âte se 'kâk v'ra:k k'ri:ža/ s'večane vo'dę:	<i>hudo se bati</i>
	bo'd'âte se 'kâk 'živoga vra'ga:	<i>zelo se bati koga</i>
b'rečatę 'kâk...	b'rečatę 'kâk so'ma:r	<i>močno vpiti</i>
b'relatę 'kâk...	b'relatę 'kâk so'ma:r	<i>močno krehati</i>
'bujtę 'kâk...	'bujtę 'koga 'kâk p'sâ	<i>kruto ubiti</i>
'čâkatę 'kâk...	'čâkatę 'koga 'kâk 'časara	<i>čakati v razkošju</i>
	'čâkatę 'koga 'kâk 'Mešiaša	<i>nestrpno čakati</i>
č'repkatę 'kâk...	č'repkatę 'kâk f'si 'võlņę/vraz'gę:	<i>strele švigajo naokrog</i>

	č'repkate 'kâk g'ron	<i>močno udarjati</i>
	č'repkate 'kâk v'ra:k	<i>močno udarjati</i>
c'vilete 'kâk...	c'vilete 'kâk 'müš	<i>cviliti s tankim glasom</i>
'deľate 'kâk...	'deľate 'kâk 'koň	<i>dosti delati</i>
	'deľate 'kâk ma'si:n	<i>hitro in veliko delati</i>
	'deľate 'kâk 'no:ure	<i>nepremišljeno delati</i>
	'deľate 'kâk ob'lisk	<i>zelo hitro delati</i>
	'deľate 'kâk s'to:u vra'go:uf	<i>veliko in težko delati</i>
	'deľate 'kâk v'ra:k	<i>veliko delati</i>
	'deľate 'kâk z'bešneňe	<i>nepremišljeno delati</i>
	'deľate 'kâk zmejšane	<i>dosti, hitro delati</i>
	'deľate s 'koň 'kâk s 'ka:kšeň 'la:pcon	<i>slabo ravnati z nekom</i>
'dojp'lácneťe 'kâk...	'dojp'lácneťe 'kâk 'ka:(k)še ko'ra:t	<i>nerodno pasti, zgruditi se</i>
'dojstar'litě 'kâk...	'dojstar'litě 'koğa 'kâk p'sâ	<i>brez usmiljenja ustreliti</i>
d're:jte se 'kâk...	d're:jte se 'kâk so'ma:r	<i>glasno kričati</i>
	d're:jte se 'kâk s'râka	<i>vreščavo vpiti</i>
'držate 'kâk...	'držate 'kâk 'pes 'ge:jža	<i>zelo previdno držati</i>
	'držate 'kâk pa'ta:n	<i>trdno, trajno držati</i>
'držate se 'kâk...	'držate se 'kâk 'ka:kšna f'ra:jla	<i>vesti se kot gospodična</i>
	'držate se 'kâk 'küp nas'reče/ d'reka	<i>nerodno se vesti</i>
'd'o:ukate 'kâk...	'd'o:ukate 'kâk 'ma:lo 'de:jte	<i>žalostno jokati</i>
f'küpn'a'pelate se 'kâk...	f'küpn'a'pelate se 'kâk 'ka:(k)ša 'L'enka	<i>čudno, smešno se obleči</i>
f'küp'seste 'kâk...	f'küp'seste 'kâk 'čoľštok/s'ta:re gar'ba:n	<i>zgruditi se, sesesti se</i>
f'küpv'le:jčte se 'kâk...	f'küpv'le:jčte se 'kâk 'mokra 'küra	<i>močno zebsti</i>
'fü:čkatě 'kâk...	'fü:čkatě 'kâk š'tiglar	<i>lepo, blagglasno žvižgati</i>
'gešte 'kâk...	'gešte 'kâk 'ma:le 'ma:ček	<i>zelo malo jesti</i>
	'gešte 'kâk t'ri: 'no:ure	<i>veliko in hitro jesti</i>
g'leđate 'kâk...	g'leđate 'kâk 'koza na bar'ge:j	<i>bedasto gledati</i>
	g'leđate 'kâk 'müš z 'mele	<i>prestrašeno/plaho gledati</i>
	g'leđate 'kâk 'pura	<i>jezno gledati</i>

	g'leđate 'kâk 'pü(l)c	<i>mračno in zlovoljno gledati</i>
	g'leđate (gar'do:u) 'kâk 'pozoń	<i>zelo grdo gledati</i>
	g'leđate 'kâk 'tele 'no:uva/'be:jla v'ra:ta	<i>začudeno, neumno gledati</i>
	g'leđate 'kâk tar'nina	<i>gledati s prodirnimi očmi</i>
	g'leđate 'kâk za'bodd'ene' 'gü nec	<i>debelo gledati</i>
g'leđate se 'kâk...	g'leđate se 'kâk 'pes pa 'ma:ček	<i>sovražno se gledati</i>
g'nâti 'kâk...	g'nâti 'koğa 'kâk 'ka:kšë 'nořc	<i>noro, nenehno priganjati</i>
	g'nâti 'koğa 'kâk 'pes 'za:fca	<i>hitro gnati</i>
g'ri:stë se 'kâk...	g'ri:stë se 'kâk d'va: p'sâ	<i>grdo se prepirati</i>
'gu:čate 'kâk...	'gu:čate 'kâk be 'močnik v 'la:mpaj 'emo	<i>nejasno govoriti</i>
	'gu:čate 'kâk be s k'nige š'to	<i>tekoče, gladko govoriti imeti dober spomin</i>
	'gu:čate 'kâk 'čikoš	<i>grdo govoriti</i>
	'gu:čate 'kâk ka'na:s	<i>grdo govoriti</i>
'xrzate se 'kâk	'xrzate se 'kâk 'ka:(k)šë 'koń	<i>glasno se smejati</i>
'ite 'kâk...	'ite 'kâk ci'ga:ńon 'be:jle k'rü:	<i>gladko teče delo</i>
	'ite 'kâk na'ma:zano	<i>neovirano teče delo</i>
	'ite 'koņe 'kâk p'soņe f s'tüdençe	<i>biti v težkem položaju</i>
ka'dite 'kâk...	ka'dite 'kâk 'pešne'pintar	<i>dosti kaditi</i>
	ka'dite 'kâk š'nölcuk	<i>močno kaditi</i>
ka'vüleťe 'kâk...	ka'vüleťe 'kâk (vo'deņe) 'bik	<i>vpiti na ves glas</i>
klepe'tate 'kâk...	klepe'tate 'kâk 'ka:kša s'râka	<i>zoprno vreščati</i>
k'ri:čate 'kâk...	k'ri:čate 'kâk 'düşa f purga'to:ureuņe	<i>močno tarnati</i>
'kumatë 'kâk...	'kumatë 'kâk 'Žebaša 'koń	<i>kinkati, dremati</i>
'la:jate 'kâk...	'la:jate 'kâk ('srnske) 'bâk	<i>rjuti, rjoveti</i>
	'la:jate 'kâk 'pes	<i>grdo, surovo govoriti</i>
las'ketate se 'kâk...	las'ketate/'lesneťe se 'kâk 'peńska 'd'a:jca	<i>čudno, zelo se lesketati</i>
la'teťe 'kâk...	la'teťe 'kâk 'lo:ufarske p'so:uvge	<i>hitro teči</i>
	la'teťe 'kâk 'žujca	<i>močno drgetati</i>
'la:žate 'kâk...	'la:žate 'kâk çe'ga:ń	<i>gladko lagati</i>
	'la:žate 'kâk 'pes	<i>dosti lagati</i>

'le:jtate 'kâk...	'le:jtate 'kâk 'ka:kše 'brgles	<i>naglo, hitro tekati</i>
	'le:jtate 'kâk 'râketa	<i>zelo hitro tekati</i>
	'le:jtate 'kâk z'bešene	<i>noro tekati</i>
	'le:jtate 'se pa 'ta: 'kâk 'ka:ša 'no:ura 'kûra	<i>brezciljno tekati sem ter tja</i>
'loškate 'kâk...	'loškate 'kâk na 'so:udne 'den	<i>strašno treskati</i>
më'ña:vate 'kâk...	më'ña:vate 'kâk s'po:udne 'lâče	<i>pogosto menjati partnerja</i>
'mëte 'kâk...	'mëte 'du:ge no'ge: 'kâk 'ka:kše š'trk	<i>zelo dolge noge imeti</i>
	'mëte 'du:ge 'gezik 'kâk k'râva 'rep	<i>zelo dosti govoriti</i>
	'mëte 'gezek 'kâk 'kâča	<i>zbadati koga</i>
	'mëte 'gezik 'kâk lo'pa:r	<i>biti gobezdav</i>
	'mëte 'kâj 'kâk p'leve/s'metke	<i>imeti v izobilju</i>
	'mëte nas'krbe 'kâk k'voka 'piščance	<i>skrbno čuvati</i>
	'mëte 'no:us 'kâk 'bočkor	<i>imeti velik nos</i>
	'mëte ro'ke: 'kâk lo'pâta	<i>velike roke imeti</i>
	'mëte sar'ce: 'kâk 'kâmen	<i>biti neusmiljen, nesočuten</i>
	'mëte 'teuko 'pa:mëte 'kâk 'ena ko'ko:uš	<i>biti neumen</i>
'mëte se 'kâk...	'mëte se 'râd(iva) 'kâk d'va: go'lo:ubeka	<i>zelo se imata rada</i>
'mëzde te se 'kâk...	'mëzde te se 'kâk k'râva	<i>biti nemiren</i>
m'la:të te se 'kâk...	m'la:të te se 'kâk 'ka:kša z'giñena 'kûra	<i>divje kriliti</i>
'mõtate se 'kâk...	'mõtate se 'kâk 'ma:ček	<i>potikati se naokrog</i>
m'râzete 'kâk...	m'râzete 'koga 'kâk v 'zime	<i>zelo zebsti</i>
'mujstate se 'kâk...	'mujstate se 'kâk 'ka:kše 'ma:ček	<i>pretirano se crkljati</i>
'mujvate se 'kâk...	'mujvate se 'kâk 'ma:ček	<i>pomankljivo se umivati</i>
'mujvate se 'kâk...	'mujvate se ro'ke: 'kâk 'Pilatoš	<i>odvrniti odgovornost</i>
'muvete 'kâk...	'muvete 'kâk star'si:n	<i>glasno mrmrati</i>
na'pite se 'kâk...	na'pite se 'kâk 'eçe/'čep	<i>biti močno pijan</i>
	na'pite se 'kâk k'râva/so'ma:r	<i>dosti spiti</i>
na'sed'ate se 'kâk...	na'sed'ate se 'kâk 'Fâšenek	<i>čudno se obleči</i>
'nošte 'kâk...	'nošte gla'vo:u 'kâk go'sa:k	<i>vzvišeno hoditi</i>
ob'ra:čate se 'kâk...	ob'ra:čate se 'kâk 'müja v	<i>počasi delati</i>

	'močnike	
'ojte/'odete 'kāk...	'ojte/'odete 'kāk 'Bo:uk	<i>biti važen človek</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'cikoša	<i>biti umazan</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'da:ma	<i>lepo oblečeno hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'cotaš	<i>nositi raztrgano obleko</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'furija	<i>gizdavo hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'ka:kša 'pa:va	<i>ponosno hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'ka:kše 'a:jlegar	<i>biti raztrgan</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'ka:kše z'bešnéne	<i>noro, divje hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'kâpetan	<i>držati se kot vodja</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'ko:udiš	<i>biti beraško oblečen</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'megla	<i>nevidno hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk po 'd'a:jcaj	<i>previdno hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'pura	<i>biti jezen</i>
	'ojte/'odete 'kāk 'senca	<i>neopazno hoditi</i>
	'ojte/'odete 'kāk s'pi:š	<i>zelo hitro hoditi</i>
	'ojte/'odete 'ko:ulik 'koğa 'kāk 'ma:ček	<i>okoli se plaziti</i>
	'ojte/'odete 'ko:ulik 'koğa 'kāk 'ma:ček 'ko:ule 'v'ro:uče 'kâše	<i>ne upati se lotiti jedra problema</i>
	'ojte/'odete od 'ize do 'ize 'kāk 'ka:(k)še 'lo:ufarske 'pes	<i>brezciljno hoditi</i>
park'linâte 'kāk...	park'linâte 'kāk 'kočiš	<i>grdo preklinjati</i>
parla'tete 'kāk...	parla'tete ('be:jsen) 'kāk 'ša:rkañ	<i>zelo jezno prileteti</i>
	parla'tete 'kāk ob'lisk	<i>zelo hitro prileteti</i>
	parla'tete 'kāk vi'hē:r	<i>hitro prileteti</i>
'pâzete/s'krp 'mețe 'kāk...	'pâzete/s'krp 'mețe 'kāk na (s'voje) o'či:	<i>skrbno paziti</i>
'pite 'kāk...	'pite 'kāk 'ka:kše ko'zo:ur	<i>zlivati vase pijačo</i>
	'pite 'kāk k'râva	<i>dosti piti</i>
p'lâvate 'kāk...	p'lâvate 'kāk se'ķera	<i>ne znati plavati</i>
p'leşate 'kāk...	p'leşate 'kāk kla'ba:js	<i>hitro plesati</i>
	p'leşate 'kāk š'toj 'fû:čka	<i>ravnati po drugih</i>
po'čütete se 'kāk...	po'čütete se 'kāk do'ma:	<i>prijetno, dobro se počutiti</i>
	po'čütete se 'kāk 'riba na 'süjon	<i>slabo, neugodno se počutiti</i>

po'za:b(ə)tə 'kâk...	po'za:b(ə)tə 'kâj 'kâk m're:jtə	<i>popolnoma pozabiti</i>
'požnatə 'kâk...	'požnatə 'koğa 'kâk 'lâgvə 'pənes	<i>zelo dobro poznati</i>
p(a)r'detə 'kâk...	p(a)r'detə 'kâk 'ma:ček	<i>oglašati se z mrmrajočim glasom</i>
p'rədgatə 'kâk...	p'rədgatə 'kâk 'ka:kšə 'pəp	<i>modro razkladati</i>
p'rosətə 'kâk...	p'rosətə 'kâk Bo'ga:	<i>milo prositi</i>
p(a)rp'ra:vlatə se 'kâk...	p(a)rp'ra:vlatə se 'du:go 'kâk k'râva, 'dâ 'kotə	<i>dolgo se pripravljati</i>
'râstə 'kâk...	'râstə 'kâk 'gobe po 'deže	<i>naglo, hitro rasti</i>
'se:jtə 'kâk...	'se:jtə 'kâk 'a:ngəu	<i>pridno sedeti</i>
	'se:jtə 'kâk 'bo:ugec	<i>biti pomilovanja vreden</i>
	'se:jtə 'kâk k'voka na 'd'a:jcaj	<i>nedejavno čepeti</i>
'sikatə 'kâk...	'sikatə 'kâk 'kâča	<i>govoriti z rezkim glasom</i>
s'kočetə 'kâk...	s'kočetə 'kâk 'pes na 'čənto	<i>zgrabiti ponujeno priložnost</i>
sk(a)r'bətə 'kâk...	sk(a)r'bətə za 'koğa 'kâk p'ra:və 'oča	<i>skrbno skrbeti</i>
sk'ri:vatə 'kâk...	sk'ri:vatə ('pəneze) 'kâk 'kâča no'gə:	<i>neopazno skriti</i>
sma'd'âtə se 'kâk...	sma'd'âtə se 'kâk ci'ga:n 'be:jlome k'rüjə	<i>zelo se veseliti</i>
smar'detə 'kâk...	smar'detə 'kâk 'küga	<i>močno smrdeti</i>
	smar'detə 'kâk 'to:ur	<i>zelo smrdeti</i>
s'pâtə 'kâk...	s'pâtə 'kâk 'bunda	<i>globoko spati</i>
	s'pâtə 'kâk 'ma:lo 'de:jte	<i>sladko spati</i>
	s'pâtə 'kâk mar'mo:ur	<i>dosti spati</i>
	s'pâtə 'kâk 'za:vec	<i>budno spati</i>
s'pe:jvatə 'kâk...	s'pe:jvatə 'kâk sla'viček	<i>lepo peti</i>
'sršetə se 'kâk...	'sršetə se 'kâk ko'ko:ut	<i>zelo se napihovati</i>
s'tâtə 'kâk...	s'tâtə 'kâk 'pən	<i>nepremično stati</i>
	s'tâtə 'kâk ('ka:kšə) 'boṭ	<i>bedasto stati</i>
	s'tâtə 'kâk 'soḅor	<i>nepremično stati</i>
	s'tâtə 'kâk s've:jča	<i>stati po konci</i>
s'teptə 'kâk...	s'teptə 'koğa 'kâk K'ristoš gar'ba:na	<i>divje stresti</i>
'sükatə se 'kâk...	'sükatə se 'kâk 'črf/'kâča	<i>zvijati se od bolečine</i>
s've:jtətə se 'kâk...	s've:jtətə se 'kâk 'pənska 'd'a:jca	<i>zelo se lesketati</i>

š'pilate se 'kâk...	š'pilate se s 'koŋ 'kâk 'ma:ček z 'müsjoŋ	<i>imeti popolnoma v oblasti</i>
š'tibrate 'kâk...	š'tibrate 'kâk 'ka:kšë s'ta:rë 'medve	<i>stalno brundati</i>
'šütate 'kâk...	'šütate 'kâk lë'sica	<i>okoli se plaziti</i>
	'šütate 'kâk 'ma:ček 'ko:ule v're:jle 'kâše	<i>iskati pravo priložnost</i>
'ta:'kâplate 'kâk...	'ta:'kâplate 'kâk 'müje	<i>pogosto umirati</i>
tar'petate 'kâk...	tar'petate 'kâk 'žujca	<i>močno drgetati</i>
tar'petë 'kâk...	tar'petë 'kâk K'ristoš/'Bo:uk na k'ri:žë	<i>veliko trpeti</i>
'tepte se 'kâk...	'tepte se 'kâk 'ka:kša v'râna	<i>navkriž kriliti</i>
t're:jpte 'kâk...	t're:jpte 'kâk 'Bo:uk na k'ri:žë	<i>težko delati</i>
	t're:jpte 'kâk 'koŋ	<i>dosti delati</i>
t'ro:ustë se 'kâk...	t'ro:ustë se 'kâk 'žujca	<i>močno zebsti</i>
v'la:čëte se 'kâk...	v'la:čëte se (na sar'tële) 'kâk 'kâča	<i>zvijati se od bolečine</i>
	v'la:čëte se 'kâk 'megla	<i>dolgo se plaziti</i>
'voŋate 'kâk...	'voŋate 'kâk 'küga	<i>močno smrdeti</i>
	'voŋate 'kâk 'to:ur	<i>močno smrdeti</i>
	'voŋate 'kâk 'upek	<i>zelo smrdeti</i>
	'voŋate 'kâk v'ra:k	<i>zelo smrdeti</i>
vož'gâte 'kâk...	vož'gâte f k'lâ 'kâk K'ristuš gar'ba:ña	<i>zelo preteptsi</i>
'vög'lëdate 'kâk...	'vög'lëdate 'kâk 'eçe	<i>biti pijan</i>
	'vög'lëdate 'kâk 'ka:šë 'ra:jkukle	<i>biti neurejen</i>
	'vög'lëdate 'kâk s'mrt	<i>bolestno izgledati</i>
	'vög'lëdate 'kâk staršilo	<i>čudno izgledati</i>
	'vög'lëdate 'kâk tala'pa:čke ci'ga:ñë	<i>biti oblečen v raztrgano obleko</i>
'vöna'râvnate se 'kâk...	'vöna'râvnate se 'kâk 'ka:(k)šë m'lâdoženec	<i>zelo lepo se obleči</i>
'vö'počte 'kâk...	'vö'počte 'koğa s 'krčme 'kâk 'ma:čka s'rât	<i>neusmiljeno, s silo vreči</i>
'vöpo'fa:rbate se 'kâk...	'vöpo'fa:rbate se 'kâk 'ka:(k)ša 'kurva	<i>kričeče se našminkati</i>
vr'tëte se 'kâk...	vr'tëte se 'kâk vr'töuka	<i>hitro se vrteti</i>
zap'le:jtate 'kâk...	zap'le:jtate 'kâk 'ka:ša 'no:ura 'küra	<i>brezciljno hoditi</i>

'zɛpsti 'kāk...	'zɛpsti 'koɣa 'kāk p'sǎ	<i>hudo zebsti</i>
'zejvati se 'kāk...	'zejvati se 'koɣe 'kāk 'Žɛbaša 'koŋe	<i>biti zelo zaspan</i>
z'ginɛtɛ 'kāk...	z'ginɛtɛ 'kāk 'ka:nfor	<i>neznano izginiti</i>
zg'rǎbɛtɛ 'kāk...	zg'rǎbɛtɛ 'kāk 'pes 'çonto	<i>hlastno prijeti</i>
z'nǎtɛ 'kāk...	z'nǎtɛ 'kāk 'oçenaš	<i>dobro znati</i>
'zijatɛ 'kāk...	'zijatɛ 'kāk 'tele	<i>začudeno gledati</i>
ži'vetɛ 'kāk...	ži'vetɛ 'kāk 'Bo:uk	<i>dobro živeti</i>
	ži'vetɛ 'kāk d'va: go'lo:uba	<i>živeti v ljubezni</i>
	ži'vetɛ 'kāk gos'po:ut/g'roʃ	<i>zelo dobro živeti</i>
	ži'vetɛ/'mɛtɛ se 'kāk 'pes pa 'ma:ček	<i>sovražiti se</i>
	ži'vetɛ 'kāk f'tič na 've:jke	<i>živeti brez skrbi</i>

Kratka analiza glagolskih primerjalnih frazemov v porabščini

Pri primerjalnih frazemih gre lahko za ekspresivno okrepitev ali dodatno semantično niansiranje, ki je odvisno od semantične lastnosti izhodiščne besede. Za ekspresivno okrepitev gre predvsem pri pridevniških izhodiščnih pojmih (*'duɣe 'kāk š'tekeu, 'moʃer 'kāk 'riba*), pri glagolskih sta mogoči obe funkciji (*'oʃtɛ/'oðetɛ 'kāk s'pi:š, 'voŋatɛ 'kāk 'küga/'to:ur, p'leşatɛ 'kāk kla'ba:js, 'rǎstɛ 'kāk 'gobe po 'deže*).

Pri primerjalnih frazemih A-sestavina največkrat ohranja svoj prvotni leksikalni pomen, na nastanek frazeološkega pomena pa najbolj vpliva C-sestavina. Za ta del je značilna slikovitost, konotativni pomen in močna ekspresivnost. Primerjalni frazemi opravljajo več funkcij, ena od teh je močno potenciranje pomena sestavine v A-delu, npr. *'vona'rǎvnatɛ se 'kāk 'ka:(k)še m'ládoženec, ži'vetɛ 'kāk gos'po:ut, 'voŋatɛ 'kāk 'to:ur...*

Med porabskimi glagolskimi frazemi obstajajo primeri, ko je C-del le intenzifikator in brez slikovitosti, v teh primerih je pogosto rabljen kot intenzifikator *'kāk v'ra:k*, redko tudi *'kāk so'ma:r, 'kāk g'ron*, npr. *'voŋatɛ 'kāk v'ra:k, 'dɛlatɛ 'kāk v'ra:k, č'repkatɛ 'kāk v'ra:k, d're:jtɛ se 'kāk so'ma:r, č'repkatɛ 'kāk g'ron*.

Pomen primerjalnih glagolskih frazemov pogosto nastane na podlagi vedenja o predmetu, živali, rastlini in mitu, zahteva pa lahko tudi poznavanje Biblije (*s'tǎtɛ 'kāk ('ka:kše) 'boʃ, 'bitɛ 'kāk 'bečka b'reze 'poda, 'mɛtɛ ro'ke: 'kāk lo'pǎta, 'sikatɛ 'kāk 'kǎča, s'pe:jvatɛ 'kāk sla'viček, 'šütatɛ 'kāk lɛ'sica, 'rǎstɛ 'kāk 'gobe po 'deže, g'lɛdatɛ 'kāk tar'nina, 'se:jtɛ 'kāk 'a:ngeu, 'mujvatɛ sɛ ro'ke: 'kāk 'Pilatoš, tar'pɛtɛ 'kāk K'ristoš/'Bo:uk na k'ri:žɛ*).

Zbrani glagolski primerjalni frazemi pogosto kažejo na zunanje in notranje lastnosti človeka, ki predstavljajo človekove umske in psihične lastnosti ter s pomočjo katerih se opisuje mentalna podoba človeka, tako se npr. pametnost,

razumnost, modrost primerja z biblijsko in pastoralno osebo ('*ojte/'odete 'kåk 'Bo:uk, p'redgate 'kåk 'ka:kše 'pop*), dober spomin je primerjan s knjigo ('*gu:čate, 'kåk be s k'nige š'to*), tudi govorna sposobnost, spretnost se izraža s primerjalno sestavino knjiga ('*gu:čate, 'kåk be s k'nige š'to*). Nejasno, nespretno govorjenje je primerjano z močnikom v ustih: '*gu:čate, 'kåk be 'močnik v 'la:mpaj 'emo*. Nevednost in nerazumnost predstavljajo domače živali, kot so tele, koza, vol, kokoš ('*g'ledate 'kåk 'tele 'no:uva/'be:jlā v'ra:ta, g'ledate 'kåk 'koza na bar'ge:j, g'ledate 'kåk za'bodd'enē 'gü nec, 'meṭe 'teuko 'pa:meṭe 'kåk 'ena ko'ko:uš*). Delavnost se v porabščini primerja s strojem ali z živalmi, npr. '*dēlate 'kåk ma'š:i:n, 'dēlate 'kåk s'to:u vra'go:uf, 'dēlate 'kåk 'koñ*.

V predstavljenih frazemih se v C-delu lahko pojavlja en sam samostalnik ('*držate 'kåk pa'ta:n, 'fü:čkatē 'kåk š'tiglar, g'ledate 'kåk 'pura, 'la:žate 'kåk 'pes, 'mujvatē se 'kåk 'ma:ček, ži'veṭe 'kåk 'Bo:uk*), včasih stoji ob samostalniku poljubnostni zaimek '*ka:(k)še ('mujsate se 'kåk 'ka:kše 'ma:ček, 'ojte/'odete 'kåk 'ka:kša 'pa:va, 'ojte/'odete 'kåk 'ka:kše 'a:jlegar, s'tāte 'kåk ('ka:kše) 'bōt*), primerjalna sestavina je lahko tudi besedna zveza ('*š'tibratē 'kåk 'ka:kše s'ta:re 'medve, tar'peṭe 'kåk 'Bo:uk na k'ri:žē, 'vög'ledate 'kåk tala'pa:čke ci'ga:ñē, zap'le:jtatē 'kåk 'ka:ša 'no:ura 'küra, 'bitē 'kåk 'bečka b'reze 'poda, g'ledate 'kåk 'müš z 'mele*), v posameznih primerih v C-delu lahko stoji le pridevniška beseda, v enem primeru pa sva zasledili tudi glagol ('*dēlate 'kåk 'no:urē, 'geṣte 'kåk t'ri: 'no:urē, 'le:jtatē 'kåk z'bešñenē, po'za:b(e)ṭe 'kāj 'kåk m're:jṭe*). Nekateri frazemi imajo določila bolj razširjena, nekateri pa določene sestavine izpuščajo, tj. C-deli zvez večinoma niso intenzivirani s prilastki, razen redkih izjem ('*le:jtatē 'se pa 'ta: 'kåk 'ka:ša 'no:ura 'küra, m'la:tēṭe se 'kåk 'ka:kša z'giñena 'küra, 'ojte/'odete od 'iže do 'iže 'kåk 'ka:(k)še 'lo:ufarske 'pes, 'sikatē 'kåk 'kāča...*

V primerjalnih frazemih, tako tudi v glagolskih, so zelo pogoste sestavine zoonimi, tudi v porabskem narečju jih najdemo v velikem številu, saj je človek v svojem ožjem oz. širšem okolju stalno povezan z različnimi živalmi, ki jih v frazemih poveže z njihovimi zunanji in notranji lastnostmi ('*smar'dēte 'kåk 'to:ur, 'sikatē 'kåk 'kāča, na'pitē se 'kåk k'rāva/so'ma:r, 'bitē 'kåk 'pes pa 'ma:ček*), ter takole ti dajejo osnovo frazemom.

Frazeološke tematske skupine stalnih primer (tj. C-deli) v porabskih primerjalnih frazemih so:

(a) narava, npr. '*m'rāzēṭe 'koḡa 'kåk v 'zime, 'ojte/'odete 'kåk 'megla, parla'tēṭe 'kåk vi'hē:r*;

(b) domače živali, npr. '*g'ri:stē se 'kåk d'va: p'sā, 'se:jṭe 'kåk k'voka na 'd'a:jcaj*;

(c) rastline, npr. '*rāstē 'kåk 'gobe po 'deže, g'ledate 'kåk tar'nina*;

(č) oblačila, npr. '*meṭe 'no:us 'kåk 'bočkor*;

(d) mitologija, npr. '*se:jṭe 'kåk 'a:ngeu, 'se:jṭe 'kåk 'bo:ugec, s'teṭe 'koḡa 'kåk K'ristoš gar'ba:ña, tar'peṭe 'kåk K'ristoš/'Bo:uk na k'ri:žē, 'bitē 'kåk 'A:dam pa 'Eva*;

(e) poklici, npr. 'gu:čate 'kâk 'čikoš, 'gu:čate 'kâk ka'na:s, 'ošte/'odete 'kâk 'kâpetan;

(f) divje živali, npr. 'sikate 'kâk 'kâča, s'pe:jvate 'kâk sla'viček, 'šütate 'kâk le'sica;

(g) različni predmeti, npr. s'tâte 'kâk 'pen, s'tâte 'kâk ('ka:kše) 'boť, 'bite 'kâk 'bečka b'reže 'poda, 'bite 'kâk 'ma:sen 'pisker, 'gu:čate 'kâk be s k'nige š'to, 'meťe 'gezik 'kâk lo'pa:r;

(h) hrana, jed, npr. tar'petate 'kâk žujca, 'gu:čate 'kâk be 'močnik v 'la:mpaj 'emo;

(i) tradicionalni porabski liki, npr. f'küpnâ'pelate se 'kâk 'ka:(k)ša 'Lenka, na'sed'ate se 'kâk 'Fâšenek;

(j) etnična skupina, npr. 'vög'ledate 'kâk tala'pa:čke ci'ga:ne, 'bite se 'kâk ce'ga:ne, 'la:žate 'kâk ce'ga:n;

(k) različni materiali, npr. 'a:batę se 'kâk v'ra:k s'večane vo'de:, 'držate 'kâk pa'ta:n, 'meťe sar'ce: 'kâk 'kâmen.

Povzetek

Pričujoči prispevek temelji na korpusu glagolskih primerjalnih frazemov, ki podaja njihove strukturne in pomenske lastnosti ter kratko analizo zbranih primerov. Frazeme sva zbirali s pomočjo dveh porabskih slovarjev, ki sva jih dopolnjevali z lastnim zbiranjem, zbrane frazeme pa tudi preverjali med porabskimi govorci.

V prispevku sva frazeme prikazali po abecednem redu glagolskega dela, nato sva porabski frazem zapisali z dialektološko transkripcijo ter dodali knjižno pomensko razlago. Če je imela glavna sestavina varianto, sva to v izjemnih primerih navedli na posebnem mestu v seznamu, ne pa v istem slovarskem sestavku. V glagolskem delu frazemov sva večinoma navedli stilno nevtralne sestavine, vendar sva v posameznih primerih podali tudi stilno zaznamovano obliko glagola (*t're:jpte 'kâk 'koň, smar'dete 'kâk 'küga, 'zijate 'kâk 'tele*).

Možnosti za raziskavo porabskih frazemov so še številne, treba bi bilo čimprej zapisati in predstaviti vse vrste frazemov, kajti to zakladnico porabskega jezikovnega bogastva – na žalost - pozna le najstarejša generacija Slovencev na Madžarskem.

Literatura

- BAJZEK L. 2009 = BAJZEK L. M. Slovar Gornjega Senika A–L. (Mednarodna knjižna zbirka Zora, 66). Maribor, 2009. Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta.
- BEZLAJ 1997–2005 = BEZLAJ F. Etimološki slovar slovenskega jezika. Ljubljana, 1997–2005. Mladinska knjiga, Založba ZRC SAZU.
- EMBERŠIČ Š. – DONČEC M. 2016 = EMBERŠIČ Š. E. – DONČEC M. I. Kmetijsko izrazje v porabskih vaseh // Rojena v narečje (Akademikinji prof. dr. Zinki Zorko ob 80-letnici). Ur. Marko Jesenšek. Maribor, 2016. Mednarodna založba Oddelka za slovanske jezike in književnosti, Filozofska fakulteta. (Zora 114). 190–205.
- FINK ARSOVSKI 2006 = FINK ARSOVSKI Ž. Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. Zagreb, 2006. Knjigra.
- KEBER 2011 = KEBER J. Slovar slovenskih frazemov. Ljubljana, 2001. Založba ZRC, ZRC SAZU.
- KOLETNIK 2016 = KOLETNIK M. Frazemi s sestavinama pes in maček v gornjeseniškem govoru. (Slovenistika 10). Budimpešta, 2016. ELTE BTK Szláv Filológiai Tanszék.
- KRŽIŠNIK 2008 = KRŽIŠNIK E. Viri za kulturološko interpretacijo frazeoloških enot // Jezik in slovstvo, 53 (1). Ljubljana, 2008. 33–47.
- LARISA FABČIČ 2014 = LARISA FABČIČ M. Mentalna podoba človeka v slovenskih, nemških in madžarskih primerjalnih frazemih. Slavistična revija, 62 (2). Ljubljana, 2014. 195–215.
- LOGAR 1975 = LOGAR T. Slovenska narečja. Ljubljana, 1975. Mladinska knjiga.
- MUKIČ 2005 = MUKIČ F. Porabsko-knjižnoslovensko-madžarski slovar. Szombathely, 2005. Zveza Slovencev na Madžarskem.
- NOVAK F. – NOVAK V. 1996 = NOVAK F. – NOVAK V. Slovar beltinskega prekmurskega govora. Murska Sobota, 1996. Pomurska založba.
- PLETERŠNIK 1894–95 = PLETERŠNIK. M. Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–95.
- SLOVAR 1995 = Slovar slovenskega knjižnega jezika Ljubljana, 1995. DZS. (elektronska oblika).

Kalafatics Zsuzsanna¹
(Будапешт, Венгрия)

РОЛЬ СИМВОЛИСТСКОЙ ТРАДИЦИИ В СОЗДАНИИ
ДИХОТОМИЧЕСКОГО МИРА РОМАНА *В КРУГЕ*
ПЕРВОМ А. СОЛЖЕНИЦЫНА

Abstract: The paper is focused upon Solzhenitsyn's novel *The First Circle*. Though the author did correlate modernist experimentations with the language of the novel genre and style with destruction brought about by 1917's revolution, in his novel several motifs can be identified, which are rooted in the Symbolist tradition. Complex motifs favoured by the Symbolists (the circle, Dante, the path of initiation, knightly ethics, the Rosicrucians) embedded in the world created by the text of *The First Circle* play a role in generating binary oppositions, they come to transmit semantics of moral and the philosophy of culture.

Keywords: *The First Circle*, Dantean code, initiation novel, Rosicrucians, Grail cup, overriding Social Realism

Почти в каждом, посвященном роману *В круге первом* анализе отмечается сложность художественной стратегии, которой руководствовался его автор. Один из первых критиков романа, выдающийся писатель Г. Белль пишет следующее: «...книга берет начало от великой русской традиции, она прошла сквозь соцреализм, преодолела и обновила его» (БЕЛЛЬ 1989: 231). Это преодоление соцреалистических стереотипов и клише совершается посредством контаминации реалистических принципов с романтическими, символистскими традициями и прежде всего с традициями высокой духовной и религиозной эстетики Серебряного века². Некоторые аспекты этой традиции трансформируются в реалистической манере романа и вместе с тем обеспечивают метафорическое осмысление этических и философских проблем экзистенциального выбора между добром и злом. Цель

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7093-778>

² См. «Но, в отличие от классических реалистических романов с их культом „жизнеподобия“, в „Круге первом“ устойчивым принципом поэтики становится сцепление натуралистической точности с условностью, придающей образу обобщенно-символическое значение» (ЛЕЙДЕРМАН, ЛИПОВЕЦКИЙ 2003: 275).

настоящей статьи – выявить те мотивы и образы, которые ранее были применены символистами, и вместе с тем показать их интерпретации и трансформации в художественном мире Солженицына.

К символистским обертонам можно причислить, на мой взгляд, и само название романа. Символ круга у Солженицына насыщен множеством значений. Из них стоит выделить и кольцевую композицию: роман начинается с прибытия новых заключенных в спецтюрьму, заканчивается отправкой этапа в лагеря. Рубин, филолог-германист, объясняя новичкам, куда они попали, сравнивает шарашку с первым кругом Дантова ада. «Нет, уважаемый, вы по-прежнему в аду, но поднялись в его лучший высший круг – в первый. Вы спрашиваете, что такое шарашка? Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться, чтобы светломных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них в аду особое место» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 16). Сходное определение шарашки было дано Нержиным в конце романа: «Нет, Илья Терентьич, это не ад. Это – не ад! В ад мы едем. В ад мы возвращаемся. А шарашка – высший, лучший, первый круг ада. Это – почти рай» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 609).

Несмотря на то, что Данте пришел в русскую культуру сравнительно поздно, во второй половине 18 века, русские символисты «с их мечтой о русском Ренессансе и страстью к аналогиям особенно горячо обращались» (СИЛАРД 2002: 163) к его творчеству. Влиятельный философский журнал *Труды и дни* наряду с разделами *Goetheana*, *Wagneriana* ввел раздел *Danteana*, подчеркнув этим универсальное значение названных мыслителей. Образы Гете, Вагнера и Данте переплетаются и в художественной ткани солженицынского романа, позитивно оценивающего предреволюционную эпоху, культуру Серебряного века.³ Достаточно вспомнить ту сцену, когда один из главных героев, Иннокентий Володин после смерти своей матери разбирает ее шкафы, книги, читает ее письма, дневники и *Этические записи*: «И фотоальбомы были тут, с четкой ясностью старинных фотографий. И несколько отдельных пачек составляли театральные программки Петербурга и Москвы. И ежедневная театральная газета

³ Вспомним, что по мнению писателя: «Сотрясательная революция, прежде чем взорваться на улицах Петрограда, взорвалась в литературно-художественных журналах петроградской богемы». Ричард Темпест, цитирующий в своей статье это предложение, обращает внимание и на то, что «Солженицын обвиняет модернизм в том, что тот телеологически способствовал национальному краху 1917-го, а не в том, что явился его причиной. Имеется в виду, скорее, вина, может быть, моральное преступление, но не само преступное деяние» (ТЕМПЕСТ 2010).

„Зритель”. И „Вестник кинематографии” – как? это уже все было в то время? И стопы, стопы разнообразных журналов, от одних названий пестрило в глазах: „Аполлон”, „Золотое Руно”, „Гиперборей”, „Пегас”, „Мир искусства”. Репродукции неведомых картин, скульптур (и духа их не было в Третьяковке!), театральных декораций. Стихи неведомых поэтов. Бесчисленные книжечки журнальных приложений – с десятками имен европейских писателей, никогда не слышанных Иннокентием. Да что писателей! – здесь были целые издательства, никому не известные, как провалившиеся в тартарары: „Гриф”, „Шиповник”, „Скорпион”, „Мусагет”, „Альциона”, „Сирин”, „Сполохи”, „Логос”» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 363).

Семейное культурное и духовное наследие, разговор с живущим уединенно в Твери дядей, а также поездка в убогую, заброшенную деревню Рождество заставляют Иннокентия задуматься над тем, что происходит в стране, и убеждают его в неправильности окружающего мира. Иннокентий постепенно превращается в сомневающегося, борющегося с самим собой героя, который в конце концов решится разомкнуть замкнутый круг, отделяющий друг от друга отечество и человечество. По его представлению существует два круга: большой круг представляет собой человечество, внутри которого расположен меньший – это отечество. Предвзвешенности и колючие проволоки препятствуют тому, чтобы отечество стало частью этого большого единства. Советский дипломат, государственный советник второго ранга поступает в соответствии с мыслью своего дяди – «Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 371): он своим телефонным звонком в американское посольство и во имя человечества изменяет советскому правительству и передает случайно узнавшую информацию о том, где и когда получают советские агенты описание секретной технологии изготовления ядерной бомбы. «Кажется, он успокаивался. Опасно не опасно – другого решения быть не может. Чего-то всегда постоянно боясь – остаемся ли мы людьми?» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 9)

Хотя Иннокентия поглощает советская тюрьма⁴, его этический выбор, отчаянная попытка изменить ход истории и самопожертвование ради спасения человечества ведут к моральному возвышению и обретению

⁴ Дезинфицирующая одежда машина на Лубянке напоминает Иннокентию жгущее пламя ада. Позднее он спустится глубже первого круга, но до этого он и во внешнем мире проделывает круги: накануне рокового поступка на такси колесит круги по площади перед Лубянской, почти то же самое происходит и с везущем его в тюрьму фургоном. Круг в произведении является многозначным символом, наряду с метафорой огненного колеса все элементы круга превращаются в ставший историческим символ красного колеса (НЕТЕНЬИ 2002: 82).

внутренней гармонии. Снисхождение в тюремный ад, в страдание и вместе с тем внутреннее очищение – как путь своеобразного посвящения – роднят его с героем другой сюжетной линии романа, Глебом Нержиным, образ которого полон автобиографических черт. Нержин с фронта сразу попал в исправительный лагерь, потом его перевели в шарашку. Здесь он работает математиком и как бы в качестве реального хранителя памяти пишет книгу о русской революции. Его место испытания, Мавринская шарашка расположена на территории бывшей духовной семинарии, в подгородном одиноком старинном здании, снаружи и внутри наполненном тайнами. Пребывание в шарашке имеет два возможных исхода для арестантов: попасть либо на свободу, к материальным благам, в фальшивый рай советской действительности, либо в лагерь, в нижние ледяные круги ада Гулага. Все зависит от готовности служить делу партии, то есть согласия участвовать в разработке различных аппаратов подслушивания, подсматривания, оказывать техническое содействие советскому режиму. Положение ученых узников пронизано противоречиями, двойственностями, ведь они – представители науки, которыми руководит желание к познанию, приобретению знаний, но достичь этого они могут только ценой компромисса и оппортунизма. Сотрудничество с властью, согласие с тем, что происходит в стране, в конечном итоге воспринимается как сделка с дьяволом. Сологдин, один из ученых-зеков считает, что советская власть – это власть от дьявола. По мнению Рубина любая научная деятельность в шарашке становится сделкой с дьяволом. Неслучайно появляется образ гетевского Фауста, имя которого упоминается Рубиным в его первой беседе с Нержиным.

Уже символисты считали Данте не только и не столько великим поэтом, сколько учителем веры. Эллис, например, связывал путь героя Божественной комедии, «путешественника по загробью» с рыцарским путем истинного познания Истины, посвящением в тайну бытия. В статье о Парсифале Р. Вагнера Эллис называет Данте «единственным, первым и последним поющим великим рыцарем Креста и Вечной Розы» (цит. по СИЛАРД 2002: 169). Мысль о пути рыцарей Розы и Креста затронула не только последователей Р. Штейнера, Эллиса и А. Белого, она коснулась и Вяч. Иванова, Н. Бердяева и А. Блока. В символистских размышлениях о посвятельном пути придавалось особое значение розенкрейцерству. Символисты усердно изучали Романы круглого стола, такие мотивы Артурова цикла, как поиски Святого Грааля, были необыкновенно значимы в культуре Серебряного века .

В Круге первом центральный символ – рыцари Грааля. Центральная, сорок шестая глава носит название *Замок святого Грааля*. По мнению исследователя Жоржа Нива, это таинственный центр произведения, его средоточие, «ось книги» (НИВА 2003). Символические смыслы Грааля обычно сводятся к поиску нравственного совершенства, божественного

откровения, к идее триединства истины, добра и красоты, к теме избранничества, рыцарского служения. Можно сказать, что все перечисленные смыслы данного символа проявляются и в романе Солженицына, видящего в Граале – согласно христианской традиции – духовную первооснову, сущность мира. В шарашке работает художник-зек Кондрашев-Иванов⁵ «в качестве крепостного живописца»: от него требуют украсить вестибюли и залы отдела спецтехники и квартиры замминистра и близких к нему работников большими портретами и патриотическими картинами. Он, в одиночестве, работает над своими полотнами, ведет поиск равновесия между силой и светом, Невидимого и Совершенного, синтеза «понимания, успокоения, все-соединения». Его главная картина, детальное описание которой дается в романе⁶, разрабатывает вагнеровскую тему. Это тема духовного путешествия, поиска Святого Грааля, достижения места, откуда виден иной мир, образ Совершенства. Парсифаль впервые видит замок святого Грааля. Следует упомянуть, что Парсифаль стал рыцарем Грааля после того, как победил искушение и вернул святое копьё королю Грааля, Амфортасу. Рыцарь поднимается по крутой тропе над бездной, по «клиновидной щели между двумя сдвинутыми горными обрывами» с крайними деревьями «леса – дремучего, перевозанного» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 278). Верхняя часть полотна залита оранжевым светом, «исходящим то ли от Солнца, то ли от чего-то еще чище Солнца, скрытого от нас за замком. Вырастая из уступчатой горы, сам в уступах и башенках, видимый и внизу сквозь клиновидную щель, и в разломе между скалами, папоротниками, деревьями, игловидно поднимаясь на всю высоту картины до небесного зенита, – не чётко-реальный, но как бы сотканный из облаков, чуть колышистый, смутный и всё же угадываемый в подробностях нездешнего совершенства, – стоял в ореоле невидимого сверх-Солнца сизый замок святого Грааля» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 278). Достигнув перевала,

⁵ Прообразом героя романа И. М. Кондрашева-Иванова является живописец и график С. М. Ивашев-Мусатов, старший товарищ Солженицына по Марфинской шарашке. Его живописные и графические произведения декоративным характером и колористической насыщенностью напоминают картины бубновалетовцев, однако мистический подтекст сближает его картины с опытом символизма. О творчестве художника и роли экфрасических описаний его картины в романном повествовании подробнее см. ДРОНОВА 2014.

⁶ См. «В окончательную редакцию романа включены экфрасисы пяти работ художника, некоторые с измененными писателем названиями: „Первый снег“, „Дуб“ („Изувеченный дуб“), „Натюрморт с медным кувшином“ („Натюрморт с подносом“), „Девушка в противоопридном костюме. Москва. 1941 год“, „Замок святого Грааля“. Упоминается также пейзаж „Утро“ („Утро необыкновенного дня“). В раннем варианте (в 3-й редакции 1959 г., перепечатка 1961-1962 гг.) была еще одна работа – „Натюрморт с гипсовой головой“ („Натюрморт со статуэткой и книгой“») (ДРОНОВА 2014: 58).

рыцарь открывает сияние Вечности. По мнению создателя картины, этот момент может быть у каждого человека, достижение морального совершенства возможно для всех: «... каждый человек носит в себе Образ Совершенства, который иногда затемнен, а иногда так явно выступает! И напоминает ему его рыцарский долг!» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 277) В споре-разговоре с Нержиным художник выступает за рыцарей: «А кого не хватает нашему веку? Членов партий? Нет, уважаемый – не хватает рыцарей! При рыцарях не было концлагерей! И душегубов не было» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 277).

На символическом распутье находятся «рыцари» произведения Солженицына, они должны в одиночку выбирать свою дорогу. Вопрос о посвящении как избранничестве, избранности на этической основе отчетливо формулируют и узники. Математики иронично называются инженером-полковником госбезопасности розенкрейцерами, к тайнствам которых Яконову не пришлось приобщиться. Розенкрейцеры, то есть люди, соединенные в тайное братство, в котором культивировалось знание, недоступное посторонним: знание подлинного строения человека и его связи с космосом. Они стремились соединить учение о внешней природе со знанием о природе внутренней, природе души. В розенкрейцерстве большой вес приобретает индивидуально осваиваемая наука. Закрытая структура и культ знания роднит спецнорму МГБ 1 с оккультным орденом, но узники – именно как и масоны⁷ – больше сосредоточиваются на этических, общественных вопросах, касающихся политической, преобразующей деятельности. В интеллектуальном поле романа большое место отводится идеологическим спорам, диалогам, диспутам, полемикам, разговорам, размышлениям, интеллектуальным играм узников шарашки, носителей культуры. Мудрецы вступают в дискуссию друг с другом, в том числе устраивают суд над князем Игорем, спорят о советском строе, о разумно устроенном обществе и разговаривают о том, почему Моисей сорок лет водил евреев по Аравийской пустыне. Как на это указывают исследователи, интеллектуальное ядро романа образует спор трех центральных персонажей, Нержина, Сологодина и Рубина (ЛЕЙДЕРМАН, ЛИПОВЕЦКИЙ 2003: 281). Они – Рыцари идеи, их стремление к тайному, запретному знанию, исследовательский пыл являются их неизменными чертами. Рубин – библейский фанатик по Сологдину – и после ареста и опыта долгой жизни в лагере не потерял веру в Сталина, оставаясь преданным советской власти. Его противник, Сологдин, пережив сложный внутренний спор в поиске совершенства, также идет на компромисс. В ситуации выбора из них только Глеб Нержин отказывается от сотрудничества с угнетателями во имя сохранения нравственного

⁷ Разграничение розенкрейцерства и масонства в России отдельный вопрос, освещение которого выходит за рамки данной работы.

достоинства человека и спасения бессмертной души. Его стратегия поведения, аскетизм воспринимается как единственный способ сохранения внутренней свободы и обретения согласия с самим собой.

Символами утраты нравственных устоев в советском обществе и удаления самого понятия о вечности из духовной сферы являются развалины церкви Никиты Мученика и образ разоренной церкви в деревне Рождество. Руины и странное для советской топонимики и несмотря на это не измененное название деревни напоминают о времени, когда все было на своих местах: и Бог, и рай, и ад. И хотя настоящее положение является перевернутым и в стране господствуют силы зла, финал романа свидетельствует о возможности сохранить ценности, противостоять разрушению и при этом обрести мир.

«Прислушиваясь к ходу машины, ээки смолкли.

Да, их ожидала тайга и тундра, полюс холода Оймякон и медные копи Джекказгана. Их ожидала опять кирка и тачка, голодная пайка сырого хлеба, больница, смерть. Их ожидало только худшее.

Но в душах их был мир с самими собой.

Ими владело бесстрашие людей, потерявших все до конца, – бесстрашие, достигающееся трудно, но прочно» (СОЛЖЕНИЦЫН 2006: 609).

В соответствии с понижавшей романную ткань христианской символикой, путь к бесстрашию, к размыканию узкого круга отечества, становлению свободной личности ведет только через жертву, через смерть – возрождение в духе Христа. В отличие от романов инициации символистов, в произведении Солженицына выделяется и подчеркивается этический аспект. Другая реальность – это не абстрактный мир, выстроенный из мифопоэтических элементов, а истина лагерных заключенных и угнетенных, которые противостоят лжи сталинистской эпохи. Излюбленные мотивы символистов, наполненные сложными смыслами (путь посвящения, круг, розы и крест, замок Грааля, тамплиеры, рыцари) в романе Солженицына направлены на создание бинарных оппозиций, становясь носителями моральных, политических, культурно-исторических смыслов в земном конкретном историческом и автобиографическом пространстве.

Литература

- БЁЛЛЬ 1989 = БЁЛЛЬ Г. Мир под арестом // Иностранная литература, 1989. № 8. 228-233.
- ДРОНОВА 2014 = ДРОНОВА Т.И. Экфрасис как прием в романе А.И. Солженицына «В круге первом» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 2. 57-64.
- ЛЕЙДЕРМАН, ЛИПОВЕЦКИЙ 2003 = ЛЕЙДЕРМАН Н.Л., ЛИПОВЕЦКИЙ М.Н. Современная русская литература: 1950-1990-е годы. В 2 т. Т. 2. Москва, 2003.

- НИВА 2003 = НИВА Ж. Поэтика Солженицына между «большими» и «малыми» формами // Звезда, 2003. №12. 143-147. <http://magazines.russ.ru/zvezda/2003/12/niva.html>
- СИЛАРД 2002 = СИЛАРД Л. Дантов код русского символизма // Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002.162-205.
- СОЛЖЕНИЦЫН 2006 = СОЛЖЕНИЦЫН А. В круге первом. Москва, 2006.
- ТЕМПЕСТ 2010 = ТЕМПЕСТ Р. Александр Солженицын – (анти)модернист // Новое литературное обозрение, 2010. №3. 246-263. <http://magazines.russ.ru/nlo/2010/103/te17.html>
- НЕТЭНЫИ 2002 = НЕТЭНЫИ ZS. Szolzsenyicin // Az orosz irodalom története 1941-től napjainkig. Szerk. Hetényi Zs. Budapest, 2002. 66-91.

Kabyl Khalykov
(Almaty, Kazakhstan)

ETHNO-CULTURAL CODES OF KAZAKH THEATRE-STAGE DESIGN IN THE CONTEXT OF SPIRITUAL MODERNIZATION

Abstract: The relevance of the study is due to the lack of detailed studies on this topic. There is an urgent need for a fundamental comprehensive study and creation of a systematized base of knowledge about theatrical art and scenography, from the period of becoming, formation, to creative transformation in the works of modern stage designers. The main methods of research: comparativistics in conjunction with the general principles of historicism and systematization, allowing us to consider the continuity and transformation of national artistic traditions in their historical retrospect. Special methods of research: hermeneutics, epistemology, photographic fixation and cataloging artifacts of art and culture.

Keywords: the cultural code, theatrical art, tradition, scenography.

Introduction

The aim of the article is theoretical and methodological substantiation and development of a new concept in the field of theatre art and scenography, the construction of a worldview model of the cultural and civilizational identity of the theatre art of Kazakhs as a source of creative activity of modern scenographers.

The strategy of the spiritual and cultural development of any state in the era of globalization is “the most urgent task of mankind in the 21st century” (NAZARBAYEV 2017). The idea proposed by the head of state Nursultan Nazarbayev “Mangilik El” is a national idea which gathers stability, unity and tolerance the values that unite all Kazakhstanis, which are the foundation of the future of our country gained since independence. Following the wise policy of the President, we strive to preserve the heritage of our ancestors. Our goal is advocacy of the spiritual and cultural values of our ancestors, to retransmit the rich heritage of our people as valuable and revered to preserve, strengthen the national and state consciousness, enlightenment, and intercultural understanding of modern Kazakhstan society. Revival of the best traditions, ensuring the viability of cultural and spiritual heritage, increasing the interest of Kazakhstanis in their history and culture, will be a response to the challenges of the today and can become a prerequisite for the success of modernization of public consciousness.

Ethno-cultural theatre traditions of Kazakhs, having passed a difficult path from the simplest theatric representations to a megastructure, covering almost the entire territory of modern Kazakhstan, which gave life to a professional Kazakh theatre still remains an unexplored phenomenon of Kazakh culture. In this regard, the implementation of the research “Spiritual relics of Kazakhstan” could contribute to the large-scale transformations and modernization of public consciousness proposed in the article of our President Nursultan Nazarbayev “Course towards the future: modernization of Kazakhstan’s identity,” to become its platform and core “connecting the horizons of the past, the present and future of the people” (NAZARBAYEV 2017).

The large-scale reforms initiated by the Head of State should be accompanied by an outstripping modernization of public consciousness, not just complementing political and economic modernization, but to act as their core. However, what factors determine today our cultural self-identification? “How are the challenges related to globalization and the formation of a multipolar world affecting it? What contradictory tendencies of social development exacerbate the need for a harmonious attitude to the world, in the adaptation of traditional cultural values worked out by nomadic civilization?” (NURLANOVA 1987: 20-22). These and many other issues require their solution today.

In the Kazakh cultural self-identification, a special role is assigned to the preservation and the popularization of the historical and cultural heritage (SEYDIMBEK 2001: 21). It should be noted that the most unclear still remains the question: Was the theatre art in Kazakh antiquity, when it arose, what are its origins, etc.? There are still many blank spots in the history of national culture. Lack of new information and facts is felt acutely, and the base of scientific research is being updated rather slowly. Any culture is difficult to decipher, and the art of representation (PAVLENKO 2006) is one of its most complex components. The history of each national culture is a process that has its own specific features (NOMADS 1993), manifested in phenomena (KHALYKOV 2015: 249), (reflecting the meaningful aspects and spiritual being of the people themselves its worldview, mental qualities, worldview (NAURZBAYEVA 2003: 28). Therefore, in the proposed study, the study of the marked topic should begin with a review of the creativity of the bearers of the oral-poetic and musical tradition (AYAZBEKOVA 1999), from the position of theatre art.

In addition, to read and disclose the mechanisms of culture, it is necessary to turn to the peculiarities of thinking as the basic cultural code of humankind. So, according to the British scientists Hyatt J. and Simons H., the meaning of culture codes is expressed through the use of codes. “Codes are “a secret system of words, symbols or behavior” that are used to convey messages that are contextually related (HYATT – SIMONS 1999). Codes are usually expressed on an observable level, through verbal and non-verbal means, but they are the result of influence and interaction with other levels of culture.”

To reveal the essence of ethno-cultural codes and the condition for their formation, it is not enough to simply ascertain the facts of their existence in culture. To disclose the mechanisms of the formation of cultural codes and the features of their functioning in different cultural spaces, it is necessary to turn to the peculiarities of human thinking; inherently cultural code is an element of the psyche. In this respect, the utterance of the Russian culture expert, anthropologist V.Yu. Mikhailin, who puts forward the thesis that the coding of information is associated with the formation of infernal systems of human thinking (MIKHAILIN 2005: 540). He writes: “In addition to the phenomenon of zoning of the surrounding space, code systems have high cultural stability and continue to exert a powerful formative influence on modern civilization.”

To identify ethno-cultural codes in the theatre and plastic arts, it is intended to focus specifically on the consideration of such a category as perception in the research. In modern psychology, perception is understood as a holistic reflection of objects and phenomena of the objective world under their immediate impact at a given moment. Since perception occurs through the senses, the encoding of incoming information is presumably carried out along the same channels (BUKINA 2010: 232). From this, we made the following conclusion that the ethno-genetic code of Kazakh theatre-plastic art should be sought in the space of the cultural environment associated with the psycho-physiological processes of man in the ethnos.

In fact, in the traditional society of Kazakhs (SHAKHANOVA 1998), theatre representations in the form of their organization represented a social institution and a culture institute, and performed the functions of informal, unofficial art education, enculturation and socialization. The Kazakh People's Theatre as a sociocultural phenomenon throughout its development was formed into a social institution whose main function was to develop the cultural and social values of traditional Kazakh society (KHALYKOV – KARZHAUBAEVA 2013: 217).

The next important contribution to the study of the ethno-cultural codes of the traditional Kazakh theatre and the “preservation of national identity”, presumably, can be accomplished through a comprehensive approach and new knowledge in the field of the latest world semantic-semiotic research. For the first time the phenomena and creative processes of the Kazakh theatre will be considered from the point of view of the method of phenomenological reduction (KHALYKOV 2015: 214).

The theatre as a socio-cultural institution with its complex of audio-visual arts can influence the viewer through the ethno-cultural code of a nation whose social and economic effect lies precisely in the technological component, the novelty of the productions, i.e. the decision of the artistic-plastic form and the artistic image of the play. Today qualitatively new changes in the theatre process of the Kazakh theatre are due to the modernization of consciousness, which determines the path of development in the new technological discourse of innovations.

Another important aspect of the proposed research concerns the results of the research of Russian scholars, in which insufficient provision of educational and methodical resources is one of the main problems of the training and education of theatre directors, actors, artists and musicians. There are no scientific works and educational and methodical literature devoted to the study of the theatre traditions of Kazakhs. Educational programs, curricula, for which young specialists are trained today in the educational institutions of the Republic, requires improvement and introduction of new information into the educational process. At present, some articles and publications are distributed mainly in the field of supplementary education as additional training. From the point of view of the new education paradigm, basic curricula, in conditions of additional education, are not relevant, because the very role of the instructor is changing.

Hence the conclusion follows that in the process of professional training of future figures of theatre art it is necessary to introduce new knowledge, a new look and a reading of the cultural traditions and experience of previous generations.

Thus, the analysis allows us to conclude that the huge cultural layer remains open and requires understanding from a new perspective and incorporating new knowledge into this area of national science and education.

The implementation of this research would help develop a new conceptual approach and introduce new research in this direction in the process of professional training of future actors of theatre art: future directors, actors, stage designers and musicians at the university stage of education.

Methods of research

The methodological basis of the research is a whole complex of fundamental methods of modern science. One of the priority is the method of art criticism analysis, which allows comprehensively and comprehensive study of traditional forms of theatrical art as a phenomenon of Kazakh culture and art. 1) description and analysis; 2) relatively-comparative analysis; 3) analysis of compositions and plots; 4) bibliographic analysis.

The method of historicism will be used to reconstruct the complex under study, to identify the main stages of formation and genesis. A wide range of research trajectories will allow us to consider theatrical art in the context of the set of social, spiritual, aesthetic and artistic factors that affect it. The desire to represent the evolution of Kazakh theatrical art in transhistorical dynamics predetermines the use of the method of retrospective reconstructions.

Culture study and Philosophy: 1) hermeneutic analysis; 2) phenomenological analysis; 3) methods of analytical psychology; 4) methods for analyzing the nature of myth and symbol; 5) semiotic analysis. The application of the method of phenomenological reduction opens wide possibilities for revealing the intentional essence of creativity.

The application of interdisciplinary research is aimed at understanding the content aspect of ancient theatrical art and scenography as an aesthetic phenomenon. This kind of integral methodology in the interdisciplinary field of research is most appropriate both from the point of view of the specifics of the current stage of development of world and domestic theatrical art and scenography, and the disclosure of the topic and the achievement of the purpose and objectives of the study.

The scientific novelty of the proposed article is that for the first time:

- For the first time the traditions of Kazakh theatre art will be interpreted as a socio-cultural phenomenon;

- For the first time an attempt will be made to reveal the ethnocultural code of Kazakhs and the main channels of perception of codes in the theatre and plastic arts;

- For the first time in the domestic science, the creativity of the bearers of the oral-poetic and musical tradition will be considered as a social institution and culture institute aimed at realizing the spiritual, artistic and communicative needs of the traditional Kazakh society;

- For the first time, the socio-cultural functions of the traditional Kazakh theatre will be considered, taking into account their historical development and the transformation of their cultural codes;

- Semantic-semiotic analysis will be carried out for the first time, where the cultural code is different from the signs, symbols and other semiotic units in the Kazakh traditional theatre;

- For the first time the development of the author's methodology for conducting a sociocultural study of the theatre art of a specific region will be carried out;

- For the first time, a cultural understanding of the life of the Kazakh folk theatre and its interaction with other elements of the socio-cultural system of the Kazakh traditional society will be held;

- For the first time, a systematic approach will be applied, allowing to consider the Kazakh people's theatre as a systemic integrity and determine its role in the formation of the culture of modern Kazakhstan.

The significance of the research is concluded in the practical implementation of the idea of the Head of State N. Nazarbayev. “Magilik el” and the state program “Looking into the Future: Modernization of Public Consciousness”: “The first condition for modernizing a new type is to preserve its culture, its own national code. Without this, modernization will turn into an empty sound” (NAZARBAYEV 2017).

The implementation of this research will contribute to the expansion of knowledge and awareness of Kazakh culture in the world.

Conclusion

Kazakhstani theatres need innovations and are open to the introduction of advanced technologies and technology. Today, the scenography of the Kazakh theater “as a synthesis of many artistic aspirations is focused on the implementation of various solutions that are not repeated and differ from the usual methods” of visualizing the artistic image of the play (THE ART 2017: 210). Innovations should qualitatively change the professional processes in the modern theater of Kazakhstan to bring success, which will be appreciated by world experts (KABDIEVA 2016 : 16). The study of the cultural code can reveal the most promising ways for the development of Kazakhstani culture, bring income to cultural institutions, become a guideline and driving force for the development of modern Kazakhstan, and promote the prosperity of every creative person and state as a whole.

According to M. Fresli, the problem of «intercultural communication» in his monograph ‘looks at how a new theory of the cultural networks can be applied in studying some of the values in cinema. This is an opportunity to get to know our world and offers new ways of intercultural communication’ (FRESLI 2015: 75, 87).

The inclusion of folklore into the theatre becomes an influential art trend, in which art seeks to give a comprehensive and vivid real-life picture of a person who fights for his/her own destiny and justice. The Kazakh Theatres solve these problems using the comparative method of folk stories, encouraging the viewer to understand and appreciate the philosophical meaning of human life and existence. ‘The interrelation of myth and reality, used as the nature of time, is represented by an existential communicational human existence in the ethno-cultural discourse. Here, the conditions of existence for the heroes of both the reality and myth are the same. The comparison of the heroes’ lifestyle with Kazakh folklore gives a new interpretation quality to the director’s conception and dramaturgy’ (MAEMIROV – KHALYKOV – NURPEIS 2015: 207).

In the article ‘Theatre Semiotics: Semantic Formation of Scenography in the Kazakh Drama Theatre’ (KHALYKOV 2015: 268) we examined the problem of interpretation of the text in the theater and scenography as the semantic beginning of plastic and visual arts. Philosophical paradigm on the issues of unconscious, which were developed by contemporary culture researchers in relation to art were given as an example.

Considering the history of theatrical reform and qualitative changes, our attempt was made to conduct a semiotic analysis in Kazakh Theatre. “Peculiar difficulties in the perception of established essential concepts and categories of our society appear in the methodology for the understanding of artistic processes of an unconventional theater. Thus, a relevance of these differences and the study of the theory of global aesthetic features befalls” (KHALYKOV 2016: 94).

In another article ‘Application of movie effects in theater productions (the play “Tansulu” as an object of study)’ we analyzed the technological issues of the play design. The research of technological aspects in the development of theater is based on the problems associated with the study of the cultural heritage of the people, with the discernment of cultural codes, the history of cultural texts. Today it requires a special knowledge and an approach to the use of theatrical techniques in scenography and solutions to the visual problems of pictorial direction . (KHALYKOV 2016: 193). ‘M. Auezov State Kazakh Academic Theatre of Drama is also looking for the same language of technology that would be able to reflect a particular time and space on the stage play’ . This performance contributed technical novelty to the artistic reflection of reality. Every act of the play is in search for a new image–plastic language and for knowledge of the verge of being untouched before by other artists and directors. Despite the fact that the theater technique has a considerable history of use of existing scenery and technology of magic transformation of images, many projection effects, video, and arrangement of different holographic effects the theater process here is impacted by cinema.

The impact of the results on the development of science and technology and the expected social and economic effect: The implementation of this research involves the development of a methodological system of education that will contribute to the improvement of professional training of competent cultural and art workers who meet the requirements and demands of modern society.

References

- NAZARBAYEV 2017 = NAZARBAYEV N.A. "The Course towards Future: Modernization of Public Conscience" <http://e-history.kz/en/contents/view/6676> © e-history.kz
- NURLANOVA 1987 = NURLANOVA K.SH. Aesthetics of the artistic culture of the Kazakh people. Alma-Ata: Science, 1987. (in Russ.)
- SEYDIMBEK 2001 = SEYDIMBEK A. World of the Kazakhs. Ethnocultural rethinking: study guide. (School library). Per. from kaz – Almaty: Rauan, 2001. (in Russ.)
- PAVLENKO 2006 = PAVLENKO A. Theory and Theater. SPb. Ed.S.-Petersburg. University, 2006. (in Russ.)
- NOMADS 1993 = NOMADS: AESTHETICS (Knowledge of the world in traditional Kazakh art). Almaty: “Gulim”, 1993. (in Russ.)
- NAURZBAYEVA 2003 = NAURZBAYEVA A. Metaphysics of the Theater // “European Theater in the Islamic World: Post-Soviet Transformations in the Theater Art of the Countries of Central Asia”. Sat doc int. scientific conf. Tashkent, 2003. 28-34. (in Russ.)
- AYAZBEKOVA 1999 = AYAZBEKOVA S.Sh. Picture of the world of ethnos: Korkut-Ata and the philosophy of music of the Kazakhs. Almaty: Computer

- Publishing Center of the Institute of Philosophy and Political Science MES, 1999. (in Russ.)
- HYATT – SIMONS 1999 = HYATT J. – SIMONS H. Cultural Codes – Who Holds the Key? The Concept and Conduct of Evaluation in Central and Eastern Europe. SAGE Publications. London, 1999.
- MIKHAILIN 2005 = MIKHAILIN V.YU. Trail of bestial words: spatially oriented cultural codes in the Indo-European tradition. M.: New Literary Review, 2005. (in Russ.)
- BUKINA 2010 = BUKINA N. To the question of the methodology of the study of cultural codes // Bulletin of the Buryat State University. 2010. 232-237. (in Russ.)
- SHAKHANOVA 1998 = SHAKHANOVA N.ZH. The world of traditional culture of the Kazakhs. Almaty: Kazakhstan, 1998. (in Russ.)
- KHALYKOV – KARZHAUBAEVA 2013 = KHALYKOV K. – KARZHAUBAEVA S.K. Traditional culture and up-to dateness SPACE INTERACTION: artistic and cultural processes in Kazakhstan // International Scientific Conference «Social reconstruction of Europe», Bucharest, Romania. 2013. 217-221.
- KHALYKOV 2015 = KHALYKOV K. The relation of theatrical-decorative art to the ornament: a phenomenological analysis (1990-2016). Science and Life of Kazakhstan. Scientific and public journal. № 3 (30). 2015. 214-217. (In Kaz.)
- THE ART 2017 = The art of the Kazakhs in the aspect of the common Turkic traditions. Collective monograph. Almaty: “Print Express” publishing house, 2017. 210-232. (in Russ.)
- KABDIEVA 2016 = KABDIEVA S.D. The interaction of cultures as a factor in the development of stage language in the theater of Central Asia. Proceedings of the international scientific-practical conference dedicated to the 110th anniversary of the Tatar theater. Kazan: IYALI, 2016. (in Russ.)
- FRESLI 2015 = FRESLI M. Kulturális hálózatok. Kiadja: Nyugat-Magyarországi Egyetem. Savaria Egyetemi Központ. Szombathely, 2015. (in Hungar.)
- MAEMIROV, KHALYKOV, NURPEIS 2015 = Maemirov, A., Khalykov, K., Nurpeis, B. Ethnocultural aspects in development of the theatre Kazakhstan In Years of Independence: The problem of being human. Folklore–Electronic Journal of Folklore, 62, 2015. 201-225. www.folklore.ee/folklore/vol62
- KHALYKOV 2015 = Khalykov, K. Teatr semiotikasy: Kazakh Drama teatrynda stsenografialyq man tugyzu. Al–Farabi Kazakh atyndagy Ulttyk Universiteti habarshysy. Philosophy seriyasy. Madeniettanu seriyasy. Sayasattanu seriyasy. № 1 (50) 2015. 268-277. (in Kaz.)
- KHALYKOV 2016 = KHALYKOV K. Intentionality as a new phenomenological Approach in scenography // Central Asian Journal of Art Studies 1/ 2016. 88-104.
- KHALYKOV 2016 = KHALYKOV K.Z. Primeneniye kinoeffektov v teatral'nykh postanovkakh (na primere spektaklya «Tansulu») // Materialy Mezhdunarodnoy nauchno–prakt.konferentsii. Almaty: T.K. Zhurgenov KazNAA, 2015, 192-198. (in Russ.)

Mihaela Koletnik
(Maribor, Slovenija)

FRAZEMI S SETAVINAMA *PES* IN *MAČEK*
V PREKMURSKEM GORIČKEM PODNAREČJU

Abstract: The article focuses on fieldwork data regarding phrasemes containing words *dog* and *cat* used in the Prekmurje Goričko sub-dialect. The phrasemes are presented in the form dictionary entries. It is then ascertained whether these phrasemes also occur in the Dictionary of Standard Slovene (SSKJ) and in the Phraseological Dictionary of Slovene (Keber, 2011). By the same token, the occurrence of these two phrasemes is examined in the local speech of Gornji Senik in the Porabje region. Differences and similarities in their use in the two dialects are pointed out.

Keywords: animal phraseology, dialectal phraseology, *dog* and *cat* in phrasemes, the Prekmurje Goričko sub-dialect

0 Uvod

Prekmursko narečje, ki je najbolj vzhodno slovensko narečje, se govori v Prekmurju, ob zgornji Rabi v okolici Monoštra ter v nekaj vaseh ob madžarsko-avstrijski meji v Avstriji. Zaradi številnih in ostrih razdelitev Prekmurja vse do 18. stoletja so se na tem območju oblikovala tri temeljna podnarečja: severno – goričko (ob zgornji Ledavi in v Porabju), osrednje – ravensko (od Cankove prek Murske Sobote do Filovcev in Kobilja) in južno – dolinsko (vzdolž Mure). Med seboj se razlikujejo po mlajših prekmurskih razvojih, ki se kažejo zlasti v (1) različnih odrazih za dolgi in kratki *a*; v goričkem in ravenskem podnarečju se kratki in nenaglašeni *a* zaokrožujeta, v dolinskem pa se pod vplivom prleškega narečja zaokrožuje dolgi *a* v *o:/â:*, kratki naglašeni in nenaglašeni *a* pa ostajata odprta vokala; (2) v razvoju končnega *-l* v *-o* v goričkem in ravenskem podnarečju ter *-u* v dolinskem, (3) v izgovoru zvočnika *j*, ki se v dolinskem in delu vzhodnega ravenskega podnarečja izgovarja kot *j*, sicer kot *dj*, *g*, *k* ali *dž*. Starejši glasoslovni in oblikoslovni razvoji so dokaj enotni (ZORKO 1998: 42).¹

V prispevku se osredinjamo na prekmurske frazeme, ki imajo kot eno od sestavin poimenovanje za domačo žival. Narečna frazeologija² namreč spada

¹ Več o narečni podobi Prekmurja glej pri KOLETNIK (2008: 916).

² Po SMOLETOVI (2014: 1) kot narečno pojmuje vso frazeologijo, ki je v rabi v nekem krajevnem govoru.

med pomanjkljivo dokumentirano narečno gradivo, čeprav je pomen frazeologije v narečjih za poznavanje jezika, kulture in miselnosti duha naroda nesporen in očiten – v frazeoloških enotah se namreč dinamično prepletajo povezanost jezika in mišljenja ter smisel za podrobnost in izvirnost (POKLAC 2004: 138).

Narečni frazemi, zbrani v vaseh Krašči, Vadarci, Pečarovci, Čepinci, Gornji Petrovci in Ivanovci,³ so slovarsko urejeni in po pojavnosti v slovarskih virih primerjani s knjižnimi. Ugotavljajo se tudi podobnosti in razlike z naborom frazemov z istimi sestavinami v porabskem (goričkem) gornjeseniškem govoru.⁴

1 Slovarček narečnih frazemov s sestavinama *pes* in *maček*

1.1 Zgradba geselskega članka

Kot zgled za oblikovanje geselskega članka nam je služil prispevek Vere Smole (2014: spletni vir) z naslovom *Frazemi s poimenovanji za domače živali v slovenskem vzhodnodolenjskem šentruperskem govoru*.⁵ Na začetku geselskega članka je zaporedna številka frazema s posamezno sestavino. Sledi fonetično poknjžena oblika frazema v slovarski obliki v okrepljenem. Za znakom • je podan fonetični zapis slovarske oblike frazema v poševnem tisku, za njim v pomenskih narekovajih pomen. V drugi vrstici je frazem v narečnem besedilnem (stavčnem) zgledu v poševnem tisku in za znakom minus (–) njegova fonetično poknjžena oblika. V naslednji vrstici znak ⊕ uvaja podatek o tem, ali se narečni frazem nahaja v pregledovanih slovarjih, tj. SSKJ in SSF. Če se narečni frazem pomensko in oblikovno ujema s tam zapisanim, je za okrajšavo SSKJ pridan znak +, medtem ko v tem primeru okrajšavi SSF sledi tudi zapis frazema in kvalifikator(ji), pomen pa le v primeru, ko se ta deloma ujema ali se ne ujema z narečnim, v primeru ujemanja pa je zapisan kot narečni pomen. Kadar slovarski okrajšavi sledi znak ~, pomeni, (1) da se pomen narečnega in knjižnega frazema ujemata delno ali samo v enem od pomenov ter (2) da sta si frazema sestavinsko podobna, ne pa tudi enaka, pri čemer se pomena (vsaj delno) ujemata. Slovarski okrajšavi sledi lahko tudi znak –, če narečni frazem v slovarju ni naveden oz. obravnavan. Znotraj narečnih frazemov pomenita oklepaja naslednje: v okroglih oklepajih () so zamenljive sestavine, v lomljenih oklepajih < > so fakultativne sestavine; znaki v frazemih iz SSKJ in SSF so v skladu s tam rabljenimi (prav tam: 7–8).

³ Gradivo na terenu je leta 2018 pod mentorstvom Mihaele Koletnik zbrala Ana Sobočan.

⁴ Več o gornjeseniških frazemih s sestavinama *pes* in *maček* glej pri KOLETNIK (2017: 87–102).

⁵ Dostopno na http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Smole%20za%20WEB.pdf.

1.2 Slovarček

1.2.1 Pes

1 biti kak pes pa maček • *'biti kâk 'pes pa 'ma:ček* 'ne se marati, sovražiti se'

'Tâk sta kâk 'pes pa 'ma:ček, 'nemreta se 'viditi. – Sta kot pes in maček, ne moreta se videti.

Ⓛ SSKJ: ~ = SSF: (678) ~ **bíti kot pès in máčka** /ekspr.; primera/ *sovražiti se*

2 delati s kom še slabše kak s psom • *'dèlati s 'ken še s'lâpše kâk s p'son* 'zelo grdo ravnati s kom'

Z 'dèlafcon 'dèla še s'lâpše kâk s p'son. 'Nika ga ne poš'tü:je. – Z delavcem dela še slabše kot s psom, nič ga ne spoštuje.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

3 gledati kaj kak pes čonto • *g'lè:ĩdati 'kâj kâk 'pes 'čõnto* 'poželjivo gledati'

'Me:ĩla je ob'le:ĩkico pa jo je g'lè:ĩdo kâk 'pes 'čõnto. – Imela je oblekico pa jo je gledal kot pes kost.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

4 gledati kak stekel pes • *g'lè:ĩdati kâk s'tekeu 'pes* 'divje, napadalno'

'Ne:ĩsan š'lâ 'ta:, 'kâ me je g'lè:ĩdo kâk s'tekeu 'pes. – Nisem šla tja, ker me je gledal kot stekel pes.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (680) ~ **kot stékel pès** /ekspr.; primera/ **1. divje, napadalno**

5 gnati koga kak psa • *g'nâti 'kõga kâk p'sâ* 'zelo priganjati k delu'

'Zenejo ga kâk p'sâ. 'Re:ĩsan 'mõra 'fejst 'dèlati. – Ženejo ga kot psa. Res mora zelo delati.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

6 gristi se kak dva psa • *g'ri:ĩsti se kâk d'va: p'sâ* 'grdo se prepirati'

'Neka so se s'vâdili. 'Gri'ze:ĩta se kâk d'va: p'sâ. – Nekaj so se skregali. Grizeta 'prepirata' se kot dva psa.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

7 imeti se rad kak pes pa mačka • *'meiti se 'rât kâk 'pes pa 'ma:čka* 'ne se marati, sovražiti se'

'Râdiva se 'ma:ta kâk 'pes pa 'ma:čka, 'nemreta se 'viditi. – Rada se imata kot pes in mačka, ne moreta se videti.

Ⓛ SSKJ: ~ **se gledata kot pes in mačka** *sovražita se*, SSF: (678) ~ **bíti kot pès in máčka** /ekspr.; primera/; (679) **glédati se kot pès in máčka** /ekspr.; primera, navadno 3. os. dv. **gledata se**, tudi mn./ *sovražiti se*

8 okoli hoditi kak pes • *o'ko:ulj 'oditj kâk 'pes* 'pogosto, neprestano se potepati'

O'ko:ulj 'odj kâk 'pes. 'Nika ga 'ne:ĵ do'ma:.. F'se 'mõre 'sâma fĉi'nitj. – Okoli hodi kot pes. Nič ga ni doma. Vse mora postoriti sama.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

9 lačen kak pes • *'lâčen kâk 'pes* 'zelo lačen'

'Nika sân še g'nes 'ne:ĵ 'pojo. 'Lâčen sân kâk 'pes. – Danes še nisem ničesar pojedel. Lačen sem kot pes.

Ⓛ SSKJ: +, SSF: (681) **lâčen kot pès** /ekspr.; primera/; sop.: **lačen kot volk**

10 lagati kak pes beži • *la'gâtj kâk 'pes bi'zi:ĵ* 'zelo lagati'

'Nika ti 'več ne 'võrvlen. 'Lâžeš kâk 'pes bi'zi:ĵ. – Ničesar več ti ne verjamem. Lažeš kot pes beži.

Ⓛ SSKJ: ~ = SSF: (681) **lagâti kot pès [tĉĉe]** /ekspr.; primera/; sop.: **lagati kot cigan**

11 ni vreden, da bi ga pes poscal • *'ne:ĵ je v're:ĵden, 'kâ bi ga 'pes 'po:usco.* 'je popolnoma ničvreden'

'Tĉ:ĵ ni'ma:k je 'ne:ĵ v're:ĵden, 'kâ bi ga 'pes 'po:usco. – Ta nemnež ni vreden, da bi ga pes poscal.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

12 pes zmeri komu hlače • *'pes z'mĉ:ĵri 'komj 'lâĉe* 'pes raztrga komu hlače'

'Kâ si 'ce:ĵlj ras'ĉotanj? Ti je 'pes 'lâĉe z'mĉero. – Kaj si ves razcapan? Ti je pes hlače zmeril?

Ⓛ SSKJ: ~ šalj. = SSF: (681) ~ **pès poméri kómu hlâĉe** /šalj.; olepš./

13 spucati čonto boljše kak pes • *s'pucâtj 'ĉõnto 'bo:ũkše kâk 'pes* 'z grizenjem popolnoma odstraniti meso s kosti'

'Mõglo ti je 'dõbro 'bitj. S'puco si 'ĉõnto 'bo:ũkše kâk 'pes. – Moralo ti je biti dobro. Sčistil si čonto 'kost' boljše kot pes.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

14 še pes ne pošnofa koga, kaj • *še 'pes ne poš'nofa 'kõga, 'kâ* 'kdo, kaj je zelo slab'

'To:ũ je 'nika 'ne:ĵ v're:ĵdno. 'Tõga še 'pes ne poš'nofa. – To ni nič vredno. Tega še pes ne pošnofa 'povoha'.

Ⓛ SSKJ: ~ (povoha), SSF: –

15 truden kak pes • *t'rü:iden kâk 'pes* 'zelo utrujen'

'Bo:ukše, 'kâ se 'sâmo 'le:žen, 'kâ sân t'rü:iden kâk 'pes. – Boljše, da se samo uležem, ker sem truden 'utrujen' kot pes.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (679) ~ **kot pès** /ekspr.; primera, prisl./ *izraža veliko mero, stopnjo*⁶

16 zbiti (zmlatiti) koga kak psa • *z'bitij (zm'la:titi) 'koga kâk p'sâ* '1. neusmiljeno, kruto pretepst; 2. zelo, močno'

Na vese'licij so ga z'bilij kâk p'sâ, 'kâ so ga pe'lâlî v 'bołnico. – Na veslici so ga zbili 'pretepli' kot psa, da so ga peljali v bolnico.

Zm'la:tilij so ga kâk p'sâ, 'ce:ijo o'ko:u 'ma: p'la:vo. – Zmlatili 'pretepli' so ga kot psa, celo oko ima plavo.

Ⓛ SSKJ: ~ = SSF: (680, 681) **pretêpsti kôga kot psâ** /slabš.; primera/

17 zijati koga kak psa • *'zijatij 'koga kâk p'sâ* 'ponižujoče, omalovažujoče gledati koga'

'Šef ga je 'zijo kâk p'sâ, 'nika n'jemij ne po'me:ijnj. – Šef ga je zijal kot psa, nič mu ne pomeni.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

18 žejen kak pes • *'že:iden kâk 'pes* 'zelo žejen'

F 'toj vro'či:ijnj sân 'sâmo 'že:iden kâk 'pes. – V tej vročini sem samo žejen kot pes.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (679) ~ **kot pès** /ekspr.; primera, prisl./ *izraža veliko mero, stopnjo*⁷

1.2.2 Mačka/Maček

Mačka

1 biti kak pes pa mačka, gl. *pes* (1) in *maček* (2).

2 imeti se rad kak pes pa mačka, gl. *pes* (7).

3 mačka je pojedla jezik komu, gl. *maček* (12).

4 stara mačka • *s'ta:ra 'ma:čka* 'izkušena, spretna, prebrisana ženska'

'Ta: je s'ta:ra 'ma:čka. 'Ta: te 'ko:ulj prin'e'se:ij. – Ta je stara mačka. Ta te okoli prenese.

⁶ V ponazarjalnem delu slovarskega članka frazema *kot pes* je moč najti frazem *zmatran kot pes*.

⁷ Frazem *žejen kot pes* je moč najti v ponazarjalnem delu slovarskega članka frazema *kot pes*.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

5 stopiti mački na rep • *s'topitj 'ma:čkj na 'rɛ:jp* 'razjeziti, razburiti se zaradi ogrožanja koristi, interesov nekoga'

'Záj si 'ma:čkj na 'rɛ:jp s'to:upo, 'ká si 'to:u po'vɛdo. – Zdaj si mački na rep stopil, ker si to povedal.

SSKJ: –, SSF: (797) ~ **stopíti kómu na rép** /ekspr.; pren./ narediti, da kdo ne more opravljati določene dejavnosti, storiti določenega dejanja

6 špilati se s kom kak mačka z mišjo • *š'pilatj se s 'kɛn kâk 'ma:čka z 'mišjof* 'imeti koga popolnoma v oblasti, delati s kom, kar hočeš'

'Kâk se 'lejko 'tâk pis'ti:jš, š'pila se s 'teuf kâk 'ma:čka z 'mišjof. – Kako se lahko tako pustiš, igra se s tabo kot mačka z mišjo.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (496) ~ **igráti se s kom kot máčka z míšjo** /ekspr.; primera/

Maček

1 biti kak maček • *'bitj kâk 'ma:ček* 'biti trdoživ, žilav'

'Nešče je kâk 'ma:ček, 'dâ je 'žilavj, 'nišče n'jemj 'nika 'nɛmre. – Nekdo je kot maček, ko je žilav, nihče mu nič ne more.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

2 biti kak pes pa maček, gl. *pes* (1).

3 biti <tak> kak breji stari maček • *'bitj 'tâk 'kâk b'rejɔ s'ta:rj 'ma:ček* 'zelo debel'

G'ra:to si 'debelj, 'tâk si 'kâk b'rejɔ s'ta:rj 'ma:ček. – Postal si debel, tak si kot breji stari maček.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

4 biti <tak> kak mali maček na soncu • *'bitj 'tâk 'kâk 'ma:lɔ 'ma:ček na 'suncj* 'zelo len'

G'nes se mi 'nika ne 'da:, 'tâk sân 'kâk 'ma:lɔ 'ma:ček na 'suncj. – Danes se mi nič ne da, tak sem kot mali maček na soncu.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

5 brneti kak maček • *bɾ'netj kâk 'ma:ček* 'oglašati se z mrmrajočim, brnenju podobnim glasom, presti'

'Záj, 'ká 'po:ulek dik'line se'di:ɔ, bɾ'ni:ɔ kâk 'ma:ček. – Zdaj, ko poleg dekleta sedi, brni kot maček.

Ⓛ SSKJ: ~ (*presti*), SSF: –

6 dobiti mačka v žaklju • *do'bitj 'ma:čka v 'žâklj* 'dobiti kaj, ne da bi to prej poznal videl'

G'dâ si se o'ženila, si do'bi:ila 'ma:čka v 'žâklj. 'Tâkšoga si ga še 'ne:i 'poznala. – Ko si se oženila, si dobila mačka v žaklju. Takšnega še nisi poznala.

Ⓛ SSKJ: ~ = SSF: (493) ~ **kupíti máčka v žákľju** /ekspr.; pren./ *kupiti kaj, ne da bi to prej poznal videl*

7 dol ustreliti koga kak mačka • *'doj stre'litj 'koga kâk 'ma:čka* 'brezobzirno, neusmiljeno ubiti koga'

'Doj ga je st're:ilo kâk 'ma:čka. Sp'loj 'ne:i je 'trzno. – Ustrelil ga je kot mačka, sploh ni trznil.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (495) **ustrelíti kóga kot máčka**, gl. *ubiti koga kot mačka* /ekspr.; primera/

8 hoditi kak maček okoli vrele kaše • *'oditj kâk 'ma:ček 'ko:ulj v're:ile 'káše* 'ne upati se lotiti jedra problema'

'Odiš kâk 'ma:ček 'ko:ulj v're:ile 'káše. 'Vejpa 'cu:j se sp'râvj. – Hodiš kot maček okoli vrele kaše. Začni že enkrat.

Ⓛ SSKJ: ~ (mačka) = SSF: (495) **hodíti kot máčka okrog vréle káše** /ekspr.; primera, tudi **kot maček**/

9 hrzati se kak stari maček • *ər'zâtj se kâk s'ta:rj 'ma:ček* 's široko odprtimi usti se zelo glasno smejati'

'Œržeš se kâk s'ta:rj 'ma:ček. 'Kâ je 'tâk s'me:išnoga? – Smeješ se kot stari maček. Kaj je tako smešnega?

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

10 imeti mačka • *'me:tj 'ma:čka* 'slabo se počutiti, biti nerazpoložen po nezmernem uživanju alkohola'

F'čera je 'bi:u 'pijan, g'nes pa 'ma: 'ma:čka. – Včeraj je bil pijan, danes pa ima mačka.

Ⓛ SSKJ: +, SSF: (492) **iméti máčka** /ekspr.; ed., pren./

11 kihati kak mali maček • *'kijatj kâk 'ma:lj 'ma:ček* 'zelo in pogosto kihati'

'Ki:išeš kâk 'ma:lj 'ma:ček. G'dâ si se pre'la:do? – Kihaš kot mali maček. Kdaj si se prehladil?

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

12 maček je pojedel jezik komu • *'ma:ček je 'pojo 'gezik 'kõmj* 'kdor molči, ne odgovarja'

'Ma:ček n'jemj je 'gezik 'pojo. 'Nika 'nešče 'gu:čâtj. – Maček mu je pojedel jezik. Ne želi govoriti.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (496) ~ **máčka je snédla jêzik kómu** /ekspr.; pren., tudi **muca/**

13 manjasti kak maček • *man'ja:stj kâk 'ma:ček* 'zelo len'

Man'ja:stj sân kâk 'ma:ček, 'sâmo bi po'či:ivo. – Manjasti 'len' sem kot maček, samo počival bi.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

14 nositi (prekladati) kaj kak maček mlade • *no'sitj (prek'la:datj) 'kâj kâk 'ma:ček m'la:de* 'stalno, nenehno, brez potrebe prenašati kaj'

'Nosiš (prek'la:jaš) 'çote po 'kučj kâk 'ma:ček m'la:de. 'Ce:jlj 'čas 'neke prek'la:daš. 'Vejpa že 'enjaj. – Nosiš cote 'oblačila' po hiši kot maček mlade. Ves čas nekaj prekladaš. Nehaj že.

Ⓛ SSKJ: ~ (mačka), SSF: ~ **prenašati kâj kot máčka mláde** /ekspr.; primera/ *stalno, nenehno prenašati kaj*

15 nositi se kak maček • *no'sitj se kâk 'ma:ček* 'hoditi zelo važno, napihnjeno, vzvišeno'

'Zâj, 'kâ je g'la:ven na 'firmj, se 'nošj kâk 'ma:ček. – Zdaj, ko je glaven v podjetju, se nosi kot maček.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

16 pretegovati se kak maček • *prete'ga:vatj se kâk 'ma:ček* 'lenobno se zelo iztegovati'

Že 'ce:jlj 'den se na 'kâučj prete'ga:vle kâk 'ma:ček, 'nika se n'jemj ne 'da:. – Že cel dan se na kavču preteguje kot maček, nič se mu ne da.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

17 spati kak maček • *s'pâtj kâk 'ma:ček* 'trdno spati'

'Dâ 'nešče s'pi:ij kâk 'ma:ček, 'fejst 'močno s'pi:ij. – Ko nekdo spi kot maček, zelo trdno spi.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: –

18 stari maček • *s'ta:rj 'ma:ček* 'izkušen, spreten, prebrisan človek, zlasti moški'

'Dečkj so še 'fejst ze'le:inj proti 'ovomj s'ta:romj 'ma:čkj. – Fantje so še zelo zeleni 'neizkušeni' proti tistemu staremu mačku.

Ⓛ SSKJ: +, SSF: (492) **[kot] stâr 'máček** /ekspr.; pren., tudi kot primera/

19 umivati se kak maček • *'mu:jvatj se kâk 'ma:ček* 'zelo površno, pomanjkljivo se umivati'

'Mu:jvleš se kâk 'ma:ček. 'Bo:ukše se 'muj. – Umivaš se kot maček. Bolje se umij

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (497) ~ **umiváti se kot máčka** /ekspr.; primera/

20 zbiti koga kak maloga mačka • z'*bitj* 'kõga kãk 'ma:loga 'ma:čka 'zelo, neusmiljeno, kruto pretepsti koga'

Z'*bila ga je kãk 'ma:loga 'ma:čka, 'čista je z'delanj.* – Zbila 'pretepla' ga je kot malega mačka, čisto je zdelan.

Ⓛ SSKJ: –, SSF: (494) ~ **pretêpsti kóga kot máčka** /ekspr.; primera/ *zelo pretepsti koga*; sop. **pretepsti koga kot psa**

2 Primerjava med prekmurskimi goričkimi in porabskimi gornjeseniškimi frazemi

Na Goričkem v Prekmurju je zabeleženih 44, na Gornjem Seniku v Porabju pa 33 frazemov, ki imajo kot eno od sestavin poimenovanja za psa ali mačko. Od teh je na Goričkem lokalno specifičnih in v primerjavi s knjižnim jezikom manjkajočih 20, na Gornjem Seniku pa 9 frazemov.

2.1. Število frazemskih enot s sestavino *pes* je v obravnavanih goričkih krajevnih govorih in v gornjeseniškem govoru enako, tj. 18. Pomensko enakih je sedem frazemov. Pet od teh je tudi sestavinsko enakih: **biti kak pes pa maček, gristi se kak dva psa, lačen kak pes, pes izmeri komu hlače in truden kak pes**. Sestavinsko podobna, a ne enaka sta dva frazema. Frazem **še pes ne pošnafa koga, kaj** se na Gornjem Seniku pojavlja z leksično varianto **še pes ne prdene koga, kaj**, seniški frazem **lagati se kak pes** pa se na Goričkem sestavinsko širi v **lagati kak pes beži**.

Lokalno specifičnih in v knjižnem naboru manjkajočih je 8 goričkih in 7 gornjeseniških frazemov; z izjemo frazema **gristi se kak dva psa** so sestavinsko in pomensko različni. Samo na Goričkem so znani frazemi: **delati s kom še slabše kak s psom, gledati kaj kak pes čonto, gnati koga kak psa, okoli hoditi kak pes, ni vreden, da bi ga pes poscal, spucati čonto boljše kak pes in zijati koga kak psa**, samo na Gornjem Seniku pa frazemi: **biti žal kak tistemu psu, kateri jih je devet skotil** 'zelo žal', **dol streliti koga kak psa** 'brez usmiljenja, kruto ustreliti', **držati kaj kak pes ježa** 'zelo previdno', **iti komu kak psu v studencu** 'biti v težkem, neprijetnem položaju; zelo slabo, revno živeti', **lajati kak pes** 'grdo, surovo, zadirčno govoriti', **zgrabiti kaj kak pes čonto** 'hlastno, hitro, popadljivo prijeti kaj'.

2.1.1 Primerjava nabora goričkih frazemov z istovrstnim naborom v knjižnem jeziku ob že zapisanem kaže še, da je pomensko in sestavinsko enak le en frazem, in sicer **lačen kak pes**.⁸ Frazem **žejen kak pes** je z veznikom kot v SSF moč najti v ponazarjalnem delu slovarskega članka frazema *kot pes*; na tem mestu najdemo tudi frazem *zmatran kot pes*, ki se pomensko ujema z narečnim frazedom **truden kak pes**. Narečni frazemi **biti kak pes pa maček**,

⁸ V SKJ z veznikom kot.

lagati kak pes beži, pes zmeri komu hlače, še pes ne pošnoga *koga*, *kaj* in zbiti (zmlatiti) *koga* kak psa se v knjižnem jeziku pojavljajo z leksičnimi variantami *mačka*, *teče*, *izmeri*, *povoha* in *pretepti*.⁹ Primer **imeti se rad kak pes pa mačka** ima v knjižnem jeziku oblikoslovno-skladenjsko variantna frazema **gledati se kot pes in mačka** ter **biti kot pes in mačka**, pri čemer frazem, katerega pomen je v knjižnem jeziku omejen na 'sovražiti se', v narečju pomeni tudi 'ne se marati'. Knjižni frazem **kot stekel pes** se v narečju sestavinsko širi v **gledati kak stekel pes**.

2.2 Na Goričkem je frazemskih enot s sestavino *maček/mačka* za enajst več kot na Gornjem Seniku. Pomensko in sestavinsko enaki so štirje frazemi: **biti kak pes pa maček**,¹⁰ **hoditi kak maček okoli vrele kaše**,¹¹ **stari maček** in **umivati se kak maček**. Pomensko enakih in sestavinsko podobnih je pet frazemov. Gorički frazemi **brneti kak maček**, **dobiti mačka v žaklju**, **maček je pojedel jezik komu**,¹² **imeti se rad kak pes pa mačka** in **špilati se s kom kak mačka z mišjo** se na Gornjem Seniku pojavljajo z leksičnimi variantami **presti kak maček**, **kupiti mačka v žaklju**, **maček je odnesel jezik komu**, **imeti se rad kak pes pa maček** in **špilati se s kom kak maček z mišjo**. Primerjava lokalno specifičnih frazemov med obema narečnima naboroma kaže, da je na Goričkem tovrstnih frazemov petkrat več kot na Gornjem Seniku. V primerjavi s knjižnim jezikom manjkajoči gorički frazemi so: **biti kak maček**, **biti <tak> kak breji stari maček**, **biti <tak> kak mali maček na soncu**, **hrzati se kak stari maček**, **kihati kak mali maček**, **manjasti kak maček**, **nositi se kak maček**, **pretegovati se kak maček**, **spati kak maček** in **stara mačka**, gornjeseniška pa sta **lučiti koga kam kak mačka srat** 'neusmiljeno, s silo vreči, spraviti koga kam' in **tako, če bi mačka za rep vlačil** 'neuglašeno, cvileče'.

2.2.1 Primerjava nabora goričkih frazemov z istovrstnim naborom v knjižnem jeziku ob že zapisanem kaže še, da so pomensko in sestavinsko enaki trije frazemi: **hoditi kak maček okoli vrele kaše**, **imeti mačka** in **stari maček**. Narečni frazemi **biti kak pes pa maček**,¹³ **brneti kak maček**, **dobiti mačka v žaklju**, **dol ustreliti koga kak mačka**, **mačka je pojedla jezik komu**, **nositi (prekladati) kaj kak maček mlade**, **umivati se kak maček**, **stopiti mački na rep**, **špilati se s kom kak mačka z mišjo** se v knjižnem jeziku pojavljajo z

⁹ V primeru *biti kak pes pa maček* je knjižni pomen omejen na 'sovražiti se', v narečju pa frazem pomeni tudi 'ne se marati'.

¹⁰ Na Gornjem Seniku enak pomen izpričujeta še frazema *gledati se kak pes pa maček* ter *živeti (imeti) se kak pes pa maček*. Na Goričkem je ta frazem izpričan tudi s sestavino *mačka*.

¹¹ Na Gornjem Seniku enak pomen izpričuje tudi frazem *hoditi okoli koga kak maček okoli vrele kaše*.

¹² Na Goričkem je ta frazem izpričan še s sestavino *mačka*.

¹³ V SKJ z veznikom kot.

(leksičnimi) variantami *mačka*, *presti/mačka*, *kupiti*, *ustreliti*, *snedla*, *prenašati/mačka*, *mačka*, *komu*, *igrati*. V primeru frazema **biti kak pes pa maček** je knjižni pomen omejen na 'sovražiti se', v narečju pa izraža tudi 'ne se marati', pomen narečnega frazema **stopiti mački na rep** pa se razlikuje od knjižnega. Frazema **imeti se rad kak pes pa mačka** in **zbiti koga kak maloga mačka** imata v knjižnem jeziku oblikoslovno-skladenjsko variantne frazeme **gledati se kot pes in mačka/bit** **kot pes in mačka**, pri čemer ta frazem v narečju ob 'sovražiti se' pomeni tudi 'ne se marati', ter **pretepsti koga kot mačka**; pomen tega frazema je v knjižnem jeziku omejen na 'zelo pretepsti', v narečju pa je pomen razširjen v 'zelo, neusmiljeno, kruto pretepsti'.

3 Sklep

Z obravnavo narečnih frazemov s poimenovanji za *psa* in *mačko*, s primerjavo z naborom frazemov z istimi sestavinami v gornjeseniškem govoru ter s frazemi, obravnavanimi v Kebrovem Slovarju slovenskih frazemov (2011) in Slovarju slovenskega knjižnega jezika, ugotavljamo, da (1) je na Goričkem po pogostnosti med posamičnimi živalmi na prvem mestu *maček/mačka*, na Gornjem Seniku pa *pes*; (2) je od 16, v obeh narečnih naborih pomensko enakih frazemov več kot polovica teh tudi sestavinsko enaka; (3) se v obeh obravnavanih narečnih naborih pojavljajo lokalno specifični ter v primerjavi s knjižnim jezikom manjkajoči frazemi; (4) je pomensko prekrivanje lokalno specifičnih frazemov v narečnih naborih zelo redko (izraženo samo enkrat), (5) se gorički frazemi pomensko in/ali sestavinsko razlikujejo od knjižnih frazemov (pomensko in sestavinsko ujemanje je izraženo samo štirikrat). Z načrtnim zbiranjem narečnih frazemov in primerjavo nabora frazemov med posameznimi izrazijskimi sestavi v slovenskem narečnem prostoru, na kar opozarja že Smoletova (2013: 289) bo mogoče ugotavljati narečne variante določenega frazema, izrisati areale posameznih frazemov in njihovega pomenskega obsega ter sklepati na živost frazema v slovenščini, kar lahko pomembno pripomore k zamisli o slovenskih narečnih frazeoloških slovarjih.

Literatura

- KOLETNIK 2008 = KOLETNIK M. Panonsko lončarsko in kmetijsko izrazje ter druge dialektološke razprave. Bielsko-Biała, Budapest, Kansas, Maribor, Praha, 2008.
- KOLETNIK 2017 = KOLETNIK M. Frazemi s sestavinama pes in maček v gornjeseniškem govoru // Slovenistika 10. Budapest, 2017. 87-102.
- POKLAČ 2004 = POKLAČ S. Nekaj teoretičnih izhodišč o narečni frazeologiji in narečnih frazemih // Jezikoslovni zapiski, 2004. № 10. 137-145.
- SMOLE 2013 = SMOLE V. Frazemi s sestavinama *srce* in *duša* v vzhodnodolenjskem šentruperskem govoru // Jezikoslovni zapiski, 2013. № 19. 275-290.
- SMOLE 2014 = SMOLE V. Frazemi s poimenovanji za domače živali v slovenskem vzhodnodolenjskem šentruperskem govoru. Dostopno 20. 8. 2018 na: http://www.animalisticki-frazemi.eu/images/frazemi/zbornik_radova/Smole%20za%20WEB.pdf.

ZORKO 1998 = ZORKO Z. Narečne prvine v Ivanocyjevem Kalendarju Najszvetejšega srca Jezusovega (1904–1906). V: Slovensko-madžarski jezikovni in književni stiki od Košiča do danes. Budimpešta, 1998. 39-59.

Живка Колева-Златева¹
(Велико-Тырново, Болгария)

О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ НАЗВАНИЙ КУКУРУЗЫ

Abstract: The article examines series of Slavic denominations of maize containing reduplicated clusters of sounds. A hypothesis for sound-symbolic origin of the words is presented. The following data were considered: the formal and semantic parallelism between words with reduplication expressing the same meaning, their formal and semantic variation.

Keywords: Slavic languages, etymology, reduplication, sound-symbolic origin

Известно, что родина кукурузы – Америка, откуда это растение распространилось во всем мире после открытия материка Колумбом. Процесс распространения данной культуры был связан с заимствованием ее названий и образованием новых, указывающих на источник или посредник ее распространения, метафорическим употреблением уже существующих слов и др. Ср. англ. *maize*, фр. *maïs*, нем. *Mais*, которые являются заимствованиями исконного наименования растения *mahiz* из языка индейцев, говоримого в Хаити (KLUGE: 257); англ. *Indian corn*, *Turkey corn*, русск. *турецкая пшеничка* (ДАЛЬ), чешск. диал. *turkině* (МАСНЕК: 661), болг. диал. *аранка*, *владика* (СТОЙКОВ 1993: 296), указывающие на первоначальный источник или посредник заимствования; болг. диал. *гълъби*, *панур* (СТОЙКОВ 1993: 296), укр. *пшеничка* (ГРИНЧЕНКО, III: 504), являющиеся метафорическими переносами уже существующих слов, называющих соответственно голуби, тростник, пшеницу.

Среди славянских названий кукурузы (растения или его плодов: початков с зернами или без зерен, с зернами и листьями) выделяется немалая группа слов, в звуковой форме которых можно усмотреть редупликацию. Они и являются объектом настоящей статьи. Редупликацию в них можно увидеть чаще всего неполную (CV-CVR), иногда затемненную диссимилацией, закономерными фонетическими изменениями или экспрессивным развитием. В некоторых случаях на месте плавного сонанта может быть носовой. Ср. следующие названия:

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6261-1152>

болг. диал. *бò-бул-и*² ‘кукуруза’ (цит. по БЕР, I: 60);

болг. диал. *б̄у-кал-ка* ‘початок кукурузы без зерен’ (СТОЙЧЕВ 1965: 133) – форма слова, возможно, с диссимиляцией по глухости/звонкости и по месту артикуляции: *b–b > b–k* или *k–k > b–k*;

болг. *гу-гул-и* ‘растение и плод *Zea Mays*’ (ГЕРОВ, I: 259);

болг. диал. *д̄у-дул* ‘кукурузный початок с зернами’, *ду-дул-еу* ‘кукурузный початок без зерен’ (ГЕРОВ, VI: 104; I: 377);

болг. диал. *ка-кал-а̄шка*, *ка-кал-я̄шка* ‘початок кукурузы без зерен; початок кукурузы с зернами’, *ко-кал-а̄шка* ‘початок кукурузы, очищенный от листьев’ (цит. по БЕР, II: 150, 532), *ку-кул-а̄шка* ‘початок кукурузы без зерен’ (ГЕРОВ, II: 429);

словен. *ко-кор-о̄ш* ‘плод кукурузы’ (PLETERŠNIK, I: 420), болг. диал. *ко-кор-ѐк* ‘початок кукурузы, окутанный в листьях; початок кукурузы без зерен’ (СТОЙЧЕВ 1970: 179);

словен. диал. *ку-кур-ѐза*, *ку-кур-ѐца*, *ку-кор-ѐца*, *ко-кор-ѐца* ‘кукуруза’, сербохорв. *ку-кур-уз*, *ко-кур-уз*, *ко-кор-уз*, *ку-кур-уза*, *ку-кур-ѐза*, *ку-кур-ица*, ‘кукуруза’, болг. диал. *ку-кур-а̄да* ‘початок кукурузы’, *ку-кур-ѐз*, русск. *ку-кур-ѐза* ‘кукуруза’, укр. *ку-кур-ѐза*, *ку-кур-ѐда* ‘кукуруза’, диал. *ку-кур-ѐз*, *ку-кур-ѐдз* ‘початок кукурузы’, белорусск. *ку-кур-ѐза* ‘кукуруза’, чешск. *ку-куř-ѐце*, диал. *ку-кур-уса*, *ку-куř-уса*, словацк. *ку-кур-ѐца*, польск. *ку-кур-ѐдза*, *ку-кур-ѐдза*, *ко-кор-уса* ‘кукуруза’, *ку-кур-уза* ‘початок кукурузы’, *ку-кур-ѐдз*, *ку-кур-уса*, *ку-кур-уса*, в.-луж. н.-луж. *ку-кур-ѐца* ‘кукуруза’ (цит. по БЕР, III: 109–110);

болг. *ко-чан* ‘початок кукурузы с зернами или без зерен’ (цит. по БЕР, II: 687), русск. *ко-чан* ‘кукурузный початок’ (СРНГ, XV: 1040), болг. диал. *кò-чур* ‘початок кукурузы без зерен’ (цит. по БЕР, II: 690), словен. *ко-сѐп* ‘кукурузный початок’, диал. *кò-сѐлј* ‘кукурузный початок без зерен’, польск. *ка-чзан* ‘кукурузный початок’ (цит. по BEZLAJ, II: 51), болг. диал. *кò-цал* ‘кукурузный початок без зерен’, *кò-цар* тоже (цит. по БЕР, II: 684), *чò-кьн* ‘початок кукурузы’ (ПЕТКОВ 1974: 168) – формы слов с экспрессивной палатализацией редуцированного велярного консонанта и с результатами его изменения по первой или второй палатализации в зависимости от времени образования этимонов слов и времени осуществления самой экспрессивной палатализации;

болг. *ма-мул* ‘початок кукурузы с зернами; початок кукурузы без зерен’ (ГЕРОВ, III: 48), болг. диал. *му-мул*, *мь-мул* ‘початок кукурузы’ (РАЛЕВ 1977: 146), *ма-мул-ѐга* ‘кукуруза’ (цит. по БЕР, III: 634);

болг. диал. *мо-мор-òзь* ‘кукуруза, початок кукурузы’, *му-мур-узъ* ‘кукуруза’ (ГЕРОВ, III: 80, 91), сербск. *ти-тир-уз* ‘кукуруза’ (цит. по СКОК, II: 229);

болг. диал. *шӣ-кал-ка* ‘початок кукурузы с зернами’ (СТОЙЧЕВ 1965: 305), *шӣ-кл-а* ‘початок кукурузы с листьями; початок кукурузы с зернами’

² Усмотренные редуцированные звуковые комплексы выделены дефисом.

(ВАКАРЕЛСКА–ЧОБАНСКА 2005: 388) – возможно, с экспрессивной палатализацией редуцированного консонанта $k - k > k' - k$, осуществившейся еще в прапредславянскую эпоху, что впоследствии дало $\check{s} - k$ при осуществлении и экспрессивной йотации в праславянскую эпоху: $k - k > k' - k > s - k > sj - k < \check{s} - k$;

укр. *шї-ш-ка* ‘кукурузный початок без зерен’ (цит. по ХОЛИОЛЧЕВ 1964: 465);

болг. диал. *шу-шўл-кѣ, ши-шўл-кѣ* ‘початок кукурузы с зернами’ (БОЯДЖИЕВ 1971: 105, 106);

болг. *шу-шур-ага* ‘початок кукурузы’ (ГЕРОВ, V: 591).

Сам факт наблюдаемого формально-семантического параллелизма, состоящего в выражении одних и тех же или связанных значений звуковыми формами со структурным сходством (наличие редупликации), наводит на мысль о прямой связи между формой и значением слов, т.е. о фонетической мотивированности, или звукоизображении. И поскольку речь идет о выражении «незвуковых» значений, для данных слов можно предположить звукоименическое (образоподражательное) происхождение, для которого характерно формирование прямой связи между «незвуковым» значением и звуковой формой слов.

До сих пор в этимологических исследованиях и словарях редупликация в данных словах выделялась в очень редких случаях, и этот факт приводил к гипотезам о звукоподражании (более легко распознаваемой разновидности звукоизображения). Например, ЭССЯ считает этимон болг. диал. *бобули* ‘кукуруза’ «суффиксальным производным от древнего экспрессивного звукокомплекса с редупликацией согласных, представленного в **boba, *bobъ*», для которых предполагает звукоподражательное происхождение и подчеркивает, что среди их значений «целесообразно обратить внимание на такое как ‘нечто круглое’» (II: 147, 148–149). Не становится ясно, однако, как от «звукового» значения звукоподражательного этимона развито «незвуковое» значение ‘нечто круглое’. Также и для слова *кукуруза*, по-видимому, под влиянием его структуры (наличие редупликации) допускается возможность оноματοпэтического происхождения, образования от междометия, которым подзывали кур. Согласно Фасмеру, такая гипотеза «заслуживает внимания» (ФАСМЕР, II: 407). Для некоторых слов предполагается заимствование, но в языке источнике заимствованное слово тоже не имеет убедительной этимологии. В целом, это трудные слова для этимологизации. Как «трудное слово» указано Фасмером и самое распространенное в славянских языках название кукурузы *кукуруза* (II: 407). Как неясное и спорное в этимологическом отношении указано слово *кочан* в БЕР и в Словаре П.Я. Черных (БЕР II, 686–687, 690; ЧЕРНЫХ, I: 437). Ввиду ограниченного объема статьи

подробное рассмотрение существующих этимологических гипотез для всех слов здесь невозможно. Поэтому остановимся прежде всего на возможности, чтобы рассматриваемые слова имели звукоизобразительное происхождение при наличии в них редупликации.

Кроме редупликации, в данных рядах слов можно наблюдать также формальную вариативность, проявляющуюся в чередовании гласных и согласных в корнях слов. Ср., например:

болг. диал. *какал-а́шка, кокал-а́шка, кукул-а́шка*;

болг. диал. *мамúл, мумúл*;

словен. *kosèp*, диал. *kóselj*; болг. *кочан* диал. *кòчур*; болг. диал. *кòцал, кòцар*;

сербохорв. *кукур-уз, кокур-уз, кокор-уз*, словен. *kokor-oš, kukur-íca, kukor-íca*, польск. *kukur-udza, kokor-уса*, болг. диал. *момор-òзь, мúмурузь*, сербск. *titiŕguz* (Скок видит связь между названиями кукурузы, содержащими консонанты *k* и *t*, считая формы с *titi-* производными от форм с *kuku-* (СКОК, II: 229), что подкрепляется и общей уникальной концовкой слов;

болг. диал. *шушúл-кь, шишúл-кь, шушур-àга*.

В некоторых случаях этимологические словари тоже отмечают вариативность корней этимонов рассматриваемых слов, но из этого не делают никаких выводов. Например, ЭСУМ для укр. *кукурудз* и родственных ему слов реконструирует варьирующий корень **kokor-/*kukur-*, не объясняя этот факт (III: 131). А следует отметить, что формальная вариативность одна из ярких примет звукоизобразительности. Более подробно о критериях распознавания звукоизобразительных слов в этимологии см. (КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008: 54–87; 2011: 71–108).

Наблюдается также вариативность семантики, которая тоже является характерным признаком звукоизобразительности. Ср. значения следующих слов, имеющих формально совпадающие корни, которые содержат редуплицированные звуковые комплексы и связываются не только с кукурузой, но и с другими объектами повседневной жизни человека. Как и для всех формально тождественных слов, для них возможны отношения омонимии или общее происхождение.

названия кукурузы	названия других объектов
болг. диал. <i>бòбули</i> ‘кукуруза’	н.-луж. <i>bobule</i> мн. ‘клубни картофеля’, ‘эксcrementы овцы, козы’ (МУКА I: 55), чешск. <i>bobule</i> ‘ягода’ (PSJČ), словацк. <i>bobuľa</i> ‘ягода’ (SSJ, I: 109)
болг. диал. <i>букалка</i> ‘початок кукурузы без зерен’	болг. диал. <i>букалка</i> ‘плод хвойного дерева’ (СТОЙЧЕВ 1965: 133)

<p>болг. диал. <i>дудул</i> 'кукурузный початок с зернами', <i>дудулец</i> 'кукурузный початок без зерен'</p>	<p>болг. диал. <i>дудула</i> 'завиток, локон' (цит. по БЕР, I: 443), <i>дудулы</i> 'ягоды тутового дерева' (ГЕРОВ, I: 377)</p>
<p>болг. диал. <i>какалѝшка</i>, <i>какалѝшка</i> 'початок кукурузы без зерен; початок кукурузы с зернами'</p>	<p>болг. диал. <i>какалѝшка</i> 'стручок бобовых растений с зернами или без зерен', 'перец <i>Сарsicum annuum</i>', 'огрызок яблока', <i>какалѝшка</i> 'плод хвойного дерева', 'чернильный орешек' (цит. по БЕР, II: 150)</p>
<p>словен. <i>kokoroš</i> 'плод кукурузы', болг. диал. <i>кочорѝк</i> 'початок кукурузы, окутанный в листьях; початок кукурузы без зерен'</p>	<p>словен. <i>kokora</i> 'завиток, локон' (PLETERŠNIK, I: 420), сербохорв. <i>kokòrav</i> 'кудрявый' (RJA, V: 170), болг. диал. <i>кочоря се</i> '(о птице) расправлять крылья; (о человеке) дуться, важничать', <i>кочорко</i> 'чванливый человек', <i>кочорест</i> 'человек с широко открытыми глазами', <i>кочоряга</i> 'плод хвойного дерева' (цит. по БЕР, II: 539), русск. диал. <i>кочора</i> 'уродливо искривленное дерево; дерево (обычно хвойное) с изогнутым корнем...', <i>кочорина</i> 'искривленное суковатое дерево' (СРНГ, XIV: 94–95)</p>
<p>болг. диал. <i>кукурѝда</i> 'початок кукурузы', сербохорв. <i>кукуруз</i>, диал. <i>kukurŭza</i> 'кукуруза' и т.д.</p>	<p>болг. диал. <i>кукурѝди</i> 'плоды соснового дерева', 'экскременты', <i>кукурѝжки</i> 'плоды соснового дерева', 'экскременты овцы, козы, мыши и др.', <i>кукурѝшка</i> 'улитка', <i>кукуруѝга</i> 'молодые листья растения', <i>кукуруѝга</i> 'неразломанное ядро ореха', <i>кукуруѝжка</i> 'намотанная пряжа для тканья' (цит. по БЕР, III: 106, 107, 109), укр. <i>кукуруѝза</i>, диал. <i>кукурузи</i>, <i>кочорудзи</i>, <i>кукуруѝдз</i>, <i>кукуруѝдка</i> 'плоды хвойного дерева' (цит. по ЕСУМ, III: 131), сербохорв. <i>kukurav</i> 'кудрявый' (RJA, V: 764)</p>
<p>болг. диал. <i>мамѝл</i> 'початок кукурузы с зернами; початок кукурузы без зерен', <i>мумѝл</i>, <i>мѝмѝл</i> 'початок кукурузы'</p>	<p>болг. диал. <i>мамѝль</i>, <i>мамѝльче</i> 'шелковичный кокон', <i>мамѝлька</i> 'что-либо свернутое без порядка; накатанная кое-как пряжа', <i>замамѝля</i> 'заворачивать; заворачивать кое как', <i>самамѝля</i> 'помять, завернуть кое как', <i>мамѝльке</i> 'человекс маленького роста', 'вещь, завернутая в какой-либо одежде; ребенок в пеленках', <i>мамѝльки</i> 'маленькая неровность в пряже в виде комочка; комочки муки в воде' (цит. по БЕР, III: 634), укр. <i>мамѝла</i> 'увалень,</p>

	түфяк, олух', диал. 'волокита' (цит. по ЕСУМ, III: 377)
болг. диал. <i>шйкалка</i> 'початок кукурузы с зернами', <i>шйкла</i> 'початок кукурузы с листьями; початок кукурузы с зернами'	болг. диал. <i>шйкалка</i> 'плод хвойного растения' (СТОЙЧЕВ 1965: 305), 'сосновая шишка', 'чернильный орешек' (ГЕРОВ, V: 580), 'экскременты овцы или козы; экскременты мыши' (МЛАДЕНОВ 1967: 194), <i>шйкълкь</i> 'отек на теле', 'нарост на дереве в виде шишки' (КОВАЧЕВ 1970: 50), <i>шйкла</i> 'сосновая шишка', 'желудь', 'шиповник' (ГЕРОВ, V: 580), 'чернильный орешек' (ШКЛИФОВ 1977: 326)
укр. <i>шйшка</i> 'кукурузный початок без зерен'	словен. <i>šiška</i> , укр. <i>шйшка</i> , чешск. <i>šiška</i> , словацк. <i>šiška</i> , н.-луж. <i>šyška</i> , в.-луж. <i>šiška</i> , польск. <i>szysza</i> 'плод хвойного растения', русск. <i>шйшка</i> (цит. по ФАСМЕР, IV: 445), словен. <i>šiška</i> 'galla', 'желудь' (цит. по BEZLAJ, IV; 49), н.-луж. <i>šyška</i> 'верхние концы стержня льняного растения...' (МУКА, II: 697), чешск. <i>šiška</i> 'кнедлик' (PSJČ), русск. диал. <i>шйшка</i> 'горка или вершина горы' (ДАЛЬ)

Выражаемые данными словами значения можно свести к следующим более общим значениям:

– 'нечто маленькое овальное, округлое' ('клубни картофеля', 'ягода', 'экскременты овцы, козы и т.д.', 'плод хвойного растения', 'чернильный орешек' и др.);

– 'нечто кривое' ('завиток, локон', 'уродливо искривленное дерево', 'кудрявый' и др.)

– 'нечто торчащее' ('молодые листья растения', 'верхние концы стержня льняного растения...' , 'горка или вершина горы');

– 'нечто завернутое, укутанное' ('шелковичный кокон', 'что-либо, свернутое без порядка; вещь, завернутая в какой-либо одежде' и др.);

– 'увеличение объема чего-либо' ('о птице) расправлять крылья; (о человеке) дуться, важничать', 'человек с широко открытыми глазами' и др.).

Это значения, которые могут быть выражены звуко-символическими словами. Этот факт доказывается формально-семантическим параллелизмом: рядами слов с редупликацией, выражающих совпадающие значения или значения, выводимые из одного и того же первоначального значения. Ср. следующие ряды слов, которые можно дополнить и цитированными выше словами:

– названия маленьких овальных, округлых предметов: лит. *gù-gul-as* ‘шарик’, *kar-kòl-as* ‘шарик’, диал. *buř-bul-as* ‘шарик, кусок’, *bam-bòl-ikas* ‘предмет овальной формы, шарик’ (LKŽ), сербохорв. *bu-bùl-ica* ‘узел в пряже’ (RJA, I: 702) и др.;

– названия кривых предметов: лит. *gùn-g-a*, *gùn-gar-a*, *gun-gur-ys* ‘кривизна’ (LKŽ), болг. диал. *кър-кол-ица* ‘кривая линия’ (цит. по БЕР, III: 206), русск. диал. *го-гұл-ечка* ‘загнутый конец трости’ (СРНГ, VI: 265), н.-луж. *ko-kul-ka* ‘крючок на удочке’ (МУКА, I: 654) и др.;

– названия возвышающихся, торчащих объектов: лит. *gun-gur-ỹs* ‘желвак; нарост’, *gu-gà* ‘нарост на дереве; выпуклость; горб’, *gu-gẽl-is*, *gù-gul-as*, *gu-gur-ỹs* ‘вершина холма’ (LKŽ), сербохорв. *bu-bùl-ica* ‘куча земли, холм, бугорок’ (RJA, I: 702), укр. диал. *гуп-гұл-а*, *гор-гól-я* ‘нарост на дереве’ (цит. по ЕСУМ, I: 623) и др.;

– названия, связанные с покрыванием, укутыванием: русск. диал. *кў-кель* ‘теплая шапка с ушами; часть одеяла – меховой мешок для ног’, *кў-кл-ўха* ‘очень тепло одетая, закутанная женщина’, *мў-мр-иться* ‘кутаться’ (СРНГ, XVI: 33, 37; XVIII: 345) ст.-чешск. *ku-kl-a*, *chu-chl-a* ‘капюшон’ (GEBAUER, II: 174) и др.;

– названия, связанные с увеличением объема чего-либо: сербохорв. *dr-dur-iti se* ‘чваниться, дуться’ (цит. по SKOK, I: 431), русск. диал. *хор-хор-а* ‘взъерошенная курица’ (цит. по ФАСМЕР, IV: 269), болг. *ше-ше́р-я се* ‘дуться; тарашить глаза’ (ГЕРОВ, VI: 330) и др.

Рассматриваемые названия плодов кукурузы могут быть развиты от звуко-символических этимонов, обозначающих маленькие овальные предметы или предметы, укутанные, завернутые. С остальными тождественно звучащими звуко-символическими словами они имеют отношения омонимические. Когда познакомились с кукурузой, для ее называния славяне, по-видимому, использовали и звуко-символические названия с такой общей семантикой, а, возможно, также и названия с конкретными значениями, имеющими звуко-символический генезис, на принципе метафорического переноса. Судя по представленному материалу, такими были, например, названия сосновых шишек из-за формального сходства обоих предметов.³ Принятие возможности звуко-символического генезиса рассматриваемых названий кукурузы и ее плодов ставит другие рамки при определении возможности их заимствования. Это рамки, учитывающие возможность формального совпадения заимствованного слова с независимо образовавшимися звукоизобразительными словами с другими, а также и близкими значениями, возможности контаминации, формального варьирования,

³ На использовании названий сосновых шишек для называния початков кукурузы настаивает и Хр. ХОЛИОЛЧЕВ, ссылаясь и на других авторов, приводя немалое количество семантических параллелей из разных языков (1964: 464–466).

вторичной ономотопеизации. Отсюда и вытекают отмеченные трудности этимологизации рассматриваемых слов.

Литература

- БЕР = Български етимологичен речник. София, 1971–.
- БОЯДЖИЕВ 1971 = БОЯДЖИЕВ, Т. Речник на говора на с. Съчанли, Гюмюрджинско // Българска диалектология. Проучвания и материали. VI. София, 5-135.
- ВАКАРЕЛСКА-ЧОБАНСКА 2005 = ВАКАРЕЛСКА-ЧОБАНСКА, Д. Речник на самоковския говор. София.
- ГЕРОВ = ГЕРОВ, Н. Речник на българския език. Т. VI събрал, наредил и изтълкувал Т. Панчев. София. (1895–1908), 1975-78.
- ГРИНЧЕНКО = ГРИНЧЕНКО, Б. (Упор.). Словар української мови. I–IV, Київ, 1907–1909.
- ДАЛЬ = ДАЛЬ, Вл. Толковый словарь живого великорусского языка. <http://slovardalja.net/> (14.10.2018)
- ЕСУМ = Етимологічний словник української мови. Т. I–VI. АН УРСР. Мельничук, О.С. (головн. ред.). Київ, 1982–2012.
- КОВАЧЕВ 1968 = КОВАЧЕВ, Ст. Троянският говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. IV. София, 161–242.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2008 = КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА, Ж. Славянская лексика звуко-символического происхождения. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis. Vol. 1. Ред. серии К. Адягаши. Дебрецен, 2008.
- КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА 2011 = КОЛЕВА-ЗЛАТЕВА, Ж. Теоретични ракурси в етимологията. В. Търново.
- МЛАДЕНОВ 1967 = МЛАДЕНОВ, М. Лексиката на ихтиманския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. III. София, 3-196.
- ПЕТКОВ 1974 = ПЕТКОВ, П. Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. VII. София, 1974. 3-175.
- РАЛЕВ 1977 = РАЛЕВ, Л. Говорът на с. Войнягово, Карловско // Българска диалектология. Проучвания и материали. VIII. София, 1977. 3-199.
- СРНГ = Словар русских народных говоров. Т. 1– (ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов), Ленинград, 1965–.
- СТОЙКОВ 1993 = СТОЙКОВ, Ст. Българска диалектология. София, 1993.
- СТОЙЧЕВ 1965 = СТОЙЧЕВ, Т. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. II. София, 119-314.
- СТОЙЧЕВ 1970 = СТОЙЧЕВ, Т. Родопски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. V, София, 152-221.
- ФАСМЕР = ФАСМЕР, М. Этимологический словарь русского языка. Пер. с немецк. и доп. О.Н. Трубачева. Москва, 1986–1987.
- ХОЛИОЛЧЕВ 1964 = ХОЛИОЛЧЕВ, Хр. За произхода на *кукуруз* (*kukurica*) ‘царица *Zea Mays*’ // Изв. на Инст. за БЕ. XI, 1964, 459-468.
- ЧЕРНЫХ = ЧЕРНЫХ, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I–II. 3-е изд. Москва, 1999.
- ШКЛИФОВ 1977 = ШКЛИФОВ, Б. Речник на костурския говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. VIII. София, 201-328.

- ЭСЯ = Этимологический словарь славянских языков. Под ред. О.Н. Трубачева. Москва, 1974–.
- BEZLAJ = BEZLAJ, Fr. Etimološki slovar slovenskega jezika. T. I–IV. Kn. III, IV dop. in rev. Marko Snoj in Metka Furlan. Ljubljana, 1976–2005.
- GEBAUER: GEBAUER, J. Slovník staročeský. Druhé nezm. vyd. I–II. Praha (1894–1898), 1970.
- KLUGE = KLUGE, Fr. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Straßburg, 1889.
- LKŽ = Lietuvių kalbos žodynas. T. I–XX. Vilnius, 1941–2002. <http://www.lkz.lt> (15.10.2018)
- MACHEK = MACHEK, V. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vyd. Praha, 1968.
- MUKA = MUKA, E. Słownik dolnoserbskeje rěcy a jeje narěcow. I–II. Pertohrad, 1911–15. Reprint 1966.
- PLETERŠNIK = PLETERŠNIK, M. Slovensko-nemški slovar. I– II. Ljubljana, 1894–95.
- PSJČ = Příruční slovník jazyka českého. I–IX. Praha, 1935–1957. <http://psjc.ujc.cas.cz/> (14.10.2018)
- RJA = Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–XXII. Zagreb. 1880–1975.
- SKOK = SKOK, P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. I–IV. Zagreb, 1971–74.
- SSJ = Slovník slovenského jazyka. Ved. red. Št. Peciar. I–VI. Bratislava, 1959–68.

Marija Kozar – Dušan Mukič
(Sombotel, Madžarska)

TRETJA PRAVLJICA PAVLOVE MATERE

Abstract: In 1916 Avgust Pavel was living in Sopron as a war invalid with the parents of his wife. He asked his mother Elizabeta Obal to write down some folktales in her mother tongue, the slovene dialect of Cankova. His mother sent him a letter with five tales. Pavel published four of them in two issues of the Hungarian linguistic periodical *Nyelvtudomány* from the years of 1916-1918. The fifth tale is transcribed, translated into the standard Slovene language and analyzed for the first time.

Keywords: tale, Avgust Pavel, Elizabeta Obal, dialect of Prekmurje

Avgust Pavel in prekmurske pravljice

Prvi prekmurski poklicni znanstvenik *Avgust Pavel* (1886-1946) je bil rojen na Cankovi, kjer je končal osnovno šolo. V nižjo gimnazijo je hodil v Monoštru, v višjo pa v Szombathelyu. Študiral je v Budimpešti. Vojak je bil v Gradcu in Székelyudvarhelyu (danes: Odorheiu-Secuiesc v Romuniji) v Transilvaniji. Po enoletni praksi v Budimpešti je leta 1911 diplomiral, postal je profesor madžarščine in latinščine. V študijskih letih je poslušal predavanja tudi iz slovanskih jezikov. Tema njegove doktorske disertacije je bila domače slovensko narečje, *glasoslovje cankovskega slovenskega narečja*, ki je bilo leta 1909 tudi izdano (PÁVEL 1909). Po končanem študiju je Pavel dve leti poučeval v Tordi (danes: Turda v Romuniji) na Erdeljskem. Med tem časom je 13. decembra 1913 doktoriral v Budimpešti. Poučeval je že v Dombóváru, južno od Blatnega jezera, ko je prevzel doktorsko diplomu. Spomladi 1914 se je v Monoštru poročil z Ireno Benkő, ki jo je spoznal na Cankovi, ko je tam letovala pri starih starših. Nekaj mesecev sta živela v Dombóváru v najetem stanovanju, ko so Avgusta Pavla septembra 1914 vpoklicali v vojsko. Kmalu je bil ranjen in je več kot pet let hodil z berglami, kot ranjenik 1. svetovne vojne. V tem času je z ženo in s sinoma dvojčkoma (Ivan in Andor) živel pri tastu in tašči v Sopronu. Šele po koncu vojne so ga odpustili iz vojske in se je lahko vrnil v Dombóvár kot srednješolski profesor. Tu sta mu kmalu umrla eden za drugim leto ter leto in pol stara dvojčka¹. Leta 1920 je bil Pavel premeščen na dekliško gimnazijo v Szombathely, kjer je do svoje smrti leta 1946 živel in

¹ Za družinske podatke se zahvaljujemo gospe Juditi Pavel.

opravljal svoje mnogostransko pedagoško, znanstveno, pesniško in organizacijsko delo (NOVAK 1970).

Ko je Pavel živel v Sopronu, je zaprosil svojo mater, naj mu zapiše nekaj pravljič v svoji materinščini, cankovskem slovenskem narečju. Mati mu je v Sopron poslala pismo s petimi pravljičami, ki je prispelo tja 28. februarja 1916. Avgust Pavel je objavil štiri materine pravljičice v dveh številkah madžarske jezikoslovne revije *Nyelvtudomány*, ki je izšla z letnico 1916-1918. V prvi številki materino *prvo* (Mrtvec je prišo po svojo diklino) in *peto* pravljičico (Kak je eden človik s pekla svoj krstni list nazaj prneso), v drugi številki pa *četrtto* (Te grački grof pa tri sestre) in *drugo* (Razbojnicke pa š črne šaule dijak) pravljičico. Tretje (Büu je eden grof), najdaljše ni objavil. (PÁVEL 1916-1918)

Hči Avgusta Pavla, Judita je leta 2013 podarila izvorno pismo Pavlove matere s petimi pravljičami akademikinji dr. Zinki Zorko, ohranila pa je kopijo pisma. V *Časopisu za zgodovino in narodopisje* je bila leta 2014 objavljena razprava Zinke Zorko in Anje Benko z objavo in analizo prve, druge in četrte pravljičice Pavlove matere. Tretja tudi tu ni obravnavana (ZORKO-BENKO 2014)².

V pričujočem spisu je prepisana in v knjižno slovenščino prevedena ter analizirana *tretja pravljičica iz materinega rokopisa* (Büu je eden grof), ki še nikjer ni bila objavljena.

Pavlova mati, Elizabeta Obal

Pavlova mati Elizabeta Obal je bila rojena leta 1860 v Strukovcih. Oče je bil gostilničar, zaradi tega je bilo zanj pomembno, da se njegova hči nauči nemško in madžarsko (glavnih jezikov avstro-ogrske monarhije). Poslal jo je v Körmend na Madžarskem, da bi se tam v neki gostilni dobro naučila madžarsko, se naučila gostilniške strežbe in uglajenega vedenja. V dveh letih se je Lizika dobro naučila madžarsko govoriti in pisati. Njena vnukinja, Judita Pavel se spominja, da jim je babica pisala pisma tudi v madžarščini. Pavlova mati je zelo rada brala tudi v slovenščini, imeli so doma knjige Mohorjeve družbe (PAVEL 1976).

² Dosegljivo na spletnem naslovu: <http://www.dlib.si> (Dostop: 1. 10. 2018)

Tretja materina pravljica, prepisana iz rokopisa

Büo je eden Grof pa je mogo nikan daleč odjiti, da ga dugi cajt nej bilo domo. Vendar v bojno. Da je dõnk ednik domó prišo, pa gda je prišo do svojga Gráda, pa je okouli gráda zeléna voda tekla, da je nej mogo v Grád. Nevóliva se, in odi semo tam, kak bi mogo noti priti, i da se tak nevoliva pride k njemi eden človik, pa ga pita ka se tak nevoliva. On pa právi, kajbi se nej, gda sam odišo z domi, je tü nej bilo nikše vodé, zdaj pa okouli nikša voda stogij, ka nemrem v moj Grád. Tisti človik pa právi, či mi date tisto ka samij nevejte, ka máte, jas Vas prejk správim. Grof si misli, tisto ka nevém či man, tisto njemi lejko dam, záto njemi je obečo. Pogodita se, in ga prejk správi. Domá so ga z velkim veseljem sprejeli, posebno Žena. F tistom čási ka je nej büo domá, se njemi eden Sinek narodo: a on je nej znao. Zato gda zaglédne Dejte, se trno prestraši. Záto, ka sta se tak pogodila, ka, ka domá nájde ka nevej či má, ka tisto more za dvá dni tá na tisto mesto primesti, gde sta se pogájala, ka ovak nede žnjim dobro. Zdaj je te vido, ka je svoje Dejte óudo. Kade zdaj: jočeč Ženi pripovídávle kak se je žnjim zgodilo, i kak je mogo tisto obečati, ka je nej znao ka domá má. Žena ga toláži, pa právi, ka njeni Ertar³ kak krave pasé má ednoga máloga Pojbiča, pa tistoga doj kúpita, pa de tistoga tá neso. Dobro bilo, doj sta kúpila Ertarovoga pojbeca, pa ga neso tá, pa ga tan doj gyao, pa je hitro odišo. Tisti človik pa pride, i tan najde pojbeca, pa ga zeme in nesé: Da ga neso pa sta šla po velkoj trávi, in pojbec pravi: o, da bi moj Oča znali ka tü tak velka trava tráva, oni bi krave se gnali ka bi tü gyele. Te ga ov pita, te pa tvoj Oča krave paséjo? ja, čidi pa si te tij? ja Ertarof. Te je hitro nazaj z njim šou pa ga tan doj gyao, pa je močno zapovedo, ka či svojga za dvá dni ne prmesé, ka nede

³ iz nem. Hirt – pastir

žnjim dobro. Grof pa žena sta pá trno žalostniva bilá, pá je Ona právla. Znaš ka, naš Kanás⁴ tuj má ednoga máloga pojbeca, zdaj pa tistoga doj kúpiva, lejko nede znao, či je nej najni. Pá sta tistoga doj kúpila, pa ga pá tá odneso, pa ga tan doj naléko. Pá je ov človek prišo in ga zéo pa ga neso. Prišo je žnjim do ednoga hrásta, pa si je žnjim pod rást doj seo, in počivo. Dejte právi. O, da bi moj Oča znali, ka tü telko žaloda gyé, bi svinjé se gnali. pá ga pita, te pa tvo Oča svinjé pasé. ja: čidi pa si te tij? te si tij nej Grofoski? nej: jas sam Kanásosf. Hitro žnjim nazaj bižij, in se trno prtij, da či svojga ne prnesé, da de se žnjim hüdo godilo. Ka si zdaj začne: trno obá jočeta, vidita ka je vse zopston, ka ta mogla svojga dati: zato svoja Pojbeca vse skúšüjeta, in ga s teškim srcem od neseta. Ov pride, in Dejte zeme in nesé. Neso ga po trávi in šou je žnjim pod hrást, in Pojbec nikaj ne gučij: te si misli, no té nika ne právi, té je te istinski. Pride žnjim domó meo je na samon edno kučo, i edno trno lagojo babo, in tüdi edno že od toga pojbeca malo vékšo Diklinco. Tomi pojbeci je imé bilo, Károlj Diklinco pa Karolina. Na to Deco je tista baba trno pazila. Minilo je že več lejt ot tisti mao, pojbec je vekši zrásó. Diklinca pa cilo pametna in trno vrla, tistoga Károla je raj mejla, ka či bi njej brat büo. Tista Karolina je mogla sigdar nikše knige pucati, pa poulek se je sploj žnjih včijla, da, baba je skous ležala, in je nej vidla či se ona fčij. Ednok samo velij naj fest f peč za kóri, i naj fejest knige puca. Po tem pa sploj zvála, Károlj pa Karolina jej sta tü? gyej gorij? gyej knige pucaš? Ona je nazaj kričala, tü sva tü. Karolina je bila trno žalostna, in je právla, znaš drági Károlj: tá baba de náj f tó péč notri vrgla ka se zgorijva. Pojbec se preveč zosago. Ona pa právla znaš: ges znam ka va delala: müva vse prage slinami naplujva, tečas ka do sline žive, tečas do se one oglašüvale, gda pa vgásnejo, te de pa baba naj iskala. Resan baba jiva sploj zvála, njiva sta vse naplúvala kak sta li mogla. te sta pa bejžala kak sta li mogla. Karolina je tiste knige sebov odnesla. Károl je že več nej mogo bejžati, pravo je, da dale nemre, naj bó žnjim kaj koli. Ona ga je nesla i tak žnjim bejžala. Baba je pa li sploj zvála, i sline so se dugo oglašüvale, te so samo ednok vgasnole, i več se nej oglašüvalo nika. Da je baba zvála, i je vse tüo biló, te je hitro bejžala iskat, gde sta, i da je njiva nindi nej najšla, je Deda krejgala zaka je nej na njiva pazo ka sta zdaj gvüšno odišla, i ka zdaj Deda vrže fpéč, či jiva gor ne po išče. Pravla je záto Dedi, naj hitro bižij iskat, tečas naj odi, ka jiva nájde. Ded je šou, šou in že daleč šou i nikoga nej najšo. Njiva sta že tuj daleč bilá, na ednók samo Károl právi, jaj da me trno okou srbij levo lice pečé. Karolina pa právi, jaj, zdaj tisti ded za nama ide: zdaj tij hitro bojđi stüdenec, jas pa ðemo ofčár, ka mo ofce napájo. Resan je hitro gráto stüdenec in je ofce napájo. Ded je gli mimo šou, in je pito: gyej ste vij nej vidli tü mimo iti edne Dikline in ednoga pojba? Ofčár je pravo, ka on nikoga nej meo cajta glédati. Ded je ešče malo šou, pa je nikoga nej najšo, pa je šou nazáj domó. Daje že ded daleč odišo te sta oviva nazaj grátala Károl pa Karolina, pa sta li pá bejžala, kak sta mogla. Ded pa da je brezi njiva domó prišo, bi ga baba skoro bijla, tudi Pitala ga: koga je ger najšo? On je

⁴ iz madž. kanász – svinjski pastir

pa pravo, ka je drugoga nej najšo, kak eden ofčár je pri ednom študenti ofce napájo. Baba se trno žnjim krejgala, pa je právla, tisto sta njiva bilá, tij bi ofčára vlejko, vej bi ovcé že zanjim šle: hitro idi, i ka nájdeš: tou nesi. Ded je mogo pá iti nazaj iskat. Karol pa Kar. sta že pá trno daleč šla, na ednók pá Károlj právi, jaj znaš Karolina, da me pá trno lejvo ~~okau-srbij~~ lice peče. Ona pá právi, jaj znáš: zdaj že pá Ded za nama ide. hitro tij boj Kapejla, jas pa mo pop, Mešnik, ka mo v njej mešuvo: in hitro sta gratala. Ded pride do kapejle, pa je notri po gledno, pa vidi ka drugoga nej ga, pa je pá odišo nazaj domó. Njiva sta pá nazáj gratala Karo. pa Ka. in sta pá li hitro šla. Da je ded pá domo prišo, je pá baba pitala koga je najšo, pá je pravo ka nikoga nej, kak edno Kapejlo, in popa ka je mešuvo. Ona ga trno krejgala, zaka si nej popa vlejko, vej bi kapejla zanjim šla: tou sta njiva bilá. Zdaj se je te baba zejla šibo, pa je sama šla iskat. Karol pa Ka. že daleč ideta, na ednok samo Károl právi, jaj znaš Karolina, mené trno právo lice peče: (Zmejšala sam se, mesto ouči mores pisati levo lice peče i právo lico peče). Karolina je právla, jaj znáš zdaj tista grda baba ide za nama. Zdaj hitro tij boj mlaka, gyes mo pa reca, ka mo v njej ~~se-kaupala~~ plavala. Baba pride do mlake, pa eden čas gléda zatem pa začne gyanke gor pobirati in v mlako iti, šibo je pa pri mlaki doj gyála. Ona lejče po mlaki za recof, reca se po grozij, i sigdár pri drugom kraji vó pride, baba je dugo odla po vodi, i reca se njej sigdar skrila. ednók samo reca vó zvede zletij, in tisto sibo s klunom zgrabi i nazaj voudo se po grozij. Zdaj je babo malo nej guta⁵ vdánila, nej je mogla rece zgrabiti, pa nej je mejla šibe. Dugo je ešče probala loviti, in vse zopston. mogla je povrčiti in oditi. Baba je z velikim čemérom odišla domó. Da je že baba dúgo odišla, te sta nazaj gratala Károl pa Karolina. Zdaj sta si te gučala, kam ta te zdaj šla? Preveč sta se pa lúbila da sta nej mogla se razločiti. Oblúbila sta si pa tak, ka Károlj de zvidávo za svoj dom, i ga túdi najde, i ona de pa tečas pri drugi lúdej, i da on domá vse naznani, te on po njó pride in njó túdi tá na svoj dom ot pela. Ali, ona je njemi právla, ka se ne smej dati nikomi kúšnoti, pa njemi je právla, ka da on domó pride, ka do njaga kúšúvali, posili i ka on te na vse pozábi, na vse, ka se žnjim godilo. On je pa nikak nej dao valati ka bi on mogo tó njeno dobróto pozábiti. Z velkof žalostjov sta odišla. Ona v eden kraj, in on pa túdi je hitro zvedo za svoj dom. Gda je prišo, so ga hitro spoznali, da je būo vse Oči spodoben. Vsi so na njega spadnoli da bi ga kúšúvali, ali se je nej dao nikomi, liki proso je, da je trúden, i ka si doj počine. Doj si je lego, in hitro zaspi. Mati je nej šla fkraj od njega, sidejla je prinjem, i ga glédala, da je vidla ka močno spij, tega je vse skúšúvala. On se pa za en cajt zbúdi in kaj so ga spitavali, nika je nej znoo povedati, vse, sčista vse je pozábo, kak da nigdár nindr nebi būo. Trpelo je vec Lejt, potem so njemi po iskali edno Nevesto da bi se mogo oženiti. Edno ciló fáino Konteso⁶. Pa gli so meli starišinstvo⁷, ka bi na pisanje šli⁸, pa so meli velki mao⁹. Karolina pa f

⁵ iz madž. guta - kap

⁶ grofica

⁷ snubitev

tistom cajti bila pri drügi lüdej, žalostna. Ona je vse dobro znála, znála je, da se on žnje spozábo. Zato, da so ovi meli mao, je kúpila ednoga golóba, pa edno golobico, pa malo drovnoga pšena, pa se správila na pout: šla je tá k tistomi Grádi, in se tan notri prosla, prosla je naj jo püstijo tá k tistomo stoli, kak je mládi Grof, ka ona šče nikaj žnjim. Ovi so bili radovedni, in so jo püstili. Ona pride k stoli, pa prosi, naj njej dajo na stoli malo placa, pa so njej dáli. Ona je tisto pšeno doj na sto sipala, pa je goloba pa golobico na sto gyála, naj gyejta. Golob je hitro gyo, golobica pa samo stála tužno. Ovi so se razrai (?) fest glédali, kaj s tém šcé. Golob je vse pojo, golobica pa nikaj, Te je ona právla, té golob se je tak spozábo z golobice, kak Károl s Karoline. Gda je ona to povejdala, te so se njemi očij otrple, te je vse fčasi poumlo, in znao kakšo dobroto je ona njemi fčimila, ka je njega smrti rejšila i ka sta si oblúbila: vse je znao. Vö ot stóla je šou, i jo zgrabo, i vse sküsüvo. Gda je fse nazaj znao, kak se je vse žnjima godijlo, je od veselja joko i pravo je zdaj, da more pač Ovoj nevesti doj povedati, da ga pač tá rejšila smrti, i ka je njej obečo do smrti zvestobo. To čüdno zgodbo so vsi vidli, i vsi so se genoli, in Ona Nevesta je sama právla, ka Ona rada nazaj stópi, i naj bodeta srečniva s Karolinof, da sta telko mogla pretrpeti. Károl je Ovoj Nevesti lipo zahválo, i otpuščenje proso naj záto nika ne za mejri či se je tak zgodilo. Ona je pa z veseljom právla, da njima želej srečo. Te so Karolino za sto posádili, pa na njeno čast so bilij Vsi veselí. Potem sta se Károl pa Károlina vzéjla, in so slüžili veliko gostüvanje¹⁰ in sta bilá preveč srečna.

Jezikovne značilnosti rokopisa Pavlove matere

Šolanje v madžarščini in službovanje v Körmendu na Madžarskem ter branje mohorskih knjig v knjižni slovenščini je vplivalo tudi na pisavo Pavlove matere. Naštejmo nekaj primerov v obravnavani pravljici.

Vpliv madžarščine:

madžarski *gy* (beri *dj*) – je zapisan 13-krat: *doj gyao* 'dol dal / položil', *gyele* 'jedle', *gyé* 'je', *gyej* 'ali', *gyes* 'jaz', *gyanke* 'janke'¹¹ / krilo', *naj gyejta* 'naj jesta', *gyo* 'jedel'.

madžarski *ly* – piše z *lj* (beri *j*) – *Károlj* 'Karel'

madžarski *kalk*: nazaj gratala (*vissza alakultak*) – 'spet sta postala', *guta vdárila* 'kap zadela'

po madžarskem pravopisu zapisana narečna fonema *ö* in *ü*: (*ö* 5-krat) *dönk* 'vendar', *zaköri* 'zakuri', *vöpride* 'pride ven', *vö z vode* 'iz vode', *vö ot stola* 'ven od mize'...

⁸ prijavila sta se za poroko pri župniku

⁹ iz nem. Mahl – pojedina, gostija

¹⁰ ženitovanjska gostija

¹¹ janka - iz bav.-avstr.-nem. Jänker

(ü 67-krat), *müva* 'midva', *sküšüjeta* 'poljubljata', *büo* 'bil', *tü* 'tukaj', *küpita* 'kupita', *hüdo* 'hudo', *tüdi* 'tudi', *naplüjva* 'popljuvajva', *oglašüvale* 'oglašala', *gvüšno* 'zagotovo', *stüdenec* 'vodnjak', *mešüvo* 'maševal', *lübila* 'ljubila', *küšüvati* 'poljubljati', *trüden* 'utrujen', *slüžili* 'služili'...

Vpliv nemščine:

Po zgledu nemščine piše samostalnike z velikimi črkami: *Grof, Grád, Žena, Dejte, Sinek, Oča, Deca, Ded, Baba* (4-krat, *sicer z malo črko*), *Pojbec, Diklinca, Kapejla, Mešik, Kontesa, Nevesta* ...

Značilnosti prekmurskega narečja:

označuje besedne naglase

dvoglasnik *ou* piše z ostrivcem *ó*: (23-krat) *domó, nevóliva se, tó, bó, biló, ednók, njó, dobróto, ciló, golóba, stópi*.

zvočnik *v* se pred nezvenečim soglasnikom in v izglasju izgovarja kot *f*, tako je tudi zapisano: *f tistom, Ertarof, Kanásof, fčij, f peč, ofčár, ofce, za recof, z velkof, fčinila, fse, a Karolinof*

mehčani *lj* izgubi palatalni element: *oblübila, sta se lübila*

sklop *šč* se ohranja, ali je izpeljan iz *-ht-*: *poišče, ešče, šče, ščé, otpüščenjë*

priporNIK *h* onemeva ali pa se izgovarja kot *j*: *iža, straj*

j preide v *dj-gy*: *gyele* 'jedle', *gyé* 'je', *gyes* 'jaz', *gyo* 'jedel', z izjemo besed pod vplivom knjižne slovenščine: *z velkim veseljem, od veselja, z veseljom*

končnica *-l* v preteklem času preide v *-o*: *prišo, odišo, znao, najšo*, toda: *šou* onikanje: *Oča krave pasejo, da bi moj Oča znali*

ohranjena je dvojina: *obá jočeta, sta küpila, sta žalostniva bilá, tü sva, njiva sta, sta se lübila*

Vpliv knjižne slovenščine:

uporaba gajice

končnega *-m* ne piše dosledno z *-n*, večkrat piše z *-m*: *nikan, man; z velkim, z njim, žnjim, prinjem*

v besedišču: *hrást* (enkrat je narečno *rast*), *potem*, so bili *radovedni, in* namesto *i*

boj se govori *bojdi* se piše – popravila je: *bojđi*

mo se govori *bom* se piše – popravila je: *ħomo*

Prevod tretje materine pravljice v slovenski knjižni jezik

Živel je grof, ki je moral oditi nekam daleč in ga dolgo časa ni bilo domov. Morda je šel v vojno. Ko pa se je nekoč vrnil domov in prišel do svojega gradu, je okoli stavbe tekla zelena voda in ni mogel vstopiti vanjo. Negodoval je, hodil sem ter tja, le kako bi lahko vstopil. Ko se je tako jezil, je stopil k njemu človek, ki ga je vprašal, čemu se jezi. Rekel je: »Kako pa ne bi! Ko sem odšel z doma, tu ni bilo nikakršne vode, zdaj pa vseokoli stoji neka voda, in ne morem vstopiti v svoj grad.«

Tisti človek pa je rekel: »Če mi daste tisto, za kar sami ne veste, da imate, vas bom spravil čez.«

Grof si je mislil: »Tisto, za kar ne vem, da imam, tisto mu lahko dam«, in mu je to obljubil. Pogodila sta se in ga je spravil čez.

Doma so ga sprejeli z velikim veseljem, še posebej njegova žena. V tistem času, ko ga ni bilo doma, se mu je rodil sinek, vendar on tega ni vedel. Ko je zagledal otroka, se je zelo prestrašil. To pa zato, ker sta se (s tistim) tako pogodila, da ko doma najde tisto, za kar ne ve, da ima, ga mora v dveh dneh prinesiti na tisto mesto, kjer sta se pogajala. Drugače ne bo v redu z njim.

Sedaj je torej videl, da je prodal svojega otroka. Kaj bo zdaj? Jokajoč je ženi pripovedoval, kaj se mu je zgodilo in kako je moral tisto obljubiti, za kar ni vedel, da ga doma ima. Žena ga je tolažila in rekla, da ima njen kravji pastir malega fantiča, naj tistega odkupita in naj tistega odnese.

Tako je bilo, odkupila sta pastirjevega fanta in on ga je nesel tja, ga odložil in odhitel. Tisti človek je prišel in tam našel fantiča, ga vzel in odnesel. Ko ga je nesel in sta hodila po visoki travi, je fantek rekel: »O, če bi moj oče vedeli, da je tukaj tako visoka trava, bi gnali sem krave, da bi se lahko tukaj pasle.« Takrat ga tisti vpraša: »Ja, čigav pa si?« »Ja, od pastirja«. Odhitel je nazaj, odložil otroka in odločno zapovedal (grofu), da če v dveh dneh ne prinese svojega sina, ne bo dobro z njim.

Grof in žena sta bila spet zelo žalostna, ona pa je rekla: »Veš kaj, tudi naš svinjski pastir ima malega sinčka, zdaj odkupiva tistega, mogoče ne bo opazil, da ni najin.« Odkupila sta tistega, spet ga je odnesel in ga tam odložil.

Prišel je tisti človek, ga vzel in odnesel. Prispel je z njim do hrasta, z otrokom se usedel pod njega in počival. Otrok je rekel: »O, če bi moj oče vedeli, da je tukaj toliko želoda, bi prignali sem svinje.« »Ja, čigav pa si? Nisi od grofovskih?« »Ne, jaz sem od svinjskega pastirja.« Hitro teče nazaj z njim in močno preti, če (grof) svojega ne prinese, se bo z njim hudo godilo.

Le kaj naj zdaj storita? Oba močno jočeta, vidita, da je vse zaman, morala bosta svojega dati. Svojega fantiča vsepovprek poljubljata in ga odneseta s težkim srcem. Tisti pride, vzame otroka in ga nese. Nesel ga je po travi in je šel z njim pod hrast, fantek pa ničesar ni rekel. Takrat si je mislil: »No, ta ničesar ne govori, ta mora biti tapravi.«

Pride z njim domov. Imel je hišo na samem in zelo zlobno ženo, pa še dekllico, ki je bila malo večja od tega fantka. Dečku je bilo ime Karol, deklici pa Karolina. Na ta otroka je tista baba zelo pazila.

Minilo je že več let od takrat, fantič je zrasel. Deklica je bila zelo pametna in pridna, raje je imela Karola, kot če bi bil njen brat. Tista Karolina je morala neko knjigo čistiti, med tem pa se je iz nje veliko učila, baba je vselej ležala in ni videla, ali se ona uči.

Naenkrat je ukazala, naj močno zakuri v peč in naj zelo čisti knjigo. Potem je zakričala: »Karol in Karolina, ali sta tukaj? Ali gori? Ali čistiš knjigo?« Ona je odvrnila: »Tu sva, tu.« Karolina je bila zelo žalostna in rekla: »Veš, dragi Karol, ta baba naju bo vrgla v to peč in bova zgorela.«

Fantič se je močno prestrašil. Ona pa je rekla: »Veš, jaz vem, kaj bova naredila: vse pragove popljuniva s slinami. Dokler so sline žive, se bodo oglašale, ko pa ugasnejo, bo naju baba začela iskati.«

Zares ju je baba odločno klicala, onadva pa sta vse popljuvala, kolikor sta mogla. Potem pa sta tekla, kolikor je bilo mogoče. Karolina je tisto knjigo vzela s seboj. Karol ni mogel več teči, rekel je, da ne more dalje, naj bo z njim kar koli. Ona ga je nosila in tako tekla z njim. Baba pa ju je le klicala in sline so se dolgo oglašale, naenkrat pa so ugasnile in se nič ni več oglašalo. Ko ju je klicala, in je bilo vse tiho, je hitro tekla iskat, kje sta. Ko ju ni našla nikjer, je okregala deda, češ, zakaj ni pazil nanju, da sta zdaj zagotovo odšla in da bo zdaj deda v peč vrgla, če ju ne poišče. Rekla je dedu, naj hitro teče iskat, naj hodi, vse dokler ju ne najde.

Ded je šel, šel in že daleč šel, ni pa našel nikogar. Onadva sta bila že daleč, naenkrat pa je Karol rekel: »Joj, levo lice me močno peče.« Karolina pa je rekla: »Joj, zdaj tisti ded za nama gre. Ti se hitro spremeni v vodnjak, jaz pa bom ovčar, ki bo ovce napajal.« On je res hitro postal studenec, ona pa je napajala ovce.

Ded je ravno šel mimo in vprašal: »Ali niste videli tukaj mimo iti deklice in dečka?« Ovčar je odgovoril, da on ni imel časa nikogar gledati. Ded je še malo šel in ni našel nikogar, zato se je vrnil domov. Ko se je ded že oddaljil, sta se onadva spremenila nazaj v Karola in Karolino, spet sta tekla, kolikor sta le mogla.

Ko pa je ded prispel domov brez njiju, ga je baba skoraj namlatila. Vprašala ga je, kje je koga našel. On pa je odgovoril, da drugega ni našel, le ovčar je pri vodnjaku napajal ovce. Baba ga je zelo okregala in rekla, da sta tisto bila onadva. »Ti bi moral ovčarja vleči, ovce bi že šle za njim. Pojdi hitro in kar najdeš, prinesi.«

Ded se je moral spet vrniti iskat. Karol in Karolina sta se že zelo oddaljila, naenkrat pa je Karol rekel: »Joj, veš, Karolina, že spet me močno peče levo lice.« Ona pa je odvrnila: »Joj, veš, že spet prihaja ded za nama. Ti se hitro spremeni v kapelo, jaz pa bom duhovnik, mašnik, ki bom v njej maševal.« In hitro sta se preobrazila.

Ded je prišel do kapele in pogledal vanjo, videl je, da ni drugih in se je spet vrnil domov. Onadva pa sta spet postala Karol in Karolina, in hitro šla dalje.

Ko je ded prispel domov, je baba spet vprašala, koga je našel. Spet je odvrnil, da nikogar, le kapelo in duhovnika, ki je maševal. Ona ga je zelo okregala: »Zakaj nisi duhovnika vlekkel, kapela bi že šla za njim: to sta bila onadva.«

Zdaj je baba vzela šibo in šla sama iskat. Karol in Karolina sta hodila že daleč, naenkrat pa je Karol rekel: »Joj, veš, Karolina, mene desno lice močno peče.« Karolina je odgovorila: »Joj, veš, zdaj nama tista grda baba sledi. Ti hitro postani jezerce, jaz pa bom raca, ki v njej plava.«

Baba je prišla do jezera. Nekaj časa se je ozirala, nato pa začela krilo nabirati in stopati v vodo. Šibo pa je odložila pri jezercu. Tekala je po njem za raco, ki

se je pogrezala in prišla zmeraj drugje na površje. Baba je dolgo gazila po vodi, raca pa se ji je zmeraj skrila.

Naenkrat je raca zletela iz vode in tisto šibo prijela s kljunom, nato pa se pogreznila v vodi. Zdaj je babo skoraj kap zadela, kajti ni mogla race ujeti in tudi šibe ni več imela. Dolgo časa je še poskušala uloviti raco, vse zaman. Morala je odnehati in oditi, baba se je razkačeno vrnila domov.

Ko babe že dolgo ni bilo več, sta se onadva spremenila nazaj v Karola in Karolino. Pogovarjala sta se, kam naj sedaj gresta. Preveč sta se ljubila, da bi se lahko ločila. Obljubila sta si, da bo Karol poizvedoval po svojem domu in ga tudi našel, ona pa bo med tem pri drugih ljudeh. Ko pa on doma vse naznani, pride ponjo in tudi njo odpelje na svoj dom. Toda, mu je ona rekla, naj se nikomur ne pusti poljubiti in še to, da ko pride domov, ga bodo na silo poljubljali in bo pozabil na vse, kar se je z njim zgodilo. On pa nikakor ni verjel, da bi lahko pozabil na njeno dobroto. Razšla sta se z veliko žalostjo. Ona nekam in tudi on je hitro izvedel za svoj dom.

Ko je prispel, so ga hitro spoznali, saj je bil zelo podoben očetu. Vsi so ga obkolili, da bi ga poljubljali, toda on se ni pustil nikomur, temveč je prosil, da bi si odpočil, ker je utrujen. Ulegel se je in hitro zaspal. Mati se ni oddaljila od njega, sedela je ob njem in ga gledala. Videla je, da globoko spi in ga je vsepovprek poljubljala.

Čez nekaj časa pa se je zbudil in ko so ga spraševali, ničesar ni vedel povedati, vse, čisto vse je pozabil, kakor da nikoli nikjer drugje ni bil. Trajalo je več let, potem pa so mu poiskali nevesto, da bi se lahko z njo poročil. Neko zelo fino grofico. Pravkar so imeli snubitev, sta se prijavila pri župniku, in so priredili veliko gostijo.

Karolina pa je bila v tem času pri drugih ljudeh, žalostna. Ona je vse dobro znala, vedela je, da je on pozabil nanjo. Zaradi tega, ko so oni imeli pojedino, je kupila goloba in golobico, in nekaj drobnega pšena in se podala na pot. Odšla je k tistemu gradu in prosila, naj ji pustijo vstopiti in k tisti mizi, kjer je bil mladi grof, češ, da nekaj želi od njega. Tisti so bili radovedni in ji dovolili.

Stopila je k mizi in prosila, naj ji dajo nekaj prostora na njej. In so ji dali. Raztresla je pšeno na mizo, in postavila goloba in golobico na mizo, da bi jedla. Golob je jedel hitro, golobica pa je le žalostno stala. Tisti so gledali, kaj s tem hoče. Golob je pojedel vse, golobica pa nič. Nato je rekla, da je ta golob tako pozabil na golobico kot Karol na Karolino. Ko je ona to povedala, so se mu oči odprle, takrat je takoj doumel in vedel, kaj vsega dobrega mu je ona storila, da ga je rešila smrti in kaj sta si obljubila, vse je vedel. Stopil je stran od mize in jo prijel in vsepovprek poljubljal. Ko je že vedel vse za nazaj, kaj vse se jima je zgodilo, je od veselja jokal in rekel, da mora poroko z nevesto odpovedati, ker ga je ta druga rešila smrti in ji je obljubil zvestobo do groba.

Vsi so videli to čudovito zgodbo in vse jih je ganilo, prva nevesta pa je sama rekla, da se sama odpove in naj bosta srečna s Karolino, če sta morala že toliko pretrpeti. Karol se je prvi nevesti lepo zahvalil, in jo prosil odpuščanja, naj ne zameri, če se je tako zgodilo. Ona pa je z veseljem povedala, da jima želi srečo.

Nato so Karolino posadili za mizo in bili vsi veseli v njeno čast. Potem sta se Karol in Karolina poročila, priredili so veliko ženitovanjsko gostijo in bila sta zelo srečna. (prevod: Dušan Mukič)

Mednarodni motivi pravljice

Pravljica je *folklorna pripoved*, v kateri se dogajajo neverjetne, samo v domišljiji mogoče stvari in v kateri največkrat zmaga dobro. V pravljici je zlo vedno kaznovano in dobrota poplačana. V čudežnih pravljicah rešujejo junaka iz zagate in ga vodijo k uspehu čarovniški pripomočki in nenavadne moči. Kraj in čas dogajanja sta v pravljici nedoločna, enako osebe, zato se pravljичni motivi lahko selijo od enega naroda k drugemu.¹²

Pravljice prvotno niso bile namenjene otrokom. Poučne zgodbe so si pripovedovali odrasli med sabo pri skupnem delu (npr. ličkanje koruze, česanje perja, lupanje bučnih semen, na sezonskem delu) ali moški med služenjem vojaškega roka in v vojni. Pravljice so lahko sestavljene iz različnih pravljичnih tipov različnih narodov. Pripovedovalci so jih prilagajali svoji kulturi, svojemu okolju.

Tudi v vsebini naše pravljice se prepletajo elementi različnih tipov, po zgradbi je atipična. Zaradi tega je otežena njena klasifikacija po mednarodnem tipnem indeksu.¹³ V celoti spada v kategorijo *čarovnih pravljic*.¹⁴ Epizode pravljice pa spadajo k različnim tipom znotraj te kategorije.

Epizode pravljic po mednarodnih motivih (ATU 756 B in ATU 313):

1. Pogodba z vragom

Grof se vrne iz vojne in ne more do svojega gradu, ker okoli njega teče *zelena voda*. Na pomoč mu priskoči »človek«, ki za povračilo zahteva *tisto za kar ne ve, da ga ima doma*. Pogodita se. Grof pride v grad in izve, da je *prodal svojega sina*, ki se je rodil med tem, ko ni bil doma. Po pogodbi ga mora v dveh dneh odnesti na tisto mesto, kjer sta se pogodila s »človekom«.

2. Namesto svojega sina preda tujega¹⁵

Prvič odnese namesto svojega *sina kravjega*, drugič *sina svinjskega pastirja*. Obema fantičema se je zareklo, da nista prava. Tretjič mora predati grof svojega sina.

3. Junak se zaljubi v hudičevo hči

»Človek« je imel hišo na samem, v kateri je živel z zelo zlobno ženo in hčerjo. Deklica je bila malo starejša od tega grofovega sina. Njemu je bilo ime *Karol*, deklici pa *Karolina*. Na ta otroka je tista »baba« zelo pazila. Ko sta

¹² Geslo *pravljica*. Slovenski etnološki leksikon. Ljubljana 2004, 461

¹³ Hans-Jörg Uther, *The Types of International Folktales*. Helsinki 2004 (ATU)

¹⁴ ATU Tales of magic: 300-749

¹⁵ Redka inačica. Pojavi se v madžarski pravljici o hudičevi hčeri. Az ördög leánya. Rózsa és Viola 28. B). Nyr. XXXIX. 1910: 282-287. Berze 1957, 321

zrasla, sta se Karol in Karolina zaljubila. Karolina je morala »neko knjigo čistiti« iz katere se je tudi veliko vsega naučila na skrivaj.

4. Sline se oglašajo namesto junakov

Nekega dne je »baba« ukazala Karolini, naj zakuri peč in močno »čisti knjigo«. Karolina je zaslutila, da jo hoče s Karolom vred sežgati v peči. Z zvijačo sta pobegnili. Vse pragove sta *popljunila s slinami*. Dokler so sline bile »žive«, so se oglašale namesto njiju. Ko so ugasnile, ju je začela baba iskati. Deda je poslala za njima, naj ju pripelje nazaj.

5. Beg in zasledovanje, ki jima sledijo preobrazbe

Karol in Karolina sta bežala. Karola je *začelo levo lice močno peči*. Iz tega je Karolina vedela, da ju zasleduje ded. On se je spremenil v *vodnjaka, ona v ovčara* in je ovce napajala. Ded je ni prepoznal, domov se je vrnil praznih rok. Baba ga je spet poslala za njiju. Karola je *spet začelo levo lice peči*. Zdjaj se je on spremenil v kapelo, ona pa v duhovnika, ki je maševal v njej. Ded je spet ni prepoznal. Tretjič je baba sama šla za njima s šibo. Karola je zdaj *desno lice peklo*. Spet sta se preobrazila. On v *jezerce, ona pa v raco*, ki v njej plava. Baba je šibo odložila na obali jezera, po vodi je gazila, toda race ni mogla ujeti. Raca mu je tudi šibo odvzela. Baba se je jezno vrnila domov. Junaka sta se je rešila.

6. Prepoved poljuba¹⁶

Karol in Karolina sta se razšla. Karol je šel domov, ona pa je pri neki hiši čakala, da se vrne. Karolina mu je svetovala, naj *se nikomur ne pusti poljubiti ker bo pozabil na vse*, kar se mu je zgodilo.

7. Žena na moževi poroki

Karola so doma z veseljem sprejeli, ni pa se pustil poljubiti. Med spanjem ga je mati kljub temu *poljubila*. Ko se je zbudil, je *pozabil na Karolino*. Čez nekaj let so ga hoteli poročiti z neko fino grofico. Karolina je to začutila in se je napotila k njemu. Vzela je s sabo *goloba in golobico* ter nekaj pšena. Na ženitovanjski gostiji je postavila na mizo goloba in golobico, naj zobata pšeno. Golob je hitro zobal, golobica pa samo žalostno gledala. Takrat je Karolina rekla, da je golob pozabil na golobico, kot Karol na Karolino. Nato se je Karol spet spomnil vsega, kar se jima je dogajalo in je vzel Karolino za ženo. Zgodba se je srečno končala.

Pravljica ima na madžarskem etničnem območju več kot štirideset inačic. Med slovenskimi najdemo podobne motive v pravljici z naslovom *Pastirček in čarovnikova hči*.

»Ko se jima je čarovnik bližal, je *deklica začutila, da ju preganjajo, in spremenila sebe v široko reko, pastirčka pa v čolniček*. Čarovnik ju ni prepoznal in se praznih rok vrnil domov. Žena ga je okarala in še enkrat poslala po begunca. Tokrat je *deklica spremenila sebe v kravico, njenega ljubega pa v*

¹⁶ prim. Morski car in Vasilisa Premodra. Propp 2013. 117. http://sms.zrc-sazu.si/pdf/Propp_2013_Supp_08.pdf (Dostop: 9. 10. 2018); Rózsa és Ibolya. Magyar Néprajzi Lexikon <http://mek.oszk.hu/02100/02115/html/4-1034.html> (Dostop: 12. 9. 2018)

majhnega pastirčka in preganjalec je spet ostal praznih rok. Nato je čarovnica vzela stvari v svoje roke in sama odšla za njima, a tudi tokrat ju je deklica s čarovnijo rešila in ko sta prišla srečno domov, sta se poročila.«¹⁷

Zaključek

Tretja pravljica Pavlove matere nam priča o njenih življenjskih okoliščinah. Živela je na stičišču treh narodov in jezikov. Govorila in pisala je v slovenščini (domačem narečju), mohorjeve knjige je brala v slovenskem knjižnem jeziku. Kot hči gostilničarja se je po madžarski ljudski šoli učila še madžarsko v Körmendu na Madžarskem. Tako se v njenem rokopisu pojavljajo madžarske črke in besede, črke *č, ž, š* pa iz slovenske gajice. Pod vplivom nemščine je pisala nekatere samostalnike z velikimi začetnicami.

Pravljica je sestavljena iz več mednarodnih motivov. Niz motivov je: Pogodba z vragom - Namesto svojega sina preda tujega - Junak se zaljubi v hudičevo hčer - Sline se oglašajo namesto junakov - Beg in zasledovanje, ki jima sledijo preobrazbe - Prepoved poljuba - Žena na moževi poroki.

Literatura

- BERZE 1957 = BERZE NAGY J. Magyar népmesetípusok. I-II. Pécs, 1957.
NOVAK 1970 = NOVAK V. Življenje in delo Avgusta Pavla // Razprave. Dissertationes VII. Razred za filološke in literarne vede. Ljubljana: SAZU. 1970. 295-341.
PÁVEL 1909 = PÁVEL Á. A vashidegkúti szlovén nyelvjárás hangtana. Budapest, 1909.
PÁVEL 1916-1918 = PÁVEL Á. Vend szöveggyűjtemény s az eddigi gyűjtések története. // Nyelvtudomány VI. 1916-1918. 161-187, 263-284.
PAVEL 1976 = PAVEL B. Družina pesnika Avgusta Pavla. Ob 90-letnici pesnikovega rojstva (r. 28. 8. 2886) // Stopinje '76. Murska Sobota, 1976. 65-67.
PROPP 2013 = PROPP V. J. Zgodovinske korenine čarobne pravljice. Ljubljana 2013.
ZORKO-BENKO 2014 = ZORKO Z., BENKO A. Pravljice Avgusta Pavla v prekmurskem cankovskem govoru // Časopis za zgodovino in narodopisje, letnik 85 = n. v. 50. številka 3 (2014). 83-111.

¹⁷ prim. https://sl.wikisource.org/wiki/Pastir%C4%8Dek_in_%C4%8Darovnikova_h%C4%8Di (Dostop: 10. 10. 2018.) in Rózsa és Ibolya. Magyar Néprajzi Lexikon <http://mek.oszk.hu/02100/02115/html/4-1034.html> (Dostop: 12. 9. 2018)

Ana Lehocki-Samardžić – Jadranka Mlikota – Matija Zorić
(Osijek, Hrvatska)

ILLYRICAЕ LINGUAE PRAECEPTA, COLOCZAE, 1807.

Abstract: Grammar book titled *Illyricae linguae praecepta succincta perspicuaque methodo proposita* was printed in 1807 in the city of Kalocsa. The grammar is based on the earlier manuscript that was stored in the Kalocsa local church. The title page of the printed grammar contains the signature of Vjenceslav, who added a manuscript of the history of the Croatian language. This paper provides the overview of the grammar book with Latin metalanguage and Croatian as the language concerned. This grammar book can be considered as the first Illyrian (Croatian) grammar book that was printed in the Hungarian-speaking territory of the former Monarchy.

Keywords: Croatian grammar in Latin, Illyrian grammar, Croatian grammar books in Hungary, Croatian-Hungarian comparative philology

Gramatika nepoznatog autora pod naslovom *Illyricae linguae praecepta*¹ iz 1807. godine predstavlja veliko filološko iznenađenje iz više razloga. Među njima je svakako najvažnije da se očito radi o jednoj od najstarijih gramatika hrvatskoga jezika protumačenih latinskim jezikom, a objavljenih izvan granica hrvatskoga (etničkoga i jezičnoga) prostora. Prema periodizaciji hrvatske jezične povijesti (BIČANIĆ – FRANČIĆ – HUDEČEK – MIHALJEVIĆ 2013) *Pravila* pripadaju 1. standardnom razdoblju hrvatskoga jezika koje traje od druge polovice 18. st. do tridesetih godine 19. st.² Gramatika je nekako izmahnula filološkom povećalu, možda zbog iznimno malenog broja primjeraka, premda je njezina važnost u kontekstu hrvatske gramatikografije na mađarskom govornom području iznimno velika. Važnost ove gramatike

¹Potpuni je naslov gramatike: *Illyricae linguae praecepta succincta perspicuaque methodo proposita* u prijevodu *Pravila ilirskog jezika potpuno obuhvaćena i jasnim načinom izložena*. Dalje u radu naslov rabimo u skraćenoj prijevodnoj inačici *Pravila*. Uz primjere i navode iz *Pravila* u zagradi umjesto autora navodimo prijevod skraćenog naslova i broj stranice s koje se preuzima primjer ili navod. Navode iz *Pravila* donosimo u prijevodu, a izvorni latinski tekst bilježimo u zagradi ili u podrubnoj napomeni.

²Dakako, ne treba smetnuti s uma da u kroatistici prevladava periodizacija hrvatskoga književnoga jezika Dalibora Brozovića (1970). Nešto je drugačiju periodizaciju hrvatskoga književnoga jezika ponudila i TAFRA (2012: 413-429).

naglašena je u predgovoru (vjerojatno jedinog) tiskanog izdanja iz 1807. godine u kojemu pisac predgovora ističe da su drugi jezici u uporabi u ugarskom dijelu Monarhije već dobro predstavljeni tiskanim gramatikama, a da na svjetlo dana³ konačno izlazi i gramatika hrvatskoga jezika kojega se rado naziva ilirskim.

Posebnu vrijednost predstavlja podatak da je sadržaj za tisak u cijelosti preuzet iz rukopisne inačice gramatike koja je pronađena u knjižnici metropolitanske crkve u Kaloči, što bi njezinu dataciju moglo pomaknuti i prije 1807. godine, pogotovo ako se uđe u trag arhetipu. Spomenuti tiskani primjerak pronađen u nacionalnoj knjižnici Széchenyi u Budimpešti zasada je i jedini, a postojanje ove gramatike registrirano je izuzetno rijetko, i to kratkom zabilježskom, primjerice kod STANKIEWICZA (1984: 79) kao gramatiku nepoznata autora, a u bibliografiji BARA, ŽIGMANOV (2011: 255) kao gramatiku autora Ioannesa Tomentseka. Taj je podatak pogrešan jer se na naslovnici djela Tomentsek navodi samo kao tipograf.

Dodatnu vrijednost predstavlja i rukopisna zabilježka na praznim stranicama knjige i na marginama teksta koja se, možda, može pripisati izvjesnom Vjenceslavu čije ime stoji na naslovnici knjige. Bilo da se radi o vlasniku knjige ili revnom istraživaču, njegov predgovor i komentari koji su naknadno dodani knjizi predstavljaju dobar uvid u romantičarski pogled na jezičnu povijest 19. st. povezujući hrvatski jezik i pismenost s grčkim i feničkim te pokazuju zavidnu razinu poznavanja ne samo građe hrvatskoga jezika, već i njegove književnosti i ranoga jezikoslovlja, jezikoslovaca i književnika poput Lanosovića, Gundulića i dr.

Na naslovnoj stranici ovoga djela ne stoji *gramatika*, već se djelo naziva *Illiricae linguae praecepta* ili *Pravila ilirskoga jezika*. Ipak, u prvoj se glavi autor ne drži djela naslova *Praecepta (Pravila)*, već piše o *Gramatici ilirskoga jezika (Grammaticae Illyricae)*. Miješanje dvaju naziva može se pripisati i kasnijim uredničkim zahvatima na ranije nastalom djelu. Iako gramatička djela predznanstvenog razdoblja⁴ najvećim dijelom nastaju kako bi olakšali procese učenja i poučavanja materinskog jezika, ova gramatika nije namijenjena za uporabu u učionicama ili pripremu nastavnika za nastavu, štoviše, uopće se ne navodi njezina namjena kako je to običaj u predgovorima gramatikama navedenoga razdoblja (LEHOCKI-SAMARDŽIĆ 2011: 40). Razlog tomu treba tražiti u činjenici što je gramatika otisak ranijeg rukopisnog djela kojem autor nije pridodao podatak o namijeni jer se iz sadržaja predgovora vidi kako ga je

³ U izvorniku: „(...) luce publica donadam esse (...)“ (iz Predgovora, neobrojčano).

⁴ O kronologiji i podjeli gramatika vidi: LEHOCKI-SAMARDŽIĆ 2011: 29-35.

pisao onaj koji je gramatiku pronašao i tiskao kako bi se donijela na svjetlo dana, da se ne zaboravi i ne izgubi.⁵

Nepoznati autor u naslovu svojega djela predmetni jezik naziva *ilirskim* što nije neobično za vrijeme u kojem je izdana. Ime *ilirsko*⁶ preuzeto je iz antičke tradicije i činilo se preciznim kad je trebalo imenovati narode i njihov jezik na širokome južnoslavenskom prostoru u vrijeme katoličke obnove. Ime je *ilirsko* bilo više etiketa nego oznaka sadržaja (GABRIĆ-BAGARIĆ 2002: 392).

U vrijeme objavljivanja *Pravila* na hrvatskom (etničkom i jezičnom) prostoru početke standardizacije novoštokavštine potvrđuju gramatike slavonskih pisaca (Tadijanovića, Relkovića i Lanosovića), a njihovu popularnost dokazuje i činjenica da su svoje gramatike u 34 godine objavili u čak osam izdanja kojima su dodani rječnici i drugi dodatci (BIČANIĆ, FRANČIĆ – HUDEČEK – MIHALJEVIĆ 2013: 60). Ta se tendencija i potreba objavljivanja gramatičkih priručnika hrvatskoga jezika preslikava i sjeverno od Kraljevina Hrvatske i Slavonije pa se i na području današnje Mađarske (u Kalocsi, kasnije i u Baji, Pešti, Budimu i Nagy Kanizsi) počinju tiskati gramatike ilirskoga, kasnije hrvatskoga jezika.

O metodologiji obrade jezične građe u *Pravilima*

Na 101 obročanoj stranici gramatike prati se latinski model opisa jezika. Latinska gramatika dugo je značila isto što i gramatika uopće (ŠREPEL 1890: 177) pa ne čudi da se legitimnost i ozbiljnost obrade građe temeljila na praćenju latinskog modela. „Ovakva se gramatika zvala ‘doktrinale’ (...) bila je nešto stalno i nepomično (kao i logika), gdje se ništa ne smije mijenjati.“ (ŠREPEL 1890: 177). Tek se u znanstvenom razdoblju gramatika (MATE 2003: 10), točnije u 19. st. što se na hrvatskom govornom području podudara s preporodnim razdobljem, hrvatska gramatikografska tradicija odmiče od doktrinara, a gledajući odnos predmetnoga i metajezika u najvećem se broju javljaju gramatike tzv. „materinskog jezika pisane materinskim jezikom s jezičnim modelom osmišljenim za predmetni jezik“ (NYOMÁRKAY 2002: 8). Nasuprot tomu gramatička se tradicija srednjega vijeka svela na prepisivanje Donatove latinske gramatike. Gramatika se predznanstvenog razdoblja sasvim usklađuje prema pravilima tadašnje logike (ŠREPEL 1890: 181). Skup je to strogih pravila koji se ponajprije pišu u školske svrhe. Gramatika koja je predmetom opisa u ovom radu u svom naslovu nosi pojam *Praecepta (Pravila)* što će je izravno povezivati s gramatikografskom tradicijom humanizma i

⁵ U izvorniku: „...peritorum iudicio valde probatam, luce publica donadam esse censiumus.“ (iz Predgovora, neobročano).

⁶ U predgovoru djelu autor kaže kako se ilirski jezik „od drugih naziva još i dalmatinski“ što će upućivati na poznavanje šireg povijesnog gramatikografskog i književnoga konteksta toga doba jer se u vremenu standardizacije štokavštine osvrće i na tzv. dalmatinski koji je u književnim tekstovima jednako zastupljen kao i štokavica, ali će se ponovno javiti u tekstovima tek pojavom književnosti na dijalektima.

kasnijih razdoblja koja njeguju logički pristup u opisu jezika bez približavanja narodnom jeziku i dopunjavanja pravila i opisa koji se odmiču od latinskog modela. Osim samoga naslova, gledano strukturu i jezične primjere kojima se nepoznati autor služi, *Pravila* su tradicionalna gramatika koja isto kao i Kašićeva „nema nikave veze s tumačenjem i kritikom starih pisaca“ (ŠREPEL 1890: 181). U tom pogledu čak i Kašićeva gramatika, koja joj kronološki prethodi, donosi više inovacija i rješenja pa se *Pravila* mogu okarakterizirati kao deskriptivna gramatika dok se Kašićeva može promatrati i kao preskriptivna. Ipak, budući da se u ovom radu opisuje gramatika koja se i predmetom opisa i metajezikom podudara s Kašićevom, važno je usporediti ju s *Osnovama ilirskoga jezika*.⁷

O ustrojstvu *Pravila*

Pravila se izlažu redosljedom koji nalazimo i u svim tradicionalnim gramatikama.⁸ Autor prvo iznosi raspravu *O slovima (De literis) (Pravila, 1807: 5)* u kojoj, zapravo, glasove dijeli na vokale i konsonante, ali sve glasove hrvatskoga fonološkog sustava ne popisuje kao što to čini Kašić (2002: 16–17). U prvoj glavi donosi izgovor latinskoga glasa *c* koji se u različitom fonetskom okruženju može izgovoriti kao *c* ili kao *k*. U drugom članku *O izgovoru (De pronunciatione) (Pravila, 1807: 7)* navodi da je izgovor najlakše naučiti u uporabi i da nije ništa teži od drugih jezika, primjerice latinskog ili njemačkog. Slijedi sedam pravila izgovora *ilirskoga* jezika koji su u najvećoj mjeri usmjereni na davanje primjera dužine unutar riječi, a za sam naglasak autor tvrdi da je „jednostavan“. Za razliku od Kašića (2002: 32–33) ne razlikuje više naglasaka – Kašić, naime, to čini na tragu Manuncija (ŠREPEL 1890: 182) navodeći da postoje akut, gravis i cirkumfleks. Kod izgovora jezičnih primjera autor se u *Pravilima* služi primjerima iz latinskoga i mađarskoga jezika što je dokaz tomu da je gramatika sastavljena za učenje jezika mađarskim govornicima.

Caput secundum ili Druga glava, O padežima, rodovima i deklinaciji imenica (De casibus, generibus, et declinationibus nominum substantivorum) (Pravila 1807: 12) donosi jednak broj padeža kao i Kašić, u jednini sedam (*casus septimus*), a u množini osam (*casus octavus*). KATIČIĆ (1981: 47) će u opsežnoj analizi Kašićeve gramatike upravo nejednak broj padeža smatrati

⁷ U radu se služimo pretiskom Kašićeve gramatike: Kašić, Bartol: *Institutiones linguae Illyricae / Osnove ilirskog jezika*. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Zagreb, 2002. Uz primjere i navode iz Kašićeve gramatike u zagradi bilježi se godina pretiska i broj stranice s koje je primjer, odnosno navod preuzet. Svi se navodi prijevodno bilježe.

⁸ Na početku se tradicionalnih gramatika uvijek donosi dio o glasovima i izgovoru, potom slijedi morfološki dio s deklinacijskim tipovima, a na kraju se dodaju kratke napomene ili pravila o slaganju (sintaktički dio).

„Kašićevom velikom greškom“⁹ što se može prenijeti i na *Pravila*. Ipak, bez obzira na navedenu Kašićevu grašku, podatak o jednakom broju padeža kao i kod Kašića potvrđuje da se u sklonidbenom sustavu autor *Pravila* oslanjao na Kašića.

Nakon primjera za deklinaciju imenica *vjetar* i vlastitog imena *Petar* autor *Pravila* (1807: 15–16) navodi četiri napomene o glasovnim promjenama u prvoj deklinaciji. Riječ je o nepostojanom *a* u genitivu jednine, palatalizaciji u vokativu jednine i ispadanju glasova u primjeru genitiva jednine imenica tipa *otac*. Uz sklonidbenu paradigmu imenice *čovjek* u *Pravilima* (1807: 19) se zasebnom sklonidbenom paradigmatom upućuje na supletivni oblik te imenice (*ljudi*), a u nastavku je u gramatici dan i poseban osvrt na slaganje iste te imenice (*čovjek/ljudi*) s brojevima (*Pravila* 1807: 45). Prva se deklinacija oprimjeruje i sklonidbenim paradigmatima imenica srednjeg roda na *e* i *o*, a među njima posebno se izdvajaju imenice koje „u genitivu rastu“¹⁰ (*Pravila* 1807: 20), tj. koje u kosim padežima imaju punu osnovu.

Druga deklinacija paradigmatički je prikazana istim primjerom kao i kod Kašića (2002: 75–79) – sklonidbom vlastitoga imena *Marija*. Navedenoj deklinaciji autor pridružuje imenice muškoga i ženskoga roda s nastavkom *e* u genitivu jednine (*Pravila* 1807: 23). Od Kašića ga pak razlikuje navođenje većeg broja primjera sklonidbenih paradigma, a i način je popisivanja pravila potpuno drugačiji. Kašić daje složene gramatičke analize vezane uz osobitosti pojedinoga padeža i mnoštvo primjera uz izuzetke i napomene, dok je u *Pravilima* popisivanje jezičnih regula jednostavnije i s manje primjera. Deklinacije se imenica *kći* i *mati*¹¹ u *Pravilima* navode izdvojenim i potpunim paradigmatima dok su kod Kašića navedene samo kao izuzetci u II. deklinaciji.

Za treću deklinaciju Kašić (2002: 81–83) navodi sklonidbenu paradigmu imenice *sladost*, a u *Pravilima* (1807: 28) paradigmatički je oprimjerena imenica *Millost*. Ni Kašić ni autor *Pravila* uz treću sklonidbu ne navode izuzetke protumačene dodatnim napomenama što jest odlikom gramatika predznanstvenoga razdoblja; „(...) tko poznaje tadašnje stanje gramatike, neće i ne smije više ni očekivati nego samo konstatiranje gramatičnih pojava (...)“ (ŠREPEL 1890: 184).

U prvom članku četvrte glave *Pravila* (1807: 29) autor donosi deklinaciju pridjeva u svim trima rodovima, u drugom članku nastavlja *O komparativu* (*De Comparativo*) i *O superlativu* (*De Superlativo*) te o pridjevima izvedenima od vlastitih imenica. Opis se pridjeva razlikuje od opisa u Kašića ponajviše u tom

⁹ U nastavku se Katičić (1981: 49) osvrće na pojašnjenja u kojima Kašić opravdava nejednak broj padeža u jednini i množini smatrajući ipak da je u jednini trebao ispustiti ablativ, a ne osmi padež. O drukčijim pogledima na Kašićev sklonidbeni sustav vidi: PANDŽIĆ 2005: 119–120.

¹⁰ U izvorniku: „Exemplum nominum neutrum desinentium in e, quae in genitivo crescunt.“

¹¹ Kos Kašića (2002: 79) *kcchi* i *matti*, a u *Pravilima* (1807: 26–27) *kchi* i *matti*.

što Kašić (2002: 85–89) uz definiciju pridjeva donosi i podjelu pridjeva u semantičke skupine: *apsolutne, odnosno pozitivne ili glavne, domovinske, gradivne, mjesne i vremenske, upitne, odnosne, povratne, dijelne i brojevne pridjeve*. U *Pravilima* (1807: 29) se pak prije sklonidbenih paradigma svih triju rodova pridjeva u pozitivu tek kratkom napomenom upućuje na nejednak broj padeža pridjeva u jednini i množini te na njihovu sročnost s imenicama. Ono po čemu se autor *Pravila* razlikuje od Kašića to je opisivanje zamjениčnoga sustava odvojeno od pridjeva jer su u Kašića (2002: 96–109) zamjenice pridružene određenoj semantičkoj skupini pridjeva – u *Pravilima* zamjenice su opisane u zasebnim člancima: članak *O jednostavnim zamjenicama (De Pronomibus Primitivis)* (*Pravila* 1807: 32–37) donosi opis osobnih zamjenica, povratnih, pokaznih i zamjениčkog pridjeva *isti*, člankom *O posvojnīm zamjenicama (De Pronomibus Possessivis)* (*Pravila* 1807: 37–44) obuhvaćene su sklonidbene paradigme posvojnih¹² i odnosnih zamjenica, a posebnim člankom *De Pronomibus Partitivis et Interrogativis* (*Pravila* 1807: 40–44) autor obuhvaća neodređene i upitne zamjenice, zamjениčki pridjev *takav* te posvojnu zamjenicu *Csigov, cujus*, odnosno *čiji*.

U nastavku se u petoj glavi *Pravila* donose brojevi. Autor sklonidbenim paradigmama donosi sklonidbu glavnih brojeva *jedan, dva, tri i četiri* i rednih brojeva *prvi i treći* u svim padežima. U Kašića (2002: 113–135) pak sklonidbene su paradigme glavnih i rednih brojeva dopunjene autorovim napomenama, a donosi se i popis nesklonjivih brojeva.

Glagolski je sustav u *Pravilima* (1807: 44–90) opisan od 10. do 15. glave i u odnosu na sklonidbene vrste riječi dano mu je znatno više prostora. U opisu glagolskoga sustava razvidan je snažan utjecaj latinskog modela. Dijelom je usporediv s Kašićevim pristupom glagolskom sustavu jer autor *Pravila* ipak donosi tzv. *opservacije (Observatio)* uz pojedine jezične činjenice glagolskoga sustava. One ipak tek dijelom odgovaraju iscrpnim Kašićevim napomenama u kojima je razvidna, između ostaloga, i usporedba hrvatskoga glagolskog sustava s latinskim. Po tomu se autor *Pravila*, zapravo, opisom glagolskoga sustava metodološki ne udaljuje odveć od onoga danoga uz sklonidbene vrste riječi – prednost je u glagolskom sustavu dana primjerima glagolskih paradigma onako kako je uz sklonidbene vrste riječi prednost dana deklinacijskim paradigmama.

Glagolski dio autor uvodi potpunom konjugacijom pomoćnog glagola *biti (Jeszam, Sum*¹³) (*Pravila* 1807: 44–54) u sljedećim vremenima: *modi indicativi tempus praesens (Ja ječam...), praeteritum imperfectum (Ja bia bio...), perfectum remotum (Ja bi...), perfectum propinquum (Ja sečzam bio...),*

¹² Posvojnīm zamjenicama autor *Pravila* (1807: 39) pridružuje i sklonidbenu paradigmu pridjeva *nacinjski* u svim trima rodovima.

¹³ Prema latinskom modelu rječničke oblike navodi u prvom licu indikativa prezenta. Ovdje zapažamo i primjer primjene tzv. slavonske grafije koja je pratila mađarski uzor.

plusquam perfectum (*Ja bia bio...*), *fututum* (*Ja bitiyu...*). Uz glagol *biti* donosi i šest tzv. *opservacija* (Pravila 1807: 50–54). Detaljna konjugacija pomoćnih glagola na početku izlaganja o glagolima dio je gramatikografske tradicije koju je i Kašić primijenio na tragu latinskih uzora isusovaca Emmanuela Alvareza¹⁴.

Autor glagole dijeli u tri konjugacije (*De prima coniugatione, De secunda coniugatione, De tertia coniugatione*) (Pravila 1807: 55–73) prema nastavku prvoga lica jednine indikativa aktiva prezenta: prvoj konjugaciji pripadaju glagoli koji u prvom licu jednine indikativa prezenta aktiva imaju nastavak *-am*, drugoj s nastavkom *-em*, trećoj s nastavkom *-im*. Kod svih konjugacijskih paradigma autor navodi oblike za *indikativ prezenta* (*modi indicativi tempus praesens: Imam..., Orem..., Ucsim...*), *imperfekt* (*praeteritum imperfectum: Imah..., Orah..., Ucsáh...*), *aorist* (*perfectum remotum: Imah..., Orah..., Ucsih...*), *perfekt* (*praeteritum perfectum: Imaofam...*),¹⁵ *pluskvamperfekt* (*plusquam perfectum: Biah imao..., Ja biáh oráo..., Biáh ucsio...*), *futur* (*futurum: Imatityu..., Orátichiu..., Ucsityyu...*), konjugacijski je sustav oprimjeren i paradigmama optativa i konjunktiva različitih glagolskih vremena.¹⁶ Glagolskim su paradigmama pridodani i oblici *infinitiva* (*infinitivus: imati*), *gerunda* (*gerundium: Imajuchi*), *participa prezenta* i *participa imperfekta* (*participium praesens et imperfectum: Imajuchi, imajuchia, imajuche*), te sasvim odvojeno *particip futura* (*participium futuri: Buduch imajuchi, imajuchia, imajuche*) (Pravila 1807: 60). Prikaz konjugacijskoga sustava odudara od Kašićeva prikaza jer Kašić po uzoru na Manuncija i Alvareza daje analize glagolskih kategorija i glagolskih oblika.

Potrebno je primijetiti da se u trinaestoj glavi *Pravila* (1807: 88) daje napomena u pasivnim oblicima gdje se već u prvoj rečenici navodi da „ilirski jezik nema pasivnih glagola“¹⁷ jer nema nastavke za pasiv, a kada je potrebno izreći trpnu radnju, tada se to čini uporabom glagola *biti* i participom svih triju rodova (*Jesam lyublyen, lyublyena, lyublyeno*). U četrnaestoj glavi *O osobnim i neosobnim glagolima* (*De verbo personali, et impersonali*) (Pravila 1807: 90) oprimjereni su neosobni glagoli (*Govorise, piŕceŕe*) s napomenama o uporabi čestice *se* u tih glagola. Autor takve čestične glagole razlikuje od leksički neosobnih glagola (*Garmi, daxdi*) smatrajući da je čestično *se* već sadržano u

¹⁴ Kašić (2002: 177) opis glagolskoga sustava započinje napomenom da se povodi za Emanuelom Alvarezom. Preradbe Alvarezove gramatike ostale su u tradiciji gramatika latinskoga jezika hrvatskih autora i u 18. st. i u početku 19. st. Vidi: RAGUŽ 1980-81: 108, DEMO 2007: 38.

¹⁵ Izostaju primjeri za *praeteritum imperfectum* u drugoj i trećoj konjugaciji.

¹⁶ Usp. *Modi optativi tempus praesens* (*O da imam...*), *Modi coniunctivi tempus praesens* (*Kad ucsim...*) (Pravila 1807: 57, 68).

¹⁷ U izvorniku: „ (...) Lingua Illyrica non habet verbum pallivum, (...) “.

njihovu značenju.¹⁸ Autor *Pravila* (1807: 92–99) morfološki dio gramatike završava opisom nepromjenjivih vrsta riječi: mjesnih priloga, prijedloga, usklika i veznika.

Gramatički dio *Pravila* završava poglavljem *O pravilima (De praeceptis)* (*Pravila* 1807: 96–99). Riječ je o 9 pravila kojima su obuhvaćene kratke, mahom sintaktičke napomene o sročnosti, redu riječi, rekciji, izricanju vršitelja radnje u pasivnim ustrojstvima, sintaksi padežnih (dativa i „sedmog padeža“ (*sempitimus casus*)) i prijedložnih izraza, uporabi imenica uz sklonidbene i nesklonidbene oblike brojeva. Kratke su napomene o navedenim obilježjima hrvatskoga jezika dane zbog izrazitije razlike u odnosu na latinski jezik. Takvih je napomena u završnom dijelu gramatike i u Kašića (2002: 372-378), no one su u *Osnovama ilirskoga jezika* iscrpnije i obuhvaćene u 13 pravila.

Na kraju su *Pravila* (1807: 99–104) dva dijaloga (*Dialogus I.* i *Dialogus II.*). Prvi dijalog obuhvaća dvostupačne primjere (na hrvatskom i latinskom jeziku) pozdravljanja (npr. *Dobro jutro xelim Gospodinu, v. Gospoji. Bonum mane precor Domino, v. Dominar*), drugi pak donosi obrasce razgovora učenika s učiteljem (npr. *Zafto nifi fve sekule naucio? Quare omnas scholas non didicisti? Nijam mogao, jer sam poslovati morao. Non potui, quia laborare debui.*). Takvih obrazaca konverzacije nema u Kašićevu gramatičkom priručniku.

Zaključak

Gramatika ilirskog jezika naslova *Illyricae linguae praecepta succincta perspicuaque methodo proposita* tiskana je 1807. u Kalocsi. Tiskana je inačica, zapravo, tisak već ranije postojećeg rukopisnog djela koje se čuvalo u crkvenim arhivima u Kaloči. Autor, koji opisani jezik u skladu s tadašnjom gramatikografskom tradicijom naziva *ilirskim*, zasada je nepoznat. Usporedba s Kašićevom gramatikom daje zaključiti kako autoru *Pravila* Kašićev priručnik nije poslužio kao uzor u pisanju *Pravila* poglavito kada je riječ o metodologiji i iscrpnosti iznošenja opisa jezičnih činjenica. Ono što ih ipak povezuje utjecaj je klasičnih gramatičkih uzora (Alvareza i Manuncija) što i jest znakovito za gramatičke opise navedenoga razdoblja. Zbog odabira metajezika i primijenjene metodologije gramatiku svrstavamo u tradicionalne gramatike predznanstvenog razdoblja, a u povijesti hrvatske gramatike u prvo standardno razdoblje hrvatskoga jezika. *Pravila* su deskriptivnog karaktera, a izuzetci od opisanog sustava navode se samo kada služe razumijevanju cijelog sustava. Primjeri na hrvatskom jeziku navode se tzv. slavonskom grafijom, a pravila izgovora opisana su primjerima iz mađarskog što dokazuje da je namijenjena govornicima mađarskog jezika. Tim se djelom početci hrvatske gramatikografije na mađarskom govornom području pomiču u godinu 1807.

¹⁸ U izvorniku: „Nonnulla verba ex natura sua absque particula memorata *ſe*, impersonalia sunt, (...)“.

Literatura

- BARA – ŽIGMANOV 2011 = BARA M. – ŽIGMANOV T. Vrela za povijest Hrvata u Vojvodini – monografske publikacije do 1918. // Godišnjak za znanstvena istraživanja 3. Zavod za kulturu vojvođanskih Hrvata. Subotica, 2011., 247-271.
- BIČANIĆ – FRNAČIĆ – HUDEČEK – MIHALJEVIĆ 2013 = BIČANIĆ A. – FRNAČIĆ A. – HUDEČEK L. – MIHALJEVIĆ M. Pregled povijesti, gramatike i pravopisa hrvatskoga jezika. Croatica, Zagreb, 2013.
- BROZOVIĆ 1970 = BROZOVIĆ D. Standardni jezik. Matica hrvatska. Zagreb, 1970.
- DEMO 2007 = DEMO Š. Od Latinske slovnice do Latinske gramatike. Nastanak „moderne“ gramatike latinskoga u Hrvata // Filologija, 49. 2007. 37-49.
- GABRIĆ-BAGARIĆ 2002 = GABRIĆ-BAGARIĆ D. Bartol Kašić: Institutiones linguae Illyricae / Osnove ilirskog jezika. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Zagreb. 2002. Pogovor, 383-431.
- KATIČIĆ 1981 = KATIČIĆ, R. Gramatika Bartola Kašića. Rad Jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, br. 388. Zagreb, 1981.
- KAŠIĆ 2002 = KAŠIĆ B. Institutiones linguae Illyricae / Osnove ilirskog jezika. Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje. Zagreb, 2002.
- LEHOCKI-SAMARDŽIĆ 2011 = LEHOCKI-SAMARDŽIĆ A. A horvát grammatikagráfia kezdetei; Bartol Kašić, 1604. A klasszikus grammatikai minták szerepe a horvát és a magyar grammatikai hagyományban a névszói kategóriák tükrében. Disertacija u rukopisu (mentor: profesor emeritus Nyomárkay István). Budimpešta, 2011.
- MÁTÉ 2003 = MÁTÉ J. A nyelvtudomány (vázlatos) története az ókortól a 19. század elejéig. Nemzeti Tankönyvkiadó. Budapest, 2003.
- NYOMÁRKAY 2002 = NYOMÁRKAY I. Anyanyelvi ébredés és hagyomány nálunk és szomszédainknál. Lucidus Kiadó. Budapest, 2002.
- PANDŽIĆ 2005 = PANDŽIĆ Z. Prolegomena. Semantika tradicionalne gramatike // Kašić B. Institutiones linguae Illyricae (priredio, na hrvatski jezik preveo i komentarima popratio: PANDŽIĆ Z.). Tusculanae Editiones, Zagreb – Mostar, 2005. 13-188.
- RAGUŽ 1980-1981 = RAGUŽ D. Hrvatska gramatička terminologija u dvjema preradama Alvaresove latinske gramatike // Filologija, 10. 1980-1981. 97-125.
- STANKIEWICZ 1984 = STANKIEWICZ E. Dictionaries of the Slavic Languages from the Middle Ages up to 1850. An Annotated Bibliography, Berlin – New York – Amsterdam, 1984.
- ŠREPEL 1890 = ŠREPEL M. Latinski izvori i ocjena Kašićeve gramatike. Rad JAZU-a 102. Zagreb, 1890. 172-202.
- TAFRA 2012 = TAFRA B. Prinosi povijesti hrvatskoga jezikoslovlja. Hrvatski studiji Sveučilišta u Zagrebu. Zagreb, 2012.

Žužana Meršić¹ – Denis Njari²
(Sambotel, Mađarska – Osijek, Hrvatska)

OJKONIMI NA PODRUČJU KOROĐANSKOGA VLASTELINSTVA U SREDNJEM VIJEKU

Abstract: This paper presents a brief historical framework of the Kórógyi manor in the Middle Ages, followed by the motivational-semantic classification of all the oikonyms recorded in the tax list of the Kórógyi manor from 1469. Based on Croatian and Hungarian historiographic and linguistic literature, and using the relevant cartographic material, oikonyms are pinpointed and etymologically analyzed. Among the analyzed oikonyms the Hungarian toponyms prevail, and the ojkonyms themselves are classified into six groups: those of antopomotic origin, those based on apelatives, oikonyms according to topography, floronyms, faunyms, and the oikonyms of unknown motivation.

Keywords: Manor (domain of) Kórógy, Middle Ages, oikonyms, toponyms

Uvod

Osnovni izvor za analizu ovoga rada predstavlja porezni popis Korođanskoga vlastelinstva iz 1469. godine, ujedno najstariji popis toga tipa za područje istočne Slavonije i južne Baranje. Izvornik se čuva u Državnom arhivu u Budimpešti (MNL DL: 32365), a njegova preslika objavljena je i na Internetu u digitalnom obliku. Usto, popis je na mađarskom jeziku objavljen (transkribiran) već 1961. godine (TÖRÖK 1961: 238-242; 360-363), a na hrvatskom jeziku 1980. godine (MAŽURAN 1980: 125-166). U popisu je zabilježeno ukupno 35 naselja s različitim brojem poreznih obveznika, od kojih neka i danas postoje.

Korođansko vlastelinstvo u srednjem vijeku

Korođansko vlastelinstvo u srednjem vijeku dobilo je ime prema plemićkoj obitelji koja ga je posjedovala – Kórógyi ili Korođanski. Sama je pak ta obitelj imenovana prema svojoj utvrdi Kórógyvár (disimilacijom likvida nastao je hrvatski oblik *Kolođvar*), izgrađenoj prije 1290. godine (ANDRIĆ 2001: 245), a sam korijen riječi izveden je od mađarskoga *kóró* u značenju *korov*, *šaš* odnosno *obrastao korovom ili šašem* (FNESZ 1978: 353, ANDRIĆ 2001: 246).

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6867-9457>

² ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9750-9959>

Ta je obitelj imala velike posjede na području vukovske, baranjske, ali i srednjovjekovnih ugarskih županija Tolna i Temeš. Članovi te obitelji obnašali su visoke državne i crkvene službe, kao primjerice onu mačvanskoga bana (Stjepan i Ivan II.), župana više županija (Filip V. i Ivan II.) te pečušškoga biskupa (Ladislav). Osim toga, bili su aktivno uključeni i u vojno-obrambenom sustavu ugarske države, pa je tako poznato da su se borili protiv Tatara u 13. stoljeću te kasnije protiv Osmanlija (<http://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=33230>). Upravo zbog zasluga za borbe protiv Tatara, obitelj Korodških i dobila je od kralja Bele IV. posjede na području današnje istočne Slavonije, od kojih se (od onih u ovom radu analiziranih) prvi spominje Kendchapa ili Chapa odnosno Čepin već 6. kolovoza 1258. godine (MAŽURAN 1994: 52). Jedan od „ranih“ posjeda obitelji Korodških, a koji se analizira u ovom radu, također je bio i Orozi, oko čijega su se posjeda dva člana te obitelji međusobno sporila 1343. godine. Napomenuti je da je obitelj Korodških, točnije Filip III. Korodški, već prije 1351. godine stupio u posjed Osijeka te da je taj grad postao obiteljsko vlastelinsko sjedište obitelji, a sama se obitelj ubrzo uzdigla u rang baruna kraljevstva (MAŽURAN 1994: 54-55). Godine 1396. Stjepan I. Korodški za zasluge u ratovima protiv Osmanlija, posebice u bitci kraj Nikopola, od kralja Žigmunda Luksemburškoga dobiva posjede Nemetin, Szilköz, Aszonyfalwa i druge. Njegovom je sinu Filipu V. Korodskom pak potvrđen posjed nad Karancem (Karanch), dok je za njegovoga sina Ivana II. poznato da je imao posjed nad Branjinim Vrhom (Baronywar), Weresynom, Čepinom, Osijekom i drugima koji ovdje nisu predmet analize. Gašpar (sin Ivana II.) posljednji je muški član obitelji Korodških, u čije je vrijeme, 1469. godine, i sastavljen ovdje analiziran urbar tadašnjih posjeda Korodških, koji su mogli okupljati do 6500 podložnih stanovnika (MAŽURAN 1994: 78-85).

Većina popisanih naselja u urbaru iz 1469. godine nalazila se u neposrednoj južnoj i jugoistočnoj okolici grada Osijeka, odnosno u porječju donjega toka rijeke Drave, desne obale Dunava i u srednjem porječju rijeke Vuke. Područje je to koje je u srednjem vijeku bilo izrazito bogato vodama, a osim spomenutih tekućica, na tom se području prostirala i velika močvara Palača, svojevrsan pandan Kopačkom ritu s druge strane rijeke Drave. Radilo se dakle, o području koje je osim zemljoradnje omogućavalo i bavljenje ribarstvom, a vjerojatno i lovom, te o području koje je bilo teško prohodno te je još od kasne antike predstavljalo područje u kojemu se ili moglo organizirati zasjede ili se pak skrivati od neprijatelja.³ Vjerojatno ponajviše zahvaljujući upravo takvim

³ Takav je slučaj primjerice bio 488. godine kada su Ostrogote (koje je predvodio Teodorik) u povlačenju prema Italiji upravo na tom području u zasjedi dočekali Gepidi. Zasjeda je bila do te mjere neuspjela da je u njoj smrtno stradao i gepidski kralj Trapstila (ANDRIĆ 2002, GRAČANIN 2006).

Više sukoba austrijske i osmanlijske vojske dogodio se na istom području i u 16. stoljeću, pa je tako 1528. godine područjem oko Laslova i Korođa Osmanlije nisu

zemljopisnim prilikama, na tom se području u najvećoj mjeri uspješno održati mađarsko stanovništvo u odnosu na slavensko koje je tijekom srednjega i posebice ranoga novog vijeka naselilo praktički cjelokupno ostalo područje Slavonije. Na očuvanje mađarskog stanovništva na tom području svjedoče i mađarski antroponimi zabilježeni u urbaru 1469. godine (pa i kasniji osmanski defteri, kao što je primjerice Popis Sandžaka Požega iz 1579. godine (HAFIZOVIĆ 2001), ali i karakteristični ojkonomi, netipični za ostalo područje srednjovjekovne Slavonije.

Ubikacija

Od 35 naselja zabilježenih u popisu 1469. godine, 9 se naselja mogu praktički poistovjetiti sa suvremenim naseljima (25%): Osijek (Ezeekh), Aljmaš (Hagmas), Karanac (Karanch), Branjin Vrh (Baronywar), Tenje (Tehyne), Čepin (Chapa), Koprivna (Kaporna), Dopsin (Dopza) i Korod (Kiskorogh).

Nadalje, najveći broj naselja, njih 19, može se uglavnom ubicirati i radi se u pravilu o današnjim ili o iščezlim toponimima (54%): Orozi (Orosin),⁴ Gergfalwa (Györgyfalva),⁵ Azonfalwa,⁶ Mošun (Mosson),⁷ Pomoćin (Pomochya),⁸ Zelfalwa,⁹ Yakabfalwa,¹⁰ Babafalwa,¹¹ Kišpafalo (Kys Papfalwa),¹² Šipkovci (Sipkacz),¹³ Nadpafalo (Nagy Papfalwa), Poljana (Palina),¹⁴ Hrvatska (Horwatka)¹⁵ i Ivanovci (Iwanfalwa Korogh),¹⁶ Dravski Sad (Drazaad),¹⁷ Mikloševci (Miclosfalwa),¹⁸ Markusfalwa (možda Čepinski Martinci), Felswpetrus i Alsopetrus.¹⁹

ovladale, a na tom su se području odvijale i vojne operacije u okviru tzv. Kacijanerovog pohoda 1537. godine. (MAŽURAN 1998)

⁴ Toponim *Oraši* između Čepina i osječke Retfale.

⁵ Toponim *Györgyfalva* zapadno od Laslova, uz rijeku Vuku.

⁶ U osmanskom razdoblju radilo se o pusti *Asonfalva*, koja se nalazila između Tenje i Klise (ENGEL: 4).

⁷ Nestalo naselje koje se nalazilo neposredno zapadno od Dopsina (ENGEL: 141).

⁸ Toponim *Pomoćin* sjeverno od Dopsina.

⁹ Nestalo naselje *Szélfalva* koje se nalazilo jugozapadno od Osijeka (ENGEL: 194).

¹⁰ Toponim *Jakovala* sjeveroistočno od Antunovca.

¹¹ Nestalo naselje koje se nalazilo u okolici današnjega Antunovca (ENGEL: 6).

¹² *Kispapfalva* i *Nagypapfalva* naselja su nestala u osmanskom razdoblju, a koja su se nalazila jugozapadno od Čepina (ENGEL: 160).

¹³ Naselje koje se nalazilo između Koprivne i Dopsina (ENGEL: 187).

¹⁴ Toponim *Palinska šuma* između Markušice i Laslova.

¹⁵ Naselje koje je ležalo vjerojatno negdje pored Koprivne (ENGEL: 84).

¹⁶ Naselje koje se nalazilo južno od Čepina (ENGEL: 91).

¹⁷ Nalazilo se vjerojatno na ušću Drave u Dunav ili nešto uzvodno.

¹⁸ Moguće je da se nalazilo na mjestu današnjega Antunovca (ENGEL: 133).

¹⁹ Vjerojatno se radi o toponimu Petrus zapadno od Osijeka.

Na koncu, naselja čiji je smještaj uglavnom nepoznat, izuzev toga što se mogu smjestiti u već ranije naveden zemljopisni okvir u prvom poglavlju, ukupno je 6 (17%): Kerezthws, Kelges Korogh, Chazar Korogh, Wajdafalwa, Bekefalwa i Pachana.

Toponimija, ubikacija

Ojkonim u poreznom popisu 1469.	Ojkonim u defteru iz 1579.	Broj poreznih obveznika 1469.	Broj poreznih obveznika 1579.	Stanovnika 1469. (procjena)	Napomena o etnicitetu, prema anatroponimima u defteru iz 1579.
Ezeekh	Osijek	215	26	995	26 kuća kršćana (Mađara)
Hagmas	Aljmaš	168	49	776	Srbi
Karanch	-	139		656	
Drazaad	-	92	0	434	
Baronywar	-	85		401	
Tehyne	Tehna	37	7	229	Osmanlije
Chapa	Čepin	31	98	192	Mađari
Kerezthws	-	27	0	167	-
Orozi Wayvodatus	Orosin	17	50	105	Mađari
Gergfalwa Korog	-	14	0	87	-
Azonfalwa	Marinovci	13	27	81	Srbi
Kelges Korogh	-	12	0	74	-
Kaporna	Koprivna	11	28	68	Mađari
Felswpetrus	Petrovci	9		56	Mađari
Chazar Korogh	-	8	0	50	-

Miclosfalwa	Mikloševci	8	13	50	Osmanlije
Alsopetrus	Petroš	7	17	43	Mađari
Mosson	Mošun	7	14	43	Mađari
Pomochya	Pomoćin	7	17	43	Mađari
Zelfalwa	Sölöš	7	69	43	Mađari
Yakabfalwa	Jakobovci	6	28	37	Mađari
Babafalwa	Balinci	5	25	31	Mađari
Dopza	Dubin	5	37	31	Mađari
Kiskorogh	Kiškorod	4	40	25	Mađari
Waydafalwa	-	4	0	25	Uz Koprivnu?
Bekefalwa	-	3	?	19	Kišbečinci ili Beketinci
Kisfalwd	-	3	0	19	-
Kys Papfalwa	-	3	0	19	Mezra Kišpapfalo uz Čepin
Pachana	-	3	0	19	-
Sipkacz	-	3	0	19	Mezra Šipkovci uz Koprivnu
Iwanfalwa Korogh	Ivanovci	2	11	12	Mađari
Nagh Papfalwa	-	2	0	12	Mezra Nadpapfalo uz Čepin
Palina	-	2	0	12	Mezra Poljana uz Koprivnu
Horwatka	-	1	0	6	Mezra Hrvatska uz

					Koprivnu
Markusfalwa	Martinci?	1	?	6	Hrvati
Ukupno		961	556	4885	

Motivacijska ili tvorbena razrada ojkonima

U ovomu se poglavlju donosi podjela prema motivaciji ojkonima poreznoga popisa Korodanskoga vlastelinstva iz 1469. godine, a sami su ojkonimi klasificirani u šest skupina.

1. Ojkonimi koji imaju osnovu antroponimnoga postanka moguće je podijeliti u dvije podskupine:

a) na ojkonime prema vlasniku: *Baronywar* (< Baranyavár)

U ovu skupinu pripada samo jedan ojkonim. U prvome dijelu mađarskoga naziva nalazi se osobno ime *Brana* (< *Brangna*).

Druga sastavnica mađarskoga složenoga ojkonima je apelativ *-vár* ‘utvrda’. Grad najvjerojatnije nosi ime prvoga župana, a po njemu je kasnije svoje ime dobila cijela županija koja je bila preseljena u Pečuh. Izvorni naziv *Baranyavár megye* je, pogrešnim raščlanjivanjem pretvoreno kasnije u *Baranya vármegye*²⁰ (FNSz. 1980:90; Međeral-Sučević 2006:176).

b) na ojkonime prema osobnom imenu koji mogu biti patronimici ili eventualni posjednici dotičnoga mjesta, a u ukupnom inventaru korodanskog poreznog popisa čine najbrojniju skupinu:

Alsopetrus (< Petrus); *Bekefalwa* (< *Beg ~ Bek*),²¹ *Dopza* (< *Dompsa~Dopsa*); *Chapa* (< *Csapa*); *Felswpetrus* (< Petrus); *Gergfalwa* (< *György*); *Iwanfalwa* (< *Iván*); *Yakabfalwa* (< *Jakab ~ Jakob*);²² *Markusfalwa* (< *Márkus*);²³ *Miclosfalwa* (< *Miklós*).

²⁰ U mađarskom su jeziku u to vrijeme *megye* te *vármegye* bili sinonimi.

²¹ Prvi dio mađarskoga ojkonima spornoga je podrijetla. Pretpostavlja se da potječe iz turkijskoga imena *Beg ~ Bek* u značenju ‘jak, moćan; vladar, knez, nadređeni’ koje ime nije bilo neuobičajeno i rijetko u vrijeme Arpadovića. Dodavanjem deminutivnog dometka *-e* lako se moglo pretvoriti u osobno ime. Naziv mjesta može se odnositi na obitelj koja je imala ovdje svoje posjede. Patrocinj *Beke* kao prezime danas je rasprostranjen u Zadunavlju u Mađarskoj (HAJDÚ 2010: 51).

²² U mađarskom jeziku postoje značajne razlike u izgovoru dva imena (*Jakob ~ Jakab*), ali se u pismu njihovi oblici sve do kraja 18. stoljeća teško razaznaju (HAJDÚ 2010:165).

²³ Osobno ime *Márk ~ Márkus* bilo je veoma često i popularno u vrijeme Arpadovića i Anžuvina. U osobnom imenu *Márkus* sufix *-us* može biti i latinskoga podrijetla, ali

Unutar skupine koju obuhvaćaju ojkonimi patronimnog postanja najbrojniji su oni složeni tipičnom mađarskom završnom ojkonimskom sastavnicom – *falva*.²⁴ Dva su ojkonima nastala predmetanjem diferencijacijske sastavnice *alsó* 'donji' i *felső* 'gornji' na hipokoristično osobno ime *Petrus*, a samo su dva ojkonima bez tvorbenog čina *Dopza*²⁵ i *Chapa*.²⁶ Antonimni par *alsó* 'donji' i *felső* 'gornji' koji susrećemo u ovoj skupini izražavaju prostorne odnose područja u značenju udaljenosti od drugih mjesta.

2. Ojkonime s apelativnom osnovom moguće je podijeliti:

a) na etničke ojkonime: *Horvatka* (< *horvát*); *Orozi* (< *orosz*)

Tu podskupinu predstavljaju samo dva ojkonima etničkoga postanja. Tvoreni su sufiksima *-ka* i *-i*²⁷ od kojih je potonji jedan od najzastupljenijih sufiksa u tvorbi mađarskih toponima već u staromađarskom razdolju, dok se sufiks *-ka* u tvorbi toponima javlja mnogo kasnije, tek od 15. stoljeća. Dodavanjem deminutivnog elementa *-ka* na kraju ukazuje se (u pravilu) etnicitet stanovništva. U konkretnom slučaju možda se može pretpostaviti da je većinsko stanovništvo konkretnoga naselja pripadalo hrvatskom etničkom korpusu.

Etonim *Oroszi* u mađarskom ojkonimskom inventaru vrlo je rasprostranjen već u vrijeme Arpadovića. *Orosz* (hrv. 'Rus') ukazuje također najvjerojatnije na etnicitet stanovnika, ali može ukazivati i na ime nekadašnjeg vlasnika. Takve i slične dvojnosti teško je razlučiti i definitivno objasniti.

b) na ojkonime u svezi s imovinsko-pravnim odnosima i upravom:

Azonfalva (< *Asszonyfalva*); *Chazar Korogh* (< *Császárkórógy*); *Kys Papfalwa* (< *Kispapfalva*); *Nagh Papfalwa* (< *Nagypapfalva*); *Waydafalwa* (< *Vajdafalva*)

zastupljen je i pri tvorbi mađarskih hipokorističnih osobnih imena npr. *Ambrus*, *Márkus* koja su postala prezimena (HAJDÚ 2010: 234)

²⁴ Među tipične mađarske završne ojkonimske sastavnice ubrajaju se: *falu* ('selo'), -*falva* (genitiv imenice *falu* 'selo'), -*lak* ('selo, naselje, seosko gospodarstvo'), -*tornya* (genitiv imenice *torony* 'toranj, kula'), -*hegy(es)* ('uzvisina; brijeg'), -*vár* ('utvrda'). i -*völgy* ('dolina').

²⁵ Temelj osobnog imena je apelativ *dob* ('neka vrsta udaraljki') zapravo u značenju 'zdepast, debeo, krepak čovjek' (FNESz. 1980:329; 442). Usp. još primjere iz mađarske ojkonimije: *Kisdobsza*, *Nagydobsza* danas u Somođskoj županiji.

²⁶ Primaran naziv ojkonima nastao je prema mađarskom osobnom imenu *Csapa* koji se već od prve polovice 18. stoljeća bilježi kao *Chepin* (1720.), *Csepin* odnosno *Chepin* (1808.) tj., posvojnim sufiksom *-in* na kraju (KISS).

²⁷ Već u vrijeme Arpadovića brojna su naselja u čijim su nazivima potvrđeni etnonimi s tvorbenim elementom *-i* na kraju (BÉNYEI 2012: 80). Takvi ojkonimi su npr.: *Oroszi*-, *Olaszi*-, *Horváti*-, *Tóti*-, *Németi*-, *Csehi*- itd. (KRISTÓ 2005: 9). O značenju i etimologiji tvorbenih sufikasa *-ka/-ke* i *-i* u mađarskoj ojkonimiji v. još BÉNYEI 2012: 112-115; 74-85.

U ovu su neveliku podskupinu ubrojeni ojkonimi koji u svome značenju mogu ukazati na imovinske ili zemljišne odnose u tome kraju, na nekretnine u vlasništvu kraljice²⁸, cara (odnosno kralja), crkve (svećenika) ili nekog vojvode.

Ojkonimi ove skupine tvore se na način da apelativnim osnovama prethodi prva (diferencijacijska) sastavnica *asszony* 'gospođa, dama; supruga; gospodarica'; *császár* 'car'; *kis* 'malen', *nagy* 'velik'; *vajda* 'vojvoda' da bi se na osnovu druge identifikacije 'korov; suha, tvrda stabljika, peteljka'; *pap* 'pop, svećenik' nadodali tipični mađarski ojkonimski završeci *-falva* ili sufiks *-gy*.

Antonimni par *kis* 'mali' i *nagy* 'velik' u primjerima *Kispapfalva* i *Nagypapfalva* iskazivanja su kvalitativnih odnosa naseljenih mjesta.

c) ojkonime prema zanimanju: *Babafalva* (< *Bábafalva*)

Prvi dio mađarskog složenog ojkonima najvjerojatnije je slavenskog podrijetla *bába* 'babica, primalja', dok se drugomu dijelu složenici pridružuje već ranije spomenuti mađarski ojkonimski završetak *-falva*.

3. Ojkonime prema topografiji moguće je svrstati na:

a) ojkonime prema hidronimu: *Drazaad* (< *Drávaszád*);²⁹ *Mossun* (< *Moson*)

Riječ je uglavnom o ojkonimima kojima se imenuje rijeka *Drava* i močvarni predio kraja *Moson*.

Drazaad je u srednjem vijeku bio strateški i trgovački važan grad na samom ušću rijeke *Drave* na što upućuje prvi dio ojkonima - sam naziv rijeke. Drugi dio dvoleksemnog ojkonima apelativ *-szád* 'izvor ili ušće vodotoka' (BÍRÓ 2008: 76), odnosi se na zemljopisno mjesto gdje *Drava* kod *Aljmaša*, na granici Hrvatske, utječe u *Dunav*.

Etimologija toponima *Moson* uglavnom se objašnjava trima mogućim polazištima: od osobnoga imena (prije *Arpadovića*), posredstvom iz njemačkoga jezika (starobavarskoga dijalekta, primjerice njemački toponimi *Moosburg/Mosburg*), ili iz nekoga od slavenskih jezika (starosl. *měšb*, primjer toponima u Češkoj *Mšeno*, Poljskoj *Mszana Dolna*, Ukrajini *Mšana*; sve u značenju *močvarno*). FNSz. potvrđuje slavensko podrijetlo (1980: 433).

b) prema poredbenim tvorevinama: *Kisfalwd* (< *Kisfalud*)

Složeni mađarski ojkonim sastoji se od atributne sastavnice *kis* 'malen, ne velikog formata' i apelativa *-falu*. Sufiks *-d* u ovom slučaju mogao je funkcionirati kao deminutiv za pojačanje umanjenog značenja riječi na koju se dodaje (KÁZMÉR 1970: 50).

c) prema izgledu tla: *Ezeekh* (< *Eszék*); *Karanch*; (< *Karancs*)

Ojkonim *Ezeekh* je slavenskog porijekla Hrvatsko ime izvodi se iz osnove **sék-*, a znači 'prostor u sasječenoj šumi', 'pasjeka', 'obor'. Od pomadarenog

²⁸ Pócos navodi kako staromađarski apelativ *asszony* u mađarskoj ojkonimiji označuje *királyasszony* 'kraljica', *úrnök* 'gospodarica' (2001: 85).

²⁹ Analoški su oblici npr. *Krisevszád*, *Zelenszád*

Eszék izvodi se njemački oblik *Essen* (ŠIMUNOVIĆ 2009: 238; FNSz. 1980:208).

Planina Karancs visoka 172 metra potvrđena je sjeverno od Salgótarjana. Za njezino ime pronalazimo više objašnjenja - po jednome naziv dolazi iz turkijskoga **quruncī* 'čadast pust, tkanina', a po drugome od osobnog imena također turkijskoga porijekla **Quorumči Oyul* (FNSz.1980: 316), Prema MEĐERAL-SUČEVIĆ-u „ime dolazi od apelativa *garancs* 'grumen, gruda' (2006:178).

4. Ojkonimi prema floronimima: *Hagmas* (< *Almás*); *Kaporna* (< *Kaporna*); *Zelfalwa*³⁰ < *Szölő(s)falva*, *Szilfalva* (*Szélfalva*?) *Sipkacz*³¹ (< *Dipkacz*)

Naziv *Almás* dolazi od mađarskog apelativa *almás* 'područje obrašeno stabalima jabuka', što upućuje na tipičnu vegetaciju u okolici mjesta (FNSz. 1980:48). Apelativ *kaporna* je najvjerojatnije slavenizam u mađarskom jeziku sa značenjskim elementom *kopriva*³² koji označuje 'mjesto pokriveno, obraslo koprivom'.

Prvi dio ojkonima *Szölősfalva* dolazi od mađarskog naziva *szőlős* 'mjesto gdje se uzgaja grožđe' dodavanjem ojkonimskog završetka – *falva*. *Dipkacz* (< *Dipša* < lat. *andropogon gryllus*³³) slavenskog je podrijetla, a znači đipovinu (ARj III:8).

5. Ojkonimi prema faunonimima: *Kelges Korogh* (< *Kölgyeskórógy*) *Tehyne* (< *Tenje~Tényő*?)

Zoonim *Kölgyes* vjerojatno *hölgyes* (usp. ojkonim *Högyész* FNSz. 1980:283), u kojem dolazi do zamjene početnih glasova *k* i *h* u značenju *hölgy(menyét)* 'mala grabežljiva životinja koja je preko ljeta smeđe boje, u zimi snježnobijele boje, hermelin' (KISS 2014: 72), a može se odnositi na mjesto u kojem su kraljevski lovci lovili hermeline.

Ojkonim *Tenja* mađarskoga je postanja i upućuje na domaću životinju *tehen(y)*³⁴ (< *tehen*) 'krava; junac/junica'. Bit će da je mjesto služilo za uzgoj

³⁰ Od 1579. *Sölös* bez ojkonimskog završetka –*falva*. U Mađarskoj široko rasprostranjen ojkonim po našem mišljenju Csánki bilježi pogrešno kao *Szélfalva*. Mađarski apelativ *szél* dvoznačnoga je značenja: može jedanput značiti 'vjetar', a može značiti i 'rub, kraj, granica'. Ako se uzimaju u obzir autohtoni mađarski mjesni govori ovoga kraja oni pripadaju ikavskoj skupini govora mađarskih dijalekata (v. MELICH 1894). U tom bi slučaju apelativ *szél* mogao poprimiti i oblik *szil* sa značenjem 'bršljan' (usp. FIEDER 2007: 116).

³¹ Prema Mažuranu Csánki je krivo čitao i zapisao naziv ovog mjesta (MAŽURAN 1980:147).

³² Usp. hrv. *Koprnik*, slo. *Koprivnik*, ukr. Кропивник (FNESz. 1980:445).

³³ Botanička vrsta mediteranske trave: kršín.

³⁴ Melich u svome radu navodi oblik *teheny* (MELICH 1894: 168) Vidi još: A Magyar Korona országainak helységnevtára 1892.

goveda (ARj XVIII:203) tj. ojkonom je zasigurno u svezi sa stočarstvom. U Mađarskoj nailazimo na ojkonom *Tényő* danas u suvremenoj mađarskoj županiji Győr-Moson-Sopron. Prema FNSz-u ojkonom je nastao od osobnog imena *Theneu*, a temelj mu je apelativ staroturkijskoga podrijetla *tinó* 'junac/junica' (FNSz. 1980:638).

6. Ojkonimi nepoznate motivacije: Pachana; Palina (možda od antroponima Pál, Pavao); Pomoehya

Zaključak

U ovome se radu obrađuju 35 ojkonomske različnice zabilježene u poreznom popisu Korođanskog vlastelinstva iz 1469. godine. Analizirani korpus ukazuje na karakteristični tvorbeni model mađarskih ojkonomi koji se uklapa u svekoliki tvorbeni mehanizam mađarskih ojkonomi i toponimi. Očekivano, pri prefiksnoj tvorbi sudjeluju pridjevci *kis-* i *nagy-*, dok je pri sufiksnoj tvorbi najbrojniji ojkonomski element *-falva* tj., genitivni oblik imenice *falva* 'selo'. Prvi dio takvih ojkonomi odnosi se na patronimik, na eventualnog posjednika dotičnoga mjesta ili na ojkonomi koji su u svezi s imovinskopравnim odnosima i upravom. Ojkonomske sastavnice *-vár* i *-szád* prisutne su samo jedanput i to u primjerima *Baranyavár* i hidronimu *Drávaszád*. U tvorbi korođanskih ojkonomi javljaju se deminutivni sufixi *-gy* (2), *-s* (2), *-us* (2), *-d* (1), *-i* (1) i *-ka* (1). Unatoč tome što se radi o rubnom području srednjovjekovne Kraljevine Ugarske, način oblikovanja ojkonomi uklapa se u tvorbeni model srednjovjekovnoga mađarskog jezika. Nadalje, analizirani izvor svjedoči i o tisućljetnoj prisutnosti mađarskoga jezika i kontinuitetu života pripadnika mađarskoga naroda na istočno-slavonskom području, zajedno s pripadnicima hrvatskoga i drugih naroda, a čiji su se međusobni utjecali reflektirali i u ojkonomiji već od razdoblja kasnoga srednjeg vijeka.

Literatura

- ARj = Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. JAZU, I-XXIII, Zagreb, 1880-1976.
ANDRIĆ 2001 = ANDRIĆ S. Potonuli svijet // Rasprave o slavenskom i srijemskom srednjovjekovlju. Slavonski Brod, 2001. 245.
ANDRIĆ 2002 = ANDRIĆ S., Južna Panonija u doba velike seobe naroda // *Scrinia Slavonica*, 2. Slavonski Brod, 2002.
BÉNYEI = BÉNYEI Á. *Helynévképzés a magyarban*. Debrecen, 2012.
<http://mek.oszk.hu/11100/11120/11120.pdf>
BÍRÓ = BÍRÓ F. *Vízrajzi köznevek ómagyar kori településnevekben* // *Névtani Értesítő*, 30./2008. 67-81.
<http://mnytud.arts.unideb.hu/nevtan/ne/szamok/30/ne3007bf.pdf>

https://library.hungaricana.hu/hu/view/NEDA_1892_helysegnevtar/?pg=1883&layout=s&query=Tenja

- ENGEL = ENGEL P. Valkovármege, kézirat.
- ENGEL 2001 = ENGEL P. Magyarország a középkor végén. CD-ROM. Budapest, 2001.
- FIEDER 2007 = FIEDER M. Baranya vármegye korai ómagyar kori helyneveinek nyelvi elemzése. Szakdolgozat, Debreceni Egyetem, BTK Magyar Nyelvtudományi Tanszék, Debrecen, 2007.
http://mnytud.arts.unideb.hu/szakdolgozat/1561/fieder_m_1561.pdf
- FNESz. = KISS L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. Budapest, 1978.
- GRAČANIN = GRAČANIN H. Goti i južna Panonija // Scrinia Slavonica, 6. Slavonski Brod, 2006.
- HAJDÚ 2010 = HAJDÚ M. Családnevek enciklopédiája. Budapest, 2010.
- KÁZMÉR 1970 = KÁZMÉR M. A „falu“ a magyar helynevekben. XIII-XIX. század. Budapest, 1970.
- KISS = KISS L. Különb-félék – Helynévmagyarázatok*
<http://www.e3.hu/~magyarnyelv/06-4/kissl.pdf>
- KISS = KISS M. A Körösmente folyóvízneveinek névrendszertani vizsgálata. Doktori disszertáció, ELTE BTK, Budapest, 2014.
<http://doktori.btk.elte.hu/lingv/kissmagdalena/diss.pdf>
- KRISTÓ = KRISTÓ GY. Az Árpád-kori településnév-adás // Onomastika Uralica 3:/ 2005. 117-133.
<http://mnytud.arts.unideb.hu/onomural/kotetek/ou3/12kristom.pdf>
- MAŽURAN 1994 = MAŽURAN I. Srednjovjekovni i turski Osijek. Osijek, 1994.
- MAŽURAN 1998 = MAŽURAN I. Hrvati i Osmansko Carstvo. Zagreb, 1998.
- MEDERAL-SUČEVIĆ 2006 = MEDERAL-SUČEVIĆ K. Usporedni pregled hrvatskih i mađarskih baranjskih ojkonima // Folia onomastica Croatica, 15/2006. 173-189.
- MELICH 1894 = MELICH J. A Slavónia nyelvjárás // Magyar nyelvjárások, XXIII/ 1894. 162-169. http://real-j.mtak.hu/5966/1/MagyarNyelvor_1894.pdf
- ŠIMUNOVIĆ 2009 = ŠIMUNOVIĆ P. Uvod u hrvatsko imenoslovlje. Zagreb, 2009.
<https://www.scribd.com/doc/53182751/Petar-Simunovic-Uvod-u-Hrvatsko-Imenoslovlje>
- TÓTH 2017 = TÓTH V. Személyi helynévadás az ómagyar korban. Debrecen, 2017.
- TÖRÖK 1961 = TÖRÖK G. Ötszáz éves híradás a szlavóniai magyarságról // Magyar Nyelv, 57, 1961. 238-242; 360-363.

Izvori

- HAFIZOVIĆ = HAFIZOVIĆ F., Popis Sandžaka Požega 1579., Državni arhiv u Osijeku, Osijek, 2001.
- MAŽURAN 1980 = MAŽURAN I. Porezni popis grada i vlastelinstva Osijek i njegove okolice 1469.godine. Starine // 58, JAZU, Zagreb, 1980., 125-166.
- MNL DL = Magyar Nemzeti Levéltár, Diplomatikai Levéltár, 32365.

Internetski izvori

- <http://www.enciklopedija.hr/natuknica.aspx?id=33230> (datum posljednjeg pristupa 10. studenog 2018.)
- <https://geoportal.dgu.hr/> (datum posljednjeg pristupa 10. studenog 2018.)
- <https://mapire.eu/hu/> (datum posljednjeg pristupa 10. studenog 2018.)

Molnár Angelika¹
(Debrecen, Magyarország)

АЛЛЕГОРИЗАЦИЯ У ТУРГЕНЕВА И ВЕН. ЕРОФЕЕВА

Abstract: This paper studies the allegory techniques in Ivan Turgenev's short story "The First Love" and in Venedikt Erofeev's "Notes of a Psychopath". The analysis looks upon the varieties of characters, the ways of their function in prose texts. Turgenev rethinks the existing forms, Erofeev, who redefines the literary language, makes them visible and thus destructs them. The analysis of methods and forms of allegories demonstrates a typical 19th-century technique, and foreshadow a characteristic trend in its usage at the end of the 20th century. Our approach manifests the forms of remaking allegories in the classical and the post-modernist literature.

Keywords: "The First Love", "Notes of a Psychopath", allegory, metaphors, characters, birds

В повести И. С. Тургенева «Первая любовь» приводятся второстепенные персонажи: поклонники Зинаиды Засекиной. Они обычно отодвигаются на второй план, так как в интерпретации текста выдвигаются совершенно другие аспекты (см. БАТЮТО 1972; ПУСТОВОЙТ 1987; ШАТАЛОВ 1979; NITZSCHMANN 2016). Поэтическую функцию таких лиц можно объяснить как оппозицию главным героям: показать необычный характер последних на фоне первых. Кроме того, если все они и не выполняют роль развития интриги, то, по крайней мере, участвуют в главном конфликте повести. На наш взгляд, образ поклонников основывается на аллегоризации, т.е. на однозначном замещении, в отличие от особой поэтизации образов Зинаиды, отца и Владимира Петровича, которые представляются с помощью многозначной метафоризации. Настоящим представляется мотивировка индосказательной функции этих персонажей.

Автор тетрадки называет сборище поклонников Зинаиды как «цыганский табор», потому что у них подчеркнуто веселое и буйное расположение духа: «и на фортепьяно играли, и пели, и танцевали», «старика Вонифатия нарядили в чепец, а княжна надела мужскую шляпу...» (ТУРГЕНЕВ 1981: 321). Этот элемент беспечности и издевательства над мужчинами, когда женщина надевает на себя

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7896-1480>

мужскую шляпу, перевоплощаясь в доминантного члена взаимоотношений, определяется в рассказе как «цыганский». Он исчезает, когда Зинаида влюбляется: фанты играют уже «без прежних странных выходов» героини (ТУРГЕНЕВ 1981: 343). В общем, поклонники представляют собой покорных подданных их властительницы: они как собачонки или игрушки в руках Зинаиды «и она их всех держала на привязи, у своих ног» (ТУРГЕНЕВ 1981: 326). Они же вслед друг за другом дежурят у нее, когда она заболевает от любви. Каждый из поклонников в отдельности репрезентирует особую сферу жизни: военную, творческую, научную, светскую и т.д. Именно в этом и проявляется их аллегорическая функция. Однако, как выясняется, ни один из них не может быть подходящей парой для Зинаиды, так как ни один из них не исключителен и не поэтичен, и не подлежит метафорического воспроизведения в тексте Тургенева.

Беловзоров. Воин. Беловзоров ведет себя по-военному, что обозначается его атрибутами (его сабля звенит, он щелкает шпорами). Внешность гусара является слишком стереотипичной и светлой: он «белокурый и курчавый молодец» (ТУРГЕНЕВ 1981: 313). Белый цвет в связи с его образом сменяется на красный (румяное лицо, кровавые глаза), и чистота взора, скрытого в фамилии героя, легко затуманивается. Он очень ревнив: «сидел угрюмо в углу, весь застегнутый и красный» (ТУРГЕНЕВ 1981: 340), готов на физическое насилие: «глаза его наливались кровью», «краснел, и казалось ... сейчас ринется на всех нас» (ТУРГЕНЕВ 1981: 321). По этим характеристикам и справедливо называет его героиня своим «зверем». В его характере ничего большего не скрывается, по этой причине Зинаида и определяет его одним словом: «воин». Однако он готов дать молодому Владимиру Петровичу деньги за выигранный билет, унижая этим достоинство героини. Он наиболее близок к подростку в соперничестве за Зинаиду, так как он тоже «охотно кинулся бы за нее в огонь» (ТУРГЕНЕВ 1981: 326). И готов жениться на ней, однако после любовной истории Зинаиды, не известно, предлагает ли ей очистить свое запятнанное имя, так как он уезжает на Кавказ, верную смерть. Итак, эта фигура выполняет функцию «воина-ревнивца» рядом с Зинаидой и воплощает такую сторону любви (подростка).

Лушин. Доктор представляет собой медицину, человека, призвание которого лечить больных, а не убивать людей. В отличие от «воина», однако, он является «темневатой» фигурой, «черномазым» господином. Он «насмешливый, цинический на словах» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327), однако любит Зинаиду больше всех остальных поклонников. В его отношении, так как «он у ней в руках», она более сильно проявляет свою власть и садизм, протыкая булавку в его же руку. Доктору очень больно, однако он смеется буквально так, как Зинаида это предсказывает. Героиня и в этом деле только примеряет себе роль – роль мучительницы: «Я

кокетка, я без сердца, я актерская натура» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327). Эти самоопределения однако отнюдь не реализуются.

Молодой Владимир Петрович угадывает внутреннюю доброту и любезность доктора, поэтому его и влечет к нему. Как он, так и Зинаида ценит в докторе правдивость: «Я его любил за его прямой и нелицемерный нрав» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327). В этом реализуется значение имени персонажа: если «лущить» с доктора напускной цинизм, он оказывается глубоким человеком. Когда окончив университет, юноша словно вылечивается из болезни любви, Лушин это определяет последующему, отрицая любовь, как дрянь и статус, подобный собаке: «Человеком смотрите, не комнатной собачкой» (ТУРГЕНЕВ 1981: 357). Врач выступает в роли наставника подростка, который дает полезные советы. В его толковании любовь также поучительный «урок», «ловушка», и Владимир Петрович может быть счастлив, что вовремя освободился от этих уз: «вся штука оттого, что не умеют вовремя расстаться, разорвать сети.» (ТУРГЕНЕВ 1981: 357). Ирония же врача превращается в раздражительность, цинизм и злость по мере усиления его чувства безответной любви. Однако ни себя, ни Зинаиду вылечить от любви он не умеет. Он представляет собой любовь как болезнь и вечную преданность.

Майданов. Поэт в повести Тургенева представляет собой бесталанный и базарный тип. Наружность его, как и его произведения, типично романтическая и шаблонная: «молодому человеку с худощавым лицом, маленькими слепыми глазками и чрезвычайно длинными черными волосами» (ТУРГЕНЕВ 1981: 319). Его поведение – излишне восторженное, вместе с тем и унылое – скрывает, как это успевают заметить и Владимир Петрович, и Зинаида – холодность: «человек довольно холодный, как почти все сочинители» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327). Героине он нужен, потому что Майданов отвечает «поэтическим струнам ее души» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327), однако она более чутка к настоящей поэзии, поэтому и советует ему читать Пушкина и не декламировать недостойных стихов. Как и все подражатели романтиков, «он ее обожает, воспевал ее в нескончаемых стихах и читал их ей с каким-то и неестественным и искренним восторгом» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327). А также, он слишком предсказанно и явно женится и поступает на службу, на которой он «так же ненужно восторгался и так же внезапно падал духом» (ТУРГЕНЕВ 1981: 362). Он не достоин ни Зинаиды, ни того, чтобы воспевать ее. Поэт же – аллегория мечтательности. Здесь также наблюдается контраст с отцом Владимира Петровича: кроме него ни один из поклонников, даже поэт-романтик, не умирает от любви.

Нирмацкий. Шут. Отставной капитан является настоящим рабом, вещью Зинаиды. Он настолько безобразен (рябой, курчавый, сутуловатый, кривоногий), что над ним Зинаида только тешится: она проявляет свою власть, становясь на него как на постамент: «и она в

педестал себе выбрала безобразного Нирмацкого, велела ему лечь ничком, да еще уткнуть лицо в грудь» (ТУРГЕНЕВ 1981: 320). Кроме его внешности и издевательств над ним больше о нем и не говорится: «Нирмацкого одели медведем и напоили водою с солью» (ТУРГЕНЕВ 1981: 321).

Малевский. Злодей. Граф – злой уже по потенциальному значению его фамилии: см. корень *мал. Детализуется внешность графа, говорящего с легким польским акцентом: посредством описания его наружности – он «очень красивый и щегольски одетый брюнет, с выразительными карими глазами, узким белым носиком и тонкими усиками над крошечным ртом» (ТУРГЕНЕВ 1981: 319) – разоблачается установка на показ и внутренняя испорченность характера. Зинаида видит его насквозь и несмотря на ее оговорку (хваление его «усиков»), она не поддается ни его приятной наружности, ни его льстивой речи: «шептать ей на ухо с самодовольной и заискивающей улыбочкой» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327). Героиня утверждает, что она таких любить не может, на которых ей «приходится глядеть сверху вниз» (ТУРГЕНЕВ 1981: 328). Ему удается втереться только в доверие княгини и матери Владимира Петровича. Однако и он попадает под власть Зинаиды и являет собой пошлые стороны поклонения.

Лживость, злость и умение играть с другими отталкивает и подростка от него: граф «имел репутацию отличного мистификатора и славился своим умением дурачить людей на маскарадах» (ТУРГЕНЕВ 1981: 349). Однако герой еще не умеет раскусить Малевского полностью: «Граф Малевский втайне казался мне опаснее других. Моя наблюдательность не видала дальше своего носа» (ТУРГЕНЕВ 1981: 331). Своей злой замечкой Малевский усиливает ревность подростка: «слово протекло ядом по всем моим жилам» (ТУРГЕНЕВ 1981: 349). Владимир Петрович как автор тетрадки уже разоблачает как свое прежнее поведение, так и неясное понимание ситуации. Белозворов тоже ревнует Зинаиду графу. Он уподобляется волку, который хочет съесть «увертливую» графа-барана: «как волк на барана» (ТУРГЕНЕВ 1981: 336). Сказочный подтекст реализуется и в других сравнениях: граф движется, «хитро покачиваясь, как лиса», он «ловок и умен, но что-то сомнительное, что-то фальшивое чудилось в нем» (ТУРГЕНЕВ 1981: 327).

Малевский умеет выполнять разные карточные фокусы, однако играет не порядочно: он «сдал себе в вист все козыри» (ТУРГЕНЕВ 1981: 321). Граф точно так же поступает и в связи с анонимным письмом, в котором он ставит жену отца в известность об отношениях отца и Зинаиды, но на самом деле он подкладывает свинью себе, ибо отец об этом говорит ему: «Мне ваш почерк не нравится» (ТУРГЕНЕВ 1981: 355). И как Зинаида выпровождает графа, обидевшего подростка, так и отец Владимира Петровича поступает с ним грозно, выводя его под руку и уничтожая его своими «холодными» словами: «в одном доме указали на дверь»; «если

вы еще раз пожалуете ко мне, то я вас выброшу в окошко» (ТУРГЕНЕВ 1981: 355).

Итак, несмотря на то, что повесть Тургенева имеет автобиографическую основу, аллегорическое преподнесение второстепенных персонажей у него действует как неявный поэтический прием, противопоставленный метафоризации образов главных героев, как более глубокой формы достижения поэтического эффекта.

В следующей части нашей статьи нам предстоит показать поэтический прием аллегоризации, используемый Венедиктом Ерофеевым в тексте «Записок психопата» в более чистом, упрощенном и явном виде. Аллегория здесь отсылает к историческим событиям, поэтому и становится дидактической. Этот прием можно причислить и к другим поэтическим средствам текста, помимо приема ретардации, о котором пишет Смирнова (СМИРНОВА 2008).

ПТИЦЫ. Запись 1 октября является блестящей аллегорией Ерофеева на коммунистический строй и на трудовой коллектив в образе птиц. В данном фрагменте многожанрового текста (ЕРОФЕЕВ 2004: 193-200) цитируются и известные пословицы, поговорки и песни о птицах, кроме того пародийно употребляются разные идеологизмы (см. напр. «интернационально улыбаться») и т.д. «Птичий остров» представляет собой Советский Союз. Субъекту аллегории, определяющему себя «просвещенным человеком» здесь не хватает «соловьиного пения», т.е. поэтического слова. Становятся известными причины исчезновения такого слова. Из птичьего сбора выделяется пингвин, из приветственной речи которого герой узнает историю острова, а также попугай, всегда повторяющие произнесенное. Зимнее время сопровождает траурные дни похоронения Удода, который может олицетворять Ленина. На его смену приходит Горный Орел – Сталин, действие которого выражается следующей саркастической фразой: «пернатые впервые почувствовали на своих головах освежающее прикосновение орлиных ногтей» (ЕРОФЕЕВ 2004: 194). Двуглавый орел, символ былой царской власти, также упоминается здесь в противопоставлении с действующим режимом. Известная поговорка о счастье человека («птица создана для полета...»), как главная проблема классической литературы, определяется как выражение «скепсиса» (см. столкновение счастья и долга).

Перефразируются известные события советской истории, в том числе и «культурный переворот». Упоминается смерть известных личностей этой эпохи. Как известно, под псевдонимом «Буревестник» скрывается Максим Горький не только в действительности, но и в аллегорическом тексте Ерофеева. Пока еще не удалось установить точно, кто скрывается под «Фениксом», возможно, это «Феликс» Дзержинский, но образ возрождающейся птицы потенциально скрывает как известного политического деятеля, так и деятеля культуры. Отмечается исторически реально существующая кампания против оппозиционеров («кур»). Травля

в ерофеевском тексте получает определение опять же по поговорке: «Курица не птица...».

Операции со звуком «р», пронизывающие текст в целом, имеют место и в этом фрагменте. Дубликация «р» окрашивает, в первую очередь, звукоподражание птиц: «Вороны ... карр-кали» «петушки ку-карр-екали» (ЕРОФЕЕВ 2004: 194). Такая форма разноголосого общения птиц раньше считалась нормальной, однако после смены режима все изменяется. Издание конституции объясняется сатирически, как результат угрызений Орла (Сталина) из-за репрессий. Излагается суть этой конституции, в которой легко обнаруживается профанация оригинала: все имущество государства общее; воробьи, т.е. пролетариат провозглашается единственным классом, и их слово «чик-чирик» – единственным словом, т.е. запрещается свобода мнений и вводится «семейная» диктатура.

Нападение со стороны хищных птиц (ястребов, – указание на страусов является усилением пародийности) может отсылать к реальным войнам, однако образ врага переносится с внешнего на внутренний. Получается двойная угроза. Это акцентируется на уровне высказывания путем умножения «р»: «Ворроны накаркали!!», «злые корршуны», «черрные когти!» (ЕРОФЕЕВ 2004: 196). В речи Орла, побуждающей к самообороне, воробьи уже возвышаются до соколов. Приводится еще одна фраза, содержащая «птичий текст»: «Ни пуха вам, ни пера!». Кроме того, перефразированно воспроизводятся как известные песенки о полете, так и боевые призывы в подобном контексте: «Дадим им дрозда!». Пародийное снижение фраз обозначается и в виде развертывания «р»: песня «Крови жаждет сизокрылый голубок» сокращается до звука карканья: «Кррр!», а смысл фразы уже сам по себе является оксюмороном. Насильно преувеличенный боевой дух выражен сходными смысловыми парадоксами: «сраженный воробей», «жареный лед», «птичье молоко» (ЕРОФЕЕВ 2004: 196).

Ласкательные обращения влюбленных, характерные для людей, в записи переносятся на птичий мир: «кастик», «ласточка». Помимо других реализованных фразем, акцентируются и «красные петухи» (см. огонь). Парадоксально звучит также «воробьиная песня»: «Салавей, салавей» (ЕРОФЕЕВ 2004: 197), не говоря уже об орфографии слова, отражающей устное произношение. Субъектом аллегории пародийно осуждается идея следующей кампании: Орел как бы путает значения иностранных слов «ре-» и «де-» милитаризации. В игре слов горько высмеивается и последующая репрессия («поскрипционный список»): слово «чик-чирик» становится равнозначным «пиф-паф» в значении убийств. Это может направить внимание читателя на новое смыслопорождение. Вместо аллегоризации исторических событий, следует искать смысл в развертывании слова. Единоголосие равнозначно смерти, поэтому и требуется отход от него к многоголосию для выработки творческого отношения к вербализации мира. Такое

преодоление может вызвать и аллюзия на детский фильм «Гибель Орла», которая перефразируется как «Смерть Вождя», олицетворяющего смерть властного слова.

С этой точки зрения детализуется и функция «пингвина» – по всей вероятности, Н. Хрущева –, так как «навоз экономического развития» и термин «оттепель» отсылает к его времени. Слово «оттепель» снова выворачивается Ерофеевым наизнанку, как почва для продвижения, а для субъекта текста – к иному слову: «гололедица, как известно, лучшая почва для ”поступательного движения вперед”» (ЕРОФЕЕВ 2004: 198). «Черные вороны» могут подразумевать черные Волги, увозящие представителей т.н. «молодого поколения», которые критиковали первого секретаря – «бестолкового пингвина» – за его глупые постановления и необразованность. Двойственность объявления миролюбивой внешней политики также обнажается («голуби» – «ястребки») (ЕРОФЕЕВ 2004: 199).

Субъект аллегории называет себя представителем «подводного царства», т.е. пространства смертельного и противопоставленного небесному миру. Однако в качестве гостя «Птичьего острова» герой утверждает свое дружественное отношение и вводит в свою речь как ссылку на «Чайку» Чехова, так и фразеологизмы: «как рыба в воде» и «молчать, как рыба». В этом можно усмотреть и пародию на дипломатические речи представителей дружеских государств, социалистических стран. Герой наконец-то будто услышит песнь соловья, однако впечатление разрушается при упоминании кала, говорящего «о подъеме материального благосостояния» (ЕРОФЕЕВ 2004: 199). Пародийное соединение высокого и низкого обозначает неадекватное слово и получает свое развитие в утверждении «все эти звуки и запахи сливаются в одно – в мелодию ”лебединой песни”» (ЕРОФЕЕВ 2004: 199). Лебединая песня звучит для прощания с идеологическим словом. Этим и обрывается аллегория-фрагмент.

В записи от 10 октября данная тема будто продолжается, однако, так как подлежащее полностью отсутствует из предложений, не ясно, кто «проносятся, взбираются ... к зениту» (ЕРОФЕЕВ 2004: 200). Возможно, это – звуки или птицы или же мысли субъекта дневника. 11 октября также действует особая поэтизация текста: дням недели синестетически присваиваются разные цвета. 12 октября субъект письма ищет отговорки по причине своего опоздания на встречу с уезжающей любовницей. Он утверждает, что «совсем не сошел с ума» (ЕРОФЕЕВ 2004: 201). Однако отказывается участвовать в чувствительной сцене прощания. Здесь опять имеются отсылки на образы птиц: герой должен доказать, что «жаворонок» еще «умеет играть», но в конце концов он приходит к выводу, что «нужно быть сумасшедшим» (ЕРОФЕЕВ 2004: 201).

Таким образом, единственная поющая (любящая) птица представляет собой «психопата», противопоставляется диктаторскому, властному

единогласию режима. Сумасшествие означает разработку нового языка для воспроизведения действительности субъектом текста. Аллегория деконструируется и обрастает более широким смысловым диапазоном.

Литература

- БАТЮТО 1972 = БАТЮТО А.И. Тургенев-романист. Москва, 1972.
- ЕРОФЕЕВ 2004 = ЕРОФЕЕВ В.В. Записки психопата. (ред., комм. А.Е. Яблоков) Москва, Захаров, 2004.
- ПУСТОВОЙТ 1987 = ПУСТОВОЙТ П.Г. И.С. Тургенев – художник слова. Москва, 1987.
- СМИРНОВА 2008 = СМИРНОВА Е.Е. Реализация приема ретардации в «Записках психопата» Вен. Ерофеева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2008. № 1. С. 138-139.
- ТУРГЕНЕВ 1981 = ТУРГЕНЕВ И.С. Первая любовь // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Москва, 1981.
- ШАТАЛОВ 1979 = ШАТАЛОВ С.Е. Художественный мир И. С. Тургенева. Москва, 1979.
- NITZSCHMANN 2016 = NITZSCHMANN K. Erste Liebe – letzte Liebe? Zur Erzählung Este Liebe von Iwan S. Turgenjew (1860) // К Тургеневу в Баден-Баден: сборник материалов международных научных конференций [2013-2014] (редкол. М.Б. Лоскутникова и др.) Москва, Экон-информ, 2016. 54-66.

Pátrovics Péter¹
(Budapest, Magyarország)

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ГЛАГОЛЬНОМ ВИДЕ В ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ.
ВОПРОС ДВУВИДОВОСТИ И ИТЕРАТИВНОСТИ

Abstract: The present paper focuses on Polish verbal aspect and on the Russian equivalents of aspectual forms in Polish. The author enumerates and discusses the means by the help of which Polish aspectual meanings can be rendered in modern Russian. While the main stress will be placed on iterativity, the paper also deals with the complex issue of the biaspectual verbs in Polish. The paper ends with the suggestion that a series of further articles on biaspectuality and iterativity of the Polish verb seem to be necessary.

Keywords: Polish verbal aspect, biaspectual verbs, iterativity

Пытаясь представить глагольный вид в польском языке в кратких словах, в этой работе мы остановимся еще на двух вопросах: коротко на двувидовости и, немного подробнее, на итеративности. Мы приведём также примеры из польского языка вместе с их русскими переводами (но также из других славянских языков), чтобы читатели могли сопоставить польские глаголы и предложения с их русскими эквивалентами и таким образом могли составить себе представление о том, как выглядит польский глагольный вид с русской точки зрения.

Польские глаголы – как и русские – могут выступать в двух видовых основах – совершенного и несовершенного вида. Видовые различия охватывают все личные и производные глагольные формы, включая глагольное имя. Видовые различия взаимодействуют со способами глагольного действия. Так, в польском языке глаголам несовершенного вида могут быть свойственны значения: а) длящегося действия-процесса напр. *siedzieć* 'сидеть', *stać* 'стоять', *leżeć* 'лежать', *czytać* 'читать', *nieść* 'нести', б) многократности повторяющегося действия, напр. *siadywać* 'сиживать', *czytywać* 'читывать, почитать', *nosić* 'носить', *ganiać* 'бегать, носиться'. Глаголы совершенного вида соотносимы со значениями: а) достижения предела длительности действия, напр. *odsiedzieć* 'отсидеть', б) достижения результата действия, напр. *zrobić* 'сделать', *przeczytać* 'прочитать', в) мгновенности действия, напр.

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-4226-3576>

krzyknąć 'крикнуть', г) начала дящегося действия напр. *popłynąć* 'поплыть', *zapłakać* 'заплакать'. В связи с этим не входя в подробности отметим только, что в современном польском языке ингрессивное значение выражается чаще всего при помощи конструкции: *zacząć robić coś* 'начать делать что-л.' (см. KRUMBHOLZ 2008: 148). В современном русском аналогической конструкцией является *становиться : стать делать что-л.*

В современном польском языке возможны еще глаголы, лишенные видового противопоставления: только совершенного вида, напр. *owdowieć* 'овдоветь', *ociemnieć* 'ослепнуть', *osknać się* 'очнуться', 'прийти в себя' или только несовершенного вида, напр. *mieć* 'иметь', *móc* 'мочь', *zawdzięczać* 'быть обязанным'. (Но иногда и здесь бывают исключения, как напр. в известной варшавской шансонетке, в тексте которой встречается форма *osykać się* со значением 'временами приходить в себя' Ср. напр.:

Gdy fotografujesz strzyka, na to baba się osyka.

'Фотограф включает вспышку, а баба на это временами приходит в себя, те. она временами открывает глаза.'

Глагольную форму *osykać się* на наш взгляд можно здесь расценивать как потенциальную форму реализующуюся в данном (причем довольно специальном) контексте.

Формально видовые пары глаголов различаются типом словообразовательной основы, а также ограничениями в образовании временных и причастных форм. Что касается основных моделей образования видовых пар в современном польском языке, глаголы совершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида с помощью:

а) разнообразных приставок: напр. *robić : zrobić* 'делать : сделать', *czesać : uczesać* 'причёсывать : причесать', наиболее распространённые приставки: *z-/ze*, *za-*, *po-*, *u-*, *wy-*, *o-/ob-/obe-* и др. Как утверждает большинство польских аспектологов, приставка *z-/ze* является самой транспарентной глагольной приставкой польского языка.

В связи с приставкой *po-* следует обратить внимание на то, что в современном польском языке эта приставка с функциональной точки зрения очень обременена, те. у неё много функций: она принимает участие не только в образовании видовых пар, но и в образовании делимитативных и дистрибутивных глаголов, что сопровождается и

видовой омонимичностью (об этом подробнее см. ANSTAT 2003: 359-385, SOCKIEWICZ – MATLAK 1995: 7-9, PÁTROVICS 2012: 269-276).

б) глаголы совершенного вида образуются от глаголов несовершенного вида ещё и с помощью суффикса *-ną(ć)*, *kiwać* : *kiwnąć* 'кивать : кивнуть', *machać* : *machnąć* 'махать : махнуть',

Глаголы несовершенного вида образуются от глаголов совершенного вида

а) с помощью суффиксов: *-a(ć)*, *-ja(ć)*, *-wa(ć)*, *-ywa(ć)/-iwa(ć)*, напр. *nauczyć* : *nauczać* 'обучить : обучать', *dopić* : *dopijać* 'допить : допивать', *dać* : *dawać* 'дать : давать', *pokazać* : *pokazywać* 'показать : показывать', *wysłuchać* : *wysłuchiwać* 'выслушать : выслушивать'.

Суффикс *-ywa/-iwa* является очень продуктивным суффиксом многократных глаголов: *siedzieć* – *siadywać* 'сидеть – сиживать', *czytać* – *czytywać* 'читать – читывать' итд. (Этот суффикс принимает участие и во вторичной имперфективации приставочных совершенных глаголов, напр. *odpisać* : *odpisywać* 'ответить : отвечать на письмо, списать : списывать', *przepisać* : *przepisywać* 'переписать : переписывать'.

б) с помощью чередований в корне, напр. *posłać* : *posyłać* 'послать : посылать', *zebrać* : *zbierać* 'собрать : собирать'.

в) с помощью суффиксов и чередований, напр. *dogonić* : *doganiać* 'догнать : догонять', *wrócić* : *wracać* 'вернуться : возвращаться'.

Возможны и супплетивные видовые пары, напр. *oglądać* : *obejrzeć* 'осматривать : осмотреть', *widzieć* : *zobaczyć* 'видеть : увидеть', *brać* : *wziąć* 'брать : взять'.

У глаголов совершенного вида, как и в русском языке, отсутствуют формы со значением настоящего времени изъявительного наклонения, так как соответствующие морфологические образования имеют значение будущего времени: *przeczytam książkę* 'прочитаю книгу', *napiszę list* 'напишу письмо'. Глаголы же несовершенного вида образуют все четыре временные формы изъявительного наклонения, причём форма будущего времени – сложная.

Глаголы несовершенного и совершенного вида образуют разного типа деепричастия: от основ совершенного вида – только деепричастие предшествования на *-wszy*, *-szy*, от основ несовершенного вида – деепричастие одновременности на *-ąc*. Действительное причастие имеется только у глаголов несовершенного вида.

Несколько слов о двувидовости в современном польском языке

Двувидовые глаголы, число которых в XVI-ом веке было ещё значительно (WILCZEWSKA 1993: 19-29), в современном польском языке уже редки, напр. *ofiarować* 'жертвовать : пожертвовать, предлагать : предложить', *aresztować* 'арестовать'. (Не входя в детали отметим только, что у этих двух глаголов появились уже подлинные перфективные корреляты образованные префиксацией, формы *zaofiarować* и *zaaresztować*, а у глагола *ofiarować* наличествует даже форма возникшая в процессе вторичной имперфективации *zaofiarowywać*.) См. напр.:

Krzyżewski aresztując prezesa Kowalskiego nie zdawał sobie sprawy z tego, że popełnia wielki błąd.

'Крижевский арестуя председателя Ковалского не отдавал себе отчета в том, что делает большую ошибку.'

Aresztowawszy podejrzanego, odczytał mu jego prawa.

'Арестовав подозреваемого он зачитал ему его права.'

W swoim życiu aresztował wielu przestępców, ale gdy zaaresztował prezesa Kowalskiego był przekonany, że będzie to przełom w jego karierze.

'В своей жизни он арестовывал много преступников, но когда арестовал председателя Ковалского, был убежден в том, что это будет перелом в его карьере.'

Среди двувидовых глаголов-неологизмов современного польского языка – так как и в прежних периодах его истории – преобладают глаголы иностранного происхождения; см. напр. *kamerować* 'снимать фильм кинокамерой', *torować* 'подтирать пол', *spoilerować* 'предавать огласке действие фильма в Интернете перед кинопремьерой' (BURKACKA 2018: 22).

Дальнейшие двувидовые глаголы это: *mianować* 'назначать : назначить', *awansować* 1) 'повышать по службе' 2) 'продвигаться по службе', *abdykować* 'отрекаться : отречься от престола', *amputować* 'ампутировать', *anulować* 'аннулировать', *kazać* 'велеть, приказывать : приказать', *proklamować* 'прокламировать, провозглашать : провозгласить', *ranić* 'ранить', *potrafić* 'уметь : суметь, мочь : смочь'. Относительно последних двух глаголов следует отметить, что у глагола *ranić* уже появилась совершенная форма *zranić* образованная префиксацией, а глагол *potrafić* находится в промежуточной стадии, т.е.

именно переходит фазу становления «полноумоченным» двувидовым глаголом. Невозможность или, вернее говоря, неправильность образования от глагола *potrafić* форм сложного будущего времени напр. **będę potrafił* и деепричастных форм НСВ выражающих одновременность напр. **potrafiąc* по мнению Ядацкой указывает на то, что видовой статус этого глагола еще не до конца выкристаллизовался (JADACKA 2013: 90). В связи с этим следует отметить, что во первых: по нашим наблюдениям формы сложного будущего времени у глагола *potrafić* в современном польском языке употребляются довольно часто, а во вторых: обращаем внимание на работу венгерского аспектолога-русиста Ласло Ясаи, который говоря о причастных форм двувидовых глаголов на наш взгляд справедливо замечает, что «эти формы требуют отдельного рассмотрения» (ЯСАИ 2017: 48). При этом он ссылается на Тихонова, который утверждает, что «видовые значения причастных форм более устойчивы, чем в остальных формах двувидовых глаголов» (ТИХОНОВ 1998: 187).

Несколько слов об итеративности на славянском плане

В польском языке для обозначения многократности действия – как мы на это уже и раньше обращали внимание – (см. PÁTRÓVICS 1999: 82-87) могут конечно употребляться не только маркированные, но и немаркированные несовершенные глаголы (напр. *Od czasu do czasu piszę do niego.* вместо *pisuję.* 'Время от времени пишу ему.' вместо *ponisycywaю*). Здесь наречие поддерживает итеративность и нет необходимости сигнализировать ее еще глагольной формой. Но возникает вопрос: если немаркированные несовершенные глаголы тоже способны выражать повторяющиеся действия, в чем же они отличаются в плане содержания от маркированных многократных глаголов, каких в польском языке довольно много? Личные формы настоящего времени несовершенных глаголов выражают вневременное действие и актуальное настоящее. Они способны выражать и развивающееся действие, которое в английском языке называется прогрессивным видом. Многократные глаголы в противовес этому не способны выражать актуальное настоящее. Они выражают лишь действие понимаемое абстрактно (как вневременное), или повторяемость действия. Это подтверждают следующие польские примеры:

Często pisuję do babci.

'Часто пишу (букв. пописываю) бабушке.'

**Właśnie teraz do niej pisuję.*

'Именно сейчас ей пишу (букв. *писываю).'

В чешском языке уже с XVI века формировалась новая категория маркированно итеративных глаголов. В русском языке круг итеративов типа *писывать, читать, хаживать* не очень широк и их употребление ограничено. Хотя в болгарском языке глагольные формы выражающие неограниченную повторяемость (напр. *светвам* 'светить(ся)'; *тропвам* 'стучать') налицо, всё таки нельзя говорить об итеративности как о категории, потому что в основном все несовершенные глаголы могут употребляться в итеративном значении. (ИВАНЧЕВ 1971: 33) На основе вышесказанного кажется логичным утверждение, что возможность выделения итеративности как категории, зависит от рассматриваемого языка. (КОРЕЇСНУ in: МАСЛОВ 1962: 201)

Копечный говорит, что «сравнительно молодая категория маркированно многократных глаголов окончательно оформилась, собственно, только в чешском и словацком языках. Известную склонность к ней обнаруживает польский язык, в других же [славянских] языках (в словенском, русском) можно отметить лишь зачатки такого развития, в южнославянских нет даже подходящих условий для возникновения этой категории.» Возникает вопрос приемлемы-ли эти утверждения а если да – в какой мере? Тихомирова в своей грамматике польского языка замечает, что «глаголов с морфологически выраженным значением многократности (суффикс *-ywa(ć), -iwa(ć)* и др.) в польском языке больше чем в русском и они не ограничены лишь формой прошедшего времени» (ТИХОМИРОВА 1978:72).

Nie czytuję tego tygodnika.

'Я не читаю постоянно этот журнал.'

Гарнцарек (GARNCAREK 2001) в своем пособии по употреблению глагола в польском языке посвящает даже целый раздел польским итеративным глаголам типа: *czytywać* 'читать, почитать', *pisywać* 'пописывать' и т. п. внушая этим, якобы употребление итеративов было в современном польском довольно частым явлением.

Итак, хотя вышеупомянутое утверждение Копечного кажется правильным, всё таки следует добавить, что маркированно многократные формы глаголов типа: *czytywać, pisywać, grywać, chadzać, bierać, mieszać* употребляются в польском для обозначения многократных действий намного реже, чем соответствующие простые несовершенные глаголы типа: *czytać* 'читать', *pisać* 'писать', *grać* 'играть', *chodzić* 'ходить', *brać* 'брать', *mieć* 'иметь'. Маркированно многократные формы глаголов в польском практически вытесняются простыми формами несовершенных глаголов типа: *czytać, pisać* употребляющихся вместе с наречиями. Наречия, такие как *często* 'часто', *przeważnie* 'обычно', *czasami*

'временами' и т. п. при немаркированном глаголе НСВ в польском языке – как сказано выше – очень часто поддерживают значение многократности.

Przeważnie jeździ rowerem.

'Он обычно катается на велосипеде.'

Этот способ популярен и в других славянских языках напр. в сербском: *Hajčeših se vozi biciklom.* или в болгарском: *Обикновено караше колело.* В чешском и словацком языках, в которых итеративность является грамматической категорией специфичная многократная форма глагола может употребляться во временах прошедшем, настоящем и будущем, ср. напр. чешск. *sedává, sedával, bude sedávat* 'он сидит, сидел (букв. сиживал), будет сидеть' или в словацк.: *Nemôžem spať. – Nemôžem správať.* 'Я не могу спать.' – 'Мне обычно не спится.' В связи с последним словацким глаголом следует отметить, что соответствующий ему польский глагол *syriać* употребляется в польском в подобных контекстах довольно часто; см. напр.:

Ran na pewno kiepsko sypia.

'Вам наверно не спится.'

В других же славянских языках употребление временных форм итеративов часто ограничивается только одной временной формой (как напр. в русском языке, в котором многократные глаголы типа *видывать, говаривать, слыхивать, сиживать, хаживать* употребляются только в прошедшем, за исключением *бывать*, но даже и те случаи очень редкие). Разницу средств выражения итеративности на славянской почве проиллюстрируем на следующем примере: чешскому предложению: *Chodíval k nám denně* соответствуют в других славянских языках разные конструкции:

в словацком: *Chodieval k nám každý deň.*

в польском: *Przychodził do nas codziennie.*

в русском: *Он бывало приходил к нам каждый день.*

в украинском: *Він заходив до нас кожний день.*

в сербском: *Дешавало се да он дође к нама сваки дан.*

Как следует из вышеупомянутых примеров, славянским языкам присущи два главных способа выражения итеративности.

Западнославянские языки как напр. чешский и словацкий имеют только морфологический способ, польскому присущи и морфологический и синтаксический способы, а в русском доминирует синтаксический способ, причём в случае русского языка и морфологический способ нельзя оставить в стороне (IVIC 1983:39-40).

Украинский язык в этом отношении, кажется, более похож на русский. Хотя и здесь нельзя говорить о грамматической категории итеративов в смысле чешского языка, но итеративные глаголы (между прочим с суффиксом *-ува(ти)*, *-юва(ти)* напр. *нагромаждувати* 'нагромаждать', *відвідувати* 'навещать', *розпитувати* 'расспрашивать', *прогулюватися* 'прогуливаться', *страчуювати* 'казнить') налицо. Эти глаголы выражают действия, движения совершающиеся не в одно время, не за один приём, или не в одном направлении. Глаголы с префиксом *по-* как напр. *почитувати* 'почитывать', *пописувати* 'пописывать' обозначают перерывающиеся продолжительные действия. Интересно, что при глаголе *походити* 'походить', который может употребляться в многократном значении, существует и форма *походжати*, 'прохаживаться', у которой тоже есть многократное значение. В украинском языке, как и в русском, наблюдается такая тенденция, что конструкции состоящие из простой несовершенной формы глагола и наречия как бы вытесняют употребление итеративных форм. Даже в польском языке, где употребление итеративов, как это принято говорить, возможно и в настоящем времени, они практически не, или, вернее сказать, довольно редко употребляются. Подобно выглядит ситуация и в русском и в украинском, в которых глагольные формы, такие как напр. *читывать*, *писывать*, *делывать* или же *походжати* воспринимаются носителями языка как архаизмы. К всему этому следует ещё добавить, что некоторые диалекты вышеупомянутых славянских языков богаче итеративными формами употребляющимися чаще, чем в стандартизованном литературном языке.

Хотя в этой работе мы ограничивались представлением лишь нескольких моментов проблематики двувидовости и итеративности прежде всего относительно русского и польского языков, мы твердо убеждены в том, что это довольно большие темы, которым следовало бы посвятить ряд отдельных статей.

Литература

- ANSTATT 2003 = ANSTATT T. Das Verbalpräfix *po-* im Polnischen // Zeitschrift für slavische Philologie. 2003/62. 359-385.
BURKACKA 2018 = BURKACKA I. Słowotwórcze właściwości gniazd czasowników potocznych // Piotrowicz A. – Witaszek-Samborska M. (red.). Kultura komunikacji

- potocznej w językach słowiańskich. Nauka i Innowacje. UAM, Poznań, 2018. 21-34.
- COCKIEWICZ – MATLAK 1995 = COCKIEWICZ W. – MATLAK A. Strukturalny Słownik Aspektowy Czasowników Polskich // Skrypty Uczelniane Nr 721., Uniwersytet Jagielloński, Instytut Polonijny, Kraków, 1995. 7-9.
- GARNCAREK 2001 = GARNCAREK P. Czas na czasownik. Materiały do nauczania języka polskiego jako obcego. Polish Verbs. – Forms and Usage. Universitas, Kraków, 2001.
- ИВАНЧЕВ 1971 = ИВАНЧЕВ С. Проблеми на аспектуалността в славянските езици. София, 1971.
- IVIĆ 1983 = IVIĆ M. Lingvistički ogledi. Prosveta, Beograd, 1983.
- JADACKA 2013 = JADACKA H. Kultura języka polskiego. Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa, 2013.
- ЯСАИ 2017 = JÁSZAY L. Видовая «неопределенность» двувидовых глаголов как следствие морфемной немаркированности // Studia Slavica Hungarica 2017. 62/1. 47-58. DOI: [10.1556/060.2017.62.1.4](https://doi.org/10.1556/060.2017.62.1.4)
- КОПЕЧНЫЙ 1962 = КОРЕČNY F. Из книги «Основы чешского синтаксиса» // Маслов Ю.С. (отв. ред.). Вопросы глагольного вида. Издательство Иностранной Литературы, Москва, 1962. 197-209.
- KRUMBHOLZ 2008 = KRUMBHOLZ G. Der Ausdruck des Anfangs im modernen Polnisch – Eine Annäherung // Die Welt der Slaven LIII/1., München, 2008. 141-160.
- PÁTRÓVICS 1999 = PÁTRÓVICS P. Итеративность и выражение повторяемости в прошлом в русском, украинском и польском языках // Studia Russica XVII., Zoltán A. (ред.) Budapest, 1999. 82-87.
- PÁTRÓVICS 2012 = PÁTRÓVICS P. A *po-* igekötő a lengyel nyelvben // Legendák, kódexek, források. Tanulmányok a 80 esztendő H. Tóth Imre tiszteletére. Kocsis, M. – Majoros H. (ред.) Szegedi Tudományegyetem Szláv Intézet, Szeged. 2012.
- ТИХОМИРОВА 1978 = ТИХОМИРОВА Т. С. Польский язык. Издательство московского университета, Москва, 1978.
- ТИХОНОВ 1998 = ТИХОНОВ А. Русский глагол. Проблемы теории и лексикографования. «Academia», Москва, 1998.
- WILCZEWSKA 1993 = WILCZEWSKA K. Dwuaspektowość czasowników w polszczyźnie XVI. w. // Język Polski LXXIII/1-2. 1993. 19-29.

Татьяна Р. Пчелкина
(Костанай, Казахстан)

ЗНАКИ АВТОРСТВА КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Abstract: The article is devoted to the study of the problem of symbology of art. Marks of authorship are considered as a way of expressing the author's position in literary works of the twentieth century by the author. The role of symbolism in the transfer of the author's concept of the world and man are shown by the example of the prose of the twentieth century.

Keywords: mark, author's position, mark of authorship, interpretation

Проблема интерпретации произведения искусства является столь же древней, сколь и само искусство. При этом она не может быть до конца разрешенной в связи с расширением литературного процесса за счет появления новых явлений искусства. А они, в свою очередь, требуют интерпретации, толкования, осознания и оценки.

Знакомство с научной литературой по проблеме показывает разнообразие позиций. Налицо существенная разница в восприятии художественных произведений, связанная с особенностями мировоззрения авторов-интерпретаторов.

В рамках данной статьи мы предполагаем изучение проблемы, связанной с адекватной авторскому взгляду интерпретации авторских знаков в литературных произведениях авторов 19-20 веков.

Литературный поток можно условно разделить на несколько групп:

1. Произведения документального типа.
2. Произведения мемуарного характера.
3. Литературные явления фантастического характера.
4. Литературные произведения иного типа.

Исходя из этого деления, существуют особенности их восприятия и оценки.

В произведениях документального типа авторские знаки мало ощутимы. Задача автора заключается в объективной передаче событий, деталей происходящего. Повествование в такой литературе беспристрастно.

В мемуарной литературе знаки представлены более ярко, т.к. они помогают автору передать собственное восприятие тех или иных событий

и явлений. В такой литературе чувствуется авторское восприятие, авторская оценка.

В фантастике авторские знаки отличаются особым разнообразием. Они оригинальны, иногда вычурны, нереалистичны.

Актуальность темы исследования определяется значимостью авторских знаков в формировании идейного наполнения текста, необходимостью поиска путей совершенствования работы с художественными произведениями.

Проблема знаковости в литературе и других видах искусства является наиболее интересной. Знак является своеобразным ключом, позволяющим приблизиться к авторской концепции произведения, пониманию идейной направленности художественного текста.

Анализ любого художественного произведения является его своеобразным считыванием, разгадыванием. Это увлекательный процесс, который, с одной стороны, зависит от восприимчивости читателя, а с другой – от таланта автора суметь в отдельных эпизодах, зарисовках, портретах своих героев передать сокровенное, важное, принципиальное.

При умении читателя расшифровать отдельные эпизоды текста, детали, использованные автором при описании, можно добиться адекватного понимания авторского текста. Данный путь является наиболее продуктивным при работе с текстами художественных произведений.

Знак чаще всего воспринимается как «представитель и заместитель другого, «преднаходимого» предмета (либо свойства и отношения). Знаки составляют системы, которые служат для получения, хранения и обогащения информации, т.е. имеют прежде всего познавательное значение» (ХАЛИЗЕВ 2000: 91).

Как известно, от этого зависит качество восприятия не просто отдельного произведения, но и творчества автора, а, в конечном итоге, части литературного процесса.

Проблема авторских знаков разрабатывалась в трудах известных авторов: А.Н. Веселовский, А. А. Потебня, Ю.М. Лотман и другие. Подробное изучение природы символа можно найти в работе А.Ф. Лосева «Проблема символа и реалистическое искусство», Я. Мукаржовского «Исследования по эстетике и теории искусства» (МУКАРЖОВСКИЙ 1994:). Швейцарский лингвист Ф. де Соссюр считал, что важнейшей знаковой системой является язык. Он подчеркивал произвольность слова-знака, его функционирование в системе знаков, коллективность и традиционность его использования.

В современном литературоведении интересные наблюдения содержатся в работах И.П. Карпова, Л.Ф. Чертова и других исследователей, подтверждающие актуальность изучения данной проблемы и сегодня.

И. Карпов сообщает: «Авторство – выявленные критиком основные, доминантные элементы образно-знаковой формы литературно-

художественного высказывания, интерпретируемые в аспекте автора» (КАРПОВ 1997: 11).

Ученый обращает внимание на то, что в качестве знака может выступать среда, герой (тип), речевая структура повествования, доминантное эмоциональное состояние героя, предметно-цветовое восприятие, пейзаж и другие вариации.

Один из путей восприятия произведения - путь через доминирующие в произведении и творчестве писателя знаки. Их нахождение в тексте, статистическая обработка может служить углублению восприятия произведения. При этом важно определить алгоритм работы, позволяющий вести ее целенаправленно.

Представим себе известный роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» с точки зрения проявления в нем авторских знаков, позволяющих понять жизненную позицию писателя. Это важно для точного восприятия литературного текста произведения.

Роман и до сегодняшнего дня остается загадкой для читателей, он насыщен знаками-символами, которые, как известно имеют множественность трактовок. Это создает определенные трудности в восприятии произведения.

Сакральные знаки, цветовые знаки, числовые знаки, предметные знаки, природные символы наиболее значимы в романе писателя.

Их соединение позволяет автору связать в единый комплекс свое видение мира, его понимание, определение ценностей и многое другое. И именно благодаря знакам формируется читательское восприятие произведения. Именно анализ этих знаков может быть определяющим при анализе текста произведения

Множество трудностей вызывает восприятие произведений игрового характера. К их числу отнесем роман Е. Замятина «Мы», Дж. Оруэла «1984».

Игровое начало в произведениях писателей не позволяет определить позицию автора без напряженной работы, т.к. игра часто направлена на то, чтобы завуалировать позицию писателя. И тогда подсказкой читателю являются опять знаки, намеки автора.

В данном случае символы имеют числовое значение. В романе персонажи лишены традиционных имен, они имеют номера, состоящие из отдельных букв и чисел. Согласные буквы служат эквивалентом мужских имен (Д-503, R-13, S-4711), а гласные — женских (I-330, O-90, Ю). Исследователи отмечают, что гласные, более долгие (менее энергичны и резки), они звучат мягче. Автором выбраны как латинские, так и русские буквы, что свидетельствует об универсальном, общемировом характере описываемой антиутопии.

Авторские знаки представляют не только своеобразную оболочку произведений писателя, они демонстрируют сущностные доминанты творчества писателя. Через внешнее описание читатель может подойти к

восприятию внутреннего содержания, через их анализ может прийти к идее произведения наиболее коротким путем.

В данном случае продуктивным может быть метод статистического анализа, позволяющий наглядно представить общую картину, сделать это через объективные показатели. Наиболее объективные результаты работы с художественными текстами может дать анализ доминирующих признаков, среди которых можно назвать и авторские знаки.

Среди наиболее распространенных знаков выделим:

- именованная герои;
- принадлежность к социальной группе;
- часто встречающиеся ситуации;
- цветовые характеристики мира;
- звуковое сопровождение событий;
- запахи.

Анализ знаков художественных произведений предлагается проводить в хронологической последовательности, чтобы четче представить изменения, произошедшие в творческом мировидении автора.

Повесть «Олеся» А. Куприна обращает на себя внимание уже на уровне заголовка. Вынесение в заглавие имени главной героини позволяет сразу определить место героини в общей системе произведения. Даем возможность студентам поразмышлять о содержании имени героини, почему именно это имя выбрано автором и что оно символизирует.

Бесспорно, что авторский знак этого рассказа – ситуация влюбленности героев. Дальнейший анализ прозы писателя покажет, что именно она является ключевой и в его творчестве.

Следующий уровень работы с текстом рассказа – анализ черт характера героев, близких автору. В Олеся писатель, прежде всего, подчеркивает ее естественность, открытость, умение сопереживать. В Иване Тимофеевиче - стремление любить. Принципиален, вопрос, кто из героев писателя ближе всего к авторскому миропониманию. Ответ на него будет очевиден в конце работы с текстом.

Анализ повторяющихся ситуаций показывает, что часто встречающимися в творчестве писателя являются: ситуации выбора (правильного решения, манеры поведения и т.п.), ситуации любовного треугольника.

Знаковыми в творчестве писателя, в том числе в данном произведении, являются пейзажи. Они позволяют создать соответствующую атмосферу, фон, на котором происходят события. Повторяющимися на протяжении всего творчества писателя являются пейзажи лесные. Лес – символ большого мира, его красоты и необъятности.

Чаще всего пейзаж символизирует в творчестве А. Куприна свободу, красоту, единение человека с природой. При этом пейзаж может выполнять разнообразные функции: создание фона, средство создания

эмоциональной атмосферы, средство характеристики персонажей, способ выражения авторских взглядов.

Анализ прозы Куприна позволил подтвердить предположение о разнообразии способов выражения авторского сознания в прозе писателя через знаки авторского мировидения. Это не только прямые формы, но и опосредованные. В прозе до эмиграции это, чаще всего знаки, так называемые опосредованные, в период эмиграции – прямые.

Мир, представленный в прозе А. Куприна, красив, гармоничен, прост. Знаки, использованные автором (звуки, цвета, имена героев, пейзажи и т.п.), работают в комплексе, создавая атмосферу гармонии, которая присуща в целом всей прозе писателя.

Схожие знаки можно увидеть в прозе И. Бунина. В ней также наблюдаем обилие запахов, цветов, звуков. Они создают яркий, красочный мир, близкий писателю. В этом проявляется его видение мира. Он для писателя ярок, необычен, оригинален.

Особый интерес представляет работа со знаками в текстах современной литературы.

В творчестве Л. Улицкой знаками – символами становятся слова: любовь, кольцо. Это в большей степени концептуальные символы, позволяющие читателю понять, что проза писателя имеет не только бытовое наполнение, но и философское. Такое наблюдение позволяет вывести студентов на более глубокий уровень размышлений.

Работа с художественными произведениями через анализ авторских знаков может быть продуктивной и интересной как для студента-филолога, так и для любого читателя.

Использование данного приема анализа позволяет значительно объективировать результаты исследования, максимально исключив субъективность восприятия текста произведения, что безусловно важно.

Данное исследование не исчерпывает всей глубины проблемы, а лишь показывает один из ее основных аспектов, что делает возможным и необходимым дальнейшее исследование обозначенного круга вопросов. Их изучение позволит приблизиться к вечной тайне авторского текста, несущего в себе авторское восприятие окружающего мира.

Литература

- ХАЛИЗЕВ 2000 = ХАЛИЗЕВ В.Е. Теория литературы: учебное пособие. М., 2000.
- КАРПОВ 1997 = КАРПОВ И.П. Автор в русской прозе (Чехов, Бунин, Андреев, Грин). Очерки типологии авторства. М., Йошкар-Ола, 1997.
- МУКАРЖОВСКИЙ 1994 = МУКАРЖОВСКИЙ Я. Диалектические противоречия в современном искусстве // Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства. М., 1994. 546-547.

Иштван Пожгаи¹
(Сомбатхей, Венгрия)

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ НОРМ В УПОТРЕБЛЕНИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ
ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОЧЕТАНИИ С ОТНОСЯЩИМИСЯ К НИМ
СЛОВАМИ В СТАРОСЛАВЯНСКИХ И ДРЕВНЕРУССКИХ КОДЕКСАХ

Abstract: The aim of this work is to examine the system of the terms of the cardinal numerals with the words which belong to them in five Slavic codices those were copied in 10-13th centuries. I am mainly searching those phenomena, which can give information about the conditions of the genesis of a new independent part of speech, in our case that of the numerals. I am paying attention to the phenomena which can be connected with the unification of the several types of the terms of the cardinal numerals with their associated words.

Keywords: cardinal numerals, Old Slavic and Old Russian languages, historical syntax, concord, government

1. Введение

Целью данной работы является анализ отклонений в употреблении количественных числительных в сочетании с относящимися к ним словами в 5 славянских кодексах: в Мариинском Евангелии X-XI вв. (в дальнейшем МЕ), Зографском Евангелии XI в. (в дальнейшем ЗЕ), Архангельском Евангелии 1092 г. (в дальнейшем АЕ), Синайском патерике XI-XII вв. (в дальнейшем СП) и Успенском сборнике конца XII – начала XIII вв. (в дальнейшем УС). Первые 2 кодекса являются старославянскими, а остальные древнерусскими. Наша работа ведется по изданиям этих кодексов (ЯГИЧ 1883; JAGIĆ 1879; ЖУКОВСКАЯ – МИРОНОВА 1997; ГОЛЫШЕНКО – ДУБРОВИНА 1967; КОТКОВ 1971).

В ходе данной работы будут рассмотрены явления в области сочетаний количественных числительных, не соответствующие нормам старославянского и древнерусского языков, а также русского церковнославянского языка старшего периода. Наше внимание сосредоточивается на тех явлениях, которые могут указать на процесс приобретения количественными числительными общих морфологических и синтаксических свойств.

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2475-9401>

2. Отклонения от норм в употреблении количественных числительных в сочетаниях с именами или причастиями

2.1. Отклонения от норм в сочетаниях простых количественных числительных с именами или причастиями

2.1.1. Отклонения от нормы при числительных от 1 до 4 включительно

Отклонения от нормы обнаружены только в УС в случае числительного **дѣва, дѣвѣ**:

при|доста дѣѣ оуноши красна: УС, 22а.16-17. При существительном муж. р. употреблено числительное жен. р., а прилагательное стоит в им. п. дв. ч. муж. р. Согласование в роде неправильно, что может быть объяснено скорее всего опиской.

Ѡ оученикъ скон|хъ посажъ дѣва попы: УС, 108в.9-10. Словоформа **попы** вместо вин. п. дв. ч. стоит в вин. п. мн. ч. Согласование нарушено в числе.

и вѣзъмъ дѣ|ва гръзнѣ: УС, 154а.23-24. Согласование нарушено также в числе, словоформа **гръзнѣ** вместо вин. п. дв. ч. стоит в вин. п. мн. ч.

ѣдиною и дѣва кратѣ · | **Ѡвѣргоша сѧ ихъ**: УС, 294б.24-25, **ѣдиною и дѣ|ва кратѣ глѧ**: УС, 301в.10-11.

Тот факт, что в последних 4 примерах существительное вместо двойственного числа поставлено во множественном числе, может свидетельствовать о сближении друг к другу числительных от 2 до 4 включительно.

2.1.2. Отклонения от нормы при числительных от 5 до 10 включительно

В этой группе найдены отклонения от норм также только в УС.

поставлю · ӣ · (8) бѣ съ|хранящѧ тѧ: 68б.25–26. Постпозитивное определение поставлено не в род. п. мн. ч, как словоформа **бѣ**, а в вин. п. мн. ч.

покалѣ зю|бѣ ѡа ис корене избити · | **ѣ̄ · (7) оубо зюбѣмъ избинено|мъ бѣвѣшемъ**: 138г.7–10. Словоформа **зюбѣмъ**, относящаяся к числительному **ѣ̄**, сочетается с ним не через оборот родительного части (*genitivus partitivus*), а с помощью согласования, значит, пример свидетельствует о замене конструкции *genitivus partitivus* согласованием. Появлению согласования, вероятно, могло способствовать то обстоятельство, что количественный оборот представляет собой часть

синтаксической конструкции дательного самостоятельного (dativus absolutus). Употребление род. п. мн. ч. могло бы мешать оформлению дательного самостоятельного, хотя найдены нами два примера, в которых при таких же условиях употреблен род. п. мн. ч. (ср.: **коньча|въшю же сѧ · љ̄ · дн̄ъ**: УС, 70б.1-2. **миноувъшю | же · љ̄ · дн̄ъ**: УС, 80а.22-23.).

2.2. Отклонения от норм в сочетаниях составных количественных числительных с именами

2.2.1. Отклонения от нормы при составных числительных от 11 до 14 включительно, а также при составных числительных, оканчивающихся на 1, 2, 3, 4

2.2.1.1. В Марииинском Евангелии

ѿ жена едина сѧшти въ точенни кръве лѣтъ дѣвѣ на (де)сѧте: МЕ, 132.26-27. Существительное **лѣтъ** не согласуется с первым компонентом составного числительного, а сочетается со вторым компонентом через конструкцию genitivus partitivus.

снѧ оба на десѧте | посѧла | исѣ: МЕ, 29.19-20. Указательное местоимение согласовано с числительным **оба на десѧте** (12) вместо вин. п. дв. ч. в вин. п. мн. ч.

пош|тъ оба на десѧте оученика единѣ | на пѣть и рече имѣ: МЕ, 71.7-8. Постпозитивное определение согласовано с определяемым количественным оборотом так же, как и в предыдущем примере, не в дв. ч., а во мн. ч.

2.2.1.2. В Зографском Евангелии

снѧ | оба на десѧте посѧла | исѣ: ЗЕ, 19v. Указательное местоимение вместо вин. п. дв. ч. согласовано с числительным **оба на десѧте** (12) в вин. п. мн. ч.

се жена етера | сѧшти въ точени кръве | лѣт (sic!) бѣ (12): ЗЕ, 88v. Существительное сочетается с числительным 12 не согласованием, а оборотом родительного части.

2.2.1.3. В Архангельском Евангелии

и приставить ми вѧще. дѣвою | на десѧте легеонѣ дн̄глѣ: АЕ, 96v.14-15. Словоформа **легеонѣ** должна была бы стоять в род. п. дв. ч., и не в род. п. мн. ч. Пример свидетельствует также о замене согласования оборотом genitivus partitivus.

и жена етера. въ точенин. | кръве. лѣ(т) .бѣ. (12): АЕ, 138v.13-14. Наблюдается замена согласования конструкцией *partitivus* так же, как в МЕ и ЗЕ.

и югда бы(с) година. | възлеже. и оба на десате ап(с)лъ съ | нимь.: АЕ, 90.17-19. В данном примере существительное *ап(с)лъ* стоит не в им. п. дв. ч., а в род. п. мн. ч., значит согласование снова заменено конструкцией родительного части. В МЕ и ЗЕ на этом же месте (Лука XXII. 14) существительное находится в им. п. дв. ч.

2.2.1.4. В Синайском патерике

прѣзвѣ|шоу же м'нѣ бес прѣстани лѣтъ едино на десате: СП, 71.19-20. (иной почерк V) – 71v.1. Словоформа *лѣтъ* вместо вин. п. ед. ч. стоит в род. п. мн. ч., т. е. и тут встречается замена согласования конструкцией родительного части.

бѣ же растоание попрыщъ дѣвою на десате: СП, 37.1-2. Словоформа *попрыщъ* вместо род. п. дв. ч. находится в род. мн. ч., значит, согласование было заменено конструкцией *genitivus partitivus* и в этом случае.

изгла|жоу лѣтъ четыри на десате: СП, 25.10-11 (иной почерк IV). Словоформа *лѣтъ* вместо формы вин. п. мн. ч. поставлена в форме род. п. мн. ч., что опять-таки свидетельствует о замене согласования оборотом *genitivus partitivus*.

2.2.1.5. В Успенском сборнике

володи|миръ имѣаше снѣвъ . бѣ . (12): УС, 8в.7-8. Словоформа *снѣвъ* вместо вин. п. дв. ч. стоит в род. п. мн. ч. Значит, вместо согласования существительное сочетается с числительным через оборот родительного части. Учитывая, что числительные от 11 до 14, в отличие от числительных от 5 до 10, 100 и 1000, трудно считать существительными, мы предполагаем, что у них род. п. мн. ч. не выражает части целого. Поэтому мы вправе утверждать – особенно по отношению к примерам УС –, что согласование было заменено не оборотом *genitivus partitivus*, а управлением.

имощъ по|кровъ . гѣ . (13) и двѣри . гѣ . | одръ . гѣ . (6): УС, 67г.19-21. Первое составное числительное сочетается с именем существительным *по|кровъ* не через согласование, а посредством управления. Существительное вместо вин. п. мн. ч. находится в род. п. мн. ч.

и да | боудуть . гѣ . (13) отрокови|ць въ слоужбоу тебѣ: УС, 68б.26-28. Словоформа *отрокови|ць* вместо им. п. мн. ч. стоит в род. п. мн. ч., что опять свидетельствует о замене согласования управлением.

ДЪВѢМА ДЕСА|ТЬМА И ЧЕТЫРЬМИ · СТА|РЦЬ СЛАВИМЪ: УС, 96а.30-32. Составное числительное не согласуется с существительным, а сочетается с существительным через управление. Вместо того чтобы стоять в тв. п. мн. ч., существительное **СТА|РЦЬ**, подобно предыдущему примеру, стоит в род. п. мн. ч.

ОУСТАВИ ЖЕ НА ВЪ|СК ДНѢ СЪТВОРИТИ ИМЪ · | МЛѢТЬ · БѢ · (12) И НА НОЩЬ · БѢ · || И ВЪ ДЕСАТЪ ЧЛѢ · Г ·: УС, 116б.30-116в.1. Словоформа **МЛѢТЬ** вместо вин. п. дв. ч. находится в род. п. мн. ч., что указывает на замену согласования управлением.

ЮДИНѢ|МИ БО НА ДЕСАТЕ ЗВѢ|ЗДА КЛАНУХОУ СА Ю|МОУ: УС, 190в.13-16. Этот пример тоже свидетельствует о замене согласования управлением. Вместо тв. п. мн. ч. существительное стоит в род. п. мн. ч.

И ДЪ|ВА НА ДЕСАТЕ КОШЬ А|ПЛѢ ОБЪИМАША: УС, 197в.24-26. Тут вместо согласования наблюдается также управление. Вместо вин. п. дв. ч. существительное поставлено в род. п. мн. ч.

ЕЛМА | ЖЕ ДЪВОЮ НА ДЕСАТЕ ОЦѢ|МЪ НАЧАТЪКЪ БЫСТЬ: УС, 257б.2-4. Согласование не правильно, вместо род. п. дв. ч. употребляется дат. п. мн. ч., или же числительное вместо дат. п. дв. ч. стоит в род. п. дв. ч.

СТРАННЪ КЪ|ТО СЫ · СЕБЕ ГЛѢТЬ ОЦА БЪВЪША (sic!) ДЪВѢМА НА | ДЕСАТЕ КОЛѢНОМЪ И|ЗЛѢКОМЪ: УС, 257г.16-19. Согласование является неправильным в числе, существительное и его определение вместо дат. п. дв. ч. стоят в дат. п. мн. ч., что может свидетельствовать о начинающемся отмирании двойственного числа.

НЕ КѢ|РОУЮШИ ЛИ НАШИМЪ ·|БѢ ·ТЕ (12) ПОСЛОУХОМА · СА||МОВИДЦЕМЪ СОУЩЕМЪ | ВЪСХОДОУ ГНЮ: УС, 264г.30 – 265а.2. Определение числительного (**НАШИМЪ**) стоит не в дв. ч., а во мн. ч.

СИ ЖЕ · БѢ · (12) МД|ЖА АПЛИ СОУТЬ: УС, 289г.11–12. Указательное местоимение вместо им. п. дв. ч. м. р. находится в им. п. мн. ч. м. р., согласование неправильно в числе.

2.2.2. Отклонения от нормы при составных числительных от 15 до 19, а также при составных числительных, оканчивающихся на 5, 6, 7, 8, 9, десятки, сотни и тысячи

2.2.2.1. В Маринском Евангелии

О ЕДИНОМЪ ГРѢШНИЦѢ КАЖЪ|ШТИ СА. НЕЖЕ О ДЕСАТИ ДЕСАТЪ И ДЕ|ВАТИ ПРАВЕДНИЦѢХЪ: МЕ, 268.1-2. Здесь вместо употребления оборота родительного части обнаружено согласование словоформы **ПРАВЕДНИЦѢХЪ** в мест. п. ед. ч.

вси такожде погыбаете. | ли они осмь на десате: МЕ, 259.4-5. Определение числительного, употребляющегося без существительного, стоит не в род. п. мн. ч., а в им. п. мн. ч.

2.2.2.2. В Зографском Евангелии

и вси такожде погыбнете. ли они | осмь на десате: ЗЕ, 183v. Пример тождествен предыдущему, определение числительного так же поставлено вместо род. п. мн. ч. в им. п. мн. ч.

2.2.2.3. В Синайском патерике

пристахомъ дньми децатиъ десатъ: СП, 85.11. Словоформа **дньми** вместо конструкции родительного части сочетается с числительным с помощью согласования в тв. падеже.

и съкончавшемъ сѧ .м̄.м̄. (40) дньмъ. | яви сѧ юмоу ап̄л̄ъ петръ г̄л̄а: СП, 104.17–18. Этот пример свидетельствует также о замене оборота *genitivus partitivus* согласованием. Числительное обозначено буквой под титлом, но написано и окончание. Возникновение согласования могло быть облегчено и тем обстоятельством, что числительный оборот представляет собой часть синтаксического оборота дательного самостоятельного, и если бы существительное сочеталось с числительным через конструкцию *genitivus partitivus*, то дательный самостоятельный не мог бы формально полностью осуществиться, так как причастие и относящееся к нему существительное должны стоять в дат. падеже. Разной в падежах мог бы мешать полному пониманию смысловой сути данного оборота.

2.2.2.4. В Успенском сборнике

оуже минуѡкъшемъ лѣтомъ · к̄ӣ · (28) по ст̄к̄мъ кр̄щени: УС, 8г.22-23. Словоформа **лѣтомъ** сочетается с числительным 28 (раскрыв титла, мы должны получить форму «**дѣвѣма десатъма и осми**») не через оборот родительного части, а с помощью согласования. Однако это согласование не безупречно. Последний, т.е. определяющий, компонент составного числительного предположительно стоит в дат. п. ед. ч., но существительное в дат. п. мн. ч. Несомненно, что одной из причин появления согласования является сама конструкция «дательный самостоятельный», особенно в данном случае, когда составное числительное выражено буквами под титлами. Но в УС встречаются и странные примеры с гибридным оформлением дательного самостоятельного, содержащего причастие в форме дат. п. ед. или мн. ч., а существительное рядом с числительным в форме род. п. мн. ч.

(сѣшедѣ|шѣмѣ (sic!) сѣ · т̄ · и н̄т̄ · (318) сѣтѣхъ оцѣ: УС, 6б.3-4. миноуѣ||шю же · е̄т̄ · (15) днѣ: УС, 74в.32-74г.1.

миноуѣшемѣ лѣто|мѣ · к̄ · (20): УС, 20б.28-29. Словоформа лѣто|мѣ сочетается с числительным 20 (раскрыв титло: «дѣвѣма десѣтѣма») не оборотом родительного части, а согласованием, и согласование в числе неправильно. Количественный оборот является частью дательного самостоятельного.

и юще соутѣ осѣ на десѣ|те оучениа не писана: УС, 87б.17-18. Существительное вместо род. п. мн. ч. стоит в им. п. мн. ч.

вѣстакѣше же | ѿ рима доидоухом вѣ | кѣпрѣ · м̄ · (40) днѣми: УС, 163в.6-8. Пример свидетельствует о появлении согласования в косвенных падежах, в данном случае в тв. п. мн. ч., вместо оборота родительного части.

азѣ разумѣхъ |ако на трѣхъ десѣтѣхъ | сребрницѣхъ хотѣа|шеть и прѣдати: УС, 217а.25-28. Пример также свидетельствует о появлении согласования в косвенных падежах – в этот раз в мест. п. мн. ч. – вместо оборота genitivus partitivus.

по днѣхъ || же · з̄т̄ · те (17) · обрѣтоша и вѣ | келии молаща сѣ бѣи: УС, 293б.32 – 293в.1. Словоформа днѣхъ сочетается с числительным не через конструкцию genitivus partitivus, а через согласование.

2.3. Отклонения от норм в сочетаниях компонентов составных числительных

2.3.1. В Маринском Евангелии

ли кѣи цѣрѣ идѣ к иномоу цѣрю. | сѣнити сѣ на бранѣ. не сѣдѣ ли прѣ|жде. сѣвѣштаваатѣ аште силнѣ | естѣ. | сѣ десѣтиѣ тѣсѣштѣ сѣрѣсти | градѣштааго. сѣ дѣвѣма десѣ|тѣма тѣсѣштама на нѣ.: МЕ, 26б.20-26 (самостоятельное употребление). Второй и третий компоненты второго составного числительного сочетаются друг с другом не с помощью конструкции родительного части а посредством согласования.

гребѣше же ꙗко дѣва десѣ|тѣ (sic!) и пѣть стадин.: МЕ, 337.5-6. Форма вин. п. дв. ч. второго компонента составного числительного образована по образцу существительных среднего рода.

2.3.2. В Зографском Евангелии

ли | бѣ црѣ · идѣ кь иномоу | црю сѣнити сѣ на бранѣ · | не сѣдѣ ли прѣ|жде сѣвѣ|штавааетѣ · аште силнѣ естѣ · десѣтиѣ тѣ|сѣштѣ (sic!) сѣрѣсти градѣ|штааго · сѣ дѣвѣма ѣ-ма | тѣсѣштама на нѣ: ЗЕ, 188в. Пример сходен с 1 примером МЕ, но здесь 2 и 3 компоненты обоих составных

числительных сочетаются друг с другом не через оборот *genitivus partitivus*, а посредством согласования.

НЕ ОСТАВИТЪ ЛИ ДЕСАТИ ДЕСАТЪ · І ДЕСАТЬ КЪ ПОУСТЫ|НИ: ЗЕ, 189 (самостоятельное употребление). Первый компонент составного числительного стоит в род. п. ед. ч. из-за отрицания, но последний компонент (ДЕСАТЬ) остался в вин. п. ед. ч.

2.3.3. В Синайском патерике

СЪКОНЫЧА ДЪВА ДЕСАТЕ И ЧЕ|ТЪРИ КЕРАТИИ: СП, 129v.9-10. Второй компонент составного числительного вместо род. п. ед. ч. следовало бы поставить в вин. п. дв. ч. Согласование нарушено в числе.

ПРЪЖДЕ ДЪ|ВОЮ ДЕСАТЪ И ДЪ|ВОЮ: СП, 87.6-7 («самостоятельное употребление», не хватает словоформы ЛЪТОУ). Второй компонент составного числительного вместо род. п. мн. ч. должен был бы стоять в род. п. дв. ч. Согласование нарушено также в числе.

ШЕСТЬ СЪТЪ ТРИ ДЕСАТИ ПРИЧАСТИ СМ: СП, 124v.1-2 (самостоятельное употребление). Первый сложный компонент составного числительного (ШЕСТЬ СЪТЪ) сочетается со вторым сложным компонентом (ТРИ ДЕСАТИ) без союза.

ИМЪ КОРАБЪ ТРИ ТЪМЫ ПОЛЪ: СП, 57v.14 (самостоятельное употребление). Перед компонентом ПОЛЪ не хватает союза. По форме составное числительное выражает дробь, но по смыслу обозначает 35000.

2.3.4. В Успенском сборнике

ШЕСТИЮ МѢЦЬ НАЧ|НЪ ѿ МАРФА МѢЦА · ДО ДЪ|ВОЮ | ДЕСАТОУ И ШЕСТИЮ ДНѢ · Ѡ|КТАБРА МѢЦА: УС, 108v.15-18. Компонент ШЕСТИЮ составного числительного 26 вместо род. п. ед. ч. стоит в тв. п. ед. ч.

КЪ ЧЕТЪРИ ДЕСАТЕ ДЪ|НИИ: УС, 143г.1-2. Или согласование между компонентами составного числительного неправильно в падеже, если словоформа ДЕСАТЕ представлена в им. п. мн. ч., или словоформа ДЕСАТЕ стоит в род. п. ед. ч. Последняя возможность кажется нам вероятнее.

ДЪВА ДЕСАТЕ ЛЪ|ТЪ ЧЪ|НОРИЗЪ|ЧСТВОКА | СЪ НИМЪ: УС, 300б.30-32. Компонент ДЕСАТЕ вместо вин. п. дв. ч. стоит в род. п. ед. ч. Пример, вероятно вместе с предыдущим, может свидетельствовать о появлении управления в форме род. п. ед. ч. после числительного ДЪВА в рамках составного числительного, что может быть связано с унификацией числительных 2, 3 и 4. После этих числительных, стоящих в им. или вин. падежах, существительное начало ставится в род. п. ед. ч. с XIII-XIV вв.

(ДОМБРОВСКИЙ 1977: 64), а числительное **дѣсятъ** в это время еще вело себя как существительное.

3. Заключение

Проанализировав сочетания числительных с относящимися к ним словами в пяти древних славянских кодексах, мы пришли к выводу, что оформление количественных оборотов уже и в двух старославянских кодексах не является безупречным. В самом древнем проанализированном нами древнерусском кодексе, в АЕ, отклонений от норм меньше, чем в двух изученных старославянских кодексах, в МЕ и ЗЕ. По сравнению с предыдущими памятниками в СП найдены также более новые типы отклонений от норм, которые уже однозначно можно связать с изменениями грамматики древнерусского языка. В УС отклонений от норм больше как по количеству, так и по качеству, бóльшую их часть можно связать с процессами истории (древне)русской грамматики. Обнаруженные нами явления в УС могут свидетельствовать о начальном этапе изменения типов сочетания числительных с именами, которое привело в дальнейшем к становлению из слов, обозначающих число, имен числительных как грамматически вполне самостоятельной части речи. Не учитывая примеры, содержащие числительное 1, в УС при 414 правильных сочетаниях числительных с относящимися к ним именами или причастиями нами обнаружены 24 случая нарушения предполагаемой системы сочетаний числительных с определяемыми ими словами.

В изученных нами памятниках встречаются три значительных грамматических изменения:

1. Сближение друг к другу простых количественных числительных от 2 до 4. Об этом процессе в первую очередь свидетельствует влияние числительных 3 и 4 на употребление числительного 2, так как относящееся к нему существительное в 4 примерах ставится во мн. числе.

2. Унификация составных количественных числительных от 11 до 19, о которой свидетельствует замена согласования управлением (оборотом *genitivus partitivus*?) при числительных от 11 до 14.

3. Замена конструкции родительного части согласованием при числительных от 5 до 10, от 15 до 19 и оканчивающихся на 5, 6, 7, 8, 9, десятки, сотни и тысячи составных числительных.

Количество примеров, свидетельствующих о трех процессах, показано в таблице по кодексам.

	МЕ	ЗЕ	АЕ	СП	УС
Сближение друг к другу простых числительных от 2 до 4				1 опосред- ствован- ный пример	4 + 2 опосредствованных примера
Унификация составных количественных числительных от 11 до 19. → Замена согласования управлением при числительных от 11 до 14	1	1	3	3	7
Замена конструкции оборота genitivus partitivus согласованием при числительных от 5 до 10, от 15 до 19 и составных числительных, оканчивающихся на 5, 6, 7, 8, 9, десятки, сотни и тысячи	2	1		2	6

О замене согласования управлением при числительных от 11 до 14 включительно может свидетельствовать 15 примеров. В 11 из этих примеров определяющий компонент (единица) составного числительного находится в им. или вин. падеже, а существительное в род. п. мн. ч., значит, числительное управляет существительным в род. п. мн. ч. точно так же, как это наблюдается при этих же числительных и в современном русском языке. Кроме того, все 11 примеров, с одной стороны, отражают и начало унификации типов сочетания числительных от 11 до 19 с существительными, с другой стороны, свидетельствуют о том, что составные числительные этого типа уже стали восприниматься как некое единство, т. е. сложные числительные начали становиться простыми числительными (особенно в СП и УС), началась их универбация.

Однако, не следует автоматически соглашаться с тем, что эти составные числительные заменялись простыми числительными типа **ПАТЬ**, **ДЕСЯТЬ**, являвшимися своего рода „отвлеченными существительными” типа „пятерка” (или „пяток”), „десятка” (или „десяток”) (МЕЙЕ 2001: 369), и, таким образом, появились новые „отвлеченные существительные” с гипотетическим значением типа „*двенадцатка” или „*двенадцаток”. Скорее происходит унификация типов сочетания составных числительных с относящимися к ним существительными от 11 до 14 по образцу числительных от 15 до 19. Именно поэтому мы считаем уместным употреблять термин управление вместо термина genitivus partitivus.

Изменение могло быть обусловлено или, по крайней мере, облегчено

следующими двумя фактами. Во-первых, числительные от 11 до 14 согласовывались с относящимися к ним словами в разных числах, а после числительных от 15 до 19 определяемые ими слова все стояли в род. п. мн. ч. Во-вторых, числительные от 11 до 19 обладают постоянным неизменяемым компонентом **на десяти**. Этот компонент О. Ф. Жолобов называет синтаксическим формантом, при помощи которого эти числительные образуют морфосинтаксическое единство, т. е. своеобразное синтаксическое слово (ЖОЛОбОВ 2005: 213). Таким образом, изменение могло произойти ради осуществления одинакового сочетания числительных от 11 до 19 с относящимися к ним словами.

Замена согласования управлением в 9 случаях обнаруживается при инверсии, т. е. при постпозитивном положении числительного по отношению к принадлежащему к нему слову.

О замене оборота родительного части согласованием может свидетельствовать 11 примеров. Значит, в этих 11 примерах в косвенных падежах (появилось согласование вместо конструкции *genitivus partitivus*, т. е. числительное и существительное (или числительное-существительное, вроде 1000) сочетались друг с другом так же, как они сочетаются друг с другом в косвенных падежах (кроме вин. п.) и в современном русском языке. В этих примерах, за одним исключением (7), фигурируют составные числительные 17, 20, 28, 30, 40, 90, 10000. Несмотря на тот факт, что существительное в сочетании с числительными от 20 до 90 начинает регулярно изменяться в косвенных падежах лишь с XVII в. (ЛОМТЕВ 1956: 445), на основании найденных примеров можно высказать предположение, что замена оборота *genitivus partitivus* согласованием началась намного раньше.

Отметим, что появление согласования при числительных 20, 30, 40 (и по нашим наблюдениям и при 90) засвидетельствовано и в старославянских памятниках (ИВАНОВА 1998: 147-148), где оно объясняется грамматической аттракцией (СУПРУН 1969: 69), но в УС согласование встречается и в случае числительных 7, 17 и 28.

Замена конструкции *genitivus partitivus* согласованием в 4 случаях обнаружена также при инверсии. В 4 примерах (1 в СП и 3 в УС) согласование вместо оборота *genitivus partitivus* встречается в причастной конструкции «дательный самостоятельный». Возможно, что влиянию русского церковнославянского языка на грамматические изменения древнерусского языка следовало бы уделить бóльшее внимание. Как известно, русский церковнославянский язык оказал значительное влияние на фонетику и лексику русского языка, однако выявление и описание такого значительного влияния русского церковнославянского языка на грамматику русского языка еще нуждаются в дальнейших исследованиях.

Литература

- ГОЛЫШЕНКО – ДУБРОВИНА 1967 = ГОЛЫШЕНКО В.С. – ДУБРОВИНА В.Ф. Синайский патерик. Москва, 1967.
- ДОМБРОВСКИЙ 1977 = ДОМБРОВСКИЙ Й. Историческая грамматика русского языка. II. Морфология и синтаксис. Budapest, 1977.
- ЖОЛОБОВ 2005 = ЖОЛОБОВ О.Ф. Динамика древнерусских числительных: „11” – „19” // *Russian Linguistics*, 2005. 213-226.
- ЖУКОВСКАЯ – МИРОНОВА 1997 = ЖУКОВСКАЯ Л.П. (отв. ред.) – МИРОНОВА Т. Л. Архангельское Евангелие 1092 года. Москва, 1997.
- ИВАНОВА 1998 = ИВАНОВА Т.А. Старославянский язык. Санкт-Петербург, 1998.
- КОТКОВ 1971 = КОТКОВ С.И. (ред.) – КНЯЗЕВСКАЯ О.А. – ДЕМЬЯНОВ В.Г. – ЛЯПОН М. В. Успенский сборник XII – XIII вв. Москва, 1971.
- ЛОМТЕВ 1956 = ЛОМТЕВ Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка. Москва, 1956.
- МЕЙЕ 2001 = МЕЙЕ А. Общеславянский язык. Москва, 2001.
- СУПРУН 1969 = СУПРУН А.Е. Славянские числительные. Становление числительных, как особой части речи. Минск, 1969.
- ЯГИЧ 1883 = ЯГИЧ В. *Quattuor evangeliorum versionis paleoslovenicae codex Marianus glagoliticus*. Берлин – Санкт-Петербург, 1883.
- JAGIĆ 1879 = JAGIĆ V. *Quattuor Evangeliorum Codex Zographensis nunc Petropolitanus*. Berolini (Berlin), 1879.

Кристина Ратайчик
(Лодзь, Польша)

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН КОНТАМИНАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ ПРЕССОВЫХ ЗАГОЛОВКОВ, ПОСВЯЩЕННЫХ
ОБЩЕСТВЕННО-БЫТОВЫМ СОБЫТИЯМ В РОССИИ)

Abstract: Blending is the phenomenon of overlapping two or (less often) three words. As the result of overlapping there is a new word created. Blends include partly form and meaning of components. Considering semantics, blends are the idiomatic multiplication of meanings. In the concise form there is many-sided information as well as the author's attitude to the described reality showed. That's just what the phenomenon of blending includes. Blends are characterized by idiomatic meaning. Understanding blends requires a context-based approach. Semantic phenomenon of blending is considered in Russian press, especially in headlines.

Keywords: blending, semantics, Russian language, press, headline

Настоящая статья посвящена феномену контаминации – явления довольно популярного, главным образом в языке СМИ, литературе, поэзии, сатире. Что представляет собой названное явление, в чем заключается его феномен? Следовательно, контаминация это сложение¹ двух (или, реже, трех) слов, в результате которого возникает новое, окказиональное слово с формальным и семантическим участием обоих исходных компонентов. Это обозначает, что новообразование как продукт контаминации «включает в свою семантику значения обоих производящих слов» (НИКОЛИНА 1993: 104). Подобное содержательное «наполнение» контамината позволяет констатировать, что с семантической стороны контаминация представляет собой «идиоматичное умножение смыслов» (НИКОЛИНА 1993: 104). В сжатой форме передается как многоплановая информация, так и отношение автора к описываемой действительности. В том-то и заключается феномен контаминации. Следует также отметить вслед за Н. А. Николиной, что контаминированные образования, подобно идиомам, «характеризуются фразеологичностью семантики. Их понимание требует опоры на контекст или определенную ситуацию (...)» (НИКОЛИНА 1993: 104).

¹ Под этим понятием скрываются разные контаминационные техники: скрещение, соединение, наложение, сплав, смесь и др.

Продукты контаминации являются, как было упомянуто выше, окказиональными словами (окказионализмы). Как справедливо замечает А. Грашек-Таньска, «они создаются для немедленных, сиюминутных целей общения и, как правило, остаются фактами данной речевой ситуации, актуального коммуникативного задания» (ГРАШЕК-ТАНЬСКА 2003: 71). Окказионализмы (здесь – контаминированные образования) как специально «придуманные» слова «в силу своей необычности на фоне канонических слов обладают повышенной экспрессивностью» (БЕКЕТОВА 2008: 204). Они считаются результатом языковой игры или даже отдельным ее типом (см. ИЛЬЯСОВА 2001).

Контаминаты как сиюминутные образования являются частым орудием в руках журналистов. Они придумывают эти необычные единицы чаще всего как заголовки статей с целью заинтересовать читателя и поощрить его прочитать текст. Такие единицы «живут» коротко, бывает день, неделю, месяц, до тех пор, пока актуальны передаваемые ими информации или события.

В настоящей статье мы хотели бы доказать феномен контаминации как сложного семантического и структурного целого. Для этого мы воспользуемся примерами из публицистической речи, почерпнутыми из книги нашего авторства (см. RATAJCZYK 2015). Предлагаемые примеры – это газетные заголовки из российской прессы за годы 2008-2014. Мы выбрали общественно-бытовую тематику статей того времени. Посредством контаминационных окказионализмов² в статье мы «воскресим» события тех лет. Следует заметить, что заголовки в основном предвещают негативную информацию, сообщения сенсации. Это связано с прагматической направленностью газетного текста, что подтверждает Е. В. Покровская: «Одним из основных признаков современного газетного текста, характеризующих его прагматическую направленность, является его способность быть востребованным, хорошо продаваемым – а значит, с преобладанием негативной информации, сообщений-сенсаций» (ПОКРОВСКАЯ 2005: 69).

В исследовательской части статьи мы постараемся объединить выбранные нами заголовки в тематические группы. Их аксиологическая характеристика, согласно прагматической направленности, связана с негативной коннотацией.

Перечень отрицательных общественно-бытовых событий в России открывают публикации, посвященные всякого рода мошенничеству, коррупции. Например статья *AmЛётные* [деньги...]. [*Куда уходят миллионы спортивных бюджетов*] описывает факт «исчезновения» денег,

² В настоящей статье, из-за издательских требований, мы используем только т. н. словообразовательные и графические контаминации, не учитывая фразеологических.

предназначенных для спорта, которые прямо «улетают» (АиФ 19/10/61³) – *атлет + отлётные*. Следующим примером может послужить новообразование **КАЛЕКАРИ**⁴, озаглавливающее статью о деятельности псевдо-врачей, которые, вместо того, чтобы лечить – калечат (ТД 271/11/4) – *калека + лекари*. Иной пример касается существующих в Москве, незаконно созданных объединений жильцов, которые в конце-концов стали ликвидировать, о чем сообщают в публикации **ТСЖуликов** [*переловили?*] [*Липовые товарищества ликвидируют, но что будет вместо них?*] (АиФ 29/12/45) – *ТСЖ* «Товарищество собственников жилья» + *жулики*. Тема фальшивых ТСЖ уже раньше отмечалась в статье под заглавием [*Вы еще не вЛИПли?*] [*Фальшивые ТСЖ размножаются*] (АиФ 6/10/22) – *влипли* «влипнуть – разг. попасть в неприятное положение, в невыгодные обстоятельства» + *липа* «разг. обман, ложь». Мошенничеством, коррупцией «наделены» также приемы в медицинские вузы, о чем свидетельствует публикация [*Опять!*] **объЕГЭрили**. Оказывается, что в базе данных принятых в вуз абитуриентов числились т. н. мертвые души с высоким количеством баллов за государственный экзамен. Вместо них во время последнего набора приняли реальных абитуриентов с меньшим количеством баллов (АиФ 33/11/10) – *объегорить* «разг. обмануть» + ЕГЭ «единный государственный экзамен». С представленной проблемой связан очередной материал, касающийся ЕГЭ в России и многих случаев нарушений на этих экзаменах, между прочим покупки оценок. Анонсирующий его заголовок [*Хочу!*] **БАЛЛдеть!** [*Получил меньше 60 баллов – о вузе не мечтай?*] можно объяснить следующим образом: получение на ЕГЭ меньше баллов, чем требуют, не обозначает неудачи. Выпускник всё равно может быть уверен в том, что его примут в вуз и радоваться этим. В таком случае надо задать вопрос: реальным ли является приём в вузы хороших студентов в опору на ЕГЭ? (АиФ 26/12/19) – *балл + балдеть* «жарг. получать удовольствие, испытывать крайне приятные ощущения, эйфорию». Следующий пример мошенничества и коррупции на страницах печати это публикация **НеСНОСные** [*коттеджи*] – о коррупции в строительном законодательстве, о которой свидетельствует неодинаковая обязанность сносить незаконно построенные коттеджи в парковой зоне Москвы. Оказывается, что некоторые из них «несносные»⁵, хотя есть решение суда по их сносу. Это касается прежде всего незаконно возведенных застроек, принадлежащих «сильным мира сего», т. е. самым высоким чиновникам и бизнесменам

³ Способ записи источника: название или сокращение названия газеты (расшифровка сокращений в завершении статьи), номер, год издания, страницы.

⁴ Сохраняем оригинальную запись заголовков.

⁵ Тут появляется игра слов (каламбур): *несносный* «такой, что нельзя вытерпеть, вынести» и семантический неологизм «такой, которого нельзя снести (разрушить, уничтожить)». Коттеджи, которых нельзя разрушить, вызывают раздражение, злость, они несносны.

(АиФ 5/10/18-19) – *несносные* «здесь – такие, которых нельзя снести (разрушить, уничтожить)» + *снос* «разборка, демонтаж». Иной заголовок – **ОТКАТились** [как могли]. [Почему чиновники тратят деньги, но пациенты их не видят] сообщает о неудачном расходовании денег на здравоохранение, о взяточничестве в больницах. Не без значения фотография, на которой видно ноги покойника в морге. Ноги обведены деньгами. На большом пальце покойника, как идентификатор, привязан банкнот с фотографией врача (АиФ 30/12/29) – *откат* «вид взятки» + *откатиться* «здесь – умереть, а также: отплатить благодарностью при помощи взятки (отката)». В завершение данной проблематики – положительный акцент – статья, объявляющая войну коррупции в интернете: **NET [КОРРУПЦИИ]** – нет для коррупции в сети (МК 229/10/1-2) – *net* «сеть, т. е. интернет» + *нет* «отрицание» (в данном случае налицо графическое обыгрывание лексической контаминации).

В прессе всегда популярны темы насилия, разных преступлений – криминальных и сексуальных. Это крайне негативные информации. Их перечень начнем с заголовка **ДЕДОФИЛ**, который так называет сексуального преступника, задержанного за сексуальный контакт со своей внучатой племянницей. В результате этого 13-летняя девочка забеременела (ТД 284/11/1, 4) – *дед* + *педофил* «мужчина, который испытывает сексуальное влечение к детям». Следующий заголовок – **Маньякоп** дискредитирует сотрудника МВД, которого задержали в Москве за сексуальное нападение (ТД 248/11/4) – *маньяк* + *копуляция* «половое сношение». Очередной пример касается преступлений в полиции, о которых редко говорится. Одна из статей описывает казанский «феномен», т. е. пытки в отделе полиции «Дальний» в Казани, в результате которых умер мужчина. Заголовок [Казанский] **феномент** называет особый менталитет казанской полиции, которая считает, что ее дискредитируют люди, выходящие в знак протеста против пыток на площадь, а не сотрудники МВД, производящие эти пытки (Ог 13/12/14-15) – *феномен* + *менталитет* + *мент* «сленговое определение милиционера». Следующий окказионализм – **Вертухари** порицает то, что происходит в местах заключения. В публикации под названным заглавием речь идет о надзирателях в женской колонии в амурской области, издевающихся над заключёнными: пинающих, бьющих по лицу и по голове, таскающих за волосы (ТД 243/11/6) – *вертухай* «вертухай – жарг. надзиратель, караульный на вышке в местах заключения» + *хари* «харя – бран. о том, кто вызывает гнев, негодование, отвращение; урод, образина». Отрицательные эмоции вызывает статья на тему поведения нетрезвых мигрантов в Москве, в основном азиатом: **ГастарБУХАЙтеры**. [Нетрезвые мигранты стали нападать на прохожих] (АиФ 23/12/36) – *гастарбайтеры* «гастарбайтер – иностранец, работающий по временному найму» + *бухай* «бухать – разг. употреблять спиртные напитки».

В прессе всегда «продаются» темы, касающиеся мира артистов, «селебрити». Читателям интересна их жизнь, и, в первую очередь, скандалы с их участием. Список контаминатов указанного семантического поля открывает новообразование *манучаровал* в заголовке *Манучаровал [студентку]* – о том, что звезда шоу «Минута славы» Вячеслав Манучаров соблазнил на съёмочной площадке участницу нового шоу под названием «10 поводов влюбиться» (ТД 248/11/1) – *Манучаров + чаровал*. Следующий пример: [*Не выдержала*] *МАРАТфона* сообщает о том, что артисты любят «расслабляться» при помощи спиртных напитков. Иногда в потреблении алкоголя они выходят за пределы, в чем убедилась 30-летняя «миссис мира» Алиса Крылова. Она провела вечер с актером Маратом Башаровым. Когда актер стал «дегустировать» алкогольные напитки, т. е. начал алкогольный марафон, его непьющая подруга покинула ресторан (не выдержала марафона) (ТД 247/11/8) – *Марат + марафон*. Скандалы являются также участием женщин, о чем свидетельствует заголовок *ОКСАНДАЛИЛАСЬ* – о телеведущей Оксане Федоровой, которая опозорилась во время мероприятия «Пара года», со скандалом покинув не только сцену, но и само мероприятие после неудачного выступления в роли певицы (ТД 257/11/8) – *Оксана + оскандалилась*. В свою очередь другая телеведущая – Лера Кудрявцева пострадала от воров, которые украли фары с ее джипа, прямо с паркинга возле ее дома, о чем извещает статья [*Лере не*] *ПОДФАРТИЛО* (ТД 250/11/6) – *подфартить* «разг. несколько повезти, посчастливиться» + *фара*. Оказывается, что на страницах печати описываются не только неудачи звезд. Появляются также (хотя реже) одобрительные тексты об артистах, например: *ФИЛЯнтроп [Киркоров]* – публикация о том, что российский король поп-музыки Филипп Киркоров открыл бутик с одеждой звёзд. Деньги от продаж пойдут на благотворительность (ТД 263/11/8) – *Филия* «уменьшительное имя от Филипп» + *филянтроп*; *КУЦОЧЕК [ДУШИ]* – материал о том, что российский актер Гоша Куценко с размахом отметил день рождения своей дочери и подарил ей в этот день фамильное кольцо своей матери (Жизнь 8/12/23) – *Куценко + кусочек*; [*ФРИСКЕ*] *ЗАДЖИГАЕТ* – статья о певице Жанне Фриске, которая, вопреки слухам в прессе о ее уходе со сцены, работает и даже снимает новый клип с рэпером Джиганом⁶ (ТД 252/11/9) – *зажигать* + *Джиган*. В российской прессе немалое внимание уделяется также иностранным артистам. Журналисты с сочувствием отзываются о западных поп-звездах, к которым на гастролях в России относятся как к гастарбайтерам. По абсурдным законам требуют от них разрешение на работу, анализы на ВИЧ и сифилис. Оттого и одна из статей называет их *ГАСТРОЛЬБАЙТЕРЫ* (Ог 12/12/44) – *гастролер + гастарбайтер*. Западные артисты, посещающие Россию, встречаются с очень теплым, прямо энтузиастическим приемом фанатов, которые очень эмоционально

⁶ Тут обязательно надо вспомнить, что все информации неактуальны. Певица Жанна Фриске скончалась в 2015 г.

реагируют на появление своих идолов, например: **ПоттерЯННЫЕ** [ОТ СЧАСТЬЯ] – материал о визите в Москве исполнителя роли Гарри Поттера и приеме фанатками, которые совсем потерялись от счастья (Жизнь 7/12/3) – Поттер + потерянные; [Еле] **выПОЛз**. [В Москве фанаты едва не разорвали легендарного основателя «Битлз»] – статья о визите основателя «Битлз» Пола Маккартни в Москве и реакции фанатов на появление своего идола, в результате чего артист еле выполз из толпы восторженных фанатов (ТД 284/11/1) – *выполз* + Пол.

Последней семантической группой, предлагаемой вниманию читателя в настоящей статье, являются проблемы повседневной жизни россиян. К таким проблемам можно отнести ограничения в подаче газа на энергообъекты Владивостока, о чем сообщают в статье **ГАЗИФИКЦИЯ** (Ог 47/12/8) – *газификация* + *фикция*. Немалой проблемой после развода родителей оказывается нежелание нерадивых отцов платить алименты, составляющие иногда единственные (элементарные) средства существования ребенка. Как добиться их выплат, спрашивают в публикации **АЛИМЕНТарный** [бой]. [Как заставить родителей помогать своим детям] (АиФ 26/10/13) – *алименты* + *элементарный*. Серьезной проблемой жителей Москвы (хотелось бы сказать – не только их) считается плохое состояние дорог в городе и необходимость их ремонтировать, о чем можем прочитать в материале, озаглавленном **МосДЫРстрой** (АиФ 13/11/21) – *Мосдорстрой* «компания, предоставляющая комплекс услуг по строительству и ремонту дорог» + *дыра*. Тема плохого качества дорог в Москве затрагивается также в публикации **ПРОВАЛЬная** [работа] – о провале на одной из улиц в Москве, в который «сползли» три легковых авто и грузовик (АиФ 15/09/20) – *провал* «неудача; углубление, впадина» + *провальный* «разг. безнадежный, завальный». Следующий пример касается темы пикников на природе, которые очень любят москвичи. Для пикников есть специально оборудованные места, т. н. «шашлычные зоны». Оказывается однако, что они на самом деле не оборудованы: *Места для пикников есть, но все они за МКАДом⁷. И тамошний инвентарь оставляет желать лучшего: мангалы косые, туалеты вроде бы есть, но большая их часть закрыта на замок, уголь, а тем паче жидкость для разжигания, поблизости не продают даже в праздники* – читаем в статье под заглавием [Не шашлык, а] **ШИШлык!** [«Оборудованные для пикников места», на самом деле не оборудованы] (АиФ 21/10/21) – *шиши* + *шашлык*. Темой, доставляющей много эмоций, являются детсады. В них, оказывается, не хватает мест для детей. Родители по-разному справляются с этой ситуацией, например неработающие мамы открывают у себя дома семейные детсады. Качество воспитания в таких детсадах может быть разным, поэтому они становятся засадой для детей, о чем сообщают в публикации [Малышня] **в заСАДе?** [28 тыс. детей не хватило в этом году мест в детских садиках]

⁷ МКАД – Московская кольцевая автомобильная дорога (объяснение наше – К. Р.).

(АиФ 37/09/17) – *засада* + *сад* «детсад». Та же тема отмечается в статье *ДЕТзаСАДА*. [*За места в садах идет настоящая война*] – о том, что тысячи детей ожидают своих мест в детсадах. За эти места борются родители. Для них неважно качество дошкольного воспитания, лишь бы обеспечить ребенка местом в каком-либо детсаде. Это в свою очередь может оказаться засадой для детей (АиФ 11/12/51) – *детсад* + *засада* + *детзасада*. Тема детсадов может вызывать и положительные эмоции, как в материале *ДетсадОК!* – о гораздо большем количестве детсадов, которые отдали в пользование в 2012 в Москве, по сравнению с 2011 годом (АиФ 7/12/23) – *детсадок* «здесь – уменьшительная форма от детсад⁸» + *ОК* «анг. согласие, одобрение; хорошо, отлично». Большое негодование и раздражение вызывает у россиян повышение цен хлеба, о чем можно прочитать в публикации *ЗаХЛЕБнулись [ценами]*. [*Кто взвинчивает стоимость «продукта №1»?*] (АиФ 36/10/10) – *захлебнуться* + *хлеб*. Проблемой повседневной жизни москвичей зимой являются сосульки, падающие им прямо на голову с крыш, а также обледеневшие тротуары. *Итог печальный: каждую зиму десятки москвичей становятся жертвами сосулек, а сотни поскользнувшихся на ступенях переходов или на тротуарах попадают в больницы. (...) Ну а самым результативным оружием против сосулек (как и сто лет назад) был и остается дворник, элегантно сбывающий их дрыном – читаем в публикации *СЛЕДопытки*. [*С сосулками борются по старинке*] (АиФ 7/10/21) – *следопытки*⁹ + *лед*. В материале указанной статьи, под фотографией «следопытки», сбывающей дрыном сосульки, находится предостережение: *SOSулька!*, которое можно расшифровать как: берегитесь падающих с крыш сосулек! (АиФ 7/10/21) – *SOS* «международный сигнал бедствия» + *сосулька*. И наконец жилищные проблемы россиян. Молодые семьи живут в ветхих домах. *Чтобы россиянину со средним заработком накопить на покупку квартиры, нужно не менее 20 лет – пишут в статье под заглавием [Сколько еще] тужИТЬ [в бараке]* (АиФ 13/12/12–13) – *тужить* «нар.-поэт., разг. горевать, тосковать, скорбеть, печалиться» + *жить*.*

В завершение отметим, что представленные заголовочные контаминации это только часть богатого материала, извлеченного нами из российской прессы (АиФ – «Аргументы и Факты», МК – «Московский Комсомолец», Ог – «Огонек», ТД – «Твой День», «Жизнь»). Своей необычной формой (тут в основном заслуга графического выделения) они привлекают внимание читателя и заставляют его прочитать статью. Само новообразование, в силу

⁸ Форма *детсадок* была нами обнаружена на сайте yandex.ru в контексте украинского языка.

⁹ В словарях мы нашли только мужскую форму данного слова – *следопыт*. Женская форма образована автором статьи вероятно из-за того, что на фотографии к тексту видно женщину – дворника, т. е. «следопытку сосулек», сбывающую их дрыном.

своего семантического феномена, составляет суть, ядро содержания текста и одновременно загадку, решение которой предстоит адресату.

Литература

- БЕКЕТОВА 2008 = БЕКЕТОВА Н.А. О словообразовательной экспрессии в современных медиатекстах // Журналистика и медиаобразование-2008. Сборник трудов III Международной научно-практической конференции Белгород 25-27 сентября 2008 года. В двух томах. Том II. Белгород, 2008. 201-204.
- ГРАШЕК-ТАНЬСКА 2003 = ГРАШЕК-ТАНЬСКА А. Экспрессивные новообразования в языке русской публицистики новейшего времени // P. Czerwiński (red.), A. Charciarek (współpraca). Pragmatyczne aspekty opisu języków wschodniosłowiańskich. Katowice, 2003. 71-76.
- ИЛЬЯСОВА 2001 = ИЛЬЯСОВА С. Языковая игра в газетном тексте // Русский язык, 2001. №23. www.relga.sfedu.ru/n77/rus77.htm (доступ 9.11.2011)
- НИКОЛИНА 1993 = НИКОЛИНА Н.А. Семантика и структура контаминированных образований // Семантика языковых единиц. Материалы 3-й межвузовской научно-исследовательской конференции. Часть II. Москва, 1993. 102-106.
- ПОКРОВСКАЯ 2005 = ПОКРОВСКАЯ Е.В. Газета в современной культурно-речевой ситуации // Русская речь, 2005. №5. 69-74.
- RATAJCZYK 2015 = RATAJCZYK K. Kontaminacje leksykalne. Struktura – sens – pragmatyka. Łódź, 2015.

Елена Савельева¹
(Сомбатхей, Венгрия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В ВЕНГЕРСКОМ ЯЗЫКЕ

Abstract: In the present article the author analyzed a phrase-semantic group with the meaning of movement in the Hungarian language. The aim of this work is to show ways of thematization and phraseological motivations in the expression of movement.

Keywords: phraseology, idiom, movement, phrase-semantic group

Движение является одним из важнейших жизненных человеческих функций. Об этом свидетельствует огромное количество фразеологизмов со значением движения в разных языках., напр., русском, словенском, венгерском². Принимая во внимание тот факт, что движение может включать в себя широкий спектр значений, в работе рассмотрены фразеологизмы, тематизирующие передвижение человека по земле, то есть ситуация, когда основной составляющей фразеологического значения является значение *передвигаться, преодолевать какое-либо расстояние в течение какого-либо времени*. В тематическую группу с целостным значением движения входят фразеологизмы, имеющие и не имеющие в своем составе глагол движения³.

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2050-1545>

² Анализ словенских и русских фразеологизмов со значением передвижения был проделан автором данной статьи в 2008 году (см. САВЕЛЬЕВА 2008, SAVELIEVA 2008).

³ Фразеологизмы с глаголами движения в составе семантического поля движения в русском языке рассмотрела Е.В. Евдокимова. Автор подчеркивает, что сложная внутренняя организация лексико-семантической системы предполагает «полевой» принцип исследования. Фразеологизмы, включающие в свой состав глаголы движения, она делит на четыре семантических поля: поле движения, поле деятельности, поле состояния, поле поведения. В статье рассматриваются два вопроса: (1) выявление семантических подгрупп в группе фразеологизмов с глаголом движения, имеющих значение движения; (2) выяснение их роли в семантическом поле движения. В группе фразеологизмов с глаголом движения автор выделяет следующие подгруппы: (1) фразеологизмы, обозначающие характер движения (темп движения: медленный, напр. *ехать как на волах*; быстрый, напр. *бросаться со всех ног*), следование одного субъекта за другим,

В группе фразеологизмов с общим значением передвижения можно выделить несколько подгрупп. Классификация на группы была проделана на основе дескрипторов – *лексических смысловых доминант*⁴, например, *интенсивность движения, совместное движение* и т.д. Под каждым дескриптором приведен синонимический (квазисинонимический) ряд, который по возможности дополняет антонимичный ряд, основывающийся в свою очередь на антонимии между дескрипторами, например, *двигаться быстро* и *двигаться медленно*. Цель данной статьи – показать, как в венгерской фразеологической системе тематизируется передвижение. Фразеологизмы были выписаны из венгерского фразеологического словаря Вильмоша Бардоши «Толковый и тематический словарь венгерских фразеологизмов. Фразеологизмы, речевые формулы, пословицы» (BÁRDOSI 2004) и из Толкового словаря венгерского языка (A MAGYAR NYELV ÉRTELMEZŐ SZÓTÁRA). Этимология была проанализирована с помощью словаря того же автора: *Этимологический фразеологический словарь*. (BÁRDOSI 2015)⁵.

напр. *идти в хвосте*); (2) способы движения, его конкретизацию, напр. *лететь/полететь туманом*; (3) движение частей тела, лица, где речь идет не обязательно о человеке, напр. *вращать глазами*; (4) количественную характеристику движения, напр. *валом валить*; (5) движение без определенной цели и направления, напр. *брести (идти, ехать) куда глаза глядят*. Автор характеризует движение и в других аспектах: конкретный конечный пункт (*ехать к водам*), движение с определенной целью (*ехать с визитом*), повторяющееся движение предмета (*по кругу ходить*). Во вторую группу автор включает фразеологизмы, обозначающие проявление через движение эмоционального или физического состояния (*дрожать как осиновый лист*). Также автор рассматривает ФЕ, характеризующие состояние болезни и усталости (*едва ноги волочить*). В третью группу автор включает фразеологизмы с глаголами движения, которые характеризуют поведение человека, напр. *толкать (гнать, выталкивать) в шею, воротить нос (морду, рыло) от кого, чего* или дают качественную оценку поведения какого-либо лица (*ходить гоголем*). В отдельную группу Евдокимова относит ФЕ, обозначающие ритуальные действия и движения (*идти к алтарю*) (ЕВДОКИМОВА 1986: 125-127).

⁴ СФСРЯ 2001: 5-6; LEVIN-STEINMANN 1999.

⁵ Не исключено, что в венгерском национальном корпусе примеров со значением передвижения намного больше, но стоит заметить, что в корпусе много авторских преобразований, а также выражений, которые находятся в стадии фразеологизации, поэтому более подробный анализ фразеологизмов еще предстоит сделать.

1. Выражение передвижения

1.1. Начало движения

В венгерском языке начало движения, т.е. отправление, тематизирует один фразеологизм: *a nyaka közé kapja/szedi a lábát*⁶ 'положить ноги на шею'.

1.2. Пеший способ передвижения

Ходьба в венгерском языке выражена двумя фразеологизмами: *lábbuszon megy* (жарг.)⁷, 'ехать на автобусе из ног', *az apostolok lován* (редко, ирон.) 'ехать на лошади апостолов'. Хорошо известно, что ученики Иисуса передвигались пешком. Последний фразеологизм библейского происхождения и присутствует во многих европейских языках (BÁRDOSI 2015: 45).

2. Характер передвижения

2.1. Эстетичное и неэстетичное передвижение

Венгерские фразеологизмы, тематизирующие неэстетичность движения, сравнивают ходьбу человека с ходьбой утки: *kacsázva jár*, а также с ходьбой на ходулях: *gólyalábon jár*. Примеров, характеризующих красоту и плавность движения, в венгерском языке найдено не было.

2.2. Легкое передвижение и передвижение с трудом

В венгерских фразеологизмах легкость ходьбы подчеркивается прежде всего выносливостью ног: *bír a lába vkit, bírják a lábai*. Затрудненное движение сравнивается с ситуацией, когда ноги отказываются идти: *felmondja vkinek a lába a szolgálatot*, с ходьбой с тростью или хромием: *három lábon jár* (редко, ирон.) 'ходить на трех ногах', *húzza a lábát* 'волочить ноги', *sajnálja a lábát*⁸ 'жалеть ноги', *lejárja a lábát*⁹ 'исходить ноги', а также с ситуацией, когда кто-то идет, спотыкаясь: *még a saját lábában is megbotlik*¹⁰.

2.3. Бесшумное и шумное передвижение

Бесшумное и тихое движение сравнивается с привидением, а также с тенью. Доминирующим признаком в них является незаметность, невесомость: *jár-ke, mint a kísértet; elsuhan, mint az árnyék*. Шумное движение представлено примером: *döngő léptekkel (kilép/siet/kiviharzik)* 'с гулкими шагами'.

⁶ Пример и значение взяты из работы: ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017.

⁷ Условные сокращения даются в переводе на основе сокращений *Большого фразеологического словаря русского языка*, 2010.

⁸ Пример и значение взяты из работы: ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017.

⁹ Пример и значение взяты из работы: ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017.

¹⁰ Пример и значение взяты из работы: ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017.

2.4. Организованное и неорганизованное передвижение

Фразеологизмы, тематизирующие организованное передвижение, несут в себе дополнительную информацию, напр., «прямо, ровно, один за другим»: *libasorban mennek (haladnak v. vonulnak)* 'идут гуськом'. Примеры, выражающие неорганизованное передвижение, наоборот, усиливают значение «не по прямой». Таких примеров два: *jön, megycacsokaringósan* 'извилисто', *mint az ökörhugyozás* 'как моча вола' (нар., грубо-фам.) Также неорганизованное движение сравнивается со стадом свиней: *(úgy) mennek, mint a csürhe*. Во всех примерах основой для мотивации послужили движения животных или их поведение.

2.5. Передвижение без определенной цели и направления

Значение «ходить, не выбирая пути» находит отражение в тождественных по смыслу фразеологизмах: *megy, amerre a lába viszi* 'куда ноги несут', *megy/fut, amerre (a szem) lát* 'куда глаза глядят', *koptatja a flasztert (a járdát v. az aszfaltot)* 'изнашивает тротуар, асфальт'.

2.6. Осторожное и неосторожное передвижение

Венгерский язык выделяет также категорию осторожного движения, которое выражено с помощью образной ситуации хождения в ореховой скорлупе: *mintha dióhéjban járna* (устар.) или с хождением по яйцам: *úgy jár, mintha tojásokon lépkedne*.

2.7. Интенсивность передвижения

2.7.1. Быстрый темп передвижения

Группа фразеологизмов со значением быстрого передвижения является наиболее многочисленной. Процесс ходьбы, бега находит отражение во фразеологизмах *(úgy) fut/szalad, hogy a lába nem (sem) éri a földet* 'бежать, не касаясь ногами земли'; *szedi a lábát* 'собирать ноги'; *kapkodja a léceit (a virgácsait)* (жарг.) 'собирать жерди, ветки', *vkinek sürgető/sietős az útja* 'кто-л. очень спешит'; *(úgy) fut, hogy csak úgy porzik utána* 'бежать так, что за кем-то пылится', *szaporázza a lépteit*¹¹ 'убыстрять шаги'. Быстрое передвижение сравнивается с быстротой птицы: *(úgy) jár, mint a madár* (нар.), с быстрым бегом венгерской борзой, агаром: *(úgy) fut/rohan/szalad, mint az agár*, с бегом зайца: *fut, mint a nyúl*. Образ лошади, ее быстрого бега можно встретить во фразеологизмах: *trappban megy* (прост.), *lóhalálában fut (rohan)*. В основе последнего лег образ загнанной до смерти лошади. В примере *(úgy) rohan, mint a kengyelfutó* (устар.) быстрый, стремительный бег сравнивается с бегом лакея, бегущего перед каретой аристократа. Стихийные явления природы привлекали внимание носителей языка своей стремительностью и интенсивностью: *(úgy)*

¹¹ Пример и значение взяты из работы: ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017.

megy/rohan, mint a szélvész, (úgy) megy (rohan), mint a veszedelem 'вихрь, буря', *sebesen/gyorsan/(úgy) jár/megy, mint az (olajozott) istennyila* (нар.) 'молния', *(úgy) szalad/rohan/megy, mint a hejderménkü* 'молния', *(úgy) megy (rohan), mint a forgósél* 'ураган', *(úgy) fut/rohan, mint a szél* 'ветер', *a szél sem ér vkinek a nyomába* 'кого-то и ветер не догонит'. Быстрый бег сравнивается со скоростью техники: *sebes/megy/jár/fut/repül, mint a nyíl* 'стрела'; *(úgy) fut/szalad/rohan/távozik, mintha puskából lőtték volna ki* 'как будто из ружья выстрелили'; *(úgy), mint akit seggbe lőttek* 'как будто кому-то выстрелили в задницу'; *(úgy), mint a golyó* 'пуля'. Сила, вложенная в быстрое передвижение, послужила мотивацией во фразеологизме *hanyatt-homlok fut (menekül)*, в котором слово *hanyatt* означает 'навзничь', а слово *homlok* 'лоб'. Фразеологизмы, обозначающие энергичный, быстрый бег, содержат в своей основе ассоциацию с безрассудным действием, например, образ сумасшедшего присутствует в примере *úgy megy/szalad, mint az (egy) őrült* (прост.). В языке встречается еще несколько выражений, тематизирующих быстрое, стремительное движение: *(úgy) fut/megy/szalad, mintha kergetnék* 'как будто за кем-то гонятся'; *(úgy) fut, mintha hajtának* 'как будто кого-то погоняют'; *(úgy) szalad/siet, mintha a tatár kergetné* (устар.) 'как будто за кем-то татары гонятся'. Быстрый бег также сравнивается с быстротой мысли: *a gondolatnál is sebesebben jár (megy), (úgy) jár, mint a gondolat*; с быстротой мотвила черта: *(úgy) jár, mint az ördögmotolla* (нар.) или с самим чертом: *(úgy) jár, mint az ördög* (прост.), где важную роль играет одна из многочисленных его характеристик: мгновенное и неожиданное появление и исчезновение.

2.7.2. Медленный темп передвижения

При тематизации медленного темпа движения основой для мотивировки послужили наблюдения за медленным передвижением улитки: *lassú/mászik, mint a csiga* (прост., ирон.), *csigalábon jár*¹² 'на улиткиных ногах', а также с вошью «на пенсии»: *lassú/(olyan lassan) mászik/megy/úgy siet, mint a (nyugdíjas) tetű* (прост., ирон.).

3. Ориентировочность движения

Группа фразеологизмов со значением 'удаляться, уходить, убежать' представлена большим количеством примеров, которые на основе дополнительных семантических значений можно разделить на несколько подгрупп: (1) уходить; (2) убежать; (3) убежать, исчезать; (4) разойтись, разбежаться.

3.1. Удаляющееся движение

(1) В венгерском языке уход выражен фразеологизмами: *kiteszi/kihúzza a lábát vhonnan* 'выставить, вытянуть ногу откуда-

¹² Пример и значение взяты из работы: ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017.

то', *eltolja a bringát* (жарг.) 'оттащить велосипед', *fogja/veszi a batyuját (a kalapját v. a sátorfáját)* (нар.) 'взять узелок, шляпу, стойку от палатки', *fújja az indulót* (устар.) 'заиграть марш', *olajra lép* 'наступить на масло', *kereket old* 'освободить колеса'. Последние два примера имеют и второе значение «убежать», причем второй пример может означать и уход не попросившись (BÁRDOSI 2015: 175, 393).

- (2) Быстрое, поспешное бегство сравнивается с заячьей обувью, которую надевает убегающий, причем здесь присутствует дополнительное значение – со страхом: *felkötí a nyulak bocskorát (a nyúlbocksokort)*, *nyúlbocksokort köt* (прост., ирон.), *felhúzza/felveszi nyúlcipő(ke)t*, *nyúlcipőt húz* (прост., ирон.) (BÁRDOSI 2015: 391). Кроме этого появляется образ улетающих диких гусей: *(el)húz, mint a vadliba (a vadlibák)* (жарг.). При быстром беге показывают спину: *hátraarcot csinál*, уносят шкуру: *elhordja/szedi v. (el)viszi az irháját* (ирон.), ищут спасения в беге: *a futásban keres menedéket, futásra veszi a dolgot, (majd) kifut/kiszalad a világból* 'как будто сейчас из мира выбежит', *sietősre veszi a figurát (жарг.)*, *úgy fut/menekül, ahogy a lába bírja* 'со всех ног'. Поспешное бегство представлено оборотом *elvisz az ördög vkit* 'черт уносит кого-л.'. Присутствуют также следующие примеры: *elhúzza a belét (a csíkot, a szennyest)* (жарг., сниж.) 'унести кишки, провести линию, унести грязное белье', *huzatot kap (vesz)* (жарг., ирон.) 'получить сквозняк', *nyírja a kanyart* (редко, жарг.) 'срезать поворот', *pléhre megy* (жарг.). Последний пример пришел из воровского жаргона, само слово *pléh* в литературном языке означает тонкий железный лист, в наречии – противень, устаревшее значение слова – замок, сделанный из тонкого железного листа. Возможно, в воровском жаргоне отразилось именно третье значение этого слова, или же фразеологизм возник посредством другого *pléhre csúszik* «потерпеть неудачу».
- (3) Значение 'убежать, исчезать/исчезнуть' сравнивается в венгерском с испаряющейся камфорой: *elillan/elpárolog/eltűnik, mint a kámfor/kámforrá válik/kámfort játszik*. Неожиданный уход получил свое выражение в примере *köd előtte, köd utána*. Недавний уход выражается примером *vkinek még a helye sem hűlt ki (vhol)* (прост.).

3.2. Приближающееся движение

Приходить куда-либо в венгерском языке выражено фразеологизмом *beteszi a lábát vhoва*.

3.3. Движение туда-обратно

Значение 'очень быстро сбегать, сходить куда-л. и вернуться обратно' выражено примером *az egyik lábad itt (legyen), a másik ott!*

4. Совместное движение – следование одного субъекта за другим

Значение 'неотступно или преданно сопровождать' ассоциируется с поведением собаки: *követ vkit, mint egy kutya*; с тенью: *kísér/követ vkit, mint az árnyék/árnyékként*; с жеребенком рядом с кобылой: *szalad, mint a csikó az anyja után* (нар.). Значение связанности присутствует во фразеологизме *vakon követ vkit v. vmit* 'слепо идти за кем-л.'. Примеры с компонентами *nyom* и *szalad* говорят не о следовании за кем-л., а о том, что субъект догоняет объект, сокращает расстояние между ними: *nyomon követ/kísér vkit v. vmit* 'идет по следам за кем-л.'; *vkinek a nyomában/a sarkában jár/van* 'идти по следу, быть на пятах у кого'. В примере *tisztes távolból követ vkit* 'следовать на определенном расстоянии' присутствует значение «остаться незамеченным». Значение «следовать, не отставать» выражено в примере *lépést tart vkivel* 'держаться шага'.

5. Передвижение с определенным чувством

Провинившийся удаляется в венгерском языке незаметно: *eltűnik/eltávozik a balfenekén* (прост., ирон.) 'уйти, исчезнуть на левой ягодице', как ошпаренная собака: *kisomfordál, mint a lefórtott kutya*. Обеспокоенное и озабоченное хождение взад-вперед, с одной стороны в другую сравнивается с движением животных, причем с дополнениями: *szaladgál, mint a mérgezett egér* (прост.) 'как отравленная мышь'; *szaladgál/futkos/rohangál, mint a töketlen kutya* 'как боязливая собака'; *(ügy), mint a fagyaltos kutyája* (жарг., ирон.) 'как собака продавца мороженого'; *ügy futkos/rohangál, mint pók a falon* (прост., ирон.) 'как паук по стене'. Также идет сравнение с грешной душой: *jön-megy, mint a bűnös lélek*; с пуком в ванной (в штанах): *jár-kel, mint fűg a fürdőben (a gatyában)* (прост., грубо-фам.); с душой Орбана в аду: *jár-kel/örökké jár, mint (az) Orbán lelke (a pokolban)* (нар.); с болью еврея: *jár-kel, mint zsidóban a fájdalom (a fájás)*; с болью от соли *(ügy) futkos/jön-megy, mintha beszózták volna* (прост.). Этимологию фразеологизма *jár-kel/örökké jár, mint (az) Orbán lelke (a pokolban)* Вильмош Бардоши объясняет с помощью сборника Яноша Эрдеи, где говорится, что в одной деревне в полночь кантор, накинув на себя белую простыню, ходил пугать вдову нотариуса. И все думали, что это дух сельского нотариуса, которого звали Орбан (BÁRDOSI 2015: 395).

6. Другие виды передвижения

В венгерском языке можно найти отдельные фразеологизмы, имеющие кроме доминантной семы 'ходить' еще дополнительные значения. Двигаться напрямую, пренебрегая торной дорогой, невзирая на препятствия, выражается примерами, в которых подчеркивается среда передвижения (растительный покров, канава): *ungon-berken át (keresztül) (fut, szalad)* (редко.), *árkon-bokron keresztül (át)*. Уходить, не

попрощавшись, выражено примерами: *angolosan távozik* 'уйти по-английски', *annyit se mond: bikkmack* 'не сказав даже «бикмак»'; *azt se mondta, (hogy) befellegzett* 'не сказав ни слова', *azt se mondta, fapapucs* 'не сказав даже «деревянный башмак»'; *otthagyt vkit v. vmit, mint eb a szarát (a Szaharát)/mint kutya a piszkát* (грубо-фам.) 'оставить кого-л. как собака свое говно (Сахару), нечистоты'; *odább (odébb v. tovább) áll egy házzal* 'отойти на дом дальше', *otthagyt vkit v. vmit, mint Szent Pál az oláhokat* 'оставить кого-л., как святой Павел валахов (румын)'¹³. Кроме этого венгерский язык выделяет следующие виды движения: исходить вдоль и поперек: *bejár ungot-berket* (редко); ходить много: *(majd) lejárja a (két) lábát (a lábait)* 'исходить (обе) ноги', *majd lekopik vkinek a lába, amíg...* 'ноги у кого-л. сотрутся'; идти окольным путем: *vargabetűt csinál (tesz v. ír le)*; путешествовать, отправиться странствовать: *úton van* 'быть в дороге', *bejárja/megjárja/összejárja Tolnát, Baranyát* (нар.) 'исходить Тольну, Баранью', *a nyakába veszi a várost (a világot v. az országot)* 'положить город (мир, страну) на шею', *világot lát* 'увидеть мир', *vándorbotot fog (ragad v. vesz) (a kezébe)* 'взять в руки посох'; уйти очень далеко: *lemegy a térképről* 'сойти с карты'; выйти прогуляться, размять ноги: *megjártatja a lábait*. Нестабильная ходьба пьяного человека выражена фразеологизмом *vkinek a lábába megy/száll az ital* 'вино ушло в ноги'.

Выводы

На основе вышесказанного можно сделать следующие выводы. В венгерском языке фразеологизмы с общим значением «ходить, идти, передвигаться» тематизируют способы передвижения: ходьбу (*lábbuszon megy*), бег (*szedi a lábát*) и его характер: некрасивое (*kacsázva jár*), легкое (*bír a lába vkit*), затрудненное (*felmondja vkinek a lába a szolgálatot*), шумное (*döngő léptekkel (kilép/siet/kiviharzik)*) и тихое (*jár-ke, mint a kísértet*), организованное (*libasorban mennek (haladnak v. vonulnak)*) и неорганизованное (*mennek, mint a csürhe*), быстрое (*lőhalálában fut (rohan), (ügy) fut, mintha hajtanák*) и медленное движение (*lassú/mászik, mint a csiga*). Кроме этого, во фразеологизмах выражается движение без определенной цели (*megy, amerre a lába viszi*), осторожное движение (*mintha dióhéjban járna*), удаляющееся движение (*kiteszi a lábát vhonnan*), приближающееся движение (*beteszi a lábát vnova*), движение туда-обратно (*az egyik lábad itt (legyen), a másik ott!*). При этом тематизируется не только сама ориентированность, но и характер движения, например, интенсивность (*a nyakába (a nyaka közé) kapja (szedi v. vesz) a lábát*), скрытность (*elillan/elpárolog/eltűnik, mint a kámför*). Также получило тематизацию совместное движение с общим значением «следить» (*követ vkit, mint egy kutya*), движение с чувством унижения (*kisomfordál, mint a*

¹³ К сожалению, в *Этимологическом фразеологическом словаре* Вильмоша Бардоши отсутствует объяснение данного фразеологизма.

leforrázott kutya), обеспокоенное движение (*úgy futkos/rohangál, mint pók a falon*).

Внутренняя форма большинства фразеологизмов мотивирована. Образность, характеризующая передвижение, в большинстве фразеологизмов прозрачна и отражает обиходно-эмпирический, духовный опыт языкового коллектива. Человек формирует свое представление о мире через образы и сравнения, поэтому не случайно движение как таковое мотивировано движением, которое человек видит вокруг себя. Источниками фразеологизмов являются такие сферы, как животный мир и природные явления: *libasorban mennek; szalad, mint a csikó az anyja után; (úgy) fut/rohan, mint a szél*; жизненные ситуации, быт: *fogja/veszi a batyuját (a kalapját v. a sátorfáját); eltolja a bringát; odább (odébb v. tovább) áll egy házzal*; трудовые процессы и техника: *sebes/megy/jár/fut/repül, mint a nyíl, (úgy), mint a golyó*; физические, умственные и душевные свойства человека: *úgy jár, mint a gondolat; húzza a lábát; úgy megy/szalad, mint az (egy) őrült*; мифологические и религиозные представления: *jár-kel, mint a kísértet, elvisz az ördög vkit; jön-megy, mint a bűnös lélek*. В венгерских фразеологизмах нашли отражение исторические события и личности: (*úgy*) *szalad/siet, mintha a tatár kergetné; otthagyt vkit v. vmit, mint Szent Pál az oláhokat; jár-kel/örökké jár, mint (az) Orbán lelke (a pokolban)*.

Литература

A MAGYAR NYELV ÉRTELMEZŐ SZÓTÁRA.

URL: <https://www.arcanum.hu/hu/online-kiadvanyok/Lexikonok-a-magyar-nyelv-ertelmezo-szotara-1BE8B/f-28F2F/fut-2C95A/>

ANDRIĆ – HALUPKA REŠETAR 2017 = ANDRIĆ E. – HALUPKA REŠETAR Sz. A magyar *láb* és a szerb *noga* vezérszavú frazémák kontrasztív vizsgálata. Hungarológiai Közlemények 2017/1. Bölcsészettudományi Kar, Újvidék. URL: https://www.researchgate.net/publication/318597863_A_MAGYAR_LAB_E_S_A_SZERB_NOGA_VEZERSZAVU_FRAZEMAK_KONTRASZTIV_VIZSGA_LATA

BÁRDOSI 2004 = BÁRDOSI V. Magyar szólástár. Budapest, 2004.

BÁRDOSI 2015 = BÁRDOSI V. Szólások, közmondások eredete. Frazológiai etimológiai szótár. Budapest, 2015.

KISS 1998 = KISS G. Magyar szókincstár. Budapest, 1998.

LEVIN-STEINMANN 1999 = LEVIN-STEINMANN A. Thematisches phraseologisches Wörterbuch der russischen Sprache: Charakterisierung und Beschreibung des Menschen. Wiesbaden, 1999.

O. NAGY 1999 = O. NAGY G. Magyar szólások és közmondások. Budapest, 1999.

SAVELIEVA 2008 = SAVELIEVA E. Frazemi s pomenom 'premi kati se' v slovenskem knjižnem jeziku // Jezikoslovní zapiski 14/2. 2008. 87-99.

- ЕВДОКИМОВА 1986 = ЕВДОКИМОВА Е. Фразеологизмы с глаголами движения в составе семантического поля движения // Исследования по семантике. Семантика слова и фразеологизма. Уфа, 1986. 123-131.
- САВЕЛЬЕВА 2008 = САВЕЛЬЕВА Е. Фразеологизмы со значением передвигаться в словенском и русском языках // *Studia Slavica Savariensia*, 2008.1-2. 353-366.
- САВЕЛЬЕВА – СТРАМЛИЧ БРЕЗНИК 2010 = САВЕЛЬЕВА Е. – СТРАМЛИЧ БРЕЗНИК И. Концепт движения во фразеологизмах словенского литературного языка // *Studia Slavica Savariensia*, 2010.1-2. 383-393.
- СФСРЯ 2001 = БИРИХ А. – МОКИЕНКО В. – СТЕПАНОВА Л. Словарь фразеологических синонимов русского языка. Москва, 2001.

Josef Šaur
(Brno, Czech Republic)

CONTINUITY AS A VALUE IN THE WORKS OF PAVEL V. ANNENKOV
IN THE LATE 1850S AND EARLY 1860S

Abstract: The paper examines the changes in the opinions of Pavel Vasilyevich Annenkov as a literary critic in the late 1850s and early 1860s when his works began to reflect his growing emphasis on continuity in reaction to the growing nihilism of Russian radicals. Indeed, literature was not Annenkov's primary reason for sidelining aesthetics and emphasising the necessity of peaceful social development – the change was prompted by the ideology of the early Russian liberals and his fear of revolutionary tumult and social tension. This emphasis on continuity actually brought some of the early liberals closer to the conservative way of thinking.

Keywords: P. V. Annenkov; Russia; liberalism; 19th century; literary criticism; literature

Today, Pavel Vasilyevich Annenkov (1812–1887) is one of the half-forgotten historical figures of Russian literary circles. However, this lack of scholarly attention is in direct contrast to his key position among the Russian intellectuals of his time. He became famous in the 1840s for the sketches he sent home from his travels around Europe – *Письма из-за границы* (*Letters from Abroad*, 1841–1843) and *Парижские письма* (*Parisian Letters*, 1847–1848), and in the 1850s, became involved in literary criticism and literary history. He was a close friend of Ivan Sergeyevich Turgenev, who was highly appreciative of Annenkov's literary taste and critical comments. Annenkov read the manuscripts of most of Turgenev's works and in several cases, Turgenev actually waited for Annenkov's opinion before he continued with his writing (МОСТОВСКАЯ 2005: 284-298). During this period, Annenkov also laid the foundations for Pushkin studies when he compiled the first critical edition of Pushkin's work complete with Pushkin's biography, which comprised the entire first book of the seven-volume edition. This work gained Annenkov widespread recognition among his peers (OFFORD 1985: 136-137).

From the 1860s, Annenkov began to withdraw from his social life in Russia and mostly lived abroad with his family. While he continued his work as a literary critic and followed events in Russian literary circles, he was less prolific as an author during this period. During the 1870s, Annenkov worked on his most famous work: *Замечательное десятилетие* (*The Extraordinary*

Decade, 1880), a literary memoir where he describes the decade between 1838 and 1848. Annenkov's memoirs, which include several shorter texts besides *The Extraordinary Decade*, have since overshadowed the rest of his work.

While Annenkov's works, and especially his travelogues and memoirs, are still quoted today, the author himself and his work have received little attention to date. For example, there is no monograph on Annenkov and only a limited number of studies that focus solely on a specific part of Annenkov's work or a specific period of time. The basic secondary literature on Annenkov's life and work comprises a series of studies by Boris F. Egorov (ЕГОРОВ 1965: 142-160; ЕГОРОВ 1968: 51-108; ЕГОРОВ 2009: 232-282) and a separate chapter in a book on early Russian liberalism by Derek Offord (OFFORD 1985: 106-143). There are also several minor papers on Annenkov that have been published in recent years: a study by Igor N. Suhii (СУХИХ 2000: 3-30), a short biography by Nikolaj G. Zhekulin (ЖЕКУЛИН 2005: 260-283), and an article by Konstantin Shneider (ШНЕЙДЕР 2014). The encyclopaedia of Russian liberalism (БОКОВА 2010: 22-25) includes an entry on Annenkov which, while comprehensive, is also rather short. Besides these studies, the scholars who study Annenkov's intellectual legacy can also use the introductions to various editions of Annenkov's works (especially his literary memoirs) published between the 1920s and 1980s. However, the drawback of using these as sources of information is that all of them conform, to a certain extent, to the ideology of their time.

The existing research and analysis of Annenkov's works are unbalanced and his work as a literary critic has not yet been fully examined. Together with Vasily P. Botkin (1811–1869) and Alexander V. Druzhinin (1824–1864), he was a representative of the “pure” or “aesthetic” school of literary criticism, which was most active in the 1850s. This group of literary critics was against using art for other than aesthetic purposes, such as political or didactic ones, and disagreed with authors who tried to weigh in on the then-current social debates with their works. In this respect, they were in direct contrast to radical literary critics such as Nikolay G. Chernyshevsky and Nikolay A. Dobrolyubov. According to the representatives of aesthetic literary criticism, art should be used to express the innermost human feelings, should be absolutely free, and should not serve for any ulterior motives.

While Annenkov recognised that art is a world of its own and thus separated from the real world, it did not mean they should be completely unconnected. On the contrary, he thought that artistic representations of moral notions were particularly important for society. He also recognised that art and literature can have an impact on society and serve as a means of education – but for the impact to be positive, it must not be premeditated. In his view, a work of art should be a pure product of immanent imagination. All of this was to be achieved by the harmony of all elements of the literary hero's character and by setting a single objective for art: aesthetics (ŠAUR 2017).

Paradoxically, while Annenkov, Botkin, and Druzhinin were against using works of fiction as a platform for addressing political and social issues, their approach to literary criticism helped form the tenets of early Russian liberalism (ШНЕЙДЕР 2015). However, this was a consequence of the specific nature of social and political debates in Russia at the time, since there was no platform for free and public political debate. As a result, Russian literature often served as a means for discussing philosophical, historical, social, and political issues. Authors gave their opinions on the then-current pressing issues through their texts and, in the absence of other media, literature served as a means for disseminating social and political views (OFFORD 1999; MORSON 2010: 141-168).

Despite its important role in social and political debates, literature was not the only platform for disseminating social and political ideas. According to Richard Pipes, there were five types of spaces for political discussion in 19th-century Russia: salons, universities, circles, literary journals, and zemstva (PIPES 2004: 320-323). The bulky volumes of literary journals, in particular, had a wide readership in various places in Russia, which made them unique. In the 1840s, the ideology of these journals was set by their fiction section and literary critiques, while in the 1850s, the opinions of the editors were mostly expressed in the opinion journalism section (together with the newly allowed political section). This was the result of the changes that led to the transformation of these journals of literary criticism into socio-literary journals. The character of the critiques also changed and began to reflect the variety of public opinions while their view of literature served as additional support for the ideology of the journals as a whole (ГРОМОВА 2005: 343, 348). These are the circumstances surrounding the career of literary critics such as Annenkov, Botkin, Druzhinin, and others.

The socio-political aspect was present not only in literary criticism but also in debates on philosophy and history, thereby allowing the authors to circumvent censorship (ŠAUR 2015: 131-135). In other words, early Russian liberalism was shaped by the fact that liberal ideas mostly found their way into Russian society through scholarly works on history and law and also through literature, such as travelogues and literary criticism. This way of spreading social ideas made it impossible to adopt a fully fledged political programme – only individual ideas, values, and motives. This is why early Russian liberalism was a set of values rather than a political programme. Rather like the ideas and concepts of revolutionary democrats, Russian liberalism was also based on westernism. Both groups of Russian intellectuals were united in their key political goals but divided as to the extent of reforms and, most importantly, the way of achieving their objectives. During the last years of the reign of Nicholas I, the line between both camps was still blurred, and as late as in 1855–1858, the representatives of both sides were still looking for ways to cooperate. However, they eventually became ideological opponents (WALICKI 2005: 230-237; КОШИНА 2003: 296-310).

In the late 1850s and early 1860s, Annenkov's approach to literary criticism began to shift. Aesthetics was gradually sidelined and Annenkov repeatedly emphasised the need to maintain continuity as an important value for social changes. The reason for this opinion shift can be found in the total separation of the two wings of Russian westernism – the liberals and the radicals – and the rise of nihilism and radicalism in Russian social thinking. Fear of revolution and social upheaval led Annenkov to defend the continuity of the values and ideas of his generation. This was a generation that joined the Russian intellectual circles in the 1840s, whose philosophy was strongly influenced by idealism – especially by Hegel – and who objected to what they saw as the rather primitive materialism and nihilism of the new young generation.

In 1857, Annenkov published a biographical sketch of Nikolai V. Stankevich (АННЕВКОБ 1881: 268-383), a major proponent of German idealism in Russia, who was seen as a teacher by the Russian westernisers of the 1840s. Annenkov's biographical study can be understood as a response to the utilitarian aesthetics proposed by Chernyshevsky and his take on Belinsky in his famous study of the Gogol Period in Russian Literature. Annenkov was not writing a biography of just one individual; he viewed Stankevich as a representative of the Russian intellectuals of the 1840s and their quixotic efforts and goals. Through Stankevich, Annenkov captured the ideas of one generation along with the events that shaped them (OFFORD 1985: 137). He emphasised that the values of that generation did not deserve the contempt with which they were treated by the radicals. A year later, Annenkov was defending his generation yet again in the article *Литературный тип слабого человека* (The Literary Type of the Weak Man). This was a public response to Chernyshevsky's interpretation of Turgenev's novella *Ася*. Annenkov was not only defending the "weak man" or the Russian liberal of that era but also pointing out the dangerous rashness of the young Russian radicals. (ŠAUR 2017: 81-82).

Annenkov's fear of social instability is most clearly captured in his memoir of the revolutionary year of 1848 titled *Февраль и март в Париже, 1848* (*February and March in Paris, 1848*) (АННЕВКОБ 1877: 241-328). These were written immediately after the events they describe, but – in contrast to his other sketches from his travels – Annenkov only published them in 1859 on the advice of his friends as a clear reference to the potential consequences of Russian radicalism. Even though he conceded that the events of 1848 were less dramatic than those of 1789, Annenkov insisted that they were an important warning for those countries that had so far managed to avoid such tumult (АННЕВКОБ 1877: 311).

Annenkov was most scared of the unbound fury of the crowd that destroyed everything reminiscent of the old regime. The text shows his anti-democratic leanings, his fear of the people controlled by the socialist movement, his aversion to the chaos that brought about the destruction of values, both tangible and intangible, and his condemnation of the moral decay and intoxicated state

of society (Анненков 1877: 268-269, 307-308, 322-328). This is in contrast to his support for reforms; however, he insisted that changes must be made at a suitable time when society is ready for them, but before they become so urgent that they cannot be resolved without resorting to violence.

Annenkov's desire to maintain continuity is very obvious in his literary criticisms of Nikolai G. Pomyalovsky and Aleksey F. Pisemsky, which were published in a journal in 1863. In Annenkov's review of Pomyalovsky's novellas *Мещанское счастье* (*Bourgeois Happiness*) and *Молотов* (*Molotov*), the family drama of Nadia Dorogova and her fight with her father and his patriarchal and despotic rule over the fate of the other family members – representing the fight of her own generation – takes central stage in this duology, with the two generations representing the old and the new principles. At the same time, however, Annenkov complained that the novella attracted public attention for other reasons – due to the figures of Cherevanin and Molotov. The portrayal of these two characters was not accepted by Annenkov, who saw them as false and shallow and compared them to Oblomov and Bazarov. At the same time, Annenkov's text was a reaction to the reviews by Nikolay A. Dobrolyubov and Dmitry I. Pisarev, again rejecting the way the “weak man” was seen by Russian radicals. In his view, both Oblomov and Bazarov were the same literary type, only portrayed in different stages of development and from different points of view. He emphasised that neither Oblomov nor Bazarov denounced their origins and were not ashamed of where they came from (Анненков 1879: 246-247). According to Annenkov, refusing the old and establishing the new, which is seemingly free and detached from the old way of life, was a false understanding of what Russian society needed.

An even stronger defence of continuity can be found in the second part of Annenkov's sketch on Pomyalovsky focused on the first parts of *Очерки бурсы* (*Seminary Sketches*). Annenkov did not reproach Pomyalovsky for his choice of topic or his portrayal of the negative features of the Russian education system, depicted in a way that could be understood as an indirect criticism of the overall situation in autocratic Russia. He did reproach him, however, for the one-sidedness and polarisation of the portrait. In Annenkov's opinion, the author did not scratch beneath the surface. The society that he painted was so affected by various pathologies that there was no space for change and renewal. According to Annenkov, reforms always followed on from the previous state of things without denying it. Annenkov insisted that reform must be the result of a renewal of healthy principles that society was able to maintain. At the same time, he rejected the nihilistic view of progress, which was based on rejecting and denying everything that came before (Анненков 1879: 254-255).

The idea of continuity is used in a similar way in Annenkov's critique of Pisemsky's novel *Взбаламученное море* (*Troubled Seas*). In Annenkov's view, Pisemsky focused on capturing the changes in Russian society. However,

instead of describing the process and the logical ways in which these changes happened, he only showed the polarities and the contrast of two different worlds. Annenkov was convinced that the main ideological source for change in society was not a sudden replacement of one ideal by its opposite, but historical experience. In other words, change did not arise due to an external impulse but rather due to internal motivation (АННЕНКОВ 1879: 317-318).

Continuity was not the only sign of the change in Annenkov's view of literature. Starting in the late 1850s, his literary criticisms began to focus on ethics. However, it is continuity that has to be seen as an attendant symptom of the overall reaction of early Russian liberals to the social developments in Russia during the early years of the reign of Alexander II. Towards the end of the reign of his predecessor Nicholas I, early Russian liberals generally opposed the traditional and conservative schools of thought in Russia. However, several years later, they found themselves in opposition to the revolutionary democrats over issues such as upholding civil liberties and pushing reforms while their defence of a more conservative approach against the radicals pushed early Russian liberals closer to conservative circles. In the case of Annenkov, the development of his opinions described above shows that his approach to literary criticism cannot be summed up as mere aestheticism and that he actually viewed literature from a much wider social context.

The text is an output of the grant project GA MU „Russia in the categories friend – enemy. Czech reflection“ (code MUNI/M/0921/2015).

Bibliography

- АННЕНКОВ 1877 = АННЕНКОВ П.В. Воспоминания и критические очерки I. Sankt-Peterburg, 1877.
- АННЕНКОВ 1879 = АННЕНКОВ П.В. Воспоминания и критические очерки II. Sankt-Peterburg, 1879.
- АННЕНКОВ 1881 = АННЕНКОВ П.В. Воспоминания и критические очерки III. Sankt-Peterburg, 1881.
- БОКОВА 2010 = БОКОВА В.М. Анненков Павел Васильевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века : энциклопедия. Москва, 2010. 22-25.
- ГРОМОВА 2005 = ГРОМОВА Л.П. (ред.) История русской журналистики XVII–XIX веков. Санкт-Петербург, 2005.
- ЕГОРОВ 1965 = ЕГОРОВ Б.Ф. «Эстетическая критика» без лака и дегтя (В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин) // Вопросы литературы, 1965. №5. 142-160.
- ЕГОРОВ 1968 = ЕГОРОВ Б.Ф. П. В. Анненков – литератор и критик 1840-х – 1850-х гг. // Ученые записки Тартуского университета. Выпуск 209, 1968. 51-108.
- ЕГОРОВ 2009 = ЕГОРОВ Б.Ф. Избранное. Эстетические идеи в России XIX века. Москва, 2009.

- ЖЕКУЛИН 2005 = ЖЕКУЛИН Н.Г. Добросовестный очевидец. Материялы для биографии П. В. Анненкова // Анненков П.В. Письма к И. С. Тургеневу. Книга 1. Мостовская Н.Г. – Жекулин Н.Г. [ред.]. Санкт-Петербург, 2005. 260-283.
- КОШМАН 2003 = КОШМАН Л. В. (ред.) Очерки русской культуры XIX века. Т. 4. Общественная мысль. Москва, 2003.
- МОСТОВСКАЯ 2005 = МОСТОВСКАЯ Н.Н. История одной дружбы. Переписка П. В. Анненкова с И. С. Тургеневым // Анненков П.В. Письма к И. С. Тургеневу. Книга 1. Мостовская Н.Г. – Жекулин Н.Г. [ред.]. Санкт-Петербург, 2005. 284-298.
- СУХИХ 2000 = СУХИХ И.Н. Жизнь и критика П. В. Анненкова // Анненков П.В. Критические очерки. Сухих И.Н. (ред.). Санкт-Петербург, 2000. 3-30.
- ШНЕЙДЕР 2014 = ШНЕЙДЕР К.И. «Лишний человек» П.В. Анненков // Вестник Пермского университета, 2014. №1. 118-123.
- ШНЕЙДЕР 2015 = ШНЕЙДЕР К.И. Ранний русский либерализм в эстетическом измерении // Вопросы философии, 2015. №7. 41-48.
- MORSON 2010 = MORSON G.S. Tradition and Counter-tradition: Radical Intelligentsia and Classical Russian Literature // A History of Russian Thought. Cambridge, 2010. 141-168.
- OFFORD 1985 = OFFORD D. Portraits of early Russian liberals: a study of the thought of T. N. Granovsky, V. P. Botkin, P. V. Annenkov, A. V. Druzhinin, and K. D. Kavelin. Cambridge, 1985.
- OFFORD 1999 = OFFORD D. Nineteenth-Century Russia : Opposition to Autocracy. London, 1999.
- PIPES 2004 = PIPES R. Rusko za starého režimu. Praha, 2004.
- ŠAUR 2015 = ŠAUR J. Boris N. Čičerin o ruských dějinách: (státní škola jako historiografický a společenský fenomén). Brno, 2015.
- ŠAUR 2017 = ŠAUR J. K charakteristickým rysům literárněkritických prací P. V. Anněnkova // Slavica litteraria 2017. Issue 1. 75-84.
- WALICKI 2005 = WALICKI A. Zarys myśli rosyskiej od oświecenia do renesansu religijno-filosoficznego. Kraków, 2005.

Татьяна В. Воронченко¹ – Екатерина В. Фёдорова²
(Чита, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА СТАРОСТИ
В ПРОЗЕ ТАТЬЯНЫ ТОЛСТОЙ И ПЕТЕРА ФАРКАША

Abstract: the article deals with the ageing phenomenon represented in the prose of Russian writer Tatiana Tolstaya and Hungarian author Peter Farkas. The paper examines a variety of artistic devices the writers use to create the compound philosophical image of ageing.

Keywords: ageing phenomenon, Tolstaya, Farkas, artistic devices, philosophical image

Духовно-эстетический образ старости появляется в ряде произведений современных писателей, которые обращаются к осмыслению сущности бытия, постижению универсальных вопросов жизни, смерти и бессмертия. Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей художественного воплощения феномена старости в прозаических текстах двух значительных авторов рубежа XX-XXI веков – рассказе известной русской писательницы Татьяны Толстой «Милая Шура» (1985) и повести молодого венгерского автора Петера Фаркаша «Восемь минут» (*Peter Farkas, Nyolc perc, 2007*; в переводе на русский язык Ю. Гусева, журнал «Иностранная литература», 2011, № 5). Эти произведения объединены темой человеческой жизни в потоке невосвратно уходящего времени, связанной с обращением к многоликому образу старости, осмыслением границ земного существования *Homo sapiens*. Обоим авторам свойственна пронзительная точность описаний состояния человека в завершающий период жизни.

Возможности многопланового осмысления феномена старости, представленного в текстах Толстой и Фаркаша, продиктованы различными векторами понимания старости в разных культурах и особенностями этимологии слова «старость» в русском и европейских языках. В европейской культуре, согласно исследованиям А.В. Микляевой, «устойчиво закрепился оценочный континуум “молодость – старость”, причём первый полюс сопровождается позитивными коннотациями (красота, здоровье, энергичность, перспективность), а

¹ ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7913-3057>

² ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-8156-119X>

второй – негативными (болезнь, беспомощность)» (МИКЛЯЕВА 2009). Вместе с тем, та же Микляева отмечает, что происхождение слова «старость» в европейских языках «не сопряжено исключительно с негативными коннотациями» (МИКЛЯЕВА 2009). Эту точку зрения подтверждают исследования А. Шипилова: «старость автоматически ассоциируется не с дряхлостью и упадком, а с властью и превосходством» (ШИПИЛОВ 2012).

Данное заключение подтверждается исследованиями этимологического значения слов «старый», «старость» в европейских и русском языках. С латинского языка на русский слово *senectus* переводится не только как «старый, старческий, преклонный», но и как «строгость, выдержанность, зрелость» (ДВОРЕЦКИЙ 1976: 918). «В английском языке, – указывает А.В. Микляева, – словом *ageing* обозначается одновременно и “старение”, и “взросление”. Немецкое *alter* (старость) тесно связано с *Eltern* (родители)» (МИКЛЯЕВА 2009). По данным «Этимологического словаря русского языка» Г.А. Крылова, общеславянское слово индоевропейской природы «старый» восходит к древнеиндийскому *sthiras* – «крепкий» (КРЫЛОВ 2005: 375). В московском дореволюционном этимологическом словаре русского языка А. Преображенского происхождение слова «старый» связывается с греческим «твёрдый, крепкий, упорный», готским «утверждать», древневерхненемецким «подпирать», ирландским «почтенный» и другими (ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910-1914: 373).

Показателен в отношении неоднозначного понимания феномена старости текст Татьяны Толстой. Тропы, изображающие старость в рассказе «Милая Шура» обладают как негативной, так и позитивной коннотацией. Негативная коннотация связана с концентрацией внимания автора на болезни, немощности героини, её неэстетическом внешнем виде. Татьяна Толстая в присущей ей ироничной манере ёмко и самобытно применяет яркие метафоры для описания портрета восьмидесятирёхлетней москвички – милой Шуры: «*широким циркулем переставляя свои дореволюционные ноги*» (ТОЛСТАЯ 2001: 42), «*мокнущие бесцветные глаза*» (ТОЛСТАЯ 2001: 46), «*розовым воздушным шариком просвечивает голова сквозь тонкую паутину*» (ТОЛСТАЯ 2001: 46), «*мышинный хвостик*» (ТОЛСТАЯ 2001: 46), «*чулки спущены, ноги – подворотней, чёрный костюмчик засален и протёрт*» (ТОЛСТАЯ 2001: 42). Вместе с тем, Толстая дополняет образ милой Шуры кокетливой старомодной шляпой, акцентирует её добродушие и жизнерадостность. В начале рассказа Толстая так описывает знакомство рассказчицы с милой Шурой на оживлённой улице Москвы: «*Блаженно улыбаясь, с затуманенными от счастья глазами движется Александра Эрнестовна по солнечной стороне...*» (ТОЛСТАЯ 2001: 42). Писательница наделяет героиню радушием и гостеприимностью, честностью и открытым сердцем. Эти качества романтической

Александры Эрнестовны обрисованы автором в ходе развития сюжета рассказа, выстроенного на череде встреч рассказчицы с главной героиней.

В рассказе Толстой и повести Фаркаша позиции автора и героев проявляются благодаря использованию ярких средств создания первичной и вторичной художественной условности. Первый тип связан с воссозданием явлений объективной реальности в художественном тексте. Средствами первичной художественной условности авторы воспроизводят типические черты старости. При этом писатели рисуют портреты героев с помощью эпитетов, метафор и символов, не изменяющих «метафизическое представление об объектах окружающего мира» (ПЕРЕПЕЛИЦЫНА 2015). Именно так представлены изображения Александры Эрнестовны, Старика и Старухи в художественных текстах Толстой и Фаркаша. Создание вторичной художественной условности предполагает сознательное, демонстративное нарушение правдоподобия и формируется за счёт использования мифологических образов (у Фаркаша – образ сада в финале повести, отсылающий к библейскому образу райского сада: «*Лёжа вечером в постели, он проходил один и тот же путь*» (ФАРКАШ 2011: 126)), расширения границ бытового пространства (у Толстой – смешение хронологических пластов: «*Он остался там, по ту сторону лет*» (ТОЛСТАЯ 2001: 49)).

Писательница также прибегает к приёмам вторичной художественной условности при воплощении мотива утраченных дней. Воспоминания молодости героини, которыми она делится с рассказчицей, окрашены в ностальгические тона. Ярко обрисовано её отчаяние из-за невозможности вернуться в былые дни, сожаление о потерянном шансе обрести своё счастье и соединиться с возлюбленным Иваном Анатольевичем. Мотив утраченного времени характерен для русских романсов, достаточно вспомнить текст «Не говорите мне о нём» Марии Перроте: «*Былые дни уж не вернутся // Всё в прошлом, прошлое всё в нём*» (ОЧАРОВАНИЕ РУССКОГО РОМАНСА 2013: 131). Возникает ощущение, что Толстая отсылает читателя к ним, характеризуя душевную тонкость героини. Для реализации мотива утраченного времени Толстая использует фрагментарную структуру повествования, смешивая различные хронотопы. Рассказ характеризуется сменой различных временных и пространственных пластов: настоящее время, конец XX века – чаепитие в московской коммунальной квартире, прошлое – Крым, море, перрон с ожидающим приезда героини Иваном Анатольевичем. В пространство между этими хронотопами Толстая мастерски располагает «*тысячи лет, тысячи дней, тысячи прозрачных непроницаемых занавесей*» (ТОЛСТАЯ 2001: 49). Метафоры навегда ушедших дней и потерянных возможностей отражают общий минорный тон автора, передающий настроение безысходности и бессилия. Неслучайно критик Е.А. Сергеева определяет её прозу как «онтологический пессимизм» (СЕРГЕЕВА 2011).

Повесть Петера Фаркаша «Восемь минут», напротив, характеризуется чёткой линейной структурой повествования, согласно которой содержание раскрывается последовательно и связно. В центре сюжета – повседневная и однообразная жизнь Старика и Старухи, пожилых супругов, страдающих деменцией. Вместе с тем, Фаркаш чувствует, что повседневная жизнь стариков интересна и многокрасочна. Обыденные, привычные вещи превращаются писателем в художественный образ. Автор передаёт состояние Старика в точных деталях его быта. Ритм повествования внешне размеренный, но психологически предельно напряжённый. Движущей силой сюжета являются не только однообразные действия Старика – мытьё и одевание несамостоятельной Старухи, приготовление нехитрой пищи: *«обычно это происходило так...»* (ФАРКАШ 2011: 74), *«по утрам, обиходив Старуху, Старик обычно занимался бумагами»* (ФАРКАШ 2011: 84), *«утром, после сна, Старик обычно лишь чистил зубы»* (ФАРКАШ 2011: 93), но и внутренний монолог постепенно теряющего память и зрение Старика, чьё сознание всё больше теряет контакт с объективным миром: *«Старик любил дни, когда время можно было созерцать, словно смотришь в пустой сосуд, откуда мир смотрит на тебя»* (ФАРКАШ 2011: 121).

Описывая повседневную жизнь стариков, Фаркаш прибегает к развёрнутым метафорам. Проникновенно передаётся автором суть деменции, полной потери памяти Старухой. Её мозг – опустевшая реквизиторская в театре, из которой *«сразу ли, постепенно ли, исчезают костюмы, задники, бутафория, всякие сценические аксессуары»* (ФАРКАШ 2011: 72). Жизнь Старухи видится писателю неподвижной поверхностью сущего, а под ней, *«словно рельеф морского дна, вырисовываются контуры прожитой жизни»* (ФАРКАШ 2011: 72).

Наряду с натурализмом в обрисовке старости, слабости и немощности стариков, автор вводит реалистически светло и позитивно окрашенные картины жизни Старика и Старухи, связанные с особым мирозерцанием людей в этот период жизни. Описание плавного течения жизни героев, наблюдений Старика за природными явлениями (сменой дня и ночи, лучами света, переливающимися кронами деревьев) соотносится с идеями философско-литературного течения трансцендентализма: духовным самоусовершенствованием человека на основе интуитивных переживаний и нравственного очищения. Старость, по Фаркашу – время спокойного, интуитивного познания сути жизни, движения к неизбежному, но закономерному концу земного существования.

Философский образ старости становится основной точкой сближения двух волнующих текстов. Образы милой Шуры (Толстая), Старика и Старухи (Фаркаш) выписаны авторами в романтических тонах. Это становится более очевидным в авторской обрисовке противоречий между устремлениями персонажей и объективной реальностью. Так

определяется свойственный романтическому мировидению драматизм контактов героя с миром. Особенно ярко конфликт героини с реальностью показан в рассказе Толстой. В голосе автора начинает звучать горькая ирония при описании поисков рассказчицей вещей милой Шуры, безжалостно выброшенных новыми жильцами её квартиры после смерти: *«в мусорных баках кончаются спирали земного существования. А вы думали, где? За облаками, что ли?»* (ТОЛСТАЯ 2001: 53). Трагический тон повествования усиливается за счёт применения антитезы образа мечтательной и воздушной Александры Эрнестовны и образа духовно омертвелой реальности: *«овальный портрет милой Шуры – стекло разбили, глаза выколоты», «бархатный альбом, конечно, украл. Им хорошо сапоги чистить»* (ТОЛСТАЯ 2001: 53).

В повести Фаркаша «Восемь минут» конфликт героя с миром выражается в нарочито детальном описании действий и размышлений Старика и Старухи, не вписывающихся в каноны *«так называемой нормальной повседневности»* (ФАРКАШ 2011: 73): *«в конце концов, мы же с тобой в самом деле два идиота, ласково гладил он иногда Старуху по щеке»* (ФАРКАШ 2011: 73). Всё увеличивающийся разрыв страдающих деменцией героев с объективной реальностью достигает апогея к финалу повести, когда грань между явью и сном становится неразличимой. Автор вводит фантастический повествовательный элемент – описание ежедневной «прогулки» фактически обездвиженного Старика в некий знакомый ему сад у реки. Художественное пространство текста, до этого эпизода ограничивающееся квартирой Старика и Старухи, расширяется до мифологического пространства библейского образа-символа райского сада.

Мифологема сада занимает в повести особое место. В построении образа автор прибегает к средствам создания вторичной художественной реальности. Время и пространство превращаются в мифологические: *«Аллея всегда была одна и та же»* (ФАРКАШ 2011: 126), *«Ступал он по гальке легко и спокойно»* (ФАРКАШ 2011: 126), *«Дорога была той же самой, он всегда шёл одним и тем же путём, без воспоминаний и лишних мыслей»* (ФАРКАШ 2011: 126). Фаркаш рисует идиллическую картину знакомого Старика, в прошлом профессору ботаники, места с натуралистическим изображением цветов и других насаждений. Райский сад определяется С.С. Аверинцевым как одна из линий христианской литературной традиции, олицетворяющая «невинное начало пути человечества» и пространство «умиротворённое, укрытое, упорядоченное и украшенное, обжитое и дружественное человеку» (ТОКАРЕВ 2008: 852). Очевидна мотивировка автора расположить своих героев в конце повествования в таком саду – месте вечного начала человеческого пути. Введением мифологема райского сада Фаркаш переносит уровень

повествования на универсальный, намекает на возможность вечного течения человеческой жизни.

В рассказе Т. Толстой умиротворённое пространство ассоциируется с югом, морем – местом, где героиня встретила свою любовь: *«И Александра Эрнестовна, милая Шура, реальная, как мираж, увенчанная деревянными фруктами и картонными цветами, плывет, улыбаясь, по дрожащему переулку за угол, на юг, на немыслимо далекий сияющий юг, на затерянный перрон, плывет, тает и растворяется в горячем полдне»* (ТОЛСТАЯ 2001: 54). Море – широко распространённый мифологический образ. Согласно многим мифологическим концепциям, земля первоначально была покрыта морем (ТОКАРЕВ 2008: 24). По В.Н. Топорову, «море связано с архетипом воды и символизирует царство смерти и царство сновидений» (ТОКАРЕВ 2008: 581), или переход в иную реальность. Введением этого символа Толстая, несколько минорными красками, обеспечивает достижение милой Шурой несбывшейся во время земной жизни мечты.

Образы сада и моря, организующие финальные эпизоды произведений, играют важную роль в развитии художественной идеи текстов. Толстая и Фаркаш с присущей им проникновенностью подводят героев, с одной стороны, к концу земного существования, с другой – к переходу в вечность.

Именно в финале произведения мотивируется заглавие повести Фаркаша, обращающее на себя внимание – «Восемь минут». Оно концептуально. Смысл его автор закладывает в заключительные строки повести, выделенные в тексте полужирным начертанием, как бы обособленные: *«Если вдруг – в одно неуловимое мгновение – наше Солнце погаснет, мы ещё целых восемь минут не узнаем об этом. Потому что лучам Солнца нужно восемь минут, чтобы достичь Земли»* (ФАРКАШ 2011: 127). Эти строки придают повествованию дополнительные смыслы, как бы приподнимая историю последних дней супружеской пары до универсального, вселенского масштаба.

Божественное начало, освещающее однообразные дни Старика и Старухи Петера Фаркаша и окрашивающее воспоминания милой Шуры Татьяны Толстой о единственном настоящем чувстве в её жизни, – любовь. Проникновенно обрисовывает Фаркаш нежные отношения между супругами Стариком и Старухой. Неслучайно в предисловии к русскоязычному изданию повести переводчик сопоставляет Старика и Старуху с постаревшими Ромео и Джульеттой (ГУСЕВ 2011: 70).

Рассказ Татьяны Толстой и повесть Петера Фаркаша, центральными образами в которых становятся образы пожилых людей, схожи глубиной постижения характеров стариков и поднимаемыми нравственными и философскими проблемами. Способы реализации стержневой темы повествования обоих текстов – осмысление феномена старости –

позволяют судить о сходствах авторского мировоззрения и мироощущения. Средствами создания художественной условности авторы подчёркивают неизбежность драмы окончания земной жизни. Произведения Толстой и Фаркаша объединяет идея всепроникающей христианской любви, способной стать выше неумолимо уходящего времени. В этом состоит главное, пронзительное послание читателям двух замечательных писателей современной России и Венгрии.

Литература

- ГУСЕВ 2011 = ГУСЕВ Ю. Вступление к повести «Восемь минут» // Иностранная литература, 2011. № 5. 70.
- ДВОРЕЦКИЙ 1976 = ДВОРЕЦКИЙ И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976.
- КРЫЛОВ 2005 = КРЫЛОВ Г.А. (сост.) Этимологический словарь русского языка. СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005.
- МИКЛЯЕВА 2009 = МИКЛЯЕВА А.В. Возрастная дискриминация как социально-психологический феномен. СПб.: Речь, 2009. URL: <http://humanpsy.ru/miklyaeva/age>.
- ОЧАРОВАНИЕ РУССКОГО РОМАНСА 2013 = Очарование русского романа. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп», 2013.
- ПЕРЕПЕЛИЦЫНА 2015 = ПЕРЕПЕЛИЦЫНА Н.В. Потенциал художественной условности в репрезентации эстетической реальности произведения (на примере рассказа А. Синявского «Суд идет») // Вестник БГУ. Язык, литература, культура. 2015. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-hudozhestvennoy-uslovnosti-v-reprezentatsii-esteticheskoy-realnosti-proizvedeniya-na-primere-rasskaza-a-sinyavskogo-sud>.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ 1910-1914 = ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. (сост.) Этимологический словарь русского языка. Том второй П-С. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1910-1914.
- СЕРГЕЕВА 2011 = СЕРГЕЕВА Е.А. Онтологический пессимизм как форма застоя в сборнике рассказов «Река Оккервиль» Татьяны Толстой // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. №. 2-1. 197-199.
- ТОЛСТАЯ 2001 = ТОЛСТАЯ Т. Ночь: сборник рассказов. М.: Подкова, 2001.
- ТОКАРЕВ 2008 = ТОКАРЕВ С.А. Мифы народов мира. Энциклопедия: электронное издание. Москва, 2008. URL: https://www.indostan.ru/biblioteka/knigi/2730/3412_1_o.pdf.
- ФАРКАШ 2011 = ФАРКАШ П. Восемь минут: пер. с венг. Ю. Гусева // Иностранная литература, 2011. № 5. 70-127.
- ШИПИЛОВ 2012 = ШИПИЛОВ А. «Старость» в прошлом и настоящем. Аналитика культурологии, 2012. № 3 (24). URL: <http://analculturolog.ru/journal/archive/item/884-17-2.html>.

TARTALOMJEGYZÉK

Банасяк Даниэль: Образ природы в стихотворениях Даниила Андреева	3
Бердагулова Сагинтай: У иртышских истоков	10
Безруков Андрей Н.: О релевантном характере поэмы Ерофеева «Москва – Петушки»	24
Bockovac Timea: O ugroženosti jezika Hrvata u Mađarskoj.....	32
Božić Bogović Dubravka – Čurić Mihaela: Osobna imena u matičnim knjigama krštenih katoličke župe Miholjac u 18. stoljeću	39
Ч. Йонаш Эржебет: Жужа Раб – 'венгерский голос' Сергея Есенина (20 лет тому назад, в 1998 умерла поэтесса и переводчик)	47
Dolić Belkisa – Blažeka Đuro: Diskursne i pragmatičke oznake u mjesnome govoru Skokova	56
Dudás Mária: Az őröm kifejezése a magyar és bolgár frazeológiában	72
Emberšič Škaper Elizabeta – Dončec Merkli Ibolya: Primerjalni glagolski frazemi v porabskem govoru	79
Kalafatics Zsuzsanna: Роль символистской традиции в создании дихотомического мира романа <i>В круге первом</i> А. Солженицына	92
Khalykov Kabyl: Ethno-cultural codes of Kazakh theatre-stage design in the context of spiritual modernization.....	100
Koletnik Mihaela: Frazemi s setavinama <i>pes in maček</i> v prekmurskem goričkem podnarečju	108
Колева-Златева Живка: О происхождении некоторых славянских названий кукурузы	120
Kozar Marija – Mukič Dušan: Tretja pravljica Pavlove matere	129
Lehocki-Samardžić Ana – Mlikota Jadranka – Zorić Matija: Illyricae linguae praeccepta, Coloczae, 1807.....	142
Meršič Žuža – Njari Denis: Ojkonimi na području Korodanskoga vlastelinstva u srednjem vijeku	151
Molnár Angelika: Аллегоризация у Тургенева и Вен. Ерофеева	162
Pátrovics Péter: Несколько слов о глагольном виде в польском языке. Вопрос двувидовости и итеративности.....	170
Пчелкина Татьяна Р.: Знаки авторства как способ выражения авторской позиции в литературном произведении	179
Пожгаи Иштван: Отклонения от норм в употреблении количественных числительных в сочетании с относящимися к ним словами в старославянских и древнерусских кодексах	184
Ратайчик Кристина: Семантический феномен контаминации (на примере пресовых заголовков, посвященных общественно-бытовым событиям в России).....	196
Савельева Елена: Фразеологизмы со значением передвижения в венгерском языке.....	204
Šaur Josef: Continuity as a value in the works of Pavel V. Annenkov in the late 1850s and 1860s.....	214
Воронченко Татьяна В. – Фёдорова Екатерина В.: Художественное осмысление феномена старости в прозе Татьяны Толстой и Петера Фаркаша	221

Kiadja az ELTE BDPK Szlavisztika Tanszéke